

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Том 16, № 6, 2023

Журнал издается
с 2008 года

Периодичность выхода
журнала – 6 раз в год

Издание посвящается
300-летию РАН

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория
- 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
- 5.2.4. Финансы
- 5.2.5. Мировая экономика
- 5.4.1. Теория, методология и история социологии
- 5.4.2. Экономическая социология
- 5.4.3. Демография
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.5. Политическая социология
- 5.4.6. Социология культуры
- 5.4.7. Социология управления

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (EHESS), Центр исследований индустриализации (SEMI), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Штопка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Конек, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Багирова А.П., д. э. н., проф. (Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лаженицев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунцова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Балацкий Е.В., д. э. н., проф. (Центр макроэкономических исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чурреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социальноэкономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.volinc.ru>

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2023

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 16, no. 6, 2023

The journal
was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

The publication is
dedicated to the 300th
anniversary of RAS

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties:

- 5.2.1. Economic theory
- 5.2.2. Mathematical, statistical and instrumental methods in economics
- 5.2.3. Regional and sectoral economy
- 5.2.4. Finance
- 5.2.5. World economy
- 5.4.1. Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.2. Economic sociology
- 5.4.3. Demography
- 5.4.4. Social structure, social institutions and processes
- 5.4.5. Political sociology
- 5.4.6. Sociology of culture
- 5.4.7. Sociology of management

The journal is included in the following abstract and full text databases:

Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Iylin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

- Tüzün Baycan*, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)
Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)
Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)
Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)
P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)
Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)
Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)
Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)
Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)
A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.P. Bagirova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)
K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)
O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)
M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
O.V. Tretyakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

- Julien Vercueil*, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)
P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)
I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)
D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia)
E.V. Balatsky, Doc. Sci. (Econ.), professor (Center for Macroeconomic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia)
S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)
D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)
M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)
E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)
G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
Yu. Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volnc.ru>

© VoIRC RAS, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильин В.А., Морев М.В. На промежуточном этапе к культурному суверенитету 9

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Изотов Д.А. Влияние географических факторов на расширение торговых взаимодействий между странами (на примере АТР) 38

Гусев А.Б., Юревич М.А. Результативность российской фармацевтической промышленности в догоняющем и опережающем развитии 55

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Румянцев Н.М. Перспективные экономические специализации внутри макрорегиона (на материалах Северо-Западного федерального округа) 74

Афанасьев М.Ю., Гусев А.А., Нанавян А.М. Оценка профессиональной структуры занятого населения в российских регионах на основе концепции экономической сложности 91

Базуева Е.В., Артамонова А.С., Малкова Е.В. Идентификация барьеров функционирования социально ориентированных некоммерческих организаций как активного субъекта региональной экономики (на примере Пермского края) 108

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Веретенникова А.Ю. Сценарии развития шеринг-экономики: цифровые технологии и ценностные ориентиры 122

Каргаполова Е.В., Лашук И.В., Кошкин А.П. Предприниматель в условиях новых вызовов (на примере регионов Республики Беларусь) 138

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Васильева И.Н., Розова О.И., Корнеева Н.Д., Богатова Р.С. Эффективность государственной научно-технической политики в Российской Федерации: методика оценки и результаты ее апробации	155
Рубинштейн А.Я., Бураков Н.А. Журнальный табель о рангах: теория, методология, библиометрия.....	174

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Мишеничев К.С., Бородкина О.И. Проблемы социальной интеграции молодых временных мигрантов из России в Республике Казахстан в условиях геополитической нестабильности.....	191
Осадчая Г.И., Вартанова М.Л. Оценка потенциала диаспоры в формировании социально-экономического благополучия мигрантов из Армении в России	208
Баймурзина Г.Р., Ягафарова Д.Г., Кабашова Е.В. Взаимосвязь неформальной занятости и социально-экономического развития регионов России.....	223
Попов А.В. Влияние прекаризации на уровень жизни и положение российской молодежи в сфере занятости.....	236
Камарова Т.А., Маркова Т.Л., Тонких Н.В. Влияние цифровизации занятости на совмещение профессиональных и семейных обязанностей: субъективные оценки россиян	252
Крейденко Т.Ф., Мизинцева М.Ф., Холина В.Н. Подходы к оценке эффективности реализации экспорта образования вузами городов – университетских центров России	270

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	289
Список статей, опубликованных в 2023 году.....	301
Правила приёма статей	305
Информация о подписке	306

CONTENT

EDITORIAL

Ilyin V.A., Morev M.V. At an Intermediate Stage on the Way toward Cultural Sovereignty..... 9

BRANCH-WISE ECONOMICS

Izotov D.A. The Impact of Geographical Factors on Expanding Trade Interactions between Countries (on the Example of the Asia-Pacific Region) 38

Gusev A.B., Yurevich M.A. Catching-Up and Outstripping Development of the Russian Pharmaceutical Industry 55

REGIONAL ECONOMICS

Rumyantsev N.M. Promising Economic Specializations within a Macroregion (the Case of the Northwestern Federal District) 74

Afanasiev M.Yu., Gusev A.A., Nanavyan A.M. Assessing the Professional Structure of the Employed Population in Russian Regions on the Basis of Economic Complexity Concept..... 91

Bazueva E.V., Artamonova A.S., Malkova E.V. Identifying Barriers to the Functioning of Socially Oriented Nonprofit Organizations as an Active Subject of the Regional Economy (on the Example of Perm Territory)..... 108

SCIENCE, TECHNOLOGY AND INNOVATION DEVELOPMENT

Veretennikova A.Yu. Scenarios for the development of the Sharing Economy: Digital Technologies and Value Orientations 122

Kargapolova E.V., Lashuk I.V., Koshkin A.P. An Entrepreneur in the Context of New Challenges (Using the Example of the Territories of the Republic of Belarus)..... 138

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES

Vasilyeva I.N., Rozova O.I., Korneeva N.D., Bogatova R.S. Efficiency of State Policy in the Field of Science and Technology in the Russian Federation: Assessment Methodology and Approbation Results	155
Rubinstein A.Y., Burakov N.A. Journal Rankings: Theory, Methodology, Bibliometry	174

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Mishenichev K.S., Borodkina O.I. Challenges of Social Integration of Young Temporary Migrants from Russia in the Republic of Kazakhstan in the Context of Geopolitical Instability	191
Osadchaya G.I., Vartanova M.L. Assessing the Potential of the Diaspora in the Formation of Socio-Economic Well-Being of Migrants from Armenia in Russia	208
Baimurzina G.R., Yagafarova D.G., Kabashova E.V. Informal Employment in Russian Regions: Opportunities and Social Risks	223
Popov A.V. The Impact of Precarization on the Standard of Living and Employment Situation of Russian Youth	236
Kamarova T.A., Markova T.L., Tonkikh N.V. Impact of the Digitalization of Employment on the Work–Family Balance: Russians’ Subjective Assessments	252
Kreydenko T.F., Mizintseva M.F., Kholina V.N. Approaches to Assessing the Effectiveness of the Export of Educational Services by Universities in the Cities – University Centers of Russia	270

MONITORING OF PUBLIC OPINION

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society	289
Index of Articles Published in 2023	301
Manuscript Submission Guidelines	305
Subscription Information	306

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.1

УДК 354, ББК 66.03

© Ильин В.А., Морев М.В.

На промежуточном этапе к культурному суверенитету

Владимир Александрович

ИЛЬИН

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

E-mail: ilin@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

Михаил Владимирович

МОРЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

E-mail: 379post@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. Последние два месяца общественно-политической жизни в России были насыщены важными событиями: Всемирный русский народный собор (27–28 ноября), официальное утверждение 7 декабря Советом Федерации даты президентских выборов (17 марта 2024 г.) и объявление В.В. Путиным о своем решении баллотироваться на пост главы государства (8 декабря), общение Президента с гражданами России в формате «прямой линии», совмещенной с пресс-конференцией с журналистами (14 декабря). Все эти события на финишной прямой IV президентского срока В.В. Путина подводят итоги последних 6 лет и одновременно акцентируют внимание на задачах, решения которых общество ждет от главы государства уже в ходе его нового президентского срока. Актуализируется важность вопросов, связанных с достижением целей специальной военной операции, с формулировкой национальной идеи и идеологии, с проблемами национализации элит, повышения эффективности динамичного роста уровня и качества жизни широких слоев населения. В статье проводится анализ указанных событий. Более подробно рассматривается деятельность В.В. Путина по решению задачи национализа-

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. (2023). На промежуточном этапе к культурному суверенитету // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 6. С. 9–37. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. (2023). At an intermediate stage on the way toward cultural sovereignty. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(6), 9–37. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.1

ции элит на протяжении всех его президентских сроков. Опираясь на экспертные оценки, авторы анализируют факторы, которые сдерживают динамичное решение данной проблемы, что, скорее всего, откладывает решение задачи национализации элит на период 2030–2036 гг., то есть на потенциальный (согласно действующей Конституции РФ) VI президентский срок В.В. Путина. Тем не менее, как убеждены многие эксперты, без качественных идеологических изменений внутри элит (прежде всего в системе государственного управления, культуре, образовании), как и без достижения целей специальной военной операции, невозможно существенно продвинуться в формировании образа будущего страны, в достижении согласия большинства населения по облику нового Общественного договора, в основе которого, по мнению большинства населения, должен лежать образ справедливого социального государства с равными возможностями для основных слоёв населения на территории России. В статье проведен сравнительный анализ наиболее значимых публичных заявлений В.В. Путина на протяжении всех его президентских сроков: его первой программной статьи «Россия на рубеже тысячелетий» (1999 г.), выступления Президента РФ на международной конференции по вопросам политики безопасности («мюнхенская речь» 10 февраля 2007 г.), всех выступлений главы государства на Всемирном русском народном соборе (13 декабря 2001 г., 1 ноября 2018 г. и 28 ноября 2023 г.). Сделан вывод о ключевых личностных качествах В.В. Путина (целеустремленность, стратегическая дальновидность, смелость в постановке амбициозных целей, системный подход к их реализации), необходимых национальному лидеру для продолжения развития России по пути укрепления культурного и, в целом, национального суверенитета.

Ключевые слова: Всемирный русский народный собор, президентские выборы 2024 г., национализация элит, «прямая линия», идеология.

Специальная военная операция (СВО) идет уже почти два года (22 месяца), и за этот период (как мы неоднократно отмечали в предыдущих статьях¹) происходит комплексная трансформация страны: экономического вектора, потенциала обороноспособности, системы образования... Но главное, по нашему мнению, — вектора культурного и идеологического.

Во-первых, потому что культурный суверенитет — это ключевая составляющая полного национального суверенитета, борьба за который и есть, по сути, основная цель СВО (по крайней мере тех более масштабных геополитических процессов, для которых она стала «триггером»).

Не случайно 25 января 2023 г. Президент РФ подписал указ, в котором даётся **однознач-**

ное определение «культурного суверенитета» как «совокупности социально-культурных факторов, позволяющих народу и государству формировать свою идентичность, избежать социально-психологической и культурной зависимости от внешнего влияния, быть защищенными от деструктивного идеологического информационного воздействия, сохранять историческую память, придерживаться традиционных российских духовно-нравственных ценностей», а также «утверждается приоритет культуры, призванный обеспечить дальнейшее развитие потенциала общества и личности, сохранение гражданского единства, защиту национальных интересов, достижение национальных целей развития Российской Федерации»².

¹ См., например: Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Специальная военная операция выявляет новые черты гражданского общества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 9–32;

Ильин В.А., Морев М.В. (2022). В стране формируются контуры нового Общественного договора // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 6. С. 9–34;

Ильин В.А., Морев М.В. (2023). Непривычная яность. Россия больше не Запад // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 2. С. 9–34.

² О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808: Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 № 35 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48855>

Как отмечают эксперты, культурный суверенитет – краеугольный камень государственности. *«Страна, забывшая своё прошлое и отказавшаяся от традиций, рано или поздно сгинет, исчезнет, пропадёт»*³. **Именно этим объясняется тот факт, что 25 января 2023 г. Президент включил защиту культурного суверенитета РФ в число целей государственной политики**⁴.

«Культурный суверенитет – основа формирования культурной идентичности и **обеспечения национальной безопасности** страны, **краеугольный камень любой государственности**. Актуальность возрастания внимания к сфере культурного суверенитета сегодня связана с его нахождением на переднем крае идеологического и информационно-психологического противоборства, глобальной конкурентной борьбы... Культурный суверенитет – это не только составная часть, но и **необходимое условие обеспечения государственного суверенитета**... Именно культуре принадлежит роль хранилища цивилизационного кода нации, ее ценностного базиса»⁵.

Во-вторых, необходимо отметить, что именно с формулировки идеи образа будущего общества и государства начинается процесс фор-

«Не может быть общество без идеологии, это элементарные понятия государства и права... я предлагаю серьезно подумать над этим. С учетом нашего исторического общества, с учетом современных реалий, в которых мы живем, думая о перспективах развития нашего общества, необходимо все-таки сформулировать идеологию нашего общества, наших целей и закрепить ее в Конституции РФ»⁶.

мирования нового Общественного договора, который в стране продолжает постепенно идти и будет, видимо, идти значительно более активно уже после окончательного достижения всех целей СВО.

«Люди делают реальность такой», как её описывает человек, высказывающий Идею (журналист, эксперт, идеологический работник и т. д.), поэтому «сначала Идея... и уже в десятую очередь... действия»⁷.

Акцентируя внимание на культурном суверенитете и идеологической составляющей полного национального суверенитета, следует отметить важное событие, которое состоялось в России в ноябре 2023 г., и по прогнозам некоторых экспертов может «изменить судьбы России и мира радикально»⁸.

³ Хэндус Г. Культурный суверенитет России // Русская народная линия. 02.05.2023. URL: https://ruskline.ru/analitika/2023/05/02/kulturnyi_suverenitet_rossii

⁴ О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808: Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 № 35 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48855>

⁵ Дзятковская Е.Н. (2022). Культурный суверенитет страны: роль экологической культуры // Вестник международной академии наук (русская секция). Спец. выпуск 1. С. 1–8.

⁶ Выступление Главы Следственного комитета РФ А. Бастрыкина на 17-й Международной научно-практической конференции «Державинской чтения» // Российская газета. 22.11.2023. URL: <https://rg.ru/2023/11/22/bastrykin-schitaet-cto-nado-dobavit-v-konstituciiu-polozheniia-ob-ideologii-gosudarstva.html>

⁷ Коровин В. (журналист, политический деятель, член Изборского клуба, директор Международного некоммерческого фонда «Центр геополитических экспертиз», член Евразийского комитета – заместитель руководителя Международного Евразийского движения). URL: https://vk.com/wall200837654_7679

⁸ А. Дугин: многие не понимают, но во вторник в Кремле состоится земский собор. URL: <https://katehon.com/ru/news/aleksandr-dugin-mnogie-ne-ponimayut-no-vo-vtornik-v-kremle-sostoitsya-zemskiy-sobor>

27–28 ноября в Москве прошел юбилейный XXV Всемирный русский народный собор по теме «Настоящее и будущее Русского мира»⁹.

«Всемирный Русский Народный Собор – несомненно, главная общественная организация русского народа. В этой организации воплощён важнейший принцип, без которого не существуют ни русские, ни Россия, – принцип единства Государства, Церкви и народа. Только „соборность” и может быть первоначалом для новой идеологической платформы, на которой стоит государство Российское... В конечном итоге Собор, несмотря на всё разнообразие тем, занимается одним – **выработкой решений по защите жизни самого русского народа»¹¹.**

«Собор, в котором приняло участие 6 тысяч человек, не просто подтвердил статус главной общественной организации России и всего Русского мира. **Он определил константы нашего будущего»¹².**

Всемирный русский народный собор – главная общественная организация русского народа¹⁰. О его масштабах и силах, которые были задействованы в ходе данного мероприятия в 2023 г. (государственных, политических, общественных, военных, экономических, научно-образовательных, культурных, религиозных и т. д.), лучше всего говорят уровень и разнообразие состава его участников: среди них присутствовали представители органов власти, администрации Президента РФ, главы регионов, руководители силовых ведомств, представители бизнес-сообщества и гражданских организаций, религиозных конфессий и научных учреждений и многие другие. По данным ТАСС, в работе тематических секций приняли участие около 1,5 тыс. человек, а в пленарном заседании – около 6 тыс.¹³ (*вкладка 1*).

В пленарном заседании ВРНС принял участие и Президент РФ В.В. Путин, что само по себе говорит о значимости данного мероприятия, поскольку за периоды всех своих президентских сроков глава государства далеко не всегда участвовал в нем лично.

⁹ **Краткая справка:** Всемирный русский народный собор (ВРНС) был создан в мае 1993 года. С 1 февраля 2009 года главой Собора является Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл (источник: Официальный сайт ВРНС. URL: <https://vrns.ru/>).

Всемирный русский народный собор (ВРНС; до 1995 года – Всемирный русский собор, ВРС) – международная общественная организация, образованная под эгидой Русской православной церкви для обсуждения общенациональных вопросов, а также «единения русского народа». В заседаниях ВРНС принимают участие представители власти, высшее духовенство традиционных религий России, лидеры общественных объединений, деятели науки, образования и культуры, делегаты русских общин из ближнего и дальнего зарубежья. Целями ВРНС провозглашены содействие духовному, культурному, социальному и экономическому возрождению России и русского народа, укреплению российской государственности и усилению роли православной церкви в жизни общества и др.

В 2005 году Всемирному русскому народному собору был предоставлен специальный консультативный статус при Организации Объединенных Наций (ООН), создано представительство ВРНС при ООН.

В первые десять лет заседания проходили нерегулярно: не созывались в 1994, 1996, 1998, 2000 и 2003 годах. При этом в 1995 году они прошли дважды – в феврале и декабре. С 2004 года соборные заседания ВРНС стали проводиться раз в год. Однако из-за пандемии COVID-19 в 2020 и 2021 годах было решено их не созывать (источник: <https://tass.ru/info/19390441>).

¹⁰ Малофеев К. Победоносное слово – империя. 24.11.2023. URL: https://vk.com/wall-75679763_6334419

¹¹ URL: https://tsargrad.tv/articles/russkie-uideli-obraz-budushhego-otvety-na-glavnye-voprosy-gotovy_916061

¹² Любомудров Д.В. URL: <https://proza.ru/2023/12/12/110>

¹³ URL: <https://tass.ru/info/19390441>

Вкладка 1

Некоторые участники юбилейного XXV Всемирного русского народного собора 27–28.11.2023¹⁴

Законодательная, судебная власть	Научные организации
<p>председатель Конституционного суда РФ Валерий Зорькин, заместитель председателя Совета Федерации Инна Святенко, руководители фракций политических партий в Государственной Думе ФС РФ: ЦК КПРФ Г.А. Зюганов, ЛДПР Л.Э. Слуцкий, «Единая Россия» В.А. Васильев, лидер партии «Родина» Алексей Журавлёв, председатель Комитета Госдумы РФ по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений Ольга Тимофеева, заместитель председателя Госдумы РФ Пётр Толстой (член Бюро Президиума ВРНС), заместитель председателя Комитета Госдумы РФ по экономической политике Михаил Делягин, заместитель председателя Комитета Госдумы РФ по вопросам собственности, земельным и имущественным отношениям Николай Николаев, заместитель председателя Госдумы РФ Анна Кузнецова</p>	<p>президент Российской академии образования Ольга Васильева (член Президиума ВРНС), член коллегии/министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии Сергей Глазьев (член Президиума ВРНС), директор научно-исследовательского института «Царьград» Александр Дугин (член Бюро Президиума ВРНС), ректор Санкт-Петербургского государственного университета Николай Кропачёв, член-корреспондент Академии военных наук генерал-лейтенант Владимир Шатохин (член Бюро Президиума ВРНС), директор Института международных политических и экономических стратегий Елена Панина (член Бюро Президиума ВРНС), председатель Русского экономического общества им. С.Ф. Шаронова Валентин Катасонов, и. о. директора ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ Руслан Корчагин, ректор Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского Александр Соколов (член Президиума ВРНС)</p>
Исполнительная власть	Религиозные, общественные организации и др.
<p>министр культуры РФ Ольга Любимова, заместитель министра труда и социальной защиты РФ Елена Мухтиярова, советник министра обороны РФ Андрей Ильницкий, губернаторы Севастополя, Нижегородской области, Калининградской области, Калужской области, Челябинской области, Забайкальского края, Новосибирской области, Курганской области; главы Республики Мордовия, Республики Коми, Донецкой Народной Республики, начальники Управления Администрации Президента РФ по обеспечению деятельности Государственного совета Александр Харичев, помощник Президента РФ Игорь Левитин, уполномоченный при Президенте РФ по правам ребёнка Мария Львова-Белова, полномочный представитель Президента РФ в Центральном федеральном округе Игорь Щёголев, директор Департамента информации и печати Министерства иностранных дел РФ Мария Захарова, начальник управления по взаимодействию с религиозными организациями Министерства обороны РФ генерал-лейтенант Олег Веселков, заместитель Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин</p>	<p>председатель Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека Валерий Фадеев, зам. секретаря Общественной палаты РФ Александр Галушка (член Бюро Президиума ВРНС), председатель комиссии Общественной палаты РФ по демографии, защите семьи, детей и традиционных семейных ценностей Сергей Рыбальченко, председатель Общества «Царьград» Константин Малюфеев (заместитель главы ВРНС), председатель Союза добровольцев Донбасса Александр Бородай, председатель Национального антикоррупционного комитета Кирилл Кабанов, председатель Национальной ассоциации драматургов Юрий Поляков, председатель правления Союза писателей России Николай Иванов, председатель Фонда «Защитники Отечества» Анна Цвилёва, Патриарх Московский и вся Руси Кирилл (глава ВРНС), первый зам. председателя Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ Московского Патриархата Александр Щипков (заглавы ВРНС), управляющий делами Московской Патриархии митрополит Воскресенский Григорий (зам. главы ВРНС), руководитель дирекции аналитических радиопрограмм медиахолдинга «Звезда» Анна Шафран, историк Сергей Перевезенцев (член Бюро Президиума ВРНС), военкор Геннадий Алёхин и др.</p>

¹⁴ Источники: Официальный сайт ВРНС. URL: <https://vrns.ru/news/prezident-tossii-v-v-putin-i-svyatishiy-patriarkh-kiiril-vystupil-na-plenarnom-zasedanii-xxv-vsemi/>; Иванов А. XXV Всемирный Русский Народный Собор. «Наступает время нового большого Имперского стилия». URL: https://zavtra.ru/events/hhv_vsemirnij_russkij_narodnij_sobor_nastupaet_vremya_novogo_bol_shogo_imperskogo_stilya

Всего В.В. Путин участвовал во Всемирном русском народном соборе три раза, и каждый раз его выступление отражало тот исторический период, который переживала Россия, являющаяся частью мирового сообщества.

Впервые это было **13 декабря 2001 г.** Тогда Президент РФ акцентировал внимание на опасности международного терроризма и необходимости консолидации усилий мировых держав для борьбы с ним.

«События 11 сентября не просто потрясли планету. Они не только изменили мир и напомнили всем нам о его хрупкости. Но и заставили задуматься о той колоссальной ответственности, которая лежит на всех нас. Ответственности за будущее, за создание демократической, справедливой и безопасной системы мироустройства... Убежден: чтобы создать такую систему, мало объединить усилия государств. Нам необходимо общественное единение в неприятии ксенофобии и насилия. Всего того, что питает идеологию терроризма»¹⁵.

Второй раз В.В. Путин принял участие во Всемирном русском народном соборе **1 ноября 2018 г.** В этот раз Президент говорил о разрушительных тенденциях духовно-ценностных трансформаций, происходящих в мире,

«Мы видим, какие усилия предпринимаются сегодня, чтобы „реформатировать“ мир, разрушить традиционные ценности и те культурно-исторические пространства, которые складывались веками. Цель – создать разного рода безликие „протектораты“. Ведь разобщёнными народами, лишёнными национальной памяти, низведёнными до уровня вассалов, проще и удобнее управлять, использовать как разменную монету в своих интересах...

Вопросов здесь пока, конечно, как говорится, больше, чем ответов. **В одном не сомневаюсь точно: голос России в мире будущего будет звучать достойно и уверенно. Это предопределено и нашей традицией, и нашей внутренней духовной культурой, самосознанием и, наконец, самой историей нашей страны как самобытной цивилизации, уникальной, но не претендующей самоуверенно и хамовато на свою исключительность. Потому что невозможно представить историю человечества без таких же неповторимых цивилизаций, как Индия, Китай, Западная Европа, Америка и многих других.** Это действительно многоликая сложность, каждая грань которой дополняет и обогащает друг друга»¹⁶.

и в связи с этим — о необходимости сохранения цивилизационной идентичности России и других цивилизаций.

¹⁵ Выступление В. Путина на открытии VI Всемирного русского народного собора // Официальный сайт Президента РФ. 13.12.2001. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21442>

¹⁶ Выступление В. Путина на заседании Всемирного русского народного собора // Официальный сайт Президента РФ. 01.11.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59013>

Наконец, **28 ноября 2023 г.**, принимая участие во Всемирном русском народном соборе в третий раз, В.В. Путин кратко и содержательно подвел главные итоги сегодняшнего исторического этапа: общемировой ситуации, роли России в рамках наступающего многополярного геополитического будущего, угроз национальной безопасности, нависших над страной, и потенциала, который позволит России не только успешно пройти этот исторический этап, но и обеспечить её суверенитет в будущем (вкладка 2).

«...мы отстаиваем безопасность и благополучие нашего народа, высшее, историческое право быть Россией – сильной, независимой державой, страной-цивилизацией...

Мы сражаемся сейчас за свободу не только России, но и всего мира... именно наша страна находится сейчас в авангарде формирования более справедливого мироустройства. И хочу подчеркнуть: **без суверенной, сильной России никакой прочный, стабильный миропорядок невозможен...**»¹⁷

Некоторые эксперты обратили внимание на то, что **«это была, конечно, конфронтационная речь. Речь человека, который понимает, что терять больше нечего, при том что положение на фронте становится лучше...»**¹⁸

Следует подчеркнуть, что в выступлении Президента РФ на Всемирном русском народном соборе в 2023 г. звучало многое из того, о чем он говорил еще в 1999 г. в статье «Россия на рубеже тысячелетий»¹⁹, оценивая внутреннюю ситуацию в стране, ключевые проблемы и потенциал российского общества (вкладка 3),

а также многое из того, что В.В. Путин отмечал во время своей «мюнхенской речи» 2007 г.²⁰, обращаясь, прежде всего, к международному истеблишменту, выражая свой взгляд на ситуацию в мире (вкладка 4).

Как в прошлом, так и в настоящем речь шла о суверенитете России; о важности (и даже приоритете) идейного содержания над практическими мерами в решении актуальных проблем страны; об уроках, которые Россия должна извлечь из собственного прошлого; а также о неизбежности краха однополярного мира и конкретно об угрозах, исходящих по отношению к России со стороны США.

Эта преемственность публичных заявлений Президента, растянутая на десятилетия, свидетельствует о системном, последовательном подходе, о приверженности главы государства курсу национального развития, который он реализует на протяжении уже почти 25 лет.

Таким образом, на Всемирном русском народном соборе 2023 г. Президент фактически озвучил контуры образа будущего России, разделяемые не только им лично, но и представителями высших «эшелонов» государственных, политических, общественных, религиозных кругов; то есть тех людей, которым в первую очередь предстоит реализовывать этот образ будущего на практике. Как очень метко подметил один из участников Собора депутат Государственной Думы и член Изборского клуба М.Г. Делягин, **«чтобы победить, нам необходимо показать образ будущего, которое будет привлекательным для всех. И это наша главная задача! Потому что человек всегда выбирает будущее, даже если оно размыто и непонятно. И нам нужно создать в России это „будущее“ уже сейчас, чтобы люди хотели в нем жить. И чтобы людям нравилось в нем жить»**²¹.

¹⁷ Выступление В. Путина на пленарном заседании Всемирного русского народного собора // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72863>

¹⁸ Колесников А. Новые реактивные установки // Коммерсант. 28.11.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6365612>

¹⁹ Путин В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 30.12.1999. URL: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html

²⁰ Выступление Президента РФ В. Путина на мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

²¹ Делягин М. Россия будущего должна наступить уже сегодня // Официальный сайт М. Делягина. 05.09.2022. URL: <https://delyagin.ru/articles/183-sobytiya/105921-rossija-budushhego-dolzhen-nastupit-uzhe-segodnja>

**Ключевые тезисы выступления Президента РФ В.В. Путина на пленарном заседании
Всемирного русского народного собора (28 ноября 2023 г.)²²**

1. ...наша битва за суверенитет, за справедливость носит без всякого преувеличения национально-освободительный характер, потому что мы отстаиваем безопасность и благополучие нашего народа, вышнее, высшее, историческое право быть Россией – сильной, независимой державой, страной-цивилизацией. Именно наша страна, русский мир, как не раз бывало в истории, преградили путь тем, кто претендует на мировое господство, на свою исключительность.

Мы сражаемся сейчас за свободу не только России, но и всего мира. Мы открыто говорим, что диктатура одного гегемона – мы видим это, все сейчас это видят – дряхлеет. Она пошла, что называется, вразнос и просто опасна для окружающих. Это уже понятно всему мировому большинству. Но, повторю, именно наша страна находится сейчас в авангарде формирования более справедливого мироустройства. И хочу подчеркнуть: без суверенной, сильной России никакой прочный, стабильный миропорядок невозможен...

2. Западу в принципе не нужна такая большая и многонациональная страна, как Россия. Наше многообразие и единство культур, традиций, языков, этносов просто не укладываются в логику западных расистов и колонизаторов, в их жестокую схему тотального обезличивания, разобщения, подавления и эксплуатации. Поэтому вновь запустили старую шарманку: мол, Россия – это «тюрьма народов», а сами русские – «народ рабов». Слышали это много раз на протяжении веков. Слышали также, что России, оказывается, нужно сегодня «деколонизировать». А на самом деле что им нужно? На самом деле нужно расчлениить и разграбить Россию. Не получается силой – тогда посеять смуту.

3. Хочу подчеркнуть: любое вмешательство извне, провокации с целью вызвать межрелигиозные конфликты мы рассцениваем как агрессивные действия против нашей страны, как попытку вновь бросить России терроризм и экстремизм как инструмент борьбы с нами, и мы в соответствии с этим соответствующим образом будем реагировать...

4. У нас большая, многоликая страна. И в этом многообразии культур, традиций, обычаев – наша сила, огромное конкурентное преимущество и потенциал...

5. Думаю, что мы все помним, нужно помнить уроки революции 1917 года и последовавшей затем Гражданской войны, распада СССР в 1991-м... Мы этих ошибок никогда не забудем и не должны их повторять...

²² Выступление В. Путина на пленарном заседании Всемирного русского народного собора // Официальный сайт Президента РФ. 28.11.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72863>

Окончание вкладки 2

6. **Русский мир** — это все поколения наших предков и наши потомки, которые будут жить после нас. **Русский мир** — это Древняя Русь, Московское царство, Российская империя, Советский Союз, это современная Россия, которая возвращается, укрепляет и умножает свой суверенитет как мировая держава. **Русский мир объединяет всех, кто чувствует духовную связь с нашей Родиной, кто считает себя носителем русского языка, истории, культуры независимо даже от национальной или религиозной принадлежности... Русский — это больше чем национальность.** Так всегда было, к стати говоря, в истории нашей страны. Это в том числе культурная, духовная, историческая идентичность. Быть русским — это прежде всего ответственность. Повторю, огромная ответственность за сбережение России, именно в этом — истинный патриотизм...

7. **Что означает суверенитет для нашего государства, для каждой семьи, для каждого человека? В чём его смысл, ценность, реальное наполнение? Это прежде всего свобода.** Свобода для России и для нашего народа, а значит, и для каждого из нас... Свободный народ, который понимает свою ответственность перед сегодняшним днём и будущими поколениями, — единственный источник власти...

8. Суверенное развитие страны, экономики, бизнеса, социальной сферы должно нести благополучие всем гражданам, всем российским семьям, а значит, **быть справедливым.** Речь не о примитивной уравниловке, конечно, нет. **Справедливость — это прежде всего достойные условия для жизни, современные объекты культуры, здравоохранения, спорта во всех регионах страны.** Это квалифицированная, хорошо оплачиваемая работа. Высокий общественный престиж рабочего, учителя, врача, художника, деятеля культуры, предпринимателя, каждого добросовестного специалиста, мастера. Справедливость — это и равные, широкие возможности для учёбы, для жизненного старта, для самореализации молодёжи... Убеждён, суверенитет страны, укрепление её роли в мире невозможны без расцвета самобытной культуры во всех её проявлениях.

9. **Преодолеть сложнейшие демографические вызовы, с которыми мы столкнулись, невозможно только с помощью денег, социальных выплат, пособий, льгот, отдельных программ.** Да, конечно, цифры бюджетных «демографических» расходов крайне значимы, но это далеко не всё. **Гораздо важнее жизненные ориентиры человека.** В основе семьи, в рождении ребёнка лежат любовь, доверие, прочная нравственная опора. Мы ни в коем случае и никогда не должны об этом забывать...

10. **Сбережение и приумножение народа России — наша задача на предстоящие десятилетия, и сразу скажу больше: на поколения вперёд.**

Оценка В.В. Путиным внутренней ситуации в стране

<p>Статья «Россия на рубеже тысячелетий» (1999 г.)</p> <p>Думаю, не ошибусь, если скажу, что у наших людей чувства тревоги и надежды выражены особенно сильно. Ибо в мире найдется мало государств, на долю которых в уходящем XX столетии выпало бы столько испытаний, сколько выпало на долю России... Почти три четверти уходящего столетия Россия жила под знаком реализации коммунистической доктрины. Было бы ошибкой не видеть, а тем более отрицать несомненные достижения того времени. Но было бы еще большей ошибкой не сознавать той огромной цены, которую заплатили общество, народ в ходе этого социального эксперимента... Россия исчерпала свой лимит на политические и социально-экономические потрясения, катаклизмы, радикальные преобразования. Только фанатики или глубоко равнодушные, безразличные к России, к народу политические силы в состоянии призывать к очередной революции...</p> <p>Опыт 90-х годов красноречиво свидетельствует, что действительно успешное, не сопряженное с чрезмерными издержками обновление нашей Родины не может быть достигнуто простым переносом на российскую почву абстрактных моделей и схем, почерпнутых из зарубежных учебников... Плодотворная созидательная работа, в которой так нуждается наше Отечество, невозможна в обществе, находящемся в состоянии раскола, внутренне разобщенном. В обществе, где основные социальные слои, политические силы придерживаются различных базовых ценностей и основополагающих идеологических ориентиров. На протяжении уходящего столетия Россия дважды оказывалась в таком состоянии: после Октября 1917 года и в 90-е годы.</p>	<p>Речь В.В. Путина на Всемирном русском народном собрании (2023 г.)</p> <p>Думаю, что мы все помним, нужно помнить уроки революции 1917 года и последовавшей затем Гражданской войны, распада СССР в 1991-м... Мы этих ошибок никогда не забудем и не должны их повторять...</p>
<p>Сейчас перед Россией во весь рост встал вопрос о том, что же делать дальше. Как заставить работать на полную мощность новые, рыночные механизмы? Каким образом можно преодолеть все еще дающий себя знать глубокий идейный и политический раскол в обществе? Какие стратегические цели могут консолидировать российский народ? Каким мы видим место нашего Отечества в мировом сообществе в XXI веке? На какие рубежи экономического, социального, культурного развития мы хотим выйти через 10, через 15 лет? В чем наши сильные и слабые стороны? Какими материальными и духовными ресурсами мы сегодня располагаем? Вопросы, которые ставят сама жизнь. Без ясного и понятного всему народу ответа на них мы просто не сможем двигаться вперед такими темпами и к таким рубежам, которые достойны нашей великой страны.</p>	<p>Конечно, цифры бюджетных «демографических» расходов крайне значимы, но это далеко не всё. Гораздо важнее жизненные ориентиры человека. В основе семьи, в рождении ребёнка лежат любовь, доверие, прочная нравственная опора. Мы ни в коем случае и никогда не должны об этом забывать... Русский мир объединяет всех, кто чувствует духовную связь с нашей Родиной.</p>
<p>Нельзя не видеть, что для России практически исключены любые преобразования, меры, которые сопряжены с ухудшением условий жизни людей. Здесь мы, как говорится, дошли до крайней черты. Особенно большие масштабы в стране приобрела бедность... Это самая острая социальная проблема. Правительство разрабатывает новую политику в области доходов, которая нацелена на обеспечение устойчивого роста благосостояния населения на основе увеличения реальных располагаемых доходов граждан. Несмотря на все трудности, правительство твердо намерено усиливать меры государственной поддержки науки, образования, культуры, здравоохранения. Ибо страна, где люди нездоровы физически и психически, малообразованны и невежественны, никогда не поднимется на вершины мировой цивилизации.</p>	<p>Суверенное развитие страны, экономики, бизнеса, социальной сферы должно нести благополучие всем гражданам, во всем российском семьям, а значит, быть справедливым. Речь не о примитивной уравниловке, конечно, нет. Справедливость — это прежде всего достойные условия для жизни, социальные объекты культуры, здравоохранения, спорта во всех регионах страны.</p>

Оценка В.В. Путиным международной ситуации

<p>«Мюнхенская речь» (2007 г.)</p>	<p>Речь В.В. Путина на Всемирном русском народном собрании (2023 г.)</p>
<p>Россия – страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня.</p> <p>Предлагающийся же после «холодной войны» однополярный мир тоже не состоялся... Считаю, что для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна. И не только потому, что при единоличном лидерстве в современном – именно в современном – мире не будет хватать ни военно-политических, ни экономических ресурсов. Но что еще важнее: сама модель является неработающей, так как в ее основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации...</p> <p>Сегодня много говорят о борьбе с бедностью. Что здесь происходит на самом деле? С одной стороны, на программы помощи беднейшим странам выделяются финансовые ресурсы – и подчас немаленькие финансовые ресурсы. Но по-честному, и об этом здесь многие тоже это знают, зачастую под «освоение» компаниями самих же стран-доноров... И давайте называть вещи своими именами: получается, что одной рукой раздается «благотворительная помощь», а другой – не только консервируется экономическая отсталость, а еще и собирается прибыль. Возникающее социальное напряжение в таких депрессивных регионах неизбежно выливается в рост радикализма, экстремизма, подпитывает терроризм и локальные конфликты.</p>	<p>...наша битва за суверенитет, за справедливость носит без всякого преувеличения национально-освободительный характер, потому что мы отстаиваем безопасность и благополучие нашего народа, высшее, историческое право быть Россией – сильной, независимой державой, страной-цивилизацией...</p> <p>Мы открыто говорим, что диктатура одного гегемона – мы видим это, все сейчас это видят – дряхлеет. Она пошла, что называется, вразнос и просто опасна для окружающих. Это уже понятно всему мировому большинству.</p> <p>Мы сражаемся сейчас за свободу не только России, но и всего мира... именно наша страна находится сейчас в авангарде формирования более справедливого мироустройства.</p>
<p>Мы договорились с Соединенным Штатами Америки о сокращении наших ядерных потенциалов на стратегических носителях до 1700–2200 ядерных боезарядов к 31 декабря 2012 г. Россия намерена строго выполнять взятые на себя обязательства. Надеюсь, что и наши партнеры будут действовать также транспарентно... И, если сегодня новый министр обороны Соединенных Штатов здесь нам объявит, что Соединенные Штаты не будут прятать эти лишние заряды ни на складах, ни «под подушкой», ни «под одеялом», я предлагаю всем встать и стоя это поприветствовать. Это было бы очень важным заявлением... Нас также не могут не тревожить планы по развертыванию элементов противоракетной обороны в Европе. Кому нужен очередной виток негнущейся в этом случае гонки вооружений? Глубоко сомневаюсь, что самим европейцам...</p> <p>Страны НАТО открыто заявили, что не ратифицируют Договор, включая положения о фланговых ограничениях (о размещении на флангах определенного количества вооруженных сил)... Но что же происходит в это же самое время? А в это самое время в Болгарии и Румынии появляются так называемые легкие американские передовые базы по пять тысяч штыков в каждой. Получается, что НАТО выдвигает свои передовые силы к нашим государственным границам... Думаю, очевидно: процесс наговского расширения не имеет никакого отношения к модернизации самого альянса или к обеспечению безопасности в Европе. Наоборот, это серьезно провоцирующий фактор, снижающий уровень взаимного доверия. И у нас есть справедливое право откровенно спросить: против кого это расширение?</p>	<p>Западу в принципе не нужна такая большая и многонациональная страна, как Россия... А на самом деле что им нужно? На самом деле нужно расчленив и разграбить Россию.</p>

Эксперты о решении В.В. Путина участвовать в президентских выборах 17 марта 2024 г.²³:

Б. Камкия (политолог): «Решение Владимира Путина о выдвижении на новый президентский срок **очень важно для России, а также в масштабе международных отношений...** это личность, которая накопила огромный политический капитал и огромные возможности для того, чтобы повести Россию вперед. Владимир Путин сосредоточил практический потенциал, **и он действительно вне конкуренции...** При нынешних условиях, когда над Россией зависла угроза, Путин стал тем лидером, который **своими решениями может отвечать на эти вызовы**».

П. Данилин (политолог, доцент Финансового университета при Правительстве РФ, директор Центра политического анализа): «**Путин чувствует, что на нем лежит огромное бремя ответственности за страну... И сами выборы президента фактически становятся борьбой за победу России...**»

А. Асафов (первый зампреда комиссии Общественной палаты РФ по общественной экспертизе законопроектов): «У общества разные мотивы. Прежде всего – мотивы патриотизма и доверия, потому что **в нынешней ситуации решения может принимать только Путин**».

Е. Минченко (президент коммуникационного холдинга «Минченко консалтинг»): «В условиях масштабного геополитического противостояния нет никакого резона менять опытного лидера... **Поэтому вряд ли кто-то думал, что Путин не будет выдвигать свою кандидатуру**».

Спустя десять дней после своего выступления на ВРНС 8 декабря 2023 г. **В.В. Путин объявил о том, что будет участвовать в президентских выборах, которые пройдут 17 марта 2024 г.**²⁴ «Не буду скрывать, – отметил глава государства, – в разное время у меня были разные мысли. Но сейчас, Вы правы, **сейчас такое время, когда нужно принимать решение. Я буду баллотироваться на должность Президента Российской Федерации**»²⁵.

И нужно отметить, что для большинства экспертов принятое В.В. Путиным решение не стало неожиданностью: с одной стороны, на сегодняшний день альтернативы на роль национального лидера в России просто нет; с другой стороны – в российском обществе существует высокий запрос именно на новый президентский срок В.В. Путина. Об этом свидетельствуют не только мнения экспертов, но и результаты общероссийских социологических исследований.

Как показывают результаты опроса ВЦИОМ, проведенного 7 декабря 2023 г., **78% россиян собираются принять участие в президентских выборах 2024 г., из них 61% заявили об этом с полной уверенностью** (для сравнения, 8% пока не планируют участвовать в голосовании, 14% – не определились)²⁶. Поэтому (учитывая сегодняшний высокий уровень поддержки главы государства в обществе, а также результаты последних выборов, прошедших после начала СВО²⁷), **можно с большой долей вероятности прогнозировать, что 17 марта 2024 г. президентские выборы состоятся.**

²³ Источники: Взгляд. 08.12.2023. URL: <https://vz.ru/politics/2023/12/8/1243372.html>; Sputnik-Абхазия. 11.12.2023. URL: <https://sputnik-abkhazia.ru/20231211/politolog-o-reshenii-putina-vydvigatsya-v-prezidenty-vazhno-i-dlya-abkhazii-1049411089.html>

²⁴ 7 декабря 2023 г. Совет Федерации утвердил окончательную дату президентских выборов; 8 декабря В. Путин объявил о своем участии.

²⁵ Беседа с участниками торжественного мероприятия по случаю празднования Дня героев Отечества. 08.12.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72935>

²⁶ Выборы президента РФ – 2024: перед стартом // Аналитический обзор ВЦИОМ. 07.12.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vyboru-prezidenta-rf-2024-pered-startom>

²⁷ В Единый день голосования, проходивший с 9 по 11 сентября 2022 г., на выборах руководителей субъектов РФ «во всех 14 регионах переизбрались действующие губернаторы и врио, представители «Единой России» или поддержанные ею самовыдвиженцы» (источник: Скоробогатый П. 2022. Новая консолидация: итоги Единого дня голосования // Эксперт. № 38. С. 50.).

В Единый день голосования 8–10 сентября 2023 г. «все действующие губернаторы, а также врио сохранили свои посты. Из них только двое глав регионов избирались от КПРФ, все остальные – единороссы» (источник: Памфилова назвала рекордной явку в 46%. URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/09/2023/6501c3fe9a7947ea85beaf37>).

П. Данилин: «Россияне хотели бы, чтобы Путин выдвинул свою кандидатуру. Таков запрос граждан»²⁸.
Е. Минченко: «В обществе есть высокий запрос на выдвижение Путиным своей кандидатуры».

По данным ВЦИОМ:

✓ **уровень одобрения деятельности Президента с июня 2023 г. стабильно составляет 73–75%** (по последним данным на 3 декабря 2023 г. – 75,8%; доля отрицательных характеристик – 14,9%);
✓ **уровень доверия В.В. Путину за этот же период стабильно составлял 77–79%** (по данным на 3 декабря 2023 г., 78,5% доверяют Президенту РФ, 17,3% – не доверяют)²⁹.

По данным ФОМ:

✓ **70% россиян считают, что В.В. Путину следует баллотироваться на новый срок;**
✓ **67% говорят о том, что «деятельность В.В. Путина на посту Президента РФ отвечает их интересам»³⁰.**

Что ждут от нового президентского срока В.В. Путина широкие слои российского общества?

На этот вопрос позволяют ответить результаты **«прямой линии», совмещенной с пресс-конференцией, которую В.В. Путин провел 14 декабря 2023 г.**

По продолжительности это было самое длительное мероприятие данного формата с 2018 г.³¹ На «прямую линию» поступило более 2,5 млн вопросов. Ключевые темы среди озвученных в прямом эфире касались прав и социальной поддержки участников СВО, ситуации на линии фронта и вероятности второй волны частичной мобилизации населения, здравоохранения, сферы ЖКХ, сельского хозяйства, роста цен на отдельные товары и услуги, поддержки отечественного автопрома и авиации, российского спорта, регулирования информационной среды и воспитания будущих поколений россиян, перспектив развития искусственного интеллекта и многого другого.

«Число обращений действительно колоссальное... состоялся, наверное, **самый масштабный общероссийский социологический опрос...** на все миллионы вопросов ответить просто физически невозможно, но есть, конечно, общие темы. И какие из них лидируют? **Безусловно, главная тема – специальная военная операция...** Выплаты, удостоверения, снабжение... Ну и куда без **традиционных, народных** вопросов про ЖКХ, про спорт и не только?»

Многие проблемы решались даже превентивно, **но сколько нерешённых!** А самое главное, **мы все теперь живём в совершенно другом мире, и, конечно, людей волнуют не только социальные вопросы»³².**

Глушакова Е. (РИА-новости): **«На большой повестке очень много говорится и про СВО, и про новые регионы. Сегодняшняя пресс-конференция в принципе отражает эту повестку».**

²⁸ Взгляд. 08.12.2023. URL: <https://vz.ru/politics/2023/12/8/1243372.html>;

²⁹ Рейтинги доверия политикам, оценки работы Президента и Правительства, поддержка политических партий / Аналитический обзор ВЦИОМ. 08.12.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-08122023>

³⁰ В. Путин: перспективы – 2024 / Презентация ФОМ (опрос проводился 21 октября–13 ноября 2023 года). URL: <https://fom.ru/Politika/14955>

³¹ В 2023 г. «прямая линия» с Президентом продолжалась 4 ч. 4 мин. В 2018 г. – 4 ч. 20 мин.

³² Вступление ведущих перед программой «Итоги года» с В. Путиным // Официальный сайт Президента РФ. 14.12.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72994>

Была затронута и международная повестка: настоящее и будущее отношений России с США, Китаем, странами СНГ и Западной Европы; геополитическая ситуация вокруг конфликтов на Украине и Ближнем Востоке, функционирование российской экономики в условиях санкционного давления со стороны стран коллективного Запада, председательства России в БРИКС и странах СНГ в 2024 году и т. д.

Следует отметить, что, как и в ходе общения с военкорами 13 июня 2023 г. (особенно при ответах на вопросы, касающиеся внутренних российских проблем), Президенту неоднократно приходилось употреблять такие выражения, как «проблема, конечно, есть. Согласен»; «это пробелы, которые не должны были быть допущены»; «не всегда хватает, не всё получается», «это сбой в работе Правительства» и т. д.³³

Это говорит, прежде всего, о том, что актуальность проблем, связанных с обеспечением эффективности государственного управления в «ручном режиме», по-прежнему не ослабевает.

И если с наступлением нового президентского срока В.В. Путина действительно можно ожидать достижения целей СВО и, возможно, более активного процесса нормализации геополитических отношений в мире, **то для ощутимых сдвигов в решении внутренних вопросов повышения эффективности государственного управления, как и для существенного продвижения в решении более глобальных вопросов, связанных**

с достижением общественного согласия по образу будущего и формированию нового Общественного договора, в основе которого лежит представление о справедливом социальном государстве, скорее всего (по мнению многих экспертов), потребуется уже следующий (шестой) президентский срок В.В. Путина³⁴, то есть период 2030–2036 гг.

По крайней мере, можно согласиться с тем, что «в ближайшие 4–5 лет (2022–2027 гг.) в условиях мировой катастрофы правящий слой и элита России будут вынуждены изменяться», и только к началу 2030-х гг., возможно, «будут найдены все балансы и зафиксированы консенсусы».

«В ближайшие 4–5 лет (2022–2027 гг.)... конструкции и иерархические пирамиды будут разрушаться в рамках внутриэлитной борьбы... В верхний правящий слой и элиту России будет пробиваться новая серия людей из „первых волн“, чтобы в случае успеха стать главами властных/элитных групп и кланов...

Пройдет еще лет пять (до начала 2030-х) и – границы сфер влияния будут определены, балансы найдены, консенсусы зафиксированы. И только после этого принципы и правила... вновь обретут актуальность, с поправкой на искажение базиса и идеализацию. Но это будет уже совсем другое время и другая история»³⁵.

³³ Полный список подобных выражений со стороны Президента РФ, прозвучавших при ответах на вопросы «прямой линии» (источник: «Итоги года» с Владимиром Путиным // Официальный сайт Президента РФ. 14.12.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72994>);

– «Проблема, конечно, есть. Согласен»;
 – «Конечно, Вы правы, не всегда хватает, не всё получается»;
 – «Наверное, где-то ещё сбой происходят»;
 – «Я думаю, что это пробелы, которые не должны были быть допущены Министерством обороны»;
 – «Мы обязательно этого добьёмся. Во всяком случае, обещаю, мы будем к этому стремиться»;
 – «Сожалею и приношу свои извинения на этот счёт. Это сбой в работе Правительства»;
 – «Обязательно посмотрим, проанализируем»;
 – «Честно говоря, как-то никогда не обращал на это внимания, я впервые слышу, что такая проблема существует»;
 – «Первый раз слышу, что это существует»;
 – «Немало сделано на самом деле, но судя по тому, что сейчас мы видим, явно недостаточно»;
 – «Конечно, это должно быть сделано. Обязательно будем к этому стремиться. Обязательно добьюсь того, чтобы всё это было соответствующим образом отрегулировано»;
 – «Это проблема, которую мы должны решить. Она решается, но мы её решим окончательно».

³⁴ Напомним, что после принятия поправок к Конституции в 2020 году В.В. Путин имеет возможность еще дважды баллотироваться на пост главы государства: в 2024 и 2030 гг.

³⁵ Школьников А. Ротация российской элиты в ближайшие 10 лет // Школьниковinfo. 31.01.2022. URL: <https://shkolnikov.info/articles/136-chelovek-i-obshhestvo/98670-rotatsija-rossiyskoy-jelity-v-blizhayshe-10-let>

«...кто в России способен быть заказчиком стратегии суверенитета?.. На стратегию суверенитета главный заказчик – это Путин и несколько человек в его окружении»³⁶.

«Нам нужно, чтобы все участники игры и на политической сцене страны, и в экономике были поставлены в абсолютно равные условия, чтобы никто не мог, подбравшись к власти слева или справа, получать какие-то преимущества. Это крайне важно и для внутреннего, и для потенциального внешнего инвестора. Без решения этого вопроса вообще ничего сделать невозможно. В этой связи и выстраивание правовой структуры, и борьба с коррупцией приобретают первостепенное значение. Это не просто работа в правоохранительной сфере. Это по существу создание нового облика страны... Равноудаленное положение всех субъектов рынка от власти, с одной стороны, и гарантии прав собственника, с другой стороны, – один из краеугольных камней в политической и экономической сфере»³⁷.

Сегодня, к сожалению, нельзя не признать, что Президент, по сути, пока что продолжает оставаться единственным «заказчиком на суверенитет». Хотя проблемой национализации элит В.В. Путин занимается с самого начала своих президентских сроков. Если описать эту долгосрочную, многолетнюю работу крупными штрихами, то сюда можно отнести следующее:

1. Принцип «равноудаленного положения всех субъектов рынка от власти», объявленный Президентом РФ 28 февраля 2000 г.³⁸, в результате практической реализации которого были либо арестованы, либо вынуждены покинуть страну наиболее одиозные представители так называемой «семибанкирщины»³⁹.

2. Антикоррупционная кампания, инициированная В.В. Путиным в начале III президентского срока (после президентского срока Д.А. Медведева 2008–2011 гг.), в результате которой были так или иначе ограничены возможности деятельности (возбуждены уголовные дела, покинули страну, отстранены от должности «в связи с утратой доверия главы государства» или др.) таких лиц, как министр обороны А. Сердюков, бывший министр сельского хозяйства Е. Скрынник, действующий министр эконо-

³⁶ Халдей А. Трансфер и стратегия суверенитета: заказчики и исполнители // Завтра. 29.07.2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/transfer_i_strategiya_suvereniteta_zakazchiki_i_ispolniteli

³⁷ Вступительное слово В. Путина на встрече с доверенными лицами 28.02.2000. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24146>

³⁸ Там же.

³⁹ Термин «семибанкирщина» – популярное в российских СМИ в 1996 и ряде последующих лет обозначение группы крупнейших представителей российского финансового бизнеса (олигархов), игравших значительную политическую и экономическую роль, владевших СМИ, и неформально объединившихся, несмотря на внутренние разногласия, с целью обеспечить переизбрание Б.Н. Ельцина на следующий срок на президентских выборах 1996 г.

1 ноября 1996 г. в газете «Financial Times» было опубликовано интервью с Б. Березовским, в котором он назвал имена семи человек, контролирующих более 50% российской экономики и совместно влияющих на принятие важнейших внутривластных решений в России:

1. Владимир Потанин (ОНЭКСИМ Банк),
2. Владимир Гусинский (Мост-банк),
3. Михаил Ходорковский* (МЕНАТЕП),
4. Петр Авен (Альфа-банк),
5. Михаил Фридман (Альфа-банк),
6. Александр Смоленский (Столичный банк сбережений, с 1997 года – СБС-Агро),
7. Борис Березовский (Объединенный банк).

Ряд СМИ в состав «семибанкирщины» включали также Владимира Виноградова (Инкомбанк) и Виталия Малкина (Российский кредит) (источник: <https://ria.ru/20111108/483944714.html>).

* Включен в реестр иностранных агентов.

«С возвращением Путина в президентское кресло силовые кланы вернули себе слегка утраченное за годы президентства Медведева влияние и не упустят случая использовать антикоррупционную кампанию в своих интересах... Тему борьбы с коррупцией выбрали в силу ее популярности в народе... Репрессии носят пока точечный характер».

«Во всем мире нет примера, когда борьба с коррупцией не носила бы элемент внутриэлитной борьбы за власть и влияние... Путину надо, с одной стороны, остаться на острие антикоррупционного клинка, с другой – не напугать элиты, потому что менять их не на кого, социальные лифты в стране почти не работают» (мнение директора Международного института политической экспертизы Евгения Минченко)⁴⁰.

мического развития РФ А. Улюкаев, координатор Экспертного совета при Правительстве РФ (куда его назначил бывший председатель Правительства РФ Д. Медведев⁴¹) А. Волошин (человек, которого некоторые эксперты называют «идеологом Семьи»⁴² и «мозгом либерального клана»⁴³), а также огромное число чиновников регионального уровня⁴⁴.

3. Поправки в Конституцию РФ, инициированные Президентом в начале 2020 г.⁴⁵, среди которых фигурировали такие, как приоритет Конституции РФ над нормами международного права, невозможность иметь иностранное

гражданство лицам, занимающим должности, «критически важные для обеспечения безопасности и суверенитета страны», и др. Некоторые эксперты весьма мягко подчеркнули, что это «обидело довольно большое количество довольно влиятельных персон. От Медведева до весьма и весьма статусных либералов»⁴⁶. Однако, по сути, для либеральных элит устанавливались новые «правила игры»; новая Конституция, по некоторым оценкам, «отрезала от власти либералов-рыночников», но даже если и не «отрезала» полностью, то, как минимум, создавала условия, при которых они были вынуждены меняться в сторону национально-патриотических настроений.

«... Обсуждаемый проект Конституции со всеми поправками в перспективе **отрезает от власти либералов-рыночников.**

Правящую элиту полностью устраивала нынешняя – либеральная – редакция Конституции, она интерпретировала законы как хотела. Изменения понадобились, когда на горизонте замаячил конец четвертого срока Путина. Элита, судя по всему, хотела получить мандат на такое изменение Конституции, которое позволило бы путем новой конфигурации государственных институтов сохранить действующую систему распределения власти... **Но получила она фактический запрос на новую Конституцию, причем патерналистского, советского типа...**»⁴⁷

⁴⁰ Винокурова Е. Чистка кланов: что скрывается за антикоррупционной кампанией Кремля // Газета.ру. 28.11.2012. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2012/11/28_a_4871461.shtml

⁴¹ Координатором Экспертного совета при Правительстве РФ стал Александр Волошин // Независимая газета. 12.12.2019. URL: https://www.ng.ru/economics/2019-12-12/4_7751_news1.html

⁴² «Музыка сфер»: зачем возвращается во власть Александр Волошин // Новые известия. 14.12.2019. URL: <https://newizv.ru/news/politics/14-12-2019/muzyka-sfer-zachem-vozvraschaetsya-vo-vlast-aleksandr-voloshin>

⁴³ Делягин М. Волошин вышел из тени – либеральный клан готовится к наступлению // ИА Реалист. 18.12.2019.

⁴⁴ Среди них: губернатор Сахалинской области А. Хорошавин, глава Республики Марий Эл Л. Маркелов, глава Республики Коми В. Гейзер, глава Республики Удмуртия А. Соловьев, экс-глава Тульской области В. Дудка, экс-глава Кировской обл. Н. Белых, экс-глава Республики Карелия А. Нелидов, экс-глава Республики Коми В. Торлопов, глава Брянской области Н. Денин, экс-губернатор Ивановской области, вице-губернатор Подмосковья и вице-мэр Москвы М. Мень и др.

⁴⁵ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 15 янв. 2020 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582>

⁴⁶ Хазин М. Путин сжигает мосты // Завтра. 23.01.2020. URL: http://zavtra.ru/blogs/putin_szhigaet_mosty

⁴⁷ Кому нужна новая Конституция советского типа (редакционная статья) // Независимая газета. 12.02.2020. URL: https://yandex.ru/turbo?text=http%3A%2F%2Fwww.ng.ru%2Feditorial%2F2020-02-12%2F2_7792_editorial.html

4. Собственно само начало СВО, объявленное Президентом РФ 24 февраля 2022 г.⁴⁸, после чего многие представители либеральных элит покинули страну, а многие из важных персон, которые этого не сделали, но так и не смогли отказаться от своих либеральных мировоззрений, также лишились должности. Например, советник Президента В. Юмашев – зять Б. Ельцина, член правления и попечительского совета «Ельцин-центра», по оценкам экспертов, «один из немногих оставшихся звеньев связи путинской администрации с ельцинским правлением... стратег и проводник политики остатков Семьи [фактически бенефициаров однополярного мира в России]»⁴⁹.

Однако с «равноудаления олигархов от власти» до начала СВО решение задачи национализации элит было осложнено необходимостью главы государства «ларировать» между интересами широких слоев населения и интересами властвующих элит, которые еще с 90-х гг. были связаны с интересами западных стран, лоббировали их, старались жить и реально жили в «фарватере» либерального курса.

«Во-первых, сбежали туда [за рубеж] целый бывший ПРЕМЬЕР (Касьянов*) и 8 (!) бывших вице-премьеров. При этом ещё три экс-вице-преьера и, как минимум, один действующий вице-премьер живут на две страны.

Во-вторых, если считать ещё экс-глав Администрации Президента (!) – Юмашева, Волошина и Чубайса, а также всех сбежавших министров и их заместителей (вроде Козырева, Скрынник, Вавилова, Чуяна, Реймера и т. п.), то это будет ещё человек 50. И я уже не говорю про десятки экс-губернаторов и вице-губернаторов и сотни чиновников только федерального правительства.

В-третьих, если же посчитать тех высокопоставленных чиновников РФ, кто отправил за рубеж своих чад и, следовательно, так или иначе готовится отправиться туда сам, то это ещё десятки и десятки персоналий.

В-четвёртых, несмотря на СВО, экс-вице-премьеры и экс-министры продолжают туда бежать беспрепятственно (Чубайс, Кудрин) – вместе с украденным баблом и гостайнами.

В списке бывших вице-премьеров: Илья Клебанов – в Израиле, Альфред Кох – в Германии, Аркадий Дворкович – в США, Александр Хлопонин – в Израиле, Яков Уринсон – в Израиле, Максим Акимов – в Израиле, Анатолий Чубайс – в Италии, Андрей Кудрин – в Израиле...»⁵⁰.

⁴⁸ Обращение Президента РФ к гражданам России 24 февраля 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843>

⁴⁹ Зять Ельцина («смотрящий от Семьи») уволился с поста советника Путина // Завтра. 31.05.2022.

⁵⁰ Иванов А. Израиль, Италия, Германия, Штаты и т.д. Куда свалили бывшие вице-премьеры РФ // Завтра. 15.05.2023. URL: https://zavtra.ru/events/izrail_italiya_germaniya_shtati_i_t_d_kuda_svalili_bivshie_vitse-prem_eri_rf

* Включен в реестр иностранных агентов.

После начала СВО, когда так называемые «бывшие западные партнеры» начали агрессивные действия против России (в самом широком смысле: экономические, политические, военные), необходимость во всём и всегда учитывать интересы элит, связанных с Западом, в системе государственного управления существенно снизилась, **хотя и не исчезла совсем.**

«Основная часть олигархата была этими действиями государственников [СВО] недовольна, поскольку пострадала от введённых Западом экономических санкций. Кто-то продемонстрировал своё недовольство бегством из России и выводом из неё капиталов. А кто-то стал искать возможность отстранить государственников, и прежде всего президента В. Путина, от власти. **Именно эта группировка сыграла на политических амбициях руководителя частной военной компании (ЧВК) „Вагнер“ Евгения Пригожина»⁵¹.**

«Нужно понимать, что Пригожин, **безусловно, не самостоятельная фигура...** еще со времен своей очень активной деятельности в Петербурге он, **безусловно, имел и партнеров, и компаньонов, и кураторов в самых разных органах государственной власти Российской Федерации, включая администрацию Президента.** И в дальнейшем, когда он начал очень крупный бизнес в Африке, который касался не только ЧВК (кампания, ассоциированная с Пригожиным, занималась там политикой, лоббированием интересов крупного бизнеса и т. д.; кампания, в которую было втянуто большое количество власть имущих и тех, кто принимает решения). **И, безусловно, после того как он вступил в СВО, эти связи никуда не делись... у него есть своя четкая роль; он в этом смысле завязан на многие, не на одну фигуру»⁵².**

Это наглядно показала попытка вооруженного мятежа Е. Пригожина, которая, как отметили эксперты, стала попыткой «отстранить государственников, и прежде всего президента В. Путина, от власти» со стороны определенной «группировки олигархата» и которая в итоге поставила страну на грань «аварии российской государственности»⁵³.

Тем не менее дальнейший процесс формирования новых элит в стране, способных работать более эффективно и руководствоваться исключительно национальными интересами, осложнен другими факторами: **во-первых, необходимостью воспитать новое поколение элит.** Отчасти с этой целью Президент своими решениями продолжает менять условия жизни в стране (вкладка 5) и делает много шагов, для того чтобы воспитать не просто новую, национально ориентированную элиту, а новое поколение россиян, из числа которых эта элита впоследствии будет создана;

«... **подлинная элита может воспроизводиться только в том случае, если её концентрация во власти превышает 50%...** Где президент найдёт одномоментно такое количество необходимых кадров? Даже если предположить, что весь Изборский клуб в полном составе будет призван на государственную службу, то и в этом случае **возникает вторая проблема – опыт, необходимость понимания сущности и деталей организационной работы государственной машины.** А это значит, что сразу на самый верх не получится, а не на самый верх – либо сожрут, либо они столкнутся с такой силы сопротивлением и саботажем, что президенту придётся в ручном режиме вести каждого лично по всем ступеням государственной власти до самого верха»⁵⁴.

⁵¹ Гапоненко А. Сталинская революция // Завтра. 10.08.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/voprosi_stalinizma_8

⁵² Скоробогатый П. (заместитель главного редактора, редактор отдела политики журнала «Эксперт», эксперт Центра прикладных исследований и программ). Видеоинтервью в программе «Нейтральная зона» (видеоблог израильского журналиста А. Вальдмана). 26.06.2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vt2qH1Sk4dc>

⁵³ Дугин А. После мятежа. Точка бифуркации // Официальный сайт Изборского клуба. 28.06.2023. URL: <https://izborsk-club.ru/24505>

⁵⁴ Коровин В. Где вы, комиссары Путина? // Изборский клуб. 16.03.2023. URL: <https://izborsk-club.ru/23998>

во-вторых, необходимостью «настроить» эффективную работу социальных и кадровых «лифтов», для того чтобы ими могли воспользоваться люди, например, проявившие себя при реализации задач в ходе СВО (неслучайно об этом был задан вопрос В.В. Путину в ходе его встречи с военкорами, и ответ главы государства дает понять, что эта задача еще не решена);

Отрывок из встречи с военкорами⁵⁵:

С. Пегов: «Существующая бюрократическая система, к сожалению, устроена так, что наверх сейчас пробиваются в основном те, кто хорошо служит на паркетe... сейчас много талантов, по-хорошему дерзких, но система их как бы не пускает наверх. Как можно этот вопрос решить, чтобы у нас появились новые „изумруды“ нашего военного дела, военного искусства?»

В. Путин: «Конечно, надо искать таких. Их много, Вы правы абсолютно. Надо сказать, что и Министр [обороны], и начальник Генерального штаба полностью разделяют мою позицию, я много раз об этом говорил, они говорят: конечно, надо это делать. Но и Вы правы в том, что бюрократия там такая, как в любом Министерстве, многослойная, и нужно выработать, безусловно, механизм вот этого лифта – поиска и лифта, который поднимал бы таких людей на нужный армии и стране уровень».

в-третьих, быстрая смена элит в ближайшее время невозможна в связи с продолжающимся цивилизационным противостоянием России и коллективного Запада. Именно революционный (а не консервативный, который реализует В.В. Путин) сценарий пересборки кадровой основы системы государственного управления

«Минусом этого сценария, как и любого другого революционного, является неизбежное ослабление государства и возникновение такого количества уязвимостей, которое при нынешнем цивилизационном противостоянии с Западом даст последнему массу возможностей воспользоваться ситуацией и зайти вовнутрь со всеми шансами перехватить власть, рычаги управления, контроль над ядерными объектами, часть регионов, спровоцировать гражданский конфликт, голод, дисфункцию централизованного государственного управления, сепаратизм и отторжение регионов при ослаблении центра и массу проблем поменьше, **потому что Западу вообще не нужна Россия.** А удастся ли её вновь пересобрать и какими силами – большой вопрос, который стоит над всем этим сценарием, наполненным таким количеством издержек, что подлинный государственный и патриот России решится на него лишь в самом крайнем случае»⁵⁶.

создает для неё дополнительные риски, чем внешние силы, препятствующие укреплению суверенитета России, непременно воспользуются, и в этом можно не сомневаться.

Следует также отметить, что система государственного управления, которая со временем будет наполняться новыми кадрами, должна содержать механизмы самозащиты от «нежелательных элементов». Как показал опыт распада СССР и в целом опыт распада «больших империй», «в основе краха лежит одна общая причина – **неспособность политических элит обеспечить устойчивое развитие...**», когда «**накопление богатства начинает вытеснять добродетель и служение государству в качестве основного показателя успеха**»⁵⁷.

⁵⁵ Встреча с военными корреспондентами. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/71391>

⁵⁶ Коровин В. Где вы, комиссары Путина? // Изборский клуб. 16.03.2023. URL: <https://izborsk-club.ru/23998>

⁵⁷ Арбатова Н. Двадцать веков подъема и упадка империй // Независимая газета. 13.07.2022. URL: https://www.ng.ru/ideas/2022-07-13/7_8485_empires.html

**Мониторинг нормативно-правовых актов (законов, указов), подписанных Президентом РФ
в период с 23 октября по 25 декабря 2023 г.⁵⁸**

<p align="center">МЕРЫ ПО ПОДДЕРЖКЕ УЧАСТНИКОВ СВО И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ, ПО РАЗВИТИЮ ВПК, МОБИЛИЗАЦИИ, ОРГАНИЗАЦИИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ, ПОВЫШЕНИЯ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ ОБЪЕКТОВ</p>	<p>2 ноября – Федеральный конституционный закон «О внесении изменений в статью 37 Федерального конституционного закона „О чрезвычайном положении” и статьи 7 и 22 Федерального конституционного закона „О военном положении”». Исключается положение о том, что Российская Федерация информирует Генерального секретаря Совета Европы об отступлениях от своих обязательств по международным договорам, связанных с ограничением прав и свобод граждан, в случае введения военного или чрезвычайного положения на территории Российской Федерации или в отдельных её местностях, а также об отмене этих отступлений.</p>
<p>2 ноября – Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний». Отменена статья 1, предусматривающая ратификацию Договора.</p>	<p>2 ноября – Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон „О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”». Упрощён порядок аренды жилых помещений для военнослужащих.</p>
<p>27 ноября – Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 71 и 14 Федерального закона „Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войсковой национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации». Закон, направленный на формирование единого подхода в реализации мер социальной поддержки членов семей погибших (умерших) военнослужащих</p>	<p>27 ноября – Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон „О государственном оборонном заказе”». Создаётся федеральная система каталогизации продукции для федеральных нужд, включающая в себя федеральный каталог продукции для федеральных нужд, классификаторы, справочники и иные нормативные документы, которые необходимы для проведения работ по каталогизации, а также информационные технологии, обеспечивающие формирование и ведение федерального каталога продукции для федеральных нужд.</p>
<p>1 декабря – Указ № 915 «Об установлении штатной численности Вооружённых Сил Российской Федерации». Установлена штатная численность Вооружённых Сил Российской Федерации в количестве 2 209 130 единиц, в том числе 1 320 000 военнослужащих.</p>	

⁵⁸ Данная вкладка представляет собой продолжение мониторинга наиболее важных нормативно-правовых актов, подписанных Президентом РФ, который мы ведем с июня 2022 г. Таким образом, мониторинг продолжается уже 19 месяцев, его результаты опубликованы в 10 статьях (первый выпуск мониторинга представлен в статье: Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Трудная дорога после рубикона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 9–41).

Продолжение вкладки 5

12 декабря – Ф3 «О ратификации Протокола между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о внесении изменений в Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о совместном обеспечении региональной безопасности в военной сфере от 19 декабря 1997 г.». Ратифицируется Протокол между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о внесении изменений в Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о совместном обеспечении региональной безопасности в военной сфере от 19 декабря 1997 г., подписанный в Минске 3 декабря 2022 г. Протоколом актуализируется содержание преамбулы Соглашения, уточняется терминология, в том числе вводится термин «функционалирование региональной группировки», под которым понимается повседневная и боевая деятельность штабов, войск (сил) из состава региональной группировки.

12 декабря – Федеральный закон «О ратификации Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о создании и функционировании учебно-боевых центров совместной подготовки вооруженных сил Российской Федерации и Республики Беларусь». Ратифицируется Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о создании и функционировании учебно-боевых центров совместной подготовки вооруженных сил Российской Федерации и Республики Беларусь, подписанное в Минске 28 марта 2023 года. Соглашением определяется порядок взаимодействия Сторон по вопросам создания и функционирования учебно-боевых центров на территориях сторон.

12 декабря – Федеральный закон «О внесении изменений в статью 241 Федерального закона „О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации“». Расширяется перечень социально уязвимых категорий граждан, обеспечение занятости которых позволяет субъектам малого и среднего предпринимательства приобрести статус социального предприятия. В него включаются лица, проходившие военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации и принимавшие участие в специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области и (или) выполнявшие возложенные на них задачи на указанных территориях в период проведения специальной военной операции, а также ветераны боевых действий.

12 декабря – Федеральный закон «О внесении изменений в статью 83 Федерального закона „О государственном оборонном заказе и статью 31 Федерального закона „О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации“». Предусматривается, что в рамках исполнения государственного оборонного заказа размер суммы расходов головного исполнителя (исполнителя), оплата которых может производиться путём списания денежных средств с отдельного счёта в уполномоченном банке на иные банковские счета, не должен превышать пяти миллионов рублей в месяц. Указанный размер увеличивается на очередной финансовый год исходя из величины индекса потребительских цен, определяемой Минэкономразвития России.

<p align="center">МЕРЫ ПО ЗАЩИТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, РЕГУЛИРОВАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ, ОБРАЗОВАНИЮ И ВОСПИТАНИЮ ПОДРАСТАЮЩИХ ПОКОЛЕНИЙ</p>
<p>2 ноября – Федеральный закон «О внесении изменений в статью 153 Федерального закона „Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и статью 16 Федерального закона „О свободе совести и о религиозных объединениях”». Предусматривается ограничение доступа к информации, распространяемой с нарушением закона и содержащей предложение о финансировании противника в условиях вооружённого конфликта, военных действий, контртеррористической операции или иных действий с применением вооружения и военной техники, участие в которых принимает Российская Федерация, а также к сведениям о возможных способах осуществления такого финансирования.</p>
<p>14 ноября – Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон „О выборах Президента Российской Федерации”». Положения ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» приводятся в соответствии с положениями ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». В частности, закреплено, что в случае, если на части территории РФ введено военное положение, выборы Президента РФ на такой части территории могут проводиться в соответствии со статьей 10.1 ФЗ „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”. ЦИК может установить особенности подготовки и проведения выборов Президента РФ в период действия военного положения на части территории страны.</p>
<p>14 ноября – Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и статью 1 Федерального закона „О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”». Вносятся изменения, касающиеся порядка организации и проведения выборов различного уровня, референдума субъекта Российской Федерации и местного референдума в период действия военного положения.</p>
<p>22 ноября – Указ № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи». 2024 год объявлен в Российской Федерации Годом семьи. В связи с этим Правительству РФ поручено до 27 декабря 2023 г. образовать организационный комитет по проведению в Российской Федерации Года семьи и утвердить его состав; обеспечить разработку и утверждение плана основных мероприятий по проведению в Российской Федерации Года семьи; определить источники финансирования основных мероприятий по проведению в Российской Федерации Года семьи. Председателем организационного комитета по проведению в Российской Федерации Года семьи назначена Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации Т.А. Голикова.</p>
<p>27 ноября – Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Уточняются понятия «организаторы добровольческой (волонтерской) деятельности», «добровольческая (волонтерская) организация» и вводится понятие «ресурсный центр добровольства (волонтерства)». Кроме того, устанавливаются правовые условия осуществления указанными субъектами правоотношений своей деятельности.</p>

Продолжение вкладки 5

<p align="center">МЕРЫ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКЕ ШИРОКИХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ, УКРЕПЛЕНИЮ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ, В ТОМ ЧИСЛЕ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ</p>
<p>2 ноября – Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 2 и 3 Федерального закона „Об экспорте газа”». Изменения направлены на предоставление исключительного права на экспорт газа природного в сжиженном состоянии пользователям участков недр на суше, расположенных севернее 67 градусов северной широты. Реализация ФЗ позволит монетизировать крупные запасы газа, расположенные на территориях, существенно удалённых от Единой системы газоснабжения, и создать условия для увеличения производства и экспорта газа природного в сжиженном состоянии.</p>
<p>2 ноября – Федеральный закон «О внесении изменений в статью 3 Федерального закона „Об экспорте газа”». Закон направлен на развитие проектов по производству сжиженного природного газа и расширение перечня экспортёров СПГ.</p>
<p>2 ноября – Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон „Об электроэнергетике” и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Закон направлен на устранение административных барьеров в области развития электроэнергетики.</p>
<p>2 ноября – Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 5 и 105 части первой Налогового кодекса Российской Федерации». Налогоплательщики – резиденты особых экономических зон включаются в перечень налогоплательщиков, для которых Налоговым кодексом Российской Федерации установлены гарантии неприменения к ним положений законодательства о налогах и сборах, уходящих их положение.</p>
<p>13 ноября – Указ № 855 «О передаче в собственность Республики Крым находящихся в федеральной собственности акций акционерного общества „Крымэнерго”».</p>
<p>27 ноября – Федеральный закон «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». Федеральный закон направлен на совершенствование законодательства Российской Федерации о налогах и сборах в части, касающейся обложения акцизами, налогом на прибыль организаций, налогом на добычу полезных ископаемых, взимания государственной пошлины, в целях формирования дополнительных источников доходов для финансирования расходов бюджета государства. Устанавливаются дополнительные основания для признания лиц взаимозависимыми, а также уточняются порядок применения в целях налогообложения методов определения доходов (прибыли, выручки) в сделках, сторонами которых являются взаимозависимые лица, и порядок осуществления налогового контроля в связи с совершением сделок между такими лицами. Увеличиваются размеры штрафов за нарушение отдельных норм Налогового кодекса Российской Федерации, в том числе за непредставление документации в отношении международной группы компаний.</p>
<p>27 ноября – Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 15 и 51 Федерального закона „Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации”». Из бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования бюджетами территориальных фондов предоставляются межбюджетные трансферты для формирования нормированного страхового запаса в целях финансирования расходов медицинских организаций на оплату труда врачей и среднего медицинского персонала, а также для осуществления денежных выплат стимулирующего характера мед. работникам.</p>

<p>27 ноября – Федеральный закон «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона „О минимальном размере оплаты труда” и признании утратившими силу статей 2 и 3 Федерального закона „О внесении изменения в статью 1 Федерального закона „О минимальном размере оплаты труда» и о приостановлении действия ее отдельных положений”. Федеральным законом минимальный размер оплаты труда с 1 января 2024 года устанавливается в сумме 19 242 рубля в месяц. Также с 2025 года соотношение минимального размера оплаты труда и медианной заработной платы, учитываемое при установлении минимального размера оплаты труда на очередной год, определяется в размере не ниже 48 процентов.</p>
<p>27 ноября – ФЗ «О внесении изменений в статью 10 ФЗ „О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий”. ФЗ направлен на повышение уровня пенсионного обеспечения граждан с учётом уровня инфляции: с 1 января 2024 года стоимость одного пенсионного коэффициента составит 133,05 рубля, размер фиксированной выплаты к страховой пенсии – 8134,88 рубля.</p>
<p>27 ноября – Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов». Федеральный закон основан на базовом варианте прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов. Основные характеристики федерального бюджета на 2024 год определены исходя из прогнозируемого объёма валового внутреннего продукта в размере 179 956 миллиардов рублей и уровня инфляции, не превышающего 4,5 процента. Прогнозируемый общий объём доходов федерального бюджета равен 35 065,3 миллиарда рублей, расходов – 36 660,7 миллиарда рублей, дефицит составляет 1595,4 миллиарда рублей.</p>
<p>12 декабря – Федеральный закон «О внесении изменения в Федеральный закон „О промышленной политике в Российской Федерации”. Определяются особенности применения мер стимулирования деятельности в сфере промышленности на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области.</p>
<p>12 декабря – ФЗ «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Султаната Оман об устранении двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и предотвращении избежания и уклонения от налогообложения и Протокола к нему». Ратифицируется Соглашение между Правительством РФ и Правительством Султаната Оман об устранении двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и предотвращении избежания и уклонения от налогообложения и Протокола к нему, подписанные в Маскате 8 июня 2023 года. Соглашением предусматривается, что оно применяется к лицам, являющимся резидентами одного или обоих Договаривающихся Государств, и к налогам на доходы, взимаемым от имени Договаривающегося Государства, его подразделений или местных органов власти независимо от способа их взимания.</p>

Другими словами, национализация элит – это длительный процесс, требующий максимальной осторожности и выдержки, чем всегда отличался В.В. Путин, и, по большому счету, эти его качества во многом позволяют ему до сих пор находиться во главе государства. Но «либеральных привычек в отдельных ведомствах остаётся ещё достаточное количество (хоть они постепенно и уходят)»⁵⁹.

Например:

8 сентября 2023 г. Сбер опубликовал отчет «Будущее 2035+»⁶⁰: «ни много ни мало прогноз развития России до 2035 года», анализируя который некоторые эксперты резюмировали: «Это сочинение (которое не постыдился подписать своим именем целый Сбербанк!) нагляднейшим образом демонстрирует абсолютную умственную зависимость всех этих экспертов, аналитиков, футурологов, социологов, экономистов, прогнозистов и как они ещё там называются – от западной мысли. Россия была и остаётся колонией Запада в области мысли. Мы ещё далеко не вступили на трудный путь деколонизации собственного сознания... Сберфутурологи демонстрируют эту зависимость в смехотворной и карикатурной форме, кто-то другой – более завуалированно, но до освобождения пока ох как далеко»⁶¹.

Поэтому в период нового президентского срока от В.В. Путина ждут более активных действий в отношении решения задач СВО; в отношении приведения реальной ситуации в стране в соответствие основным положениям Конституции, в которой зафиксировано, что «Россия – социальное государство» (статья 7); наконец, в отношении дальнейшей реализации задачи национализации элит и повышения

эффективности государственного управления, без чего суверенное (то есть не зацикленное на западных парадигмах) будущее России просто невозможно.

Победа на выборах 17 марта 2024 г. позволит главе государства более уверенно (как того требует «историческое время») «двигаться вперед быстрее» в реализации ожиданий и надежд широких слоев населения.

Президенту предстоит не только выдержать натиск всех многочисленных проблемных аспектов мировой турбулентности и отстоять при этом все составляющие элементы полного национального суверенитета страны (полити-

«Наверное, все думающие согласны, что государство в России было захвачено в 90-е годы врагами, которые установили над ним – над всем нашим обществом – внешнее управление. Обобщающее имя ему – либерализм... Путин с момента своего прихода к власти в 2000 году стал понемногу из этой ситуации выбираться. Очень медленно. Неспешно. Почти незаметно. И мы всё ещё на этом пути... Сети либералов настолько внушительны и могущественны, что с ними трудно сладить, тем более Путин выбрал стратегию очень постепенного их выдавливания. Тут даже непонятно, кто вымрет первым – они или русское население... Может быть, Путин и выигрывает в целом, избегая резкости – падаль покидает Россию сама и порциями. И никаких репрессий, никакого ответа за содеянное. Но историческое время, отмеренное нашему народу на возрождение, на прихождение в себя, мы точно теряем. Растягивание делиберализации тактически оправданно (может быть), но стратегически оно становится опасным... Поэтому надо двигаться вперёд быстрее. По пути Путина. Но всё же быстрее»⁶².

⁵⁹ Двинский К. У России остался последний шанс // Яндекс.Дзен. 06.11.2023. URL: https://dzen.ru/a/ZUj8auL0CB6pV_Xc

⁶⁰ URL: <https://generation-startup.ru/analytics/budushchee-2035/>

⁶¹ Воеводина Т. Будем лопать пустоту, или наше завтра от Сбербанка // Завтра. 01.11.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/budem_lopat_pustotu_ili_nashe_zavtra_ot_sberbanka

⁶² Дугин А. Делиберализация // Завтра. 01.11.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/pokonchit_s_liberalami_nadezhdi_naroda_na_izmeneniya

ческого, экономического, территориального, культурного и т. д.), но и продолжить системное, динамичное обеспечение позитивной динамики уровня и качества жизни населения, наведение порядка в системе государственного управления.

А главное – В.В. Путину предстоит добиться широкого общественного согласия по образу будущего России и новому Общественному договору, в основе которого лежит социально справедливая организация общества, а также защитные механизмы, способные предотвратить исторические трагедии 1917 и 1991 гг. и ошибки бывших руководителей страны (И. Сталина, Н. Хрущева, Л. Брежнева, М. Горбачева, Б. Ельцина), которые приводили к немалым потерям: в социальных отношениях, в человеческом капитале, в ухудшении культурно-нравственных норм, в мировоззрении властвующих элит и нередко, как следствие, в утрате доверия общества власти...

Не случайно ещё в своей первой программной статье, по сути, ставившей цели и ориентиры развития страны на десятилетия вперед, Президент РФ писал: *«В демократической России не должно быть принудительного гражданского согласия. Любое общественное согласие здесь может быть только добровольным. Но именно поэтому так важно его достижение по таким коренным вопросам, как цели, ценности, рубежи развития, которые желательны и привлекательны для подавляющего большинства россиян»*⁶³.

Сегодня В.В. Путин нередко признает допущенные им в прошлом ошибки, причем делает это публично: в средствах массовой информации, в своих публичных выступлениях, в прямом общении с людьми. Например, в своем недавнем интервью на телеканале «Россия – 1» он признался, что на первых этапах своей президентской деятельности у него было во многом наивное представление об отношении к России со стороны стран «коллективного Запада», что в этом отношении не было «основы для конфронтации».

«...на начальном этапе всё-таки у меня было наивное представление о том, что весь мир и прежде всего так называемый, сейчас я говорю абсолютно убеждённо, так называемый «цивилизованный» мир понимает, что произошло с Россией, что она совсем стала другой страной, что идеологического противостояния уже нет. А значит, нет основы для конфронтации. И если что-то происходит негативное в политике западных стран и в отношении России... я по наивности своей полагал, что это просто инерция мышления и действий. Вот привыкли бороться с Советским Союзом и продолжают...

Это было наивное представление о реалиях. А реалии таковы, позднее я в этом абсолютно, на 100% убедился, что после распада Советского Союза считали, что надо немножко потерпеть, „сейчас доразвалим и Россию“... Только позднее ко мне пришло это осознание»⁶⁴.

Однако последние десятилетия показали, что это не так, и в этом смысле нельзя, конечно, без определенной доли тревожности смотреть в будущее в ожидании того, насколько эффективно В.В. Путин справится со всеми встающими перед ним задачами. **Он человек, а человеку свойственно ошибаться.**

В то же время именно определенные человеческие качества, присущие Президенту (целеустремленность, стратегическая дальновидность, смелость в постановке амбициозных целей и системный подход к их достижению), позволяют смотреть в будущее с позитивными надеждами и ожиданиями.

Ведь действительно (как подчеркнул В.В. Путин в ходе своей «прямой линии» с россиянами 14 декабря 2023 г.), нужно «ставить перед собой амбициозные задачи», «выбирать самое главное», «быть уверенным в том, что ты делаешь» и «уже сегодня думать о том, что будет завтра».

⁶³ Путин В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 30.12.1999. URL: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html

⁶⁴ Интервью В. Путина П. Зарубину в рамках программы «Москва. Кремль. Путин» телеканала «Россия-1» // Завтра. 17.12.2023. URL: https://zavtra.ru/events/prezident_rf_priznalsya_v_prezhnej_naivnosti_otnositel_no_kollektivnogo_zapada

**Выдержка из выступления В. Путина
в ходе «прямой линии» 14 декабря 2023 г.,
характеризующая некоторые
его личностные черты:**

«Хотелось бы, чтобы как я сказал, так и будет. Не всегда так бывает, к сожалению, но это мировая практика... мы чего-то говорим, чего-то хотим, что-то получается, что-то не получается – это нормально. Но стремиться к достижению своих целей, безусловно, нужно».

* * *

«Я за многие годы приучил себя к тому, что нужно стремиться к тому, чтобы выбирать самое главное и делать всё для достижения поставленных целей, не обращая внимания на всякую шелуху. Конечно, нужно, чтобы это поле зрения было тем не менее широким, надо всё понимать, анализировать. Но нужно уверенно идти к своей цели, если ты уверен в том, что ты делаешь, а я уверен».

* * *

«Надо заранее думать, сегодня надо думать о том, что будет завтра... Надо ставить перед собой всегда амбициозные цели и задачи. Ставить перед собой такие задачи и такие цели, которые кажутся, может быть, недостижимыми. Но если человек ставит перед собой такие цели, он всегда будет бороться, к ним идти и точно будет добиваться успехов».

Именно сегодня нужно думать о том, как избавиться от «либеральной гегемонии» в стране и в окружении лично главы государства. Потому что чем дольше эта проблема остается актуальной, тем более жёсткие действия потребуются для её решения.

На наш взгляд, сегодняшнюю ситуацию в стране, характеризующуюся «глубоким проникновением» и «тоталитарным господством» либеральных сил в обществе, наиболее системно описал один из самых активных участников Изборского клуба и прошедшего в 2023 г. Всемирного русского народного собора А. Дугин.

«...в стране либеральная гегемония ещё очень крепка... У нас либеральное всё, начиная с Конституции. Даже сам запрет на идеологию есть чисто либеральный идеологический тезис...

СВО многое изменила, так как начало военных действий на Украине окончательно вошло в противоречие с либеральной догмой... однако либеральная гегемония в России по-прежнему сохраняется. Она так глубоко проникла в наше общество, что стала воспроизводиться сама собой в новых поколениях управленцев, чиновников, работников науки и образования...

Сейчас мы вступили в новый цикл переизбрания Путина в качестве общенародного лидера. Никаких сомнений нет... Ведь он и есть наша главная и единственная надежда на избавление от либерального ига... Но основная масса противников Путина находится не по ту, а по эту сторону баррикад. Либеральная тоталитарная секта и не думает сдавать свои позиции. Она готова биться за них до конца... Их сдерживает только Путин, с которым на лобовое столкновение они не решатся. Наоборот, системные либералы сосредоточены в его лагере, хотя бы потому, что никакого другого лагеря нет...

Необходимо нечто аналогичное СМЕРШу в области идей и гуманитарных парадигм... именно сейчас пора открывать ещё один фронт – фронт в области идеологии, мировоззрения, общественного самосознания. Тоталитарное господство либералов в России – прежде всего в области знаний, науки, образования, культуры, определения ценностных установок воспитания и развития – должно завершиться»⁶⁵.

⁶⁵ Дугин А. Против либерального тоталитаризма // Завтра. 24.12.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/protiv_liberal_nogo_totalitarizma

Нам представляется, что А. Дугин совершенно прав в том, что именно Президент «и есть главная и единственная надежда на избавление от либерального ига...», и в этом смысле общество ждет от него конкретных действий: «пора открывать ещё один фронт – в области идеологии, мировоззрения, общественного согласия».

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

At an Intermediate Stage on the Way toward Cultural Sovereignty

Abstract. The past two months of socio-political life in Russia have been rich in important events: the World Russian People's Council (November 27–28), the official approval on December 7 by the Federation Council of the date of the presidential election (March 17, 2024) and Vladimir Putin's announcement of his decision to run for president (December 8), his communication with Russian citizens in the live broadcast format, combined with a press conference with journalists (December 14). All these events at the end of Vladimir Putin's 4th presidential term sum up the events of the past six years and at the same time focus our attention on the tasks that society expects the head of state to address during his upcoming presidential term. The following issues are highlighted as being of increasing importance: achieving the goals of the special military operation, forming the national idea and ideology, nationalizing the elites, increasing the effectiveness of dynamic growth in the standard of living and quality of life; these events are analyzed in the paper. We consider in more detail the work of Vladimir Putin aimed at addressing the issue regarding the nationalization of elites throughout his presidential terms. Based on expert assessments, we analyze the factors that prevent the President from solving this problem promptly; most likely, the solution of the problem of nationalization of elites will be postponed for 2030–2036, that is, for the possible (according to the current Constitution of the Russian Federation) sixth presidential term of Vladimir Putin. Nevertheless, according to many experts, without qualitative ideological changes within the elites (primarily in the system of public administration, culture, education), as well as without achieving the goals of the special military operation, it is impossible to make significant progress in shaping the image of the country's future, achieving the consent of the majority of the population on the essence of a new Social Contract, which is based on the image of a just social state with equal opportunities for the main segments of the population on the territory of Russia. The article provides a comparative analysis of the most significant public statements that Vladimir Putin made throughout his presidential terms: his first program article "Russia at the turn of the Millennium" (1999), the RF President's speech at the conference on international security policy ("Munich speech" on February 10, 2007), all the speeches of the head of state at the World Russian People's Council (December 13, 2001, November 1, 2018 and November 28, 2023). The conclusion is made about Vladimir Putin's key personal qualities (perseverance, strategic foresight, courage in setting ambitious goals, systems approach to their implementation) necessary for a national leader to continue the development of Russia along the path of strengthening cultural and, in general, national sovereignty.

Key words: World Russian People's Council, 2024 presidential election, nationalization of the elites, "direct line", ideology.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, scientific director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, deputy head of department, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

Влияние географических факторов на расширение торговых взаимодействий между странами (на примере АТР)

Дмитрий Александрович

ИЗOTOV

Институт экономических исследований ДВО РАН

Хабаровск, Российская Федерация

e-mail: izotov@ecrin.ru

ORCID: 0000-0001-9199-6226; ResearcherID: S-3876-2017

Аннотация. Целью исследования является оценка влияния географических факторов на торговлю в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Показано, что ключевым параметром в оценке влияния географических факторов на торговлю в рамках гравитационной зависимости выступает физическое расстояние. Полученные оценки подтвердили справедливость гипотезы о долгосрочном снижении негативного воздействия на торговлю в АТР физического расстояния, рассчитанного разными способами, указывая на инвариантность в выборе значений данного параметра для определения общей тенденции влияния географических факторов на товарооборот в субглобальном регионе. Определено, что использование среднего арифметического физического расстояния является более приемлемым для получения корректных оценок влияния географических факторов на торговлю в АТР с точки зрения соблюдения формальных критериев к гравитационному моделированию. Негативное влияние физического расстояния на торговлю в АТР снизилось почти на 13% к 2021 году по сравнению с 1993 годом, что указывает на высокую интенсивность товарообмена в субглобальном регионе. Полученные оценки подтвердили предположение о позитивном влиянии на товарооборот в АТР сухопутной границы, которое за 1993–2021 гг. возросло на 56%. Определено, что наличие сухопутной границы способствовало расширению торговли между приграничными экономиками по сравнению с другими странами АТР на 208,3% в 2021 году. Оценка показала отсутствие статистически значимого воздействия на торговлю в АТР прочих факторов – колониального прошлого и языковой общности, что свидетельствует

Для цитирования: Изотов Д.А. (2023). Влияние географических факторов на расширение торговых взаимодействий между странами (на примере АТР) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 6. С. 38–54. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.2

For citation: Izotov D.A. (2023). The impact of geographical factors on expanding trade interactions between countries (on the example of the Asia-Pacific region). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(6), 38–54. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.2

о нивелировании сформированных в прошлом связей за счет доминирования гравитационно-го притяжения между экономиками в условиях снижения барьеров во взаимодействиях между ними. Показано, что на фоне снижения сравнительных транспортных издержек в АТР текущие санкции по отношению к России способны ограничить географическое распределение российского экспорта, замыкая его на близкие рынки субглобального региона, на которых российская экономика будет испытывать все большее гравитационное притяжение со стороны Китая.

Ключевые слова: торговля, географические факторы, физическое расстояние, транспортные издержки, сухопутная граница, языковая общность, колониальное прошлое, гравитационная модель, АТР.

Введение

За последние три десятилетия рост глобальной экономики базировался на расширении торгово-экономических взаимодействий между странами мира, в том числе на основе интеграционных процессов. В связи с этим влияние географических факторов на торговые отношения является важным индикатором в изучении динамики интенсификации взаимодействий между национальными экономиками.

Среди теоретически обоснованных методик для количественного анализа влияния географических факторов на торговые взаимодействия выделяется гравитационное моделирование (Yotov, 2022), являющееся наиболее распространенным инструментом оценки влияния различных факторов на торговлю, в том числе физического расстояния и сухопутной границы¹. Тем не менее долгое время одной из методических проблем гравитационных моделей была «загадка расстояния», которая проявлялась в высоком негативном влиянии физического расстояния на торговлю даже после учета многих факторов и контроля различных эффектов (Lin, Sim, 2012).

Следует отметить, что за последние полтора десятилетия произошел существенный прогресс в методике гравитационного моделирования, позволяя более точно оценивать влияние географических факторов на торговлю между национальными экономиками и внутри них. В рамках современного методического

подхода, учитывающего отклонение торговли в пользу домашних рынков (Yotov, 2012; Baier et al., 2018), успешно решена существовавшая долгое время (Bosquet, Boulhol, 2015; Buch et al., 2004) научная проблема «загадки расстояния», что позволило получать корректные оценки влияния физических расстояний на торговлю. Данное обстоятельство является важнейшим аспектом в оценке влияния на торговлю географических факторов, в частности сравнительных издержек на преодоление пространственной удаленности между рынками, которые затрачиваются экспортерами и импортерами. Наряду с решением вышеуказанной методической проблемы пространственная удаленность способна дифференцированно влиять на экспорт различных фирм (Chaney, 2014), поэтому существует также задача адекватного представления физических расстояний для оценки торговых потоков между странами. Это, в конечном итоге, вытекает в необходимость корректного подбора данного параметра для получения соответствующих количественных оценок (Head, Mayer, 2010).

Решение «загадки расстояния» в рамках гравитационного моделирования способствовало также получению непротиворечивой оценки влияния «приграничья» на торговлю между странами (Borchert, Yotov, 2017). Несмотря на то, что морским и трансокеанским транспортом перевозится большая доля торгуемых товаров в глобальной экономике, выделяется ряд стран, для которых товарооборот через пункты пропуска² на сухопутной границе является важным компонентом для расширения их коопера-

¹ Помимо данных параметров, некоторыми исследователями в качестве географических факторов (помимо прочих), влияющих на торговые взаимодействия между экономиками, рассматриваются островное, внутриконтинентальное положение стран, их принадлежность к какому-либо континенту, к временному поясу и пр. Подробно см.: (Wei, Frankel, 1997; Lopez, Ezcaray, 2015; Bista, Tomasik, 2019).

² Некоторые страны, например входящие в Европейский союз, не имеют пунктов пропуска на сухопутной границе.

ционных связей с внешними рынками. Помимо этого, в случае расширения интеграционных связей между странами их приграничные территории получают импульс в экономическом развитии за счет создания и эксплуатации совместной торговой и производственной инфраструктуры (Starr, Thomas, 2002). С другой стороны, наличие неразрешенных конфликтов (Carter, Poast, 2017), заметные различия в социально-экономическом развитии между странами (Hassner, Wittenberg, 2015) становятся непреодолимыми барьерами для наращивания взаимной торговли, нивелируя естественные преимущества от «приграничья» или фактора наличия совместной сухопутной границы. Поэтому наличие сухопутных границ между странами может оказывать как сдерживающее, так и стимулирующее влияние на их торговлю друг с другом.

Несмотря на методологический прогресс в оценке гравитационных моделей, влияние географических факторов на торговлю в целом остается дискуссионным. Имеющиеся эмпирические *ex-post* оценки влияния географических факторов на торговлю в рамках глобальной экономики, с одной стороны, указали на снижение негативного воздействия физического расстояния, а также на положительное влияние сухопутной границы на торговлю (Yotov, 2012; Borchert, Yotov, 2017), с другой — на имеющиеся случаи постоянного (инвариантного во времени) влияния на торговлю географических факторов ввиду пропорционального увеличения торговли и сокращения транспортных издержек (Buch et al., 2004).

Следует заметить, что за последние три десятилетия одной из наиболее динамично развивающихся экономических систем мира стал Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), на который приходилось более половины глобального ВВП, а доля внутрирегиональной торговли составляла около 40% глобального товарооборота³. По этому показателю АТР превосходит любой другой субглобальный регион мира. Полученные оценки (Изотов, 2020а; Изотов, 2023) выявили заметное увеличение товарооборота в АТР в связи с интеграционными процессами, т. е. за счет реализации механизмов ВТО и преференциальных торговых соглашений.

³ Рассчитано на основе статистики Всемирного банка и МВФ.

Расширение торговых взаимодействий между странами АТР стало возможным из-за проявления эффекта масштаба в товарообмене между экономиками в условиях нивелирования части тарифных и нетарифных барьеров, а также при снижении издержек на перемещение продукции между странами, косвенным образом указывая на позитивное влияние географических факторов на торговлю в субглобальном регионе, ввиду доминирования сравнительно дешевых морских перевозок⁴ и сооружения соответствующей инфраструктуры для расширения товарообмена приграничных стран в отсутствие активных военно-политических противостояний в регионе.

При этом накопленные эмпирические оценки влияния географических факторов на торговлю в АТР показывают довольно противоречивые результаты, прежде всего из-за методических проблем, связанных с наличием «загадки расстояния» (Filippini, Molini, 2003; Yu et al., 2014). Важность оценки влияния географических факторов на товарооборот в АТР заключается в том, что данные факторы являются одним из ключевых элементов для целей исследования динамики экономической связанности субглобального региона, в пользу которого в последние годы Россия стремится интенсифицировать свою внешнюю торговлю. Вышеизложенное позволяет сформулировать следующие гипотезы: во-первых, в АТР происходило снижение негативного воздействия физического расстояния на торговлю в долгосрочном периоде; во-вторых, предполагается, что за последние три десятилетия наблюдалось позитивное влияние наличия сухопутной границы на товарооборот в субглобальном регионе.

Таким образом, целью исследования выступает оценка влияния географических факторов на торговлю в АТР. Алгоритм исследования предполагает решение следующих задач: 1) анализ динамики торговых взаимодействий в АТР, а также оценка значений физических расстояний между торгующими экономиками субглобального региона; 2) выбор методики оценки и формирование массива данных; 3) оценка влияния физических расстояний, сухопутной границы и прочих факторов на торговлю в АТР. Оценка проводится для долгосрочного периода,

⁴ *Review of Maritime Transport 2022*. UNCTAD. Available at: <https://unctad.org/publication/review-maritime-transport-2022>

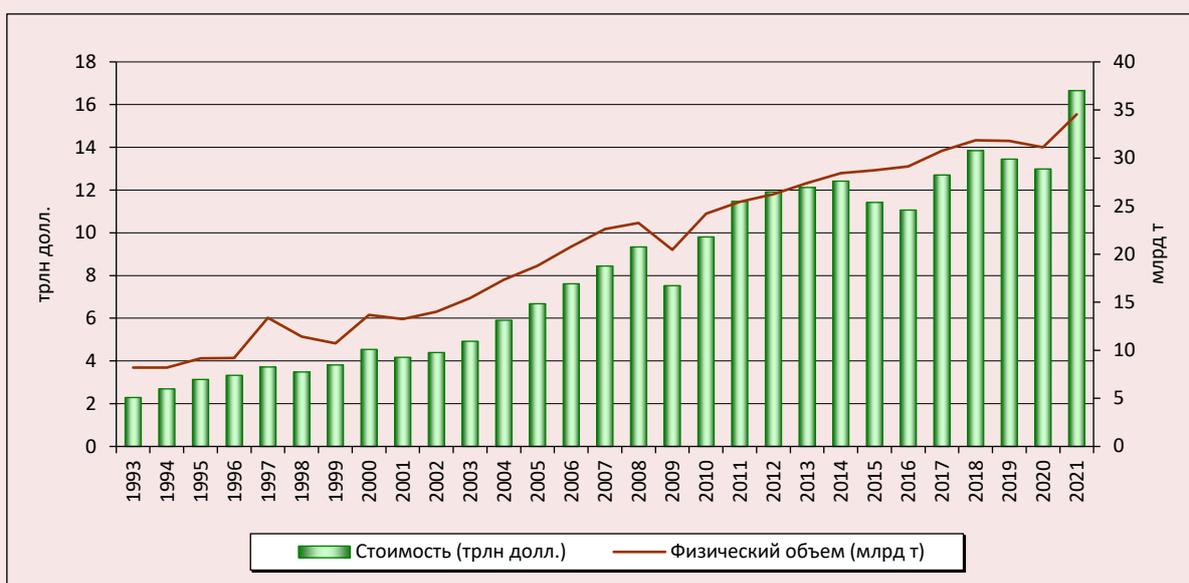
охватывающего 1993–2021 гг. Как и в ранее проведенном исследовании (Изотов, 2023), к АТР отнесены страны и экономические территории Восточной Азии⁵, Австралия и Океания⁶, а также государства тихоокеанского побережья Северной, Центральной и Южной Америки⁷.

Торговые взаимодействия и пространственная удаленность в рамках АТР

Стоимостной объем торговли в рамках АТР значительно увеличился – с 2,2 трлн долл. в

1993 году до 16,7 трлн долл. в 2021 году. За рассматриваемый период доля торговли между странами АТР составила более 70% от их суммарного товарооборота, указывая на высокую степень связанности экономик субглобального региона. За исключением некоторых эпизодов, связанных с глобальными и субглобальными кризисами⁸, была заметна тенденция долгосрочного расширения торговых взаимодействий в АТР (рис. 1).

Рис. 1. Товарооборот в рамках АТР: стоимостные и физические характеристики

Примечание: данные по физическому объему товарооборота для 2002–2021 гг. вычислены автором на основе индексов физического объема для экспорта и импорта UNCTAD и статистики Всемирного банка, RIETI, CEPPI, CEIC⁹.
Источники: данные UNCTAD, Всемирного банка, RIETI, CEPPI, CEIC, расчеты автора.

⁵ Бруней, Восточный Тимор, Вьетнам, Гонконг (САР КНР), Индонезия, Камбоджа, КНР, Лаос, Макао (САР КНР), Малайзия, Монголия, Мьянма, Папуа – Новая Гвинея, Республика Корея, Россия, Сингапур, Таиланд, Тайвань, Филиппины и Япония.

⁶ Вануату, Кирибати, Маршалловы острова, Науру, Новая Зеландия, Новая Каледония, Палау, Самоа, Соломоновы острова, Тонга, Тувалу, Уоллис и Футуна, Федеративные штаты Микронезии, Фиджи и Французская Полинезия.

⁷ Гватемала, Гондурас, Канада, Колумбия, Коста-Рика, Мексика, Никарагуа, Панама, Перу, Сальвадор, США, Чили и Эквадор.

⁸ Азиатский финансовый кризис (1997–1998 гг.); «Пузырь доткомов» (2001 г.); мировой экономический кризис (вторая половина 2008 г. – первая половина 2009 г.); финансовый кризис (конец 2014 г. – 2015 г.); рецессия мировой экономики в связи с COVID-19 (конец 2019 г. – 2020 г.).

⁹ Статистика, отражающая динамику физических объемов торговли между странами АТР, для 1993–2021 гг. в свободном доступе отражена не в полной мере. Значения физических объемов торговли между странами АТР за 1993–2001 гг. были аккумулированы автором из баз данных Всемирного банка, RIETI, CEPPI, CEIC. В качестве отправной точки для оценки более ранних данных были использованы значения физических объемов торговли в АТР за 2001 г., которые путем умножения на индексы физического объема экспорта и импорта UNCTAD для торговли между странами субглобального региона позволили вычислить значения соответствующего показателя для 2002–2021 гг.

Одной из характеристик расширения взаимной торговли является наращивание физических объемов товарообмена в АТР с не менее чем 8,2 млрд т в 1993 году до 34,5 млрд т в 2021 году. Оценка стоимости одной тонны торгуемых в АТР товаров в ценах 2021 года указала на ее сокращение с 523 долл. в 1993 году до 482 долл. в 2021 году. Это обстоятельство дает основание предположить, что в АТР ослабилось сдерживающее влияние пространственной удаленности на торговые потоки за рассматриваемый промежуток времени. Указанное предположение требует подтверждения за счет оценки влияния физических расстояний на торговлю в АТР.

Для получения такой оценки важен выбор значений физических расстояний между странами, что составляет отдельную исследовательскую задачу ввиду отсутствия надежной, основанной на реальных транспортных маршрутах агрегированной статистики данного показателя. Одним из широко распространенных способов оценки физических расстояний между торгующими странами является расчет данного показателя на основе их координат на земной поверхности. В этом случае базовые значения физических расстояний между странами вычисляются следующим способом:

$$d_{kl} = 6381 \times \arccos \times ([\sin(Y_i) \times \sin(Y_j)] + [\cos(Y_i) \times \cos(Y_j) \times \cos(X_i - X_j)]),$$

где d_{kl} – физическое расстояние между агломерациями k и l стран i и j соответственно (в километрах), X – значение долготы в градусах, Y – значение широты в градусах¹⁰. Значения d_{kl} отражены в базе данных СЕРИИ, основываются на расчете кратчайших расстояний между двумя точками на земной поверхности¹¹, в качестве которых используются географические координаты крупнейших агломераций стран – торговых партнеров.

Физические расстояния внутри стран вычислялись следующим образом (Head, Mayer, 2010): $d_{ii} = 2/3 \times \sqrt{area/\pi}$, где d_{ii} – физическое расстояние внутри страны i ; $area$ – площадь страны; π – пи-значение. Применение этой

¹⁰ При условии, что Y измеряется в градусах западной долготы, значения X и Y преобразовываются в радианы путем умножения на 57,3 и на -57,3 соответственно.

¹¹ Head K. *Gravity for Beginners*. October 22, 2000. Available at: https://artnet.unescap.org/tid/artnet/mtg/gravity10_reading1.pdf

методики для оценки физических расстояний внутри стран основывается на теоретическом предположении (Head, Mayer, 2010) о том, что в экономическом пространстве производство существенно в центральном месте, а потребители равномерно от него распределены, что значительно упрощает нахождение значений данного параметра и является широко распространенным способом оценки d_{ii} в гравитационном моделировании (Baier et al., 2018; Yotov, 2022).

Применение базовых значений физических расстояний для определения транспортных издержек вызывает замечания (Head, Mayer, 2010) ввиду отсутствия учета размера рынков торгующих экономик, что является важным для построения гравитационной зависимости. По этой причине для оценки влияния пространственной удаленности на торговлю могут быть использованы эффективные значения физических расстояний, полученные путем корректировки базовых значений данного показателя на численность населения торгующих экономик и его приведения к среднему арифметическому или среднему гармоническому значению¹²: $(\sum_{k \in i} (pop_k / pop_i) \times \sum_{l \in i} (pop_l / pop_j) \times d_{kl}^\rho)^{1/\rho}$, где pop_k – население агломерации k страны i ; pop_i – население страны i ; pop_l – население агломерации l страны j ; pop_j – население страны j ; ρ – эластичность торговых потоков между странами к физическому расстоянию между ними. В случае $\rho = 1$ эффективное расстояние выражается в виде *среднего арифметического значения* (Anderson, van Wincoop, 2003); если $\rho = -1$ – *среднего гармонического значения* (Head, Mayer, 2010) соответственно. Полученные значения физических расстояний внутри стран и экономических территорий АТР также корректируются на соответствующие параметры эластичности торговых потоков к расстоянию.

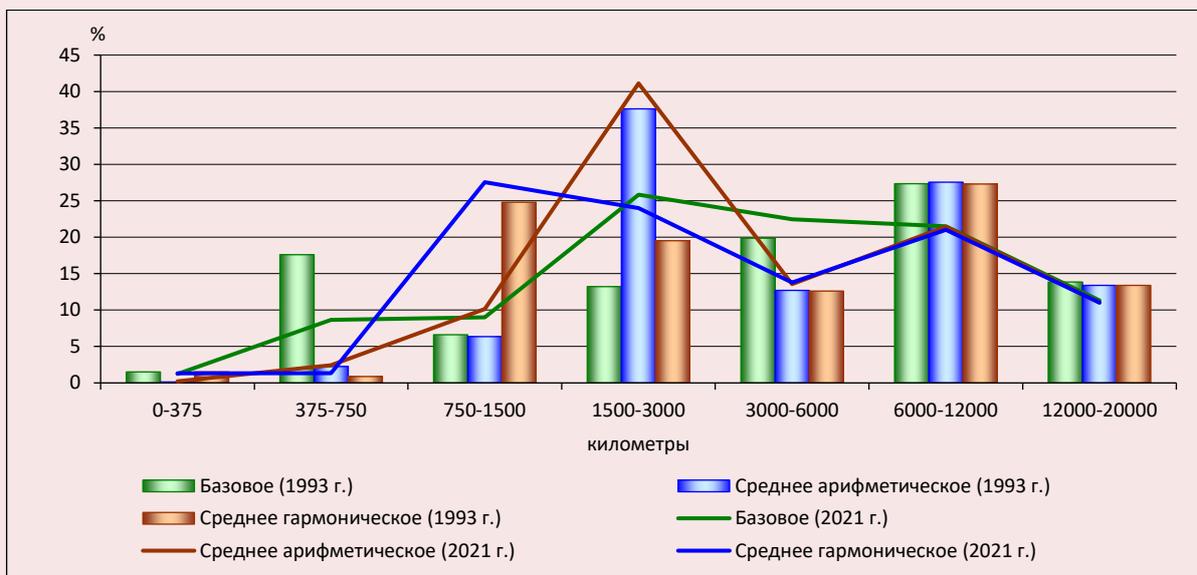
Значения физических расстояний между странами АТР, рассчитанные вышеперечисленными способами (базовое, среднее арифметическое и среднее гармоническое значения), отличаются друг от друга. Данные расхождения могут повлиять на оценку воздействия физического расстояния на торговлю в АТР. Для наглядного отражения соответствия значений

¹² Conte M., Cotterlaz P., Mayer T. *The CEPII Gravity Database*. CEPII Working Paper No 2022-05. Available at: <http://www.cepii.fr/CEPII/en/publications/wp/abstract.asp?NoDoc=13432>

двусторонней торговли и физического расстояния между торгующими странами субглобального региона была построена диаграмма (рис. 2), отражающая структуру товарооборота в АТР в зависимости от интервалов значений физических расстояний. Выделение интервалов физических расстояний применяется для целей распределения торговых потоков между странами субглобального региона: между территориально близкими странами (0–375 км – высокий уровень близости; 375–750 км – средний уровень близости; 750–1500 км – низкий уровень близости); между территориально удаленными странами (1500–3000 км – низкий уровень удаленности; 3000–6000 км – средний уровень удаленности; более 6000 км – высокий уровень удаленности). Построение интервалов физических расстояний выполнено на основе ранее проведенных эмпирических исследований (Eaton, Kortum, 2002; Head, Mayer, 2013) за тем исключением, что для анализа изменения сравнительной доли транстихоокеанской торговли интервал расстояний, превышающий 6 тыс. км, был декомпозирован на два интервала: от 6 до 12 тыс. км; от 12 до 20 тыс. км.

Анализ показал, что вне зависимости от рассматриваемых значений физических расстояний распределение товарооборота в АТР к 2021 году по сравнению с 1993 годом изменилось за счет наращивания торговли в интервале от 0,75 до 6 тыс. км, т. е. между экономиками, расположенными в рамках западной и восточной частей АТР соответственно. При этом доля во внутрирегиональном товарообороте транстихоокеанской торговли в рамках рассматриваемого периода сократилась, указывая на явную фрагментацию экономического пространства АТР, в котором ведущую роль в интенсификации товарообмена стали играть страны и экономические территории Восточной Азии и, заметно отставая от них, страны Североамериканской зоны свободной торговли (США, Канада и Мексика). Данное обстоятельство свидетельствует, что при прочих равных условиях в долгосрочном периоде рост крупных и территориально не удаленных друг от друга экономик способствовал сравнительному усилению концентрации торговли в АТР в пользу близких и емких рынков.

Рис. 2. Структура товарооборота в АТР в зависимости от интервалов разных значений физических расстояний

Примечание: представлена структура товарооборота АТР по следующим значениям физических расстояний: базовое; среднее арифметическое и среднее гармоническое эффективные расстояния.

Источник: рассчитано автором на основе статистики UNCTAD, Всемирного банка, RIETI, CEPII, CEIC.

Что касается массива разных значений физических расстояний (базовое, среднее арифметическое и среднее гармоническое значения), используемых в исследовании, то для транспортной удаленности между странами АТР, превышающей 6 тыс. км, значения товарооборота между ними являются аналогичными. При этом анализ структуры товарооборота в АТР в зависимости от физических расстояний между странами подтвердил наличие имеющихся расхождений в соотношении между значениями физических расстояний и торговлей в рамках 0–6 тыс. км. Так, по состоянию на 2021 год, согласно базовому и среднему арифметическому значениям физического расстояния, наибольшая доля торговли между странами АТР фиксировалась на интервале низкого уровня удаленности – 1,5–3 тыс. км, а согласно среднему гармоническому значению – на промежутке 0,75–1,5 тыс. км, т. е. в рамках низкого уровня близости. Соответственно, такие расхождения могут повлиять на оценку воздействия физического расстояния на торговлю в АТР. По этой причине для получения более точных оценок нами будут использованы все три вида вышеперечисленных значений физических расстояний.

Методика оценки и данные

Методика оценки. Оценка факторов, определяющих торговлю в АТР, строится на основе теоретической формы гравитационной зависимости между странами i и j , которая выражена следующим образом (Anderson, van Wincoop, 2003):

$$X_{ij} = \frac{E_j Y_i}{Y} \times \left(\frac{t_{ij}}{P_j \Pi_i} \right)^{1-\sigma}, \quad (1)$$

где: X_{ij} – стоимость поставок товаров из пункта отправления (страны) i в пункт назначения (страну) j ; E_j – общие расходы в j из всех пунктов отправления (стран); Y_i – продажа товаров из пункта (страны) i во все пункты назначения (страны); Y – мировой выпуск; $t_{ij} > 1$ – фактор переменных торговых издержек при перемещении товаров из i в j ; $\sigma > 1$ – постоянная эластичность замещения между отечественными и зарубежными товарами; P_j – внутреннее многостороннее сопротивление, отражающее издержки потребителей j , если бы они приобретали товары на мировом рынке, т. е. $P_j^{1-\sigma} = \sum_i \left(\frac{t_{ij}}{\Pi_i} \right)^{1-\sigma} \times \frac{Y_i}{Y}$; Π_i – внешнее много-

стороннее сопротивление, отражающее торговые издержки, с которыми сталкиваются производители в i , если бы они поставляли свою продукцию на мировой рынок, т. е.

$$\Pi_i^{1-\sigma} = \sum_j \left(\frac{t_{ij}}{P_j} \right)^{1-\sigma} \times \frac{E_j}{Y}.$$

Из формулы (1) следует, что торговля между странами i и j отрицательно зависит от t_{ij} в сравнении с многосторонним внешним и внутренним сопротивлением. Данная взаимосвязь объясняется следующим образом: чем более затруднена торговля стран i и j с другими странами, тем больше стимулов создается для взаимной торговли между i и j . Учет многостороннего сопротивления в гравитационном моделировании серьезно улучшил качество последующих эконометрических оценок факторов внешней торговли, а также привел к пересмотру полученных ранее количественных результатов (Baier et al., 2018). Поэтому учет внешнего и внутреннего многостороннего сопротивления в гравитационном моделировании является одной из ключевых процедур, необходимых для получения корректных оценок влияния факторов на торговлю (Yotov, 2022).

Теоретическая форма гравитационной зависимости (1) включает внутреннюю торговлю и внутренние издержки страны i , т. е. параметры X_{ii} и t_{ii} соответственно (Yotov, 2012). Включение внутренней торговли и внутренних издержек в модель необходимо для получения корректной оценки последствий расширения торговых взаимодействий, учитывающей отклонение торговли в пользу домашнего рынка, которое влияет на возникающие в международной торговле барьеры, т. е. на пространственную удаленность стран друг от друга (физическое расстояние) и на другие фундаментальные факторы (Yotov, 2012). Для получения корректной оценки комплексный учет издержек внутренней торговли синонимичен учету для конкретной страны фиксированных эффектов, включающих не только издержки, связанные с преодолением внутренних расстояний, но и любые другие барьеры, в т. ч. отклонение торговли в пользу домашнего рынка (Borchert, Yotov, 2017). При таком подходе торговые издержки взаимодействия с зарубежными странами для страны i будут относительно к ее внутренним издержкам.

С учетом накопленных рекомендаций по оценке современных гравитационных зависимостей соблюдается следующий алгоритм. Во-первых, гравитационная модель оценивается на основе панельных данных (как единая панель). Массив панельных данных помимо торговли и физических расстояний между странами включает внутреннюю торговлю и внутренние физические расстояния (Borchert, Yotov, 2017), а также представлен временными интервалами (Egger et al., 2022), позволяя избежать занижения оценок ввиду проявления эффектов, отсроченных в рамках того или иного временного промежутка. Во-вторых, внешнее и внутреннее многостороннее сопротивление контролируется фиксированными эффектами для страны-экспортера/импортера с учетом времени (Baier et al., 2018). В-третьих, влияние всех независимых от времени двусторонних торговых издержек контролируются фиксированными эффектами для торгующих пар стран (Yotov, 2022). В четвертых, во избежание проблемы гетероскедастичности, ошибок спецификации модели из-за неверно подобранной функциональной формы и с целью включения «нулевых» торговых потоков гравитационное уравнение оценивается в мультипликативной форме методом квази-максимального правдоподобия Пуассона (Santos Silva, Tenreiro, 2006).

Для решения задач настоящего исследования на основе соблюдения вышеперечисленных рекомендаций эмпирическая форма модели (1) базируется на методике решения «загадки расстояния» для гравитационных зависимостей (Yotov, 2012; Borchert, Yotov, 2017), т. е. путем включения в панель внутренних физических расстояний для торгующих между собой стран. Помимо физических расстояний в эмпирическую модель для получения корректных оценок рекомендуется (Yotov, 2012) включать другие фундаментальные для гравитационной зависимости факторы, отраженные как фиктивные переменные, а именно: сухопутная граница; общность языка; колониальное прошлое. Влияние остальных переменных, неизменных и меняющихся во времени, учитывается в фиксированных эффектах.

В результате оцениваемая гравитационная зависимость основывается на спецификации Й. Йотова (Yotov, 2012). Поскольку в соответствии с задачами исследования необходимо

оценить динамику влияния физического расстояния и сухопутной границы на торговлю между странами АТР, то расчет эффектов данных параметров будет осуществлен для каждого года (Borchert, Yotov, 2017), а оцениваемая гравитационная зависимость имеет следующий вид:

$$X_{ij,t} = \exp \left[\beta_0 + \beta_1 LANG_{ij} + \beta_2 CLNY_{ij} + \sum_{T=1993}^{2021} \beta_T \ln DIST_{Tij} + \sum_{T=1993}^{2021} \beta_T CNTG_{Tij} \right] \times \exp [\pi_{i,t} + \chi_{j,t} + \mu_{ij} \exp[\varepsilon_{ij,t}], \quad (2)$$

где: X_{ij} — экспорт из страны i в страну j (к данному показателю также относится X_{ii} — торговля в рамках страны i); $LANG_{ij}$ — фиктивная переменная, принимающая значение, равное единице, в случае общности языка в странах i и j и ноль — в противном случае; $CLNY_{ij}$ — фиктивная переменная, принимающая значение, равное единице, если страны i и j входили в какую-либо колониальную систему (как на правах зависимой территории, так и метрополии) и ноль — в противном случае; $\ln DIST_{Tij}$ — натуральный логарифм физического расстояния между странами i и j для каждого года T (к данному показателю также относится $\ln DIST_{Tii}$ — натуральный логарифм физического расстояния в рамках страны i для каждого года T); $CNTG_{Tij}$ — фиктивная переменная, принимающая значение, равное единице, для наличия сухопутной границы между странами i и j для каждого года T и ноль — при ее отсутствии; β_0 — константа; T — год; t — временной промежуток; π_i — фиксированные эффекты для страны-экспортера с учетом года; χ_j — фиксированные эффекты для страны-импортера с учетом года; μ_{ij} — фиксированные эффекты для пар торгующих стран; ε — вектор ошибок.

Данные. В настоящем исследовании использовались панельные данные с лагом в четыре года (1993, 1997, 2001, 2005, 2009, 2013, 2017 и 2021 гг.). В рамках зависимой переменной использовалась статистика, отражающая стоимостные объемы внутренней торговли экономик АТР и их торговли друг с другом. Во избежание получения некорректных оценок (Baldwin, Taglioni, 2006) статистика торговли была представлена в текущих ценах, а также в млрд долл. для упрощения расчетов в рамках мультипликативной модели.

Наличие статистических данных по внутренней торговле (X_{ii}) являлось ключевым параметром для получения корректных оценок. В исследовании был использован один из распространенных способов вычисления стоимостных объемов внутренней торговли национальных экономик, заключающийся в определении разницы между стоимостным объемом произведенных товаров в национальной экономике и экспортом (Bergstrand et al., 2015). Стоимостные объемы произведенной в экономиках АТР продукции были собраны из специальных баз статистических данных (UNIDO, СЕРП, СЕИС, FAO (ООН)), а также статистических ведомств стран субглобального региона. Однако для некоторых стран и экономических территорий АТР не удалось определить стоимостные объемы их внутренней торговли: Вануату, Восточный Тимор, Кирибати, КНДР, Маршалловы острова, Науру, Новая Каледония, Палау, Самоа, Соломоновы острова, Тувалу, Уоллис и Футуна, Французская Полинезия. Поэтому данные экономики были исключены из оцениваемой панели, что не принципиально, поскольку их суммарная доля во внутрирегиональном товарообороте АТР к 2021 году не превышала 0,1%. В результате для формирования массива данных были отобраны 36 экономик АТР: Австралия, Бруней, Вьетнам, Гватемала, Гондурас, Гонконг (САР КНР¹³), Индонезия, Камбоджа, Канада, КНР, Колумбия, Коста-Рика, Лаос, Макао (САР КНР), Малайзия, Мексика, Монголия, Мьянма, Никарагуа, Новая Зеландия, Панама, Папуа – Новая Гвинея, Перу, Республика Корея, Россия, Сальвадор, Сингапур, США, Таиланд, Тайвань, Тонга, Фиджи, Филиппины, Чили, Эквадор и Япония.

Статистические данные по торговле между странами АТР (X_{ij}) были заимствованы из баз данных UNCTAD, Всемирного банка, RIETI, СЕРП, СЕИС. В эпизодических случаях, если данные по экспорту некоторых стран АТР отсутствовали, использовалась «зеркальная статистика» импорта их стран-партнеров, которая приводилась в цены FOB.

Учет колониального прошлого ($CLNY_{ij}$) ограничен периодом XIX – середина XX века, охватывая принадлежность тех или иных современных стран и экономических территорий

АТР к следующим империям: Испанская империя (Гватемала, Гондурас, Колумбия, Коста-Рика, Мексика, Никарагуа, Панама, Перу, Сальвадор, Чили, Эквадор); Британская империя (Австралия, Бруней, Гонконг, Канада, Малайзия, Мьянма, Новая Зеландия, Папуа – Новая Гвинея, Сингапур, Тонга, Фиджи); Империя Цин (Гонконг, КНР, Макао, Монголия, Тайвань); Японская империя (Республика Корея, Тайвань, Япония); Французская империя (Индокитай: Вьетнам, Камбоджа, Лаос). Также в рамках обозначенного периода учтено взаимодействие «метрополия-доминион» между США и Филиппинами, которое, согласно базе данных СЕРП, было отнесено к «интеграционному полю» Британской империи. Принадлежность ряда стран и экономических территорий АТР к другим колониальным системам в массиве не рассматривалась, поскольку некоторые метрополии контролировали либо одно государство (территориально при этом не относясь к региону), либо непродолжительное время только часть территорий современных стран субглобального региона¹⁴, несмотря на их заметные попытки активного военно-политического участия в той или иной части Тихого океана в указанное время.

В ходе исследования при формировании массива фиктивных переменных для оценки параметра $LANG_{ij}$ было обнаружено, что в АТР языковые общности складывались под влиянием прошедших экономико-политических процессов, которые иногда налагались друг на друга (например, масштабные миграции, а также существование колониальных систем, объединивших различные народы в рамках единого «языкового поля»). В АТР в целом сложилась доминанта нескольких языков, либо являющихся официальными, либо использующихся наряду с официальными: китайский, английский и испанский. Отдельные страны АТР характеризуются наличием крупных китайских диаспор, позволяющих отнести их к «языковому полю» китайского языка, иероглифическая письменность которого является общей, несмотря на различные диалекты языка и не-

¹³ Специальный административный район КНР.

¹⁴ Российская империя – Северо-Восток Китая, Нидерландская империя – Индонезия, Португальская империя – Макао, Германская империя – северная часть Папуа – Новой Гвинеи.

которое упрощение письменности, произошедшее в 1960-х гг. в КНР. В исследовании к «языковому полю» китайского языка помимо КНР, Гонконга, Макао и Тайваня отнесены Сингапур и Малайзия как страны, имеющие заметную долю китайской диаспоры в общей численности населения. К «языковому полю» английского языка отнесены страны и экономические территории АТР, которые ранее либо входили в Британскую империю (Австралия, Гонконг, Канада, Новая Зеландия, Сингапур, США), либо находились «под опекой» англоязычных стран, что позволило им сформировать единый язык для коммуникации (Папуа – Новая Гвинея, Тонга, Фиджи, Филиппины). Испанский язык в рамках бывших испанских владений является официальным во всех странах Латинской Америки, территориально относящихся к АТР¹⁵, что было учтено при формировании массива соответствующей фиктивной переменной.

Ключевым параметром при оценке влияния географических факторов на торговлю выступает физическое расстояние. Статистика по физическим расстояниям включала в себя данные как по расстояниям между странами и экономическими территориями АТР ($DIST_{ij}$), так и внутри них ($DIST_{ii}$) для фиксации транспортных издержек на внутренних рынках. Для определения более точного влияния данного параметра на торговлю используются три массива физических расстояний: базовые значе-

ния расстояния; среднее арифметическое эффективное расстояние; среднее гармоническое эффективное расстояние.

В рамках исследования были учтены данные по наличию сухопутной границы ($CNTG_{ij}$) между следующими странами и экономическими территориями АТР: Бруней – Малайзия; Камбоджа – Лаос; Камбоджа – Таиланд; Камбоджа – Вьетнам; Канада – США; Чили – Перу; КНР – Гонконг; КНР – Макао; КНР – Лаос; КНР – Монголия; КНР – Мьянма; КНР – Россия; КНР – Вьетнам; Колумбия – Эквадор; Колумбия – Панама; Колумбия – Перу; Коста-Рика – Никарагуа; Коста-Рика – Панама; Эквадор – Перу; Сальвадор – Гватемала; Сальвадор – Гондурас; Гватемала – Гондурас; Гватемала – Мексика; Гондурас – Никарагуа; Индонезия – Малайзия; Индонезия – Папуа – Новая Гвинея; Лаос – Мьянма; Лаос – Таиланд; Лаос – Вьетнам; Малайзия – Сингапур; Малайзия – Таиланд; Мексика – США; Монголия – Россия; Мьянма – Лаос; Мьянма – Таиланд.

В результате описательная статистика массива данных имеет следующие характеристики (табл. 1).

Результаты оценки

Оценка коэффициентов модели (2) указала на статистически значимое в динамике влияние на торговлю в АТР сухопутной границы и физического расстояния (как для базового, так и для эффективных значений; табл. 2).

Таблица 1. Описательная статистика используемого массива данных

Наименование переменной	Среднее	Стандартное отклонение	Мин.	Макс.
Экспорт (X_{ij}), млрд долл.	3,31	0,20	0	577,13
Внутренняя торговля (X_{ij}), млрд долл.	541,73	114,33	0,03	11245,77
Расстояние между странами ($DIST_{ij}$), км	–	–	–	–
Базовое значение расстояния	9390,38	6014,67	60,77	19812,04
Среднее арифметическое эффективное расстояние	9323,25	5987,45	60,77	19650,13
Среднее гармоническое эффективное расстояние	9273,27	6015,29	60,77	19649,83
Расстояние внутри стран ($DIST_{ii}$), км	–	–	–	–
Базовое значение расстояния	337,76	387,50	1,88	1554,24
Среднее арифметическое эффективное расстояние	408,87	444,38	1,88	1853,80
Среднее гармоническое эффективное расстояние	78,43	69,73	0,22	305,74
Источник: расчеты автора.				

¹⁵ С точки зрения фиктивных переменных для испаноязычных стран АТР их языковая общность совпадает с фактом их нахождения в прошлом в рамках Испанской колонии.

Таблица 2. Результаты оценки модели (2)

Переменная	1	2	3
<i>LANG</i>	0,05 (0,14)	0,12 (0,15)	0,08 (0,15)
<i>CLNY</i>	-0,13 (0,09)	-0,18 (0,11)	-0,16 (0,11)
$\ln DIST_{1993}$	-0,56* (0,04)	-0,66* (0,05)	-0,61* (0,04)
$\ln DIST_{1997}$	-0,53* (0,04)	-0,63* (0,05)	-0,57* (0,04)
$\ln DIST_{2001}$	-0,53* (0,04)	-0,62* (0,05)	-0,57* (0,04)
$\ln DIST_{2005}$	-0,52* (0,04)	-0,62* (0,05)	-0,56* (0,04)
$\ln DIST_{2009}$	-0,54* (0,04)	-0,63* (0,05)	-0,58* (0,04)
$\ln DIST_{2013}$	-0,52* (0,04)	-0,62* (0,05)	-0,56* (0,04)
$\ln DIST_{2017}$	-0,51* (0,04)	-0,61* (0,05)	-0,55* (0,04)
$\ln DIST_{2021}$	-0,48* (0,04)	-0,58* (0,05)	-0,52* (0,04)
<i>CNTG</i> ₁₉₉₃	0,83* (0,13)	0,85* (0,14)	0,65* (0,15)
<i>CNTG</i> ₁₉₉₇	1,16* (0,13)	1,14* (0,13)	0,95* (0,13)
<i>CNTG</i> ₂₀₀₁	1,21* (0,12)	1,18* (0,11)	1,00* (0,12)
<i>CNTG</i> ₂₀₀₅	1,17* (0,12)	1,15* (0,11)	0,97* (0,12)
<i>CNTG</i> ₂₀₀₉	1,07* (0,13)	1,04* (0,12)	0,85* (0,12)
<i>CNTG</i> ₂₀₁₃	1,20* (0,12)	1,16* (0,11)	0,99* (0,11)
<i>CNTG</i> ₂₀₁₇	1,20* (0,13)	1,16* (0,11)	0,99* (0,12)
<i>CNTG</i> ₂₀₂₁	1,18* (0,13)	1,13* (0,12)	0,98* (0,12)
Константа	8,07* (0,72)	7,42* (0,79)	6,81* (0,79)
Pseudo log-likelihood	-9158	-9069	-9096
Pseudo R ²	0,99	0,99	0,99
RESET-test (Prob > chi2)	0,04	0,05	0,02
Число наблюдений	10368	10368	10368
$\Delta \ln DIST_{1993-2021}$, %	-14,72* (1,96)	-12,73* (1,67)	-13,93* (1,84)
$\Delta CNTG_{1993-2021}$, %	73,69** (26,00)	56,04** (28,88)	80,41** (38,52)
Примечания: * p < 0,01; ** p < 0,05. 1–3 – разные зависимости в рамках модели (2): 1 – зависимость с базовым значением физического расстояния; 2 – зависимость со средним арифметическим эффективным физическим расстоянием; 3 – зависимость со средним гармоническим эффективным физическим расстоянием. В скобках указаны робастные значения стандартных ошибок. $\Delta \ln DIST_{1993-2021} = ([\ln DIST_{2021} - \ln DIST_{1993}] / \ln DIST_{1993}) \times 100\%$. $\Delta CNTG_{1993-2021} = ([e^{CNTG_{2021}} - 1] - [e^{CNTG_{1993}} - 1]) / [e^{CNTG_{1993}} - 1]) \times 100\%$.			
Источник: расчеты автора.			

Расчеты свидетельствуют, что негативное влияние расстояния (*DIST*) на торговлю стран АТР постепенно снижалось для всех полученных зависимостей: с -0,56 в 1993 году до -0,48 в 2021 году для базового значения физического расстояния (столбец 1 табл. 2); с -0,66 до -0,58 — для среднего арифметического эффективного физического расстояния (столбец 2 табл. 2); с -0,61 до -0,52 — для среднего гармонического эффективного физического расстояния (столбец 3 табл. 2). Данное обстоятельство указывает на инвариантность выбора значений физических расстояний для целей выявления долгосрочной тенденции снижения негативного влияния расстояния на торговлю в АТР и служит подтверждением проявления гравитационного притяжения между экономиками субглобального региона в долгосрочном периоде.

Сравнительный анализ критериев теста Рамсея (RESET-test) показал, что зависимость со средним арифметическим эффективным физическим расстоянием в целом является более приемлемой из всех рассматриваемых случаев (столбец 2 табл. 2). Следует отметить, что оцененные значения среднеарифметического эффективного физического расстояния близки к базовым значениям физического расстояния, подтверждая большое значение в торговле между странами АТР морских перевозок, которые осуществляются по линейным транспортным маршрутам¹⁶ (Bertho et al., 2016). В результате издержки на преодоление физического расстояния в АТР к 2021 году, по сравнению с 1993 годом ($\Delta \ln DIST_{1993-2021}$) сократились на 12,73%, а полученные оценки подтвердили справедливость высказанной гипотезы, согласно которой в АТР происходило снижение негативного влияния физического расстояния на торговлю в долгосрочном периоде. Притяжение между экономиками, усиливающееся на фоне снижения различного рода тарифных и нетарифных барьеров вследствие интеграционных процессов, роста национальных экономик и нарастания эффекта масштаба торговли в АТР, способствовало заметному сокращению издержек в перемещении товаров между странами субглобального региона. По мере включения все

большого числа экономик в торговые взаимодействия в субглобальном регионе товарные группы, ранее никогда не экспортировавшиеся из тех или иных стран в начале 1990-х гг., стали перемещаться в рамках АТР в 2010-е гг.

Полученные оценки дают основание утверждать, что в долгосрочном периоде по мере расширения товарообмена международных корпораций, меняющейся специализации экономик субглобального региона, расширения объемов производства и потребления товаров наблюдалось ослабление отклонения торговли в пользу домашнего рынка, уменьшающее барьеры торговых взаимодействий между экономиками АТР. Следует также заметить, что существовавшие недавние ограничения в торговых взаимодействиях в связи с пандемией COVID-19 не повлияли на общую тенденцию снижения сдерживающего воздействия пространственной удаленности на торговлю в АТР, указывая на сложившуюся тесную взаимозависимость между экономиками субглобального региона. Также немаловажным процессом стала высокая конкуренция между морскими перевозчиками в АТР, которая, по всей видимости, положительно сказалась на снижении стоимости и сокращении времени доставки грузов, способствуя интенсификации торговли между экономиками субглобального региона (Hummels et al., 2009; Хузиятов, 2010). В случае если внутренний рынок перевозок не изолирован серьезными барьерами, то конкуренция между отечественными и зарубежными транспортными компаниями может осуществляться не только на международных маршрутах, но и на внутреннем рынке (Новосельцев, Холоша, 2011).

Расширение торговли в глобальной экономике в целом и в АТР в частности является, в том числе, следствием технического прогресса в транспортных перевозках (Филина, 2009). Эффект масштаба, внедрение инноваций и конкуренция между перевозчиками способствовали тому, что доля транспортных издержек в совокупной стоимости торгуемых товаров в АТР, оцененная довольно приблизительно как разница между импортом в ценах СИФ и «зеркальным» экспортом в ценах ФОБ, сократилась с более 6,0% в 1993 году до 1,8% в 2021 году, подтверждая справедливость полученных оценок, отраженных в таблице 2.

¹⁶ Review of Maritime Transport 2022. UNCTAD. Available at: <https://unctad.org/publication/review-maritime-transport-2022>

Несмотря на то, что основная часть товарооборота в АТР осуществлялась по морю, в рамках рассматриваемого периода проявлялось положительное влияние сухопутной границы на торговые взаимодействия в субглобальном регионе: с 0,85 в 1993 году до 1,13 в 2021 году (столбец 2 табл. 2). В 2021 году наличие сухопутной границы способствовало увеличению товарооборота между странами АТР на 208,3% ($(e^{1,13} - 1) \times 100\%$) по сравнению с торговлей стран, не граничащих друг с другом, что было аналогично снижению барьеров в тарифном эквиваленте на 28,1%: $[e^{1,13/(1-\sigma)} - 1] \times 100\%$, при $\sigma = 5$ (Anderson, van Wincoop, 2003). В долгосрочном периоде положительное влияние наличия сухопутной границы увеличилось более чем на 56,0% ($\Delta CNTG_{1993-2021}$), или на 74,8 п. п. (208,3% – 133,5%¹⁷) к 2021 году по сравнению с 1993 годом. В итоге оценки подтвердили справедливость второй высказанной гипотезы — в долгосрочном периоде наблюдалось позитивное влияние наличия сухопутной границы на товарооборот в АТР.

В поддержку полученного результата говорит то, что в рассматриваемом периоде, несмотря на ужесточение мер по прохождению пограничного миграционного контроля некоторыми странами АТР, в целом в приграничных странах субглобального региона расширялась инфраструктура пунктов пропуска и уменьшилось время нахождение таможенных процедур, в частности, в рамках Североамериканского рынка (Varajas et al., 2014; Olayele, 2019), а также для взаимодействия КНР с приграничными странами (Изотов, 2020b). Положительное влияние наличия сухопутной границы на торговлю в АТР также может объясняться отсутствием военно-политических противостояний в регионе, за исключением Корейского полуострова (КНДР не вошла в анализируемую панель данных) (Carter, Poast, 2017). Экзогенные процессы кризисного характера сдерживали положительное влияние наличия сухопутной границы на торговые взаимодействия между странами АТР: в рамках мирового кризиса 2009 года в связи с сокращением глобальной торговли и во время пандемии COVID-19 в 2021 году, когда в целях обеспечения мер национальной безопасности

¹⁷ $(e^{0,85} - 1) \times 100\% = 133,5\%$.

для локализации распространения коронавируса, особенно в случае границы с КНР, пункты пропуска периодически закрывались. По этой причине снижалось положительное влияние наличия сухопутной границы на торговлю между странами АТР в 2021 году по сравнению с 2017 годом.

Оценка свидетельствует, что колониальное прошлое (*CLNY*) не оказывало статистически значимого воздействия на торговлю в АТР. Это служит подтверждением выводов, полученных в ряде эмпирических исследований (Head et al., 2010; Jacks et al., 2011), о том, что под влиянием процессов относительно свободного обмена товарами, интеграции на глобальном и региональном уровнях, исчезновения ранее единого «институционального каркаса», характеризующегося некоторыми признаками закрытого торгового блока, постепенно ослабевают и впоследствии разрушаются сформированные в прошлом тесные экономические взаимодействия между бывшей метрополией и доминионами или между бывшими доминионами в рамках существовавшей ранее какой-либо колониальной системы.

Параметр языковой общности (*LANG*) также не оказывал статистически значимого воздействия на торговые взаимодействия в АТР в рассматриваемом периоде¹⁸. Следует заметить, что в современном мире общность языка в целом слабо влияет или не влияет вовсе на товарооборот между странами, поскольку за последние три десятилетия существенно упростились процедуры по экспортно-импортным операциям, которые эффективно обслуживаются сравнительно небольшими профессиональными группами. Что касается АТР, то в данном регионе торговые взаимодействия главным образом осуществляются между тремя крупнейшими экономиками в мире (США, КНР и Япония), которые используют разные официальные языки. Помимо этого, в АТР имеются такие экономики, как Гонконг и Сингапур, успешно выполняющие посреднические функции между странами Юго-Восточной Азии, Китаем и США,

¹⁸ Исключение факторов *CLNY* и *LANG* из модели (2) приводит к заметному снижению значений теста Рамсея (*RESET-test*), указывая на необходимость включения общности языка и колониального прошлого в модель, несмотря на их статистическую незначимость.

тем самым нивелируя негативные эффекты от отсутствия единого языка в крупнейших экономиках субглобального региона. В свою очередь испаноязычные страны АТР преимущественно торгуют с США и странами Восточной Азии, а не друг с другом.

Заключение

За последние три десятилетия торговля между странами и экономическими территориями АТР значительно активизировалась за счет высокого уровня связанности экономик. В 1993–2021 гг. рост крупных и территориально близких друг другу экономик способствовал усилению отклонения торговли в АТР в пользу сравнительно близких и емких рынков, указывая на проявление фрагментации экономического пространства субглобального региона. При этом в целом наблюдалось сокращение стоимости издержек на транспортировку в среднем на одну тонну торгуемых товаров в АТР в реальных ценах.

Ключевым параметром в оценке влияния географических факторов на торговлю в АТР является физическое расстояние. Для определения более точного влияния данного параметра на торговлю использовалось несколько видов значений: базовое; среднее арифметическое эффективное и среднее гармоническое эффективно значения физических расстояний.

Оценки, полученные в рамках современного методического подхода к построению гравитационных моделей, с одной стороны, подтвердили справедливость высказанной гипотезы о долгосрочном снижении негативного влияния на торговлю между экономиками АТР, с другой – указали на инвариантность в выборе значений физических расстояний для определения тенденции влияния географических факторов на торговлю в субглобальном регионе. При этом на основе формальных критериев было определено, что использование среднего арифметического эффективного физического расстояния в качестве ключевого параметра гравитационной модели является более приемлемым для получения корректных оценок влияния географических факторов на торговлю в АТР по сравнению с другими видами расстояния. В итоге оценка показала, что издержки на преодоление физического расстояния в АТР к 2021 году по сравнению с 1993 годом сократились почти на 13%, что выше полученных ранее

значений для глобальной экономики в целом (Borchert, Yotov, 2017). Тем самым подтверждаются высокая интенсивность товарообмена и наличие динамических характеристик воздействия географических факторов на торговлю в субглобальном регионе.

Далее полученные оценки подтвердили справедливость второй гипотезы о наличии долгосрочного позитивного влияния сухопутной границы на товарооборот между странами АТР, несмотря на то что основная часть торговли в субглобальном регионе осуществлялась по морю. В 2021 году наличие сухопутной границы способствовало увеличению товарооборота между странами АТР на 208,3%. Позитивное влияние сухопутной границы возросло более чем на 56% к 2021 году по сравнению с 1993 годом, что может объясняться развитием пропускной способности приграничной инфраструктуры, отсутствием серьезных военно-политических противостояний в АТР. При этом экзогенные процессы кризисного характера сдерживали положительное влияние наличия сухопутной границы на торговлю в АТР.

Что касается прочих факторов, таких как колониальное прошлое и языковая общность, то оценка не показала их статистически значимого воздействия на торговлю в АТР. Во-первых, в условиях сравнительно безбарьерной среды для перемещения товаров, а также снижения относительных издержек на перевозку грузов вследствие доминирования силы гравитационного притяжения между странами стало наблюдаться сближение экономик с точки зрения расширения торговых взаимодействий как между естественными торговыми партнерами, расположенными поблизости, так и с экономиками, территориально удаленными. Тем самым нивелировались существовавшие в недалеком прошлом колониальные связи, сформированные в ряде случаев на неэкономической основе. Во-вторых, гравитационные и интеграционные процессы в АТР сглаживали барьерные функции отсутствия единого языка, в целом не способствуя проявлению особых преимуществ от языковой общности для расширения торговли в субглобальном регионе, что отчасти подтверждается в рамках эмпирических исследований для долгосрочных периодов на уровне глобальной экономики (Borchert, Yotov, 2017; Jacks et al., 2011).

Оценка влияния географических факторов на товарооборот в АТР является важным аспектом для изучения динамики экономической связанности субглобального региона, в пользу которого в последнее десятилетие Россия стремится интенсифицировать свою внешнюю торговлю. Фактически оценка влияния географических факторов на торговлю указала на проявление долгосрочных фундаментальных процессов в субглобальном регионе, связанных с интенсификацией торговых взаимодействий в условиях снижения барьеров и доминирования гравитационного притяжения между экономиками АТР. Создаются предпосылки для формирования высококонкурентного товарообмена в субглобальном регионе и его стремления к эффективному равновесию по Парето в рамках той или иной части АТР в условиях неизбежной фрагментации экономического пространства. Соответственно, сокращение экспорта какой-либо малой экономикой в АТР, к числу которых относится Россия ввиду своей скромной доли во внутрирегиональной торговле, при снижении сравнительных транспортных издержек в большинстве случаев может быть компенсировано поставками из любой другой страны субглобального региона. Поскольку в стоимости сырьевых товаров для конечного потребителя затраты на их транспортировку являются более заметными по сравнению с продукцией с высокой добавленной стоимостью, сравнительное снижение транспортных издержек на перевозку такого рода товаров становится важным элементом конкурентных преимуществ для стран

АТР, специализирующихся в экспорте сырья, к которым относится Россия.

В рамках текущих жестких ограничений к российской продукции на внешних рынках со стороны развитых стран, в условиях общей динамики по снижению сравнительных транспортных издержек в АТР увеличение такого рода расходов способно ограничить географическое распределение экспорта из России, все больше ориентируя его на близкие рынки, на которых пока не создаются значительные барьеры для допуска данных товаров. Несмотря на вхождение России в восьмерку стран – крупнейших владельцев судов морского флота в мире (Fan et al., 2018), что при прочих равных условиях позволяет ей долгое время поддерживать тесные взаимодействия с глобальными рынками, российская экономика в рамках АТР будет все больше испытывать влияние гравитационного притяжения со стороны экономики Китая вследствие создания барьеров для средних и дальних морских перевозок в тихоокеанском регионе за счет сужения возможностей по транспортировке и страхованию поставок, фактически дедиверсифицируя географию своей торговли в пользу близлежащих рынков Восточной Азии. С другой стороны, расширение товарооборота с Китаем через сухопутные приграничные пункты пропуска может стать в ближайшее время одной из главных компонент поддержания функционирования ряда традиционных отраслей экономики России, даже несмотря на риски, связанные с негативными эффектами от монополии.

Литература

- Изотов Д.А. (2020а). Эффекты торговой интеграции стран АТР в условиях процессов глобализации и регионализации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 4. С. 91–107. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.5
- Изотов Д.А. (2020b). Торговые взаимодействия регионов КНР с Россией: эффект границ // Пространственная экономика. Т. 16. № 3. С. 24–51. DOI: 10.14530/se.2020.3.024-051
- Изотов Д.А. (2023). Эффекты взаимной торговли в АТР: проявления на товарных рынках // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 3. С. 126–141. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87
- Новосельцев Е.М., Холоша М.В. (2011). Региональные аспекты развития морского флота на Дальневосточном бассейне // Вестник транспорта. № 10. С. 11–15.
- Филина В.Н. (2009). Транспортные логистические услуги в России в условиях интеграции в мировой рынок // Проблемы прогнозирования. № 3. С. 45–57.
- Хузиятов Т.Д. (2010). Морское судоходство стран АТР в период мирового кризиса // Российский внешнеэкономический вестник. № 1. С. 43–49.
- Anderson J.E., van Wincoop E. (2003). Gravity with gravitas: A solution to the border puzzle. *American Economic Review*, 93, 171–192. DOI: 10.1257/000282803321455214

- Baier S.L., Kerr A., Yotov Y.V. (2018). Gravity, distance, and international trade. In: *Handbook of International Trade and Transportation*. DOI: 10.4337/9781785366154.00007
- Baldwin R., Taglioni D. (2006). *Gravity for Dummies and Dummies for Gravity Equations*. National Bureau of Economic Research Working Paper 12516. Available at: <http://www.nber.org/papers/w12516>
- Barajas I.A., Sisto N.P., Gaytán E.A. et al. (2014). Trade flows between the United States and Mexico: NAFTA and the Border Region. *Journal of Urban Research*, 10. DOI: 10.4000/articulo.2567
- Bergstrand J.H., Larch M., Yotov Y.V. (2015). Economic integration agreements, border effects, and distance elasticities in gravity equations. *European Economic Review*, 78, 307–327. DOI: 10.1016/j.euroecorev.2015.06.003
- Bertho F., Borchert I., Mattoo A. (2016). The trade reducing effects of restrictions on liner shipping. *Journal of Comparative Economics*, 44, 231–242. DOI: 10.1016/j.jce.2016.03.001
- Bista R., Tomasik R. (2019). Time zones, GDP & exports. *Applied Economics Letters*, 26, 496–500. DOI: 10.1080/13504851.2018.1486980
- Borchert I., Yotov Y.V. (2017). Distance, globalization, and international trade. *Economics Letters*, 153, 32–38. DOI: 10.1016/j.econlet.2017.01.023
- Bosquet C., Boulhol H. (2015). What is really puzzling about the “distance puzzle”. *Review of World Economics*, 151, 1–21. DOI: 10.1007/s10290-014-0201-x
- Buch C.M., Kleinert J., Toubal F. (2004). The distance puzzle: On the interpretation of the distance coefficient in gravity equations. *Economics Letters*, 83, 293–298. DOI: 10.1016/j.econlet.2003.10.022
- Carter D.B., Poast P. (2017). Why do States build walls? Political economy, security, and border stability. *Journal of Conflict Resolution*, 61, 239–270. DOI: 10.1177/0022002715596776
- Chaney T. (2014). The network structure of international trade. *American Economic Review*, 104, 3600–3634. DOI: 10.2307/43495348
- Eaton B.C., Kortum S. (2002). Technology, geography, and trade. *Econometrica*, 70, 1741–1779. DOI: 10.1111/1468-0262.00352
- Egger P.H., Larch M., Yotov Y.V. (2022). Gravity estimations with interval data: Revisiting the impact of free trade agreements. *Economica*, 89, 44–61. DOI: 10.1111/ecca.12394
- Fan L., Li X., Zhang S., Zhang Z. (2018). Vessel size, investments and trade. In: *Handbook of International Trade and Transportation*. DOI: 10.4337/9781785366154.00027
- Filippini C., Molini V. (2003). The determinants of East Asian trade flows: A gravity equation approach. *Journal of Asian Economics*, 14, 695–711. DOI: 10.1016/j.asieco.2003.10.001
- Hassner R., Wittenberg J. (2015). Barriers to entry: Who builds fortified borders and why? *International Security*, 40, 157–190. DOI: 10.1162/ISEC_a_00206
- Head K., Mayer T. (2010). Illusory border effects: Distance mismeasurement inflates estimates of home bias in trade. In: Van Bergeijk P., Brakman S. (Eds.). *The Gravity Model in International Trade: Advances and Applications*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511762109.006
- Head K., Mayer T. (2013). What separates us? Sources of resistance to globalization. *Canadian Journal of Economics*, 46, 1196–1231. DOI: 10.1111/caje.12055
- Head K., Mayer T., Ries J. (2010). The erosion of colonial trade linkages after independence. *Journal of International Economics*, 81, 1–14. DOI: 10.1016/j.jinteco.2010.01.002
- Hummels D., Lugovskyy V., Skiba A. (2009). The trade reducing effects of market power in international shipping. *Journal of Development Economics*, 89, 84–97. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2008.05.001
- Jacks D.S., Meissner C.M., Novy D. (2011). Trade booms, trade busts, and trade costs. *Journal of International Economics*, 83, 185–201. DOI: 10.1016/j.jinteco.2010.10.008.
- Lin F., Sim N.C.S. (2012). Death of distance and distance puzzle. *Econometrics Letters*, 116, 225–228. DOI: 10.1016/j.econlet.2012.03.004
- Lopez S.A., Ezcaray R.H. (2015). *Gravity Estimations to Correct the “Small Shares Stay Small” Bias in Economic Models. The Example of Mercosur and EU Agri-Food Trade*. EUR 27264. Luxembourg: Publications Office of the European Union; JRC96089. DOI: 10.2791/531517
- Olayele B.F. (2019). Gravity, borders, and regionalism: A Canada–US sub-national analysis. *The International Trade Journal*, 33, 416–443. DOI: 10.1080/08853908.2019.1628675
- Santos Silva J., Tenreyro S. (2006). The log of gravity. *Review of Economics and Statistics*, 88, 641–658. DOI: 10.1162/rest.88.4.641

- Starr H., Thomas G. (2002). The “nature” of contiguous borders: Ease of interaction, salience, and the analysis of crisis. *International Interactions*, 28, 213–235. DOI: 10.1080/03050620213655
- Wei S.-J., Frankel J.A. (1997). Open versus closed trade blocs. In: Ito T., Krueger A.O. (Eds.). *Regionalism versus Multilateral Trade Arrangements*. NBER-EASE. Available at: <http://www.nber.org/chapters/c8598>
- Yotov Y.V. (2012). A simple solution to the distance puzzle in international trade. *Economics Letters*, 117, 794–798. DOI: 10.1016/j.econlet.2012.08.032
- Yotov Y.V. (2022). *Gravity at Sixty: The Workhorse Model of Trade*. CESifo Working Paper, No. 9584, Center for Economic Studies and ifo Institute (CESifo), Munich. DOI: 10.2139/ssrn.4037001
- Yu S., Tang H.C., Xu X. (2014). The impact of the ACFTA on ASEAN–PRC trade: Estimates based on an extended gravity model for component trade. *Applied Economics*, 46, 2251–2263. DOI: 10.1080/00036846.2014.899676

Сведения об авторе

Дмитрий Александрович Изотов – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: izotov@ecrin.ru)

Izotov D.A.

The Impact of Geographical Factors on Expanding Trade Interactions between Countries (on the Example of the Asia-Pacific Region)

Abstract. The aim of the study is to assess the impact of geographical factors on trade in the Asia-Pacific region. We show that physical distance is the key parameter in assessing the influence of geographical factors on trade within the framework of gravity dependence. The estimates obtained confirm the validity of the hypothesis concerning a long-term reduction in the negative impact of physical distance calculated in various ways on trade in the Asia-Pacific region, indicating the invariance in the choice of values of this parameter to determine the general trend of the influence of geographical factors on commodity exchange in the subglobal region. It is determined that the use of an arithmetic mean physical distance is more acceptable for obtaining correct estimates of the influence of geographical factors on trade in the Asia-Pacific region in terms of compliance with formal criteria for gravitational modeling. The negative impact of physical distance on trade in the Asia-Pacific region has decreased by almost 13% by 2021 compared to 1993, indicating a high intensity of commodity exchange in the subglobal region. The estimates obtained confirm the assumption that the land border has a positive impact on trade turnover in the Asia-Pacific region, which increased by 56% in 1993–2021. We find that the presence of a land border contributed to the expansion of trade between border economies in comparison with other countries of the Asia-Pacific region by 208.3% in 2021. The assessment shows the absence of a statistically significant impact of other factors – the colonial past and linguistic community – on trade in the Asia-Pacific region; this indicates the leveling of ties formed in the past due to the dominance of gravitational attraction between economies in terms of reducing barriers in interactions between them. It is shown that against the background of a decrease in comparative transport costs in the Asia-Pacific region, the current sanctions against Russia are able to limit the geographical distribution of Russian exports, reducing it to the neighborhood markets of the subglobal region, where the Russian economy will experience an increasing gravitational pull from China.

Key words: trade, geographical factors, physical distance, transport costs, land border, linguistic community, colonial past, gravity model, Asia-Pacific region.

Information about the Author

Dmitrii A. Izotov – Doctor of Sciences (Economics), Leading Researcher, Economic Research Institute Far Eastern Branch RAS (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: izotov@ecrin.ru)

Статья поступила 02.08.2023.

Результативность российской фармацевтической промышленности в догоняющем и опережающем развитии

Александр Борисович

ГУСЕВ

Финансовый университет при Правительстве РФ

Москва, Российская Федерация

e-mail: abgusev@fa.ru

ORCID: 0000-0001-9063-0601; ResearcherID: J-9829-2014

Максим Андреевич

ЮРЕВИЧ

Финансовый университет при Правительстве РФ

Москва, Российская Федерация

e-mail: mayurevich@fa.ru

ORCID: 0000-0003-2986-4825; ResearcherID: J-9698-2014

Аннотация. Статья посвящена оценке результативности российской фармацевтической промышленности на предмет определения перспектив в достижении лекарственной независимости и фармацевтического лидерства на внутреннем рынке, более половины которого занято зарубежными лекарственными препаратами. Результативность рассмотрена с точки зрения успехов в импортозамещении (догоняющий сценарий), а также разработке оригинальных лекарственных препаратов (сценарий опережения). Сопоставление основных экономических показателей ведущих зарубежных и российских фармацевтических компаний отражает ослабленные позиции последних. В государственном целеполагании для отечественного фармацевтического производства выявлена межведомственная несогласованность в перечнях наиболее значимых лекарственных препаратов. Проведенный выборочный анализ реализации с 2015 года плана

Для цитирования: Гусев А.Б., Юревич М.А. (2023). Результативность российской фармацевтической промышленности в догоняющем и опережающем развитии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 6. С. 55–73. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.3

For citation: Gusev A.B., Yurevich M.A. (2023). Catching-up and outstripping development of the Russian pharmaceutical industry. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(6), 55–73. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.3

импортозамещения Минпромторга России показал результаты, которые даже по формальным признакам не свидетельствуют об успехе в полноценном освоении производства множества лекарственных средств (в частности, обнаружено сохранение зависимости от зарубежных активных фармацевтических субстанций, единичность отечественной компании-изготовителя). На фактуре о незначительном количестве оригинальных лекарственных препаратов, в отношении которых российскими разработчиками были инициированы клинические исследования в 2020–2022 гг., обоснован тезис о принципиальной невозможности реализации сценария опережения. Полученные результаты свидетельствуют о несоответствии текущей конфигурации российского фармацевтического производства решению задачи по достижению лекарственной независимости. Сформировано предложение о консолидации активов, координации производственных программ и исследовательских повесток для форсированного и полноценного импортозамещения. Перспективы исследования в области импортозамещения связаны с углублением анализа производственных показателей, объемов продаж, а также клинических характеристик воспроизведенных лекарственных препаратов по сравнению с зарубежными аналогами. В сфере анализа инновационности фармацевтического производства представляется целесообразной методическая проработка вопросов идентификации оригинальных лекарственных препаратов и включение данного показателя в управление отраслью.

Ключевые слова: лекарственная независимость, результативность фармацевтической промышленности, фармацевтическое импортозамещение, государственное управление.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках выполнения прикладной НИР на тему «Разработка рекомендаций по обеспечению экономического роста в России в условиях санкционных ограничений» (ВТК-ГЗ-ПИ-37-23). Авторы благодарят Е.В. Балацкого за комментарии и предложения к статье, позволившие ее улучшить.

Введение

Захват зарубежными лекарственными препаратами более половины российского фармацевтического рынка при фактическом устранении из фармацевтической отрасли государственного сектора оставил российским частным компаниям в лучшем случае догоняющий режим функционирования. Далеко не доминирующее положение российской фармацевтической промышленности на внутреннем рынке генерирует крупные демографические риски для национальной безопасности. Восстановление отрасли представляется долгосрочным государственным проектом, сопоставимым по значимости, например, с возрождением гражданского самолетостроения или микроэлектроники. Статья является продолжением работы (Гусев, Юревич, 2023) в части анализа начальных условий и тактики антикризисной мобилизационной модели развития российской фарминдустрии.

По доле фармацевтической отрасли в структуре ВВП Россия с показателем 0,4% (2020 г.) отстает от Бразилии (0,6% ВВП) и в 12 раз усту-

пает Швейцарии (4,8% ВВП), что подчеркивает значительный потенциал для роста (Balatsky, Ekimova, 2023). В данной работе будут подробнее рассмотрены не масштабы отрасли, а ее внутреннее устройство и ключевые показатели результативности, позволяющие увидеть имеющиеся возможности.

Вместе с тем нельзя утверждать, что на федеральном уровне отсутствует понимание проблемы существенной несамостоятельности России в сфере производства лекарственных препаратов. В 2010 году на уровне Правительства России сформирован перечень препаратов, производство которых должно быть освоено в России. С 2015 года Минпромторг России подготовил и реализует планы импортозамещения в фармацевтической отрасли. Почти 10 лет работает госпрограмма «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности»¹. Однако, несмотря на государственные мероприятия,

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 305.

в том числе вкладываемые финансовые ресурсы, внешняя фармацевтическая зависимость не претерпевает качественных изменений в сторону национальных интересов России.

Цель данной работы состоит в оценке результативности российской фармацевтической промышленности для понимания перспектив достижения лекарственной независимости² и фармацевтического лидерства³.

Результативность российского фармацевтического производства рассматривается по двум связанным направлениям. Первое направление — это догоняющий сценарий импортозамещения, когда ставится задача воспроизвести применяемые на территории России иностранные лекарственные препараты⁴. Такое импортозамещение имеет технологические и экономические нюансы.

Следует подчеркнуть, что производство лекарственных препаратов внутри страны, даже с получением регистрационного удостоверения на имя российской организации, не является импортозамещением, если такие препараты изготовлены на основе зарубежных фармацевтических субстанций. При таком разделении труда отечественным компаниям достаются вторичные операции: фасовка, упаковка, выпускающий контроль качества. Таким образом, с технологической стороны обязательным требованием является освоение производства в России соответствующих активных фармацевти-

ческих субстанций (АФС). В свою очередь это затрагивает независимость от зарубежных поставок в части производственного оборудования, компонент, материалов.

Другим техническим критерием успешного импортозамещения является сохранение потребительских характеристик у воспроизведенного лекарственного препарата (АФС) в части эффективности и безопасности, что обуславливается комплексом факторов (чистота использованных веществ, адекватность примененных заменителей, качество производства и др.). Выполнить сравнение характеристик можно в лабораторных условиях, а также с учетом мнения людей, принимающих препараты.

С экономической точки зрения полноценное импортозамещение, в том числе в части выпуска АФС, предполагает отсутствие дефицита отечественной продукции на внутреннем рынке, минимизирует либо исключает импорт готовых лекарственных препаратов (АФС). Сценарий, когда производство востребованной АФС освоено малым бизнесом и в масштабах отрасли является незаметным, не позволяет считать импортозамещение реализованным.

В догоняющем сценарии самостоятельное значение приобретает фактор сокращения отставания от зарубежных производителей. Методически данный эффект нуждается в проработке. Из наиболее доступных возможностей можно выделить анализ выполнения государственных планов по импортозамещению.

Второе направление результативности — это сценарий опережающего развития российской фармацевтической индустрии, который является акселератором того же догоняющего импортозамещения. Под опережением понимается инновационная деятельность по разработке оригинальных (новых) лекарственных препаратов, то есть уникальной продукции как для России, так и в мире⁵. Именно устойчивая

² Под лекарственной независимостью понимается состояние обеспеченности внутреннего рынка не менее чем на 90% по объему потребления (в натуральном и стоимостном выражении) конкурентоспособными по сравнению с зарубежными аналогами лекарственными препаратами российского производства полного цикла (включая производство активных фармацевтических субстанций).

³ Под фармацевтическим лидерством понимается активность разработки оригинальных лекарственных препаратов (новых в мире) в количестве и по областям применения, сопоставимая с аналогичными показателями государств с развитой фармацевтической промышленностью (США, Великобритания, Германия, Швейцария).

⁴ Импортозамещение — это инструмент обеспечения лекарственной независимости. По мнению авторов, импортозамещение считается успешным, когда реализовано условие о достижении на внутреннем рынке доли отечественных лекарственных препаратов не менее 90% (в натуральном и стоимостном выражении объемов потребления).

⁵ Согласно Федеральному закону от 12 апреля 2010 года № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» под оригинальным лекарственным препаратом понимается лекарственный препарат с новым действующим веществом, который первым зарегистрирован в Российской Федерации или в иностранных государствах на основании результатов доклинических исследований лекарственных средств и клинических исследований лекарственных препаратов, подтверждающих его качество, эффективность и безопасность.

инновационная активность подтверждает фармацевтическое лидерство. Число разрабатываемых компаниями оригинальных лекарственных препаратов может идентифицироваться на этапе проведения клинических исследований. При этом многофазовость клинических исследований позволяет дополнительно отфильтровать оригинальные препараты, допустив до применения в практическом здравоохранении только наиболее удачные с точки зрения эффективности и безопасности разработки. Таким образом, портфель разработок оригинальных лекарственных препаратов должен быть весьма насыщенным еще на доклиническом этапе.

В фармацевтической отрасли тактики догоняющего и опережающего развития не являются взаимоисключающими. Однако нахождение баланса между ними в области распределения имеющихся ресурсов, ожидаемой коммерческой эффективности становится самостоятельной управленческой задачей на уровне российских компаний. В текущей парадигме государственного управления отечественной отраслью тактика догоняющего развития становится более понятным предметом регулирования, чем тактика опережения, сопряженная со сложностью целеполагания, долгосрочной перспективой и повышенными рисками неуспеха. Следует подчеркнуть, что в условиях высокой импортозависимости решение задачи опережающего развития может получить только весьма локальный масштаб, уступая приоритет и основную массу ресурсов догоняющему сценарию развития, позволяющему сокращать продуктивное и технологическое отставание.

Для конечных потребителей ошибки в нахождении оптимального сочетания догоняющего и опережающего режимов функционирования фармацевтического производства будут выражаться в следующем: отсутствие либо низкая доступность широко используемых лекарственных препаратов при чрезмерном увлечении «опережением» и сравнительно меньшая эффективность скопированных лекарственных препаратов без явных возможностей их улучшения — при затянувшемся во времени «преследовании», которое не завершается в разумные сроки паритетом хотя бы по перечню ключевых продуктовых позиций.

В области методической новизны работы следует отметить апробированные подходы в аналитическом использовании отраслевых источников первичной информации о продуктах, без которых выявить и проанализировать конкретные результаты догоняющего и опережающего режима развития фарминдустрии не представляется возможным (Государственный реестр лекарственных средств, Реестр разрешенных клинических исследований лекарственных препаратов, государственные отраслевые планы импортозамещения).

Новизна результатов исследования состоит в оценке успешности реализации догоняющего и опережающего векторов развития российской фармацевтической промышленности, а также обосновании необходимости новой парадигмы организации фармацевтической отрасли на смену ее текущей конфигурации, обладающей комплексом недостатков административного, структурно-производственного и маркетингового характера (децентрализация отраслевого государственного управления, необоснованно минимизированный фармацевтический госсектор, раздробленность частного сектора, критическая зависимость от импортных фармацевтических субстанций, устойчивое доминирование на внутреннем рынке продукции компаний «Большой фармы»).

Скептицизм относительно долгосрочной эффективности государственного управления в фармацевтической отрасли и, соответственно, отраслевой результативности придают положения Стратегии развития фармацевтической промышленности РФ на период до 2030 года⁶. В соответствии с документом, административное авторство которого принадлежит Минпромторгу России, вектор развития отрасли идеологически будет повторять прошедшее десятилетие, не отмеченное крупным прогрессом.

Перед анализом фармацевтической результативности российской отрасли рассмотрим основные экономические показатели компаний «Большой фармы» и ведущих российских организаций. Это позволит сопоставить ресурсы, оценить конкурентные возможности сторон.

⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 7 июня 2023 г. № 1495-р.

Сравнительная исследовательская активность фармацевтических компаний

За исключением сегмента производства дженериков мировой фармацевтический рынок имеет высокие барьеры для новых участников, которые в большей степени связаны с накоплением технологических ресурсов. В результате реальная рыночная власть сконцентрирована в руках нескольких крупных корпораций, которые часто называются «Большой фармой» (Dosi et al., 2023). Фармацевтическая отрасль, по сути, находится под контролем узкого круга иностранных компаний, строго защищающих свои производственные технологии и контролирующими потоки продаж.

Если рынок дженериков для стран с формирующейся фармацевтической отраслью становится все более доступным, то успехи в разработке и реализации оригинальных лекарственных препаратов являются скорее исключениями из правил. Причина заключается в возрастающей стоимости создания таких лекарственных препаратов. На фоне устойчивого роста затрат на НИОКР, доклинические и клинические испытания уже долгие годы наблюдается тренд на снижение количества оригинальных лекарственных препаратов, одобренных специальными ведомствами (FDA, США и др.) (Paul et al., 2010). Например, в 2000-х гг. средняя стоимость вывода на рынок лекарственных препаратов на основе молекулярного соединения равнялась приблизительно 1,8 млрд долл., а почти 10 лет спустя эта сумма достигла уже 2,8 млрд долл. (DiMasi et al., 2016), а к 2020 г. — 6,2 млрд долл. (Schuhmacher et al., 2023). Несмотря на то, что полученные цифры имеют неполную сопоставимость (различные выборки компаний, способы расчета и др.), возрастающая тенденция стоимости создания оригинальных лекарств последовательно устанавливается во многих исследованиях (Pammolli et al., 2011; Meier et al., 2013; Kruse et al., 2014; Pammolli et al., 2020). Более того, к 2020 году семь из 16 обследованных компаний «Большой фармы» имели отрицательную производительность НИОКР (соотношение прибыли от новых препаратов и затрат на НИОКР) (Schuhmacher et al., 2023).

Следует также отметить метаморфозы в разработке оригинальных лекарственных препаратов компаниями «Большой фармы». Так, в 2009–2018 гг. топ-10 фармкомпаний лишь в

одном году зарегистрировали более половины новых лекарств, а в 2017–2018 гг. даже топ-30 не смогли получить половину лицензий⁷. Стартапы и компании среднего масштаба (с годовой выручкой до 1 млрд долл.) постепенно становятся источниками инновационных лекарственных препаратов (по крайней мере, на начальных этапах разработки). Но фармацевтические гиганты используют другое преимущество для сохранения своих позиций. Огромный внутренний капитал и почти безлимитные возможности получения заемных средств позволяют им поглощать и вливать конкурентов — в последние годы порядка 80% таких сделок были выполнены представителями «Большой фармы»⁸ (НВМ, 2023). Таким образом, происходит уравнивание рисков, связанных с огромными инвестициями в разработку новых лекарственных препаратов (Березной, 2022; Redit, 2022; Keenan et al., 2023), что, в частности, позволило упомянутым ранее корпорациям с отрицательной производительностью НИОКР показывать положительные финансовые результаты (Schuhmacher et al., 2023).

Вытеснение «Большой фармы» с национального рынка вполне возможно, но требует активных действий со стороны правительств. Помимо стран с развивающейся фармацевтической индустрией эта задача поставлена даже на уровне Европейского союза: был утвержден вектор на укрепление производственного и технологического суверенитета в области вакцин и других медицинских препаратов (Groshkova et al., 2021). Стимулом к этому послужили, в том числе, критические затруднения кампании вакцинации в ходе пандемии COVID-19 из-за зависимости от поставок производителей, находящихся за пределами Евросоюза (Crespi et al., 2021).

За представленными на российском рынке зарубежными лекарственными препаратами в большинстве случаев стоят крупные транснациональные фармацевтические компании. Попытки потеснить их с российского рынка в ре-

⁷ НВМ (2019). New Drug Approval Report 2019. Available at: <https://www.hbmpartners.com/media/docs/industry-reports/Analysis-of-FDA-Approvals-2018-and-Previous-Years.pdf>

⁸ НВМ (2023). Pharma/Biotech M&A Report. Available at: <https://www.hbmpartners.com/media/docs/HBM-M-A-Report/HBM-Biopharma-M-A-Report-2022.pdf>

зультате конкурентно-административной борьбы неизбежно приведут к противостоянию не только с самими компаниями, но и с соответствующими иностранными государствами.

Успех конкурентной борьбы может быть достигнут, когда отечественные препараты по своим характеристикам эффективности и безопасности будут хотя бы сопоставимы с зарубежными. Это предъявляет высокие, можно сказать, мировые требования к российским разработ-

чикам, ресурсам, инфраструктуре. Например, решать сложные фармацевтические задачи в условиях худших, чем у конкурентов, будет весьма проблематично.

В таблице 1 приведены экономические показатели ряда компаний «Большой фармы», обосновавшихся на российском рынке с многомиллиардными объемами продаж, а также лидирующих частных отечественных организаций.

Таблица 1. Коммерческая и инновационная активность «Большой фармы» и наиболее заметных российских фармацевтических компаний, 2022 года, млрд долл.

№ п/п	Фармацевтическая компания	Страна	Размер выручки (год)	Затраты на исследования и разработки (год)
1	Pfizer	США	100,33	11,43
2	Johnson & Johnson	США	94,94	14,6
3	Roche	Швейцария	66,26	14,71
4	Merck & Co	Германия	59,28	13,55
5	AbbVie	США	58,05	6,51
6	Bayer	Германия	53,459	6,924
7	Novartis	США	50,55	10,00
8	Bristol-Myers Squibb	США	46,16	9,51
9	Sanofi	Франция	45,22	7,06
10	AstraZeneca	Великобритания – Швеция	44,35	9,76
11	Abbott	США	43,653	2,888
12	GlaxoSmithKline	Великобритания	36,271	6,788
13	Takeda	Япония	31,764	4,682
14	Eli Lilly	США	28,54	7,19
15	Gilead Sciences	США	27,281	4,977
16	Amgen	США	26,323	4,434
17	Novo Nordisk	Дания	25,057	3,405
18	Boehringer Ingelheim	Германия	25,555	5,341
19	Regeneron Pharmaceuticals	США	12,173	3,593
20	Biogen	США	10,173	2,231
21	АО «Р-Фарм»	Россия	2,489*	0,003*
22	АО «Фармстандарт»	Россия	1,971	Нет данных
23	АО «Генериум»	Россия	1,609*	Нет данных
24	АО «Биокад»	Россия	1,262*	Нет данных
25	АО «ОТИСИФАРМ»	Россия	0,646	Нет данных

* Данные за 2021 г.

Составлено по: Top 10 pharma R&D budgets in 2022. URL: [60](https://www.fiercebiotech.com/biotech/top-10-pharma-rd-budgets-2022#:~:text=Roche%20spent%2014.05%20billion%20Swiss,jumping%20ahead%20of%20Merck%20%26%20Co; MacroTrends. URL: https://www.macrotrends.net/stocks/charts/GSK/gsk/revenue; Центр раскрытия корпоративной информации. URL: https://e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=38473&type=3</p>
</div>
<div data-bbox=)

Прежде всего обращает на себя внимание несопоставимость масштаба бизнеса российских и зарубежных компаний на несколько порядков в пользу последних. Конкурентная борьба будет протекать в крайне невыгодном формате: «один маленький против множества больших». При этом порядковая разница отмечается в значении показателя исследовательской активности — доля затрат на исследования и разработки в объеме выручки. Среди компаний «Большой фармы» эта величина составляла не менее 10% с единственным исключением в лице компании Abbott: 6,62% от 43,65 млрд долл. в 2022 году. Первенство по исследовательской активности в 2022 году принадлежало компании Regeneron Pharmaceuticals: 29,5% от 12,2 млрд долл. На этом фоне годовые расходы на исследования и разработки российского фармацевтического лидера (ОА «Р-Фарм») в размере 241 млн руб. (0,13% годовой выручки) невозможно воспринимать как установку на соперничество с кем-либо хотя бы в одной товарной позиции. К слову, в допандемийное время отечественные фармкомпании в среднем тратили на НИОКР 1–2% от выручки (Комарова, Петров, 2016), но, скорее всего, это оптимистичные оценки.

Проблемы результативности в импортозамещении

Восстановление отечественного производства лекарственных препаратов по ключевым наименованиям является стратегической задачей, решаемой, но не решенной, в течение десятилетий. Разнообразные количественные оценки успешности процессов импортозамещения в российской экономике в целом и фармацевтической промышленности в частности свидетельствуют в пользу укрепления позиций российских производителей (Литвинова и др., 2019). Но при этом часто остается за скобками вопрос о необходимом/достаточном уровне производственного суверенитета для конкретного рынка или товарной группы. Фармацевтическую отрасль принято причислять к одной из самых уязвимых и зависимых от внешних поставок сырья, оборудования; тем не менее встречаются экспертные оценки, согласно которым переход на импортозамещающую модель, начатый в 2014 году, вполне удался, появилась критическая масса высокотехноло-

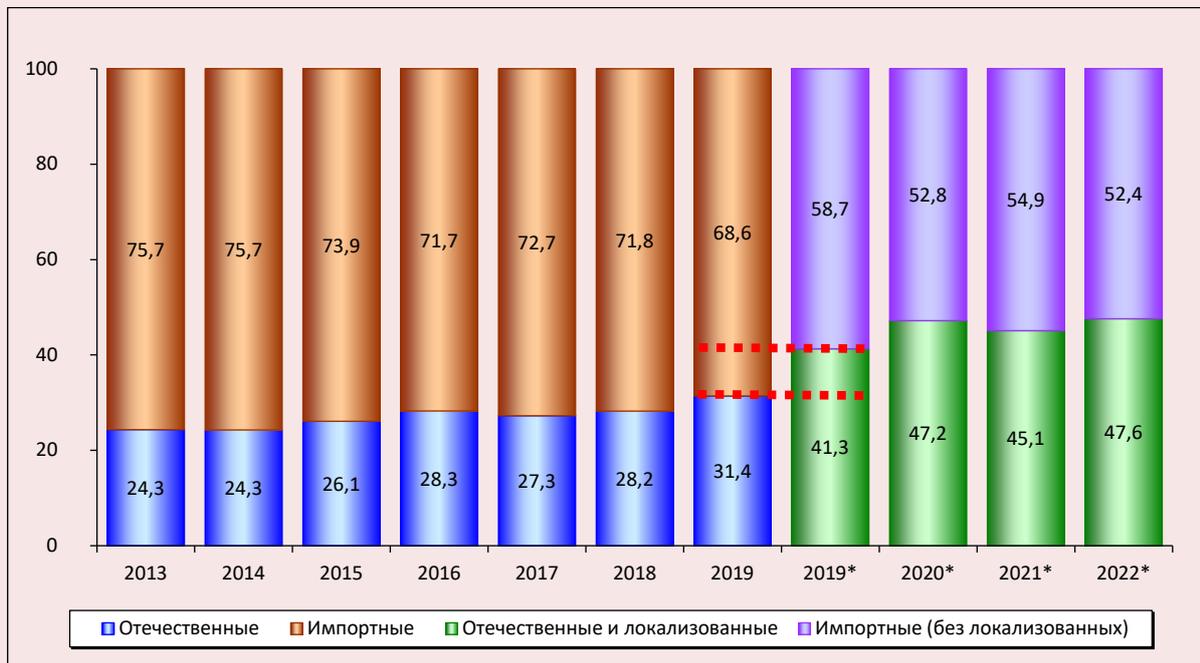
гичных производителей на территории России и т. д. (например, Доржиева, 2022).

Среди причин, тормозящих импортозамещение, часто называется недостаточно активное участие государства. Отмечается, что роль государства помимо прочего (например, субсидирование, налоговые льготы, прямая и косвенная поддержка НИОКР, развертывание сети фармацевтических кластеров и др. (Котлярова и др., 2017; Крестьянинов, 2018; Доржиева, 2023)) должна заключаться в создании «якорного спроса» на инновационные лекарственные препараты отечественного производства (Мамедьяров, 2017). И в данном контексте государство представлено не только федеральными органами, но также властями субъектов РФ, которые сильно заинтересованы в развитии региональной промышленности (Гулин и др., 2015).

Реальная оценка процессов импортозамещения затруднена отсутствием достоверной и сопоставимой во времени информации. Аналитические отчеты DSM Group, которые считаются одними из самых надежных источников количественных сведений о фармацевтическом рынке России, также позволяют получить лишь примерное представление о вытеснении иностранных конкурентов (рис. 1). В частности, с 2020 года стали учитываться локализованные лекарственные препараты в группе отечественных лекарственных препаратов, а годовые оценки рынка были заменены ежемесячными. Тем не менее в период с 2013 по 2022 год рыночная доля лекарственных препаратов отечественного производства, судя по всему, выросла более чем на 10 п. п. По другим данным, российские лекарства заняли почти две трети розничного рынка еще в 2020 году (Абдикеев, 2022).

Распоряжением Правительства РФ от 6 июля 2010 г. № 1141-р был утвержден и далее актуализировался перечень стратегически значимых лекарственных средств, производство которых должно быть обеспечено на территории Российской Федерации. В редакции от 1 августа 2020 г. данный перечень насчитывает 214 наименований. Тем не менее ни сроков освоения производства (в случае его отсутствия), ни объемов продукции, ни лекарственных форм правительственный документ не содержит. Эти вопросы отданы на откуп Минпромторгу России.

Рис. 1. Соотношение объемов продаж импортных и отечественных лекарственных препаратов розничного коммерческого рынка России, % от общего объема

* Данные за декабрь соответствующего года.

Источник: Аналитические отчеты DSM Group. URL: <https://dsm.ru/marketing/free-information/analytic-reports/>

После ввода антироссийских санкций в 2014 году приказом Минпромторга России от 31 марта 2015 г. № 656 был утвержден отраслевой план мероприятий по импортозамещению в фармацевтической промышленности, рассчитанный на период до 2020 года. Данный план был обновлен единственный раз (4 сентября 2018 г.). В настоящий момент в документе содержится перечень из 602 лекарственных средств с различными значениями двух показателей: «фактический показатель доли импорта до реализации проекта» и «максимальные плановые показатели доли импорта до 2020 г.».

Логика первой «пятилетки» фармацевтического импортозамещения имеет существенные изъяны.

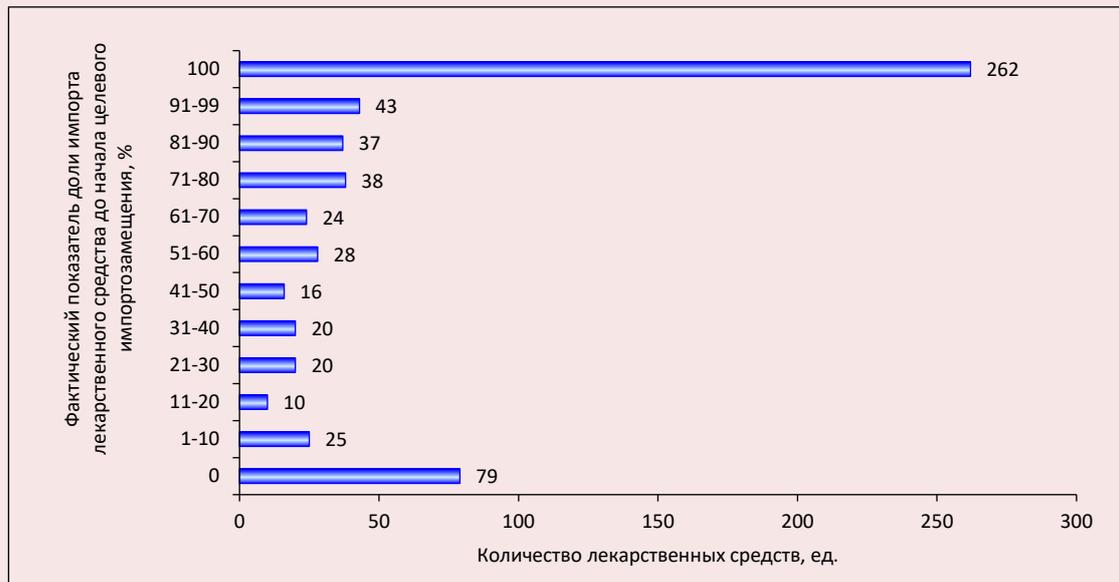
Во-первых, термин «лекарственное средство» объединяет лекарственный препарат и фармацевтическую субстанцию. Отсюда совершенно не ясно, к какой же все-таки категории относится каждая из 602 позиций. Лекарственные средства не сгруппированы по каким-либо

признакам и, таким образом, не систематизированы по областям применения. Лекарственные формы не идентифицированы.

Во-вторых, сценарий импортозамещения, состоящий в разработке аналогов зарубежным лекарственным средствам, смешан со сценарием загрузки дополнительных мощностей внутри России в условиях освоения производства. Так, к производственному сценарию относятся 340 лекарственных средств, в особенности 104 позиции с фактической долей импорта не более 10%, а к исследовательскому сценарию – 262 лекарственных средства с долей импорта в размере 100% (рис. 2).

В-третьих, управленческий параметр «максимальные плановые показатели доли импорта до 2020 г.» весьма лукав, поскольку допускает полное отсутствие прогресса в импортозамещении. С административной точки зрения примененный параметр «максимальные плановые показатели доли импорта до 2020 г.» превращает отсутствие прогресса в нейтральный рабочий процесс.

Рис. 2. Начальные условия для импортозамещаемых лекарственных средств

Источник: приказ Минпромторга России от 31 марта 2015 г. № 656.

По многим импортозамещаемым позициям целеполагание является вообще не интерпретируемым. В частности, по 37 наименованиям лекарственных средств плановое значение доли импорта на 2020 год совпадает со значением доли импорта в точке отсчета (2015 год) – 100%.

В-четвертых, целевые количественные показатели, связанные с импортом, весьма проблематичны в учете и дают почву для манипуляции цифрами. С одной стороны, не определено, какие значения – стоимостные или натуральные – будут использоваться при оценке объемов импорта. С другой стороны, размер импорта может быть неустойчив, тем более в пятилетней перспективе, в связи с развитием производственных технологий, появлением товаров-субститутов, в том числе зарубежного происхождения; изменением экономической конъюнктуры, стратегий импортеров и экспортеров и по другим причинам.

Следует отметить, что официальные итоги реализации плана Минпромторга России за период 2015–2020 гг. не были озвучены. Технически результаты импортозамещения можно ве-

рифицировать с помощью Государственного реестра лекарственных средств (ГРЛС), выполнив проверку производителей для 602 наименований по перечню лекарственных препаратов и (или) фармацевтических субстанций, что означает колоссальную работу без гарантии получить однозначные ответы, учитывая рассмотренные выше технологические и экономические аспекты. В частности, к этой информации следует добавить отсутствующие в открытом доступе сведения о фактических объемах и степени локализации производства целевых наименований лекарственных средств, сопоставимость с зарубежными аналогами по эффективности и безопасности, физических и стоимостных объемах продаж на российском рынке.

Выборочная проверка первого десятка лекарственных средств из приказа Минпромторга России от 31 марта 2015 г. № 656 показывает, что по данным на август 2023 года по ряду лекарственных препаратов / активных фармацевтических субстанций в ГРЛС не обнаружено никаких следов даже формального успеха в импортозамещении (табл. 2).

Таблица 2. Сведения о производителях лекарственных средств

№ п/п	Наименование лекарственного средства	Срок реализации проекта	Фактический показатель доли импорта до реализации проекта, %	Максимальные плановые показатели доли импорта до 2020 г., %	Наличие российского производителя (по данным ГРЛС)*	
					АФС	ЛП**
1	Глатирамера ацетат	2015–2020	100	50	+	-
2	Трастузумаб	2015–2020	100	50	-	-
3	Бевацизумаб	2015–2020	100	50	+	-
4	Инфликсимаб	2015–2020	100	50	+	+
5	Абакавир + ламивудин	2015–2020	100	10	-	-
6	Атазанавир	2015–2018	100	10	+	+
7	Октоког альфа	2015–2020	100	50	+	-
8	Будесонид + формотерол	2015–2020	100	50	-	-
9	Ралтегравир	2015–2020	100	100	+	-
10	Порактант альфа	2015–2020	100	100	-	-

АФС – активная фармацевтическая субстанция;
 ЛП – лекарственный препарат.
 * «+» – зарегистрирован в ГРЛС; «-» – не зарегистрирован в ГРЛС.
 ** Может указываться «+», если производителем активной фармацевтической субстанции для лекарственного препарата является отечественная компания.

Таким образом, для четырех из 10 лекарственных средств не удалось найти свидетельств реализации импортозамещения:

- трастузумаб (противоопухолевое средство);
- абакавир + ламивудин (средство для лечения ВИЧ-инфекции в комбинациях);
- будесонид + формотерол (комбинированное бронхолитическое средство);
- порактант альфа (средство для лечения/профилактики респираторного дистресс-синдрома (РДС) у недоношенных детей).

Хронологически, завершив первый пятилетний план импортозамещения с весьма частичным успехом, Минпромторг России принял на период до 2024 года второй и уже более акцентированный план (приказ Минпромторга России от 20 июля 2021 г. № 2681). Содержание документа претерпело существенные изменения. В новом перечне присутствуют 65 наименований, в том числе 38 лекарственных препаратов и 27 активных фармацевтических субстанций к ним.

Годовую потребность импортозамещаемых 27 активных фармацевтических субстанций Минпромторг России оценил в достаточно скромном размере: 3,15 млрд рублей. Объемы спроса на АФС в физическом выражении определены с большой вариацией: от непол-

ных граммов (бупренорфин (полусинтетический опиоид, обезболивающее средство): 0,1 г в год) до нескольких тонн (вальпроевая кислота (противоэпилептическое средство): 7,8 т в год). По информации RNC Pharma, в 2021 году общий объем импорта АФС в Россию составил 195,4 млрд рублей, а в натуральном выражении – 15,8 тыс. т⁹. В контексте этих сведений цель Минпромторга России в области импортозамещения АФС выглядит весьма неамбициозной, так как охватывает 1,6% потребности страны в стоимостном измерении и совсем ничтожно малую величину – в натуральном.

Для всех импортозамещающих позиций установлены одинаковые значения исходного и целевого показателей, теперь никак не связанных с импортом:

- доля отечественной продукции, производимой по полному производственному циклу, до реализации плана импортозамещения: 0%;
- доля отечественной продукции производимой по полному производственному циклу, до 2024 г.: 100%.

⁹ Фармпром. Объем импорта фармсубстанций в Россию с каждым годом растет все больше и больше. URL: <https://pharmprom.ru/obyom-importa-farmsubstancij-v-rossiyu-s-kazhdym-godom-rastet-vse-bolshe-i-bolshe/>

Таким образом, во втором плане импортозамещения формальные сутевые ошибки предшественника в значительной мере устранены, но допущены новые и не менее тяжелые по своим последствиям в части утраты темпа.

Необходимо обратить внимание на пересечение первого и второго планов Минпромторга России по импортозамещению: 32 из 38 наименований второго плана фактически продолжают повестку, заложенную в 2015 году, что указывает на нерешенность задачи в отношении соответствующих лекарственных средств. К новым лекарственным препаратам (АФС), включаемым в целевое импортозамещение на период до 2024 года, отнесены всего шесть наименований: бупренорфин, дапаглифлозин, диметилфумарат, кабазитаксел, омализумаб, тенектеплаза.

Сопоставляя перечни лекарственных средств, включенных в планы импортозамещения Минпромторга России, с перечнем лекарственных средств, установленным Правительством Российской Федерации, можно найти ряд пересечений и «слепых» зон. В целом, планами Минпромторга России остаются неохваченными 29 лекарственных средств, фигурирующих в распоряжении Правительства РФ от 6 июля 2010 г. № 1141-р (13,5% от общего числа наименований), что делает их производственное будущее на территории России неопределенным, а поставленные правительственные задачи — не принятыми к исполнению¹⁰.

Проблемы импортозамещения социально значимых лекарственных препаратов

В действующей регуляторике особую группу составляют жизненно необходимые и важнейшие лекарственные препараты (ЖНВЛП), перечень которых установлен распоряжением Правительства Российской Федерации от 12 октября 2019 г. № 2406-р (827 лекарственных препаратов, в редакции от 24.12.2022)¹¹. Следует отметить, что сама правительственная установ-

¹⁰ Абиратерон, Алирокумаб, Апиксабан, Афлиберцепт, Бупренорфин, Дапаглифлозин, Даратумумаб, Диметилфумарат, Долутегравир, Ибрутиниб, Кабазитаксел, Маравирик, Митотан, Нимодипин, Нонаког альфа, Омализумаб, Пазопаниб, Панитумумаб, Пембролизумаб, Пертузумаб, Рилпивирин + Тенофовир + Эмрицитабин, Тенектеплаза, Терифлуномид, Тикагрелор, Трастузумаб эмтанзин, Фактор некроза опухоли альфа-1, Элсульфавирин, Эмпаглифлозин, Эрибулин.

¹¹ Планы импортозамещения Минпромторга России охватывают 584 лекарственных препаратов из списка ЖНВЛП.

ка на отечественное производство лекарственных средств в распоряжении от 6 июля 2010 г. № 1141-р представляется минималистской, поскольку она в четыре раза меньше состава препаратов ЖНВЛП.

Введение антироссийских санкций привело к образованию еще одной сущности в дополнение к ЖНВЛП — потенциально дефектурные (дефицитные) лекарственные препараты. Их состав определяется межведомственной комиссией Минздрава России и по состоянию на февраль 2023 года, включает 77 наименований¹².

Сопоставление двух перечней образует наиболее проблемный сегмент — 51 дефектурный ЖНВЛП, что представляет собой предмет первоочередного рассмотрения с позиции необходимости импортозамещения. Проведенный сравнительный анализ показывает, что только 43 (из 51) лекарственных препарата фигурировали в планах Минпромторга России по импортозамещению (2015—2020 гг.). Остальные восемь позиций весьма разнообразны по областям применения и характеризуются тем, что в России не производятся и даже не зарегистрированы в ГРЛС от имени зарубежных компаний (табл. 3).

Рассмотрим 43 лекарственных препарата из категории «дефектурные ЖНВЛП», которые зарегистрированы в ГРЛС в различных лекарственных формах, на предмет сведений о производителях активных фармацевтических субстанций:

6 лекарственных препаратов имеют только российских производителей;

25 лекарственных препаратов имеют и российских, и зарубежных производителей;

12 лекарственных препаратов имеют только зарубежных производителей¹³.

¹² Фармпром. Опубликован список около ста лекарств, которые находятся под угрозой дефицита. URL: <https://pharmprom.ru/defektura-lekarstvennykh-sredstv-spisok/>

¹³ Леводопа + Бенсеразид (противопаркинсоническое средство); Цисплатин (противоопухолевый препарат); Аспарагиназа (противоопухолевый препарат); Иммуноглобулин антирабический; Иммуноглобулин противостолбнячный; Доксисицилин (антибиотик); Каптоприл (ингибитор ангиотензинпревращающего фермента); Лоперамид (противодиарейное средство); Гидроксиэтилкрахмал (заменитель плазмы и других компонентов крови); Неостигмина метилсульфат (антихолинэстеразное средство); Петрореликс (антигонадротропное средство); Амоксициллин + Клавулановая кислота (полусинтетический антибиотик).

Таблица 3. Дефектурные ЖНВЛП, не вошедшие в программу импортозамещения

№ п/п	Наименование лекарственного препарата	Характеристика
1	Ниволумаб	Противоопухолевое моноклональное антитело
2	Дулаглутид	Средство для лечения сахарного диабета 2 типа
3	Пембролизумаб	Иммуноонкологический препарат для лечения злокачественных опухолей
4	Сапроптерин	Средство для лечения наследственных ферментопатий
5	Калия ацетат + кальция ацетат + магния ацетат + натрия ацетат + натрия хлорид	Регидратирующее средство
6	Налоксон + оксикодон	Опиоидный наркотический анальгетик
7	Пэгаспаргаза	Средство для лечения острого лимфобластного лейкоза
8	Раствор для перитонеального диализа (КАПД/ДПКА 2, 3, 4, 17, 18, 19)	Средство применяется при почечной недостаточности

Источник: составлено авторами.

Данная аналитическая информация расширяет сведения о результативности программы импортозамещения Минпромторга России на примере еще одной случайной выборки лекарственных препаратов. С уверенностью можно утверждать, что на текущий момент импортозамещение не состоялось для 12 лекарственных препаратов, для которых производство АФС в России не существует.

Несмотря на то, что для 25 из 43 лекарственных препаратов наряду с зарубежными производителями АФС имеются и отечественные компании, некоторые наименования находятся в области неустойчивой импортозамещенности. Неустойчивость характеризуется, прежде всего, единственностью российского производителя АФС. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении АФС для ряда лекарственных препаратов, выпускаемых только отечественными компаниями (табл. 4).

Производственный монополизм, в том числе карликовый, не является для государства лучшим состоянием в сфере производства АФС по многим причинам. По форме собственности компании-монополисты не относятся к государственному сектору экономики, их продуктовый портфель независим. Исключается подстраховка на случаи корпоративных перемен в производстве, отсутствует возможность при необходимости оперативно нарастить выпуск продукции. Кроме того, отдельные компании-производители настолько малы по масштабу своей деятельности, что можно утверждать о фактически несостоявшемся импортозамещении дефектурных ЖНВЛП (см. лекарственные препараты «Амоксициллин» и «Ретинол» в табл. 4).

Отсчитывая официальный старт импортозамещения от принятия распоряжения Правительства Российской Федерации от 6 июля

Таблица 4. Лекарственные препараты с неустойчивой импортозамещенностью

№ п/п	Наименование лекарственного препарата	Наименование единственного отечественного производителя АФС	Сведения о выручке производителя, млрд руб. (год)
1	Амоксициллин (антибиотик)*	АО «Биохимик», г. Саранск	0,025 (2021)
2	Ацетилсалициловая кислота (аспирин)*	ОАО «Ирбитский химфармзавод», г. Ирбит	2,30 (2021)
3	Декстроза (глюкоза)*	ООО «Завод Медсинтез», г. Екатеринбург	3,65 (2021)
4	Ретинол (витамин А, антиоксидант)**	ОАО «Фармацевтическая фабрика Санкт-Петербурга», г. Санкт-Петербург	0,164 (2021)
5	Преднизолон (гормональное противовоспалительное, противоаллергическое средство)**	АО «ПФК Обновление», г. Новосибирск	9,03 (2021)

* Имеются российские и зарубежные производители.
 ** Имеются только российские производители.
 Источник: выручка компаний определена по данным TestFirm. URL: <https://www.testfirm.ru>

2010 г. № 1141-р, можно сделать вывод о невыраженных успехах в данной области. В текущей парадигме импортозамещения реализация догоняющего режима может осуществляться бесконечно долгое время при отсутствии ощутимого сокращения отставания. Следует также учитывать отягчающие обстоятельства фармацевтической погони: состав зарубежных препаратов на российском рынке обновляется в темпе, задаваемом мировыми лидерами, а сами разработки объективно усложняются для воспроизводства.

Существует политический лозунг о том, что наиболее удачной стратегией для отстающего является избегание стадии «погони» и переход сразу к этапу опережения, то есть создания исключительно новых продуктов, которых нет ни у кого в мире. В работе (Балацкий, Екимова, 2019) с помощью методологии расширенных инновационно-технологических матриц показана связка производительности труда и расходов на исследования и разработки по странам (оба макропоказателя приведены относительно США). На примере множества стран авторами проиллюстрировано, что в общем случае относительная инновационная активность не превосходит относительную производительность труда, то есть оцениваемый лозунг является нерабочим.

Вместе с тем есть очень узкий круг малых государств (Израиль, Южная Корея), которые на коротких временных отрезках реализуют проактивную инновационную стратегию, когда увеличенные затраты на исследования и разработки становятся непропорционально выше относительной производительности труда (Балацкий, Екимова, 2019). Потенциально за счет данного рывка может быть на какое-то время достигнуто лидерство в отдельно взятой высокотехнологичной отрасли.

Современный рынок для генерируемых фармацевтических инноваций ограничивается только объективными параметрами планеты. В этих условиях даже очень крупные инвестиции в разработку лекарственных препаратов вполне окупаемы в разумные сроки при достижении клинической эффективности разработок. Таким образом, специфика фармацевтической индустрии оставляет шансы отдельным

государствам на достижение отраслевого лидерства, если они к этому действительно будут стремиться и прилагать ресурсы.

Рассмотрим сценарий опережающего развития российской фармацевтической отрасли сквозь призму проводимых в стране клинических исследований оригинальных лекарственных препаратов.

Проблемы результативности в фармацевтических инновациях

Клинические исследования оригинальных лекарственных препаратов — это острое фармацевтического лидерства. Именно здесь проверяется креативность и инновационность медицинской науки и фармацевтической промышленности в плане разработки новых лекарственных препаратов (Wouters, 2020; Vargason et al., 2021). Чем больше разрабатывается оригинальных лекарственных препаратов, тем мощнее национальная фармацевтическая «машина». Однако право и возможность разработки оригинальных лекарственных препаратов, аналогично с иными высокотехнологичными отраслями, имеют далеко не все государства (Weigmann, 2015; Park et al., 2021).

Профиль клинических исследований лекарственных препаратов в РФ, начатых в период 2009–2022 гг., приведен в *таблице 5*. Следует отметить, что количество клинических исследований в своей массе превышает количество лекарственных препаратов как продуктов, находящихся в разработке (в том числе в результате ввода новых лекарственных форм для ранее зарегистрированных препаратов, расширения показаний к их применению).

Данные таблицы 5 позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, почти за весь период наблюдений (2009–2021 гг.) доля клинических исследований лекарственных препаратов, связанных с зарубежными компаниями, включая ММКИ, превышала 50%. В отдельные годы эта величина составляла более 60% (2009, 2011, 2013–2015 гг.). Максимум был достигнут в 2011 году (74%). Указанный факт свидетельствует не только об открытости данной отрасли, но и о слабости российских компаний в своей массе на фоне зарубежных игроков.

Таблица 5. Выданные разрешения на проведение клинических исследований лекарственных препаратов, 2009–2022 гг., ед.

Год	Всего	ММКИ	Иностранные спонсоры		Российские спонсоры	
			Локальные КИ	Биоэквивалентность	Локальные КИ	Биоэквивалентность
2009	577	348	32	8	112	77
2010	482	246	30	6	123	77
2011	567	370	35	19	80	63
2012	915	369	62	107	165	212
2013	791	334	68	110	124	155
2014	750	282	62	123	142	141
2015	804	289	52	143	167	153
2016	897	302	82	146	197	170
2017	700	281	48	71	149	151
2018	653	287	26	69	130	141
2019	746	313	35	80	155	163
2020	734	322	18	56	139	199
2021	908	367	36	87	133	285
2022	740	124	16	71	162	367

ММКИ – международные многоцентровые клинические исследования; КИ – клинические исследования.

Составлено по: данные отчетов Ассоциации организаций по клиническим исследованиям (АОКИ) за 2009–2022 годы.

Во-вторых, территория РФ оказалась отдаленной в освоение международным многоцентровым клиническим исследованиям, которые оттягивали определенное количество отечественных кадров с медицинским образованием. Доля ММКИ в общем объеме иницилируемых клинических исследований устойчиво составляла 40% (максимум в 2011 году – 65%), за исключением 2022 года. Строго говоря, вовлечение РФ в ММКИ не дает никаких плюсов ни отечественным разработкам, ни отечественным производителям. По сравнению, например, с Украиной и Грузией, где размещены неподконтрольные биологические лаборатории иностранных государств, сценарий внедрения на территорию РФ множества ММКИ хотя бы под контролем государства выглядит более щадящей формой колониальной модели фармацевтической отрасли.

В-третьих, с 2012 года следует отметить резкое увеличение числа клинических исследований лекарственных препаратов на биоэквивалентность, финансируемых российскими компаниями. Данный вектор на создание отечественных лекарственных препаратов, воспроизводящих зарубежные аналоги, синхронизируется с правительственным распоряжением от 6 июля 2010 г. № 1141-р и подчеркивает тактику следования в фарватере зарубежных фармацевтических разработок.

В 2022 году данная стратегия только усилилась в связи с уходом из России некоторых иностранных компаний, прекращением либо ограничением продаж отдельных оригинальных препаратов зарубежного происхождения. В настоящее время ставка на воспроизведенные лекарственные препараты становится безальтернативной. Относительно спокойное время на собственные разработки упущено.

В-четвертых, период 2012–2016 гг. с большим числом клинических исследований на биоэквивалентность при иностранном спонсорстве подчеркивает некий этап в истории отечественной отрасли. Можно допустить, что речь шла о позиционировании РФ как территории, где одни зарубежные компании клинически испытывали скопированные продукты других фармацевтических компаний. С 2017 года активность в этом направлении заметно снизилась, но не исчезла.

Вернемся к оригинальным лекарственным препаратам. Следует отметить, что данное понятие было законодательно закреплено только в декабре 2019 года. Это позволяет на институциональном уровне идентифицировать инновационность российского фармацевтического производства (табл. 6).

Несмотря на немногочисленность оригинальных биологических лекарственных препаратов, которые можно отнести к числу вы-

Таблица 6. Выданные разрешения на проведение клинических исследований оригинальных лекарственных препаратов, 2020–2022 гг., ед.

Год	Общее число оригинальных лекарственных препаратов в инициированных клинических исследованиях	В том числе	
		при зарубежном спонсорстве	при российском спонсорстве*
2020	15	5	10
2021	8	1	7
2022	20	1	19

* Оригинальные биологические лекарственные препараты.
Составлено по: данные Ассоциации организаций по клиническим исследованиям (АОКИ).

сокотехнологичных, их состав и организации-разработчики в аналитических материалах АОКИ не приводятся. Подчеркнем, что отнесение лекарственных препаратов к оригинальным является результатом экспертной оценки со стороны авторов АОКИ. Строго говоря, число оригинальных лекарственных препаратов российских разработчиков, в отношении которых начаты клинические исследования, рекомендуется на официальном уровне негласно рассматривать в качестве ключевого отраслевого показателя результативности.

Доверяя экспертной оценке АОКИ, сопоставим число разрабатываемых оригинальных лекарственных препаратов, перешедших в стадию клинических исследований, с экономическими параметрами российского фармацевтического сектора, включающего частные и государственные компании. При доле рынка отечественных препаратов более 1 трлн рублей в год число разработок оригинальных лекарственных препаратов представляется весьма низким.

Стадия клинических исследований является достаточно рискованной с точки зрения дальнейшей судьбы лекарственного препарата. С поправкой на неудачность результатов клинических исследований число оригинальных лекарственных препаратов, дошедших до конечного потребителя, стремится к нулю. Таким образом, о приемлемой инновационности отечественных компаний можно говорить при условии, когда количество разработанных ими оригинальных лекарственных препаратов, перешедших в клинические исследования, будет исчисляться несколькими сотнями в год, то есть, как минимум, на порядок превосходить текущий уровень.

Возможно ли достижение такой результативности в текущей конфигурации российского сегмента фармацевтической отрасли? Скорее всего, это маловероятно в силу следующих причин.

Во-первых, доминирующий частный бизнес, акцентируя внимание на доходах, склонен придерживаться стратегии воспроизводства лекарственных препаратов и акцентироваться на их внутренних продажах, чем рисковать инвестициями в высокорисковые проекты по созданию новых продуктов. К выходу на международный рынок и конкуренции с внешними игроками он не способен и не готов, поскольку не доминирует даже на внутреннем рынке. Сопоставление масштабов даже самой крупной частной фармацевтической компании России (АО «Р-Фарм») хотя бы с одной компанией «Байер» (Германия) показывает сравнительную крошечность лидера российской отрасли (см. табл. 1). Если механически агрегировать все активы государственных и частных фармацевтических компаний России (Гусев, Юревич, 2023), то по финансовым показателям их размер останется в 5 раз меньше, чем у компании «Байер», но, может быть, приблизится к параметрам израильской компании «Тева».

Во-вторых, государственный фармацевтический сектор не обладает достаточными ресурсами, чтобы в инновационном отношении обеспечить качественный сдвиг хотя бы в одном сегменте фармацевтических разработок.

Помимо лекарственных препаратов существует область высокотехнологичных разработок биомедицинских клеточных продуктов (БМКП), для которых в России предусмотрено отдельное регулирование с 2016 года¹⁴.

¹⁴ Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах».

Следует отметить, что с 2021 года проводится клиническое исследование первого и пока единственного БМКП от российского разработчика АО «Генериум»: БМКП «Сфероиды из аутологичных хондроцитов человека, связанных матриksom». Таким образом, в сфере высокотехнологичных разработок, к числу которых относится БМКП, качественных сдвигов не отмечается.

Заключение

Идущее официально более 10 лет импортозамещение лекарственных препаратов носит латентный характер. В настоящее время на основе открытых данных не представляется возможным однозначно судить о достигнутых успехах в силу недостатка существенной производственной и маркетинговой информации.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что по формальным признакам вектор опережающего развития в российской фармацевтической отрасли сильно уступает вектору ее догоняющего развития и носит в значительной степени номинальный характер. Выполнение государственных планов импортозамещения фармацевтической продукции, за которыми, как правило, стоят централизованные закупки лекарственных препаратов и их широкое использование, сохраняет приоритетность для участвующих компаний. Усиление вектора опережающего развития фармацевтического производства не начнется в полной мере, пока задачи импортозамещения не будут решены в значительной степени. Вопрос о сроках их решения текущим составом отечественных фармкомпаний остается открытым.

В целом и догоняющий, и опережающий сценарий, предполагающий создание достаточного количества оригинальных лекарственных

препаратов, превосходящих имеющиеся зарубежные аналоги, сопряжен с крупными долгосрочными инвестициями, длинным горизонтом планирования, консолидацией ресурсов и мобилизационным режимом работы. На базе самоопределения и саморегулирования внутри отечественного фармацевтического производства такая стратегия не осуществима. Она потребует государственного участия и построения находящихся под госконтролем отраслевых инновационных гигантов, способных составить конкуренцию «Большой фарме» хотя бы на внутреннем рынке. Один из институциональных сценариев мобилизации отрасли, основанный на создании государственной корпорации по фармацевтической деятельности «Росфарма», был предложен в работе (Гусев, Юревич, 2023).

Вертикально интегрированную модель организации отечественной фарминдустрии можно рассматривать как точку отчета в ее новой конфигурации. Для соответствия условиям рынка, структуре производителей эта концепция может быть усовершенствована и развита с точки зрения условий вовлечения частных компаний в орбиту Госкорпорации «Росфарма», распределения задач и государственных ресурсов. В целях активизации научно-производственного потенциала, остающегося по каким-либо причинам вне контура корпорации, представляется целесообразным рассмотреть образование государственных фондов поддержки инновационных фармацевтических разработок. Следует подчеркнуть, что только масштабными и решительными действиями в отрасли можно ее настроить на достижение технологической самодостаточности и лидерства в долгосрочном периоде, а в среднесрочной перспективе — хотя бы в отдельных секторах.

Литература

- Абдикеев Н.М. (2022). Реализация планов по импортозамещению в высокотехнологичных отраслях отечественной промышленности в условиях внешних санкций // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 235. № 3. С. 202–214.
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2019). Инновационно-технологические матрицы и национальные стратегии экономического развития // Управленец. Т. 10. №5. С. 9–19. DOI: 10.29141/2218-5003-2019-10-5-2
- Березной А.В. (2022). Трансформация бизнес-моделей «Большой фармы» // Мировая экономика и международные отношения. Т. 66. № 3. С. 81–89. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-3-81-89

- Гусев А.Б., Юревич М.А. (2023). Фармацевтический суверенитет России: проблемы и пути достижения // *Terra Economicus*. Т. 21. № 3. С. 6–31. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-3-6-31
- Гулин К.А., Мазилев Е.А., Ермолов А.П. (2015). Импортзамещение как инструмент активизации социально-экономического развития территорий // *Проблемы развития территории*. № 3. С. 7–25.
- Доржиева В.В. (2022). Государственная политика импортзамещения как фактор развития фармацевтической промышленности России: влияние санкций и шаги к успеху // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. № 6. С. 68–78. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_68_78
- Доржиева В.В. (2023). Стратегия новой индустриализации фармацевтической промышленности: национальные приоритеты и новые вызовы // *Научные труды Вольного экономического общества России*. Т. 240. № 2. С. 198–215. DOI: 10.38197/2072-2060-2023-240-2-198-215
- Комарова А.В., Петров А.М. (2016). Стратегия импортзамещения как фактор повышения конкурентоспособности фармацевтических компаний // *Российский внешнеэкономический вестник*. № 4. С. 51–62.
- Котлярова С.Н., Лаврикова Ю.Г., Аверина Л.М. (2017). Роль локализации промышленного производства в политике импортзамещения // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 53. № 5. С. 115–127. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.8
- Крестьянинов Н.А. (2018). Анализ мер государственного стимулирования инвестиций в российскую фармацевтическую промышленность // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. Т. 8. № 8А. С. 63–77.
- Литвинова А.В., Талалаева Н.С., Парфенова М.В. (2019). Развитие методических подходов к оценке результативности импортзамещения в России // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 12. № 4. С. 67–85. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.5
- Мамедьяров З.А. (2017). Тенденции и перспективы российской фармацевтической отрасли и применимость мирового опыта // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. Т. 8. № 4. С. 772–780. DOI: 10.18184/2079-4665.2017.8.4.772-780
- Balatsky E.V., Ekimova N.A. (2023). Antifragility of the national economy: A heuristic assessment. *Journal of New Economy*, 24(2), 28–49. DOI: 10.29141/2658-5081-2023-24-2-2
- Crespi F., Caravella S., Menghini M., Salvatori C. (2021). European technological sovereignty: An emerging framework for policy strategy. *Intereconomics*, 56(6), 348–354.
- DiMasi J.A., Grabowski H.G., Hansen R.W. (2016). Innovation in the pharmaceutical industry: new estimates of R&D costs. *Journal of Health Economics*, 47, 20–33. DOI: 10.1016/j.jhealeco.2016.01.012
- Dosi G., Marengo L., Staccioli J., Virgillito M.E. (2023). Big pharma and monopoly capitalism: A long-term view. *Structural Change and Economic Dynamics*, 65, 15–35. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2023.01.004>
- Groshkova T., Liem M., Cunningham A., Sedefov R., Griffiths P. (2021). Drug-related violence: Will COVID-19 drive better data for safer and more secure EU? *The International Journal on Drug Policy*, 93, 103143. DOI: 10.1016/j.drugpo.2021.103143
- Keenan L., Monteath T., Wójcik D. (2023). Patents over patients? Exploring the variegated financialization of the pharmaceuticals industry through mergers and acquisitions. *Competition & Change*, 27(3–4), 472–494. DOI: 10.1177/1024529422110785
- Kruse S., Slomiany M., Bitar R. et al. (2014). Pharmaceutical R&D productivity: the role of alliance. *Journal of Commercial Biotechnology*, 20(2), 11–20. DOI: 10.5912/jcb632
- Meier C., Cairns-Smith S., Schulze U. (2013). Can emerging drug classes improve R&D productivity. *Drug Discovery Today*, 18, 607–609. DOI: 10.1016/j.drudis.2013.05.006
- Pammolli F., Magazzini L., Riccaboni M. (2011). The productivity crisis in pharmaceutical R&D. *Nature Reviews Drug Discovery*, 10(6), 428–438. DOI: 10.1038/nrd3405
- Pammolli F., Righetto L., Abrignani S. et al. (2020). The endless frontier? The recent increase of R&D productivity in pharmaceuticals. *Journal of Translational Medicine*, 18, 1–14. DOI: 10.1186/s12967-020-02313-z
- Park J.J., Grais R.F., Taljaard M. et al. (2021). Urgently seeking efficiency and sustainability of clinical trials in global health. *The Lancet Global Health*, 9(5), e681–e690. DOI: 10.1016/S2214-109X(20)30539-8
- Paul S.M., Mytelka D.S., Dunwiddie C.T. et al. (2010). How to improve R&D productivity: The pharmaceutical industry's grand challenge. *Nature Reviews Drug Discovery*, 9(3), 203–214. DOI: 10.1038/nrd3078
- Redit C. (2022). Pharma backs off biotech acquisitions. *Nature Biotechnology*, 40, 1546–1550. DOI: 10.1038/s41587-022-01529-2

- Schuhmacher A., Hinder M., Stein A.V.S. et al. (2023). Analysis of pharma R&D productivity – a new perspective needed. *Drug Discovery Today*, 103726. DOI: 10.1016/j.drudis.2023.103726
- Vargason A.M., Anselmo A.C., Mitragotri S. (2021). The evolution of commercial drug delivery technologies. *Nature Biomedical Engineering*, 5(9), 951–967. DOI: 10.1038/s41551-021-00698-w
- Weigmann K. (2015). The ethics of global clinical trials. *EMBO Reports*, 16(5), 566–570. DOI: 10.15252/embr.201540398
- Wouters O.J., McKee M., Luyten J. (2020). Estimated research and development investment needed to bring a new medicine to market, 2009–2018. *Jama*, 323(9), 844–853. DOI: 10.1001/jama.2020.1166

Сведения об авторах

Александр Борисович Гусев – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Финансовый университет при Правительстве РФ (109456, Российская Федерация, г. Москва, 4-й Вешняковский проезд, д. 4; e-mail: abgusev@fa.ru)

Максим Андреевич Юревич – научный сотрудник, Финансовый университет при Правительстве РФ (109456, Российская Федерация, г. Москва, 4-й Вешняковский проезд, д. 4; e-mail: mayurevich@fa.ru)

Gusev A.B., Yurevich M.A.

Catching-up and Outstripping Development of the Russian Pharmaceutical Industry

Abstract. The paper assesses the effectiveness of the Russian pharmaceutical industry so as to determine the prospects for achieving self-sufficiency in drug provision and pharmaceutical leadership in the domestic market, more than half of which is occupied by foreign drugs. Effectiveness is considered in terms of achievements in import substitution (catching-up scenario), and in the development of domestic drugs (outstripping scenario). A comparison of the main economic indicators for leading foreign and Russian pharmaceutical companies reflects a disadvantaged position of the latter. The governmental target setting for domestic pharmaceutical production is compromised by interdepartmental inconsistency in the lists of essential drugs. A selective analysis of the implementation of the import substitution plan by the Ministry of Industry and Trade of Russia since 2015 has revealed that, even on formal grounds, Russia still has not established a full-fledged production of many drugs (in particular, the dependence on foreign active pharmaceutical substances still remains, and there are very few domestic manufacturing companies). The premise concerning fundamental impossibility to implement the outstripping scenario is substantiated by the fact that there is an insignificant number of original drugs for which Russian developers initiated clinical trials in 2020–2022. The results obtained show that the current situation in the Russian pharmaceutical industry does not promote the achievement of drug self-sufficiency. A proposal to consolidate assets, coordinate production programs and research agendas for accelerated and full-fledged import substitution was put forward. Prospects for research in the field of import substitution are related to deepening the analysis of production indicators, increasing sales, as well as enhancing clinical characteristics of reproduced drugs compared to foreign analogues. In the sphere of analyzing the innovativeness of pharmaceutical production, it seems advisable to methodologically elaborate on identifying original drugs and include this indicator in the industry management.

Key words: drug self-sufficiency, pharmaceutical industry effectiveness, pharmaceutical import substitution, public administration.

Information about the Authors

Aleksandr B. Gusev – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation (4, 4th Veshnyakovsky Proezd, Moscow, 109456, Russian Federation; e-mail: abgusev@fa.ru)

Maksim A. Yurevich – Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation (4, 4th Veshnyakovsky Proezd, Moscow, 109456, Russian Federation; e-mail: mayurevich@fa.ru)

Статья поступила 20.09.2023.

Перспективные экономические специализации внутри макрорегиона (на материалах Северо-Западного федерального округа)

**Никита Михайлович
РУМЯНЦЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: rumyanik.95@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5660-8443; ResearcherID: AAC-2818-2019

Аннотация. Активизация структурной трансформации экономики Российской Федерации и ее регионов в условиях геополитической нестабильности требует поиска наиболее перспективных видов экономической деятельности, которые могли бы стать локомотивами развития в новых условиях хозяйствования. Особенно данный тезис актуален для Северо-Запада России, ввиду того что экономика макрорегиона подверглась наиболее сильному негативному влиянию внешнеторговых ограничений. Это обусловило цель исследования – определение отраслевых приоритетов регионального развития в виде перспективных экономических специализаций внутри отдельно взятого макрорегиона. Для достижения поставленной цели решены такие задачи, как разработка методики поиска перспективных экономических специализаций на макрорегиональном уровне, выявление существующих отраслевых специализаций Северо-Запада России, определение профиля перспективных экономических специализаций экономик регионов Северо-Западного федерального округа с учетом возможных межрегиональных взаимодействий. На основе авторского методического подхода, который составляет новизну исследования, выделены перспективные цепочки создания стоимости в лесопромышленном комплексе, машиностроительных производствах и химической промышленности. По результатам исследования составлены профили перспективных экономических специализаций регионов Северо-Запада России, что также стало новым научным результатом. На основе анализа мировых тенденций экономического развития определены потенциальные рыночные ниши для исследуемых отраслей. Предложены направления стимулирования развития перспективных экономических

Для цитирования: Румянцев Н.М. (2023). Перспективные экономические специализации внутри макрорегиона (на материалах Северо-Западного федерального округа) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 6. С. 74–90. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.4

For citation: Rumyantsev N.M. (2023). Promising economic specializations within a macroregion (the case of the Northwestern Federal District). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(6), 74–90. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.4

специализаций в макрорегионе. Результаты могут быть полезны широкому кругу исследователей в области отраслевой и региональной экономики, а также органам власти федерального и регионального уровня при разработке и корректировке различных стратегических и отраслевых документов.

Ключевые слова: структурная трансформация, перспективные экономические специализации, межрегиональная кооперация, экономический рост, цепочки создания стоимости.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01862, <https://rscf.ru/project/23-28-01862/>.

Введение

Северо-Запад России является одним из самых пострадавших от санкций макрорегионов. Внешнеторговые ограничения негативно отразились на ключевых отраслях субъектов Северо-Западного федерального округа (СЗФО) – металлургии, химических производствах, деревообработке, машиностроении. В условиях высокой импортозависимости от поставок инвестиционной продукции и снижения финансовых результатов замедлились инвестиционные процессы в макрорегионе.

Этот тезис подтверждается статистическими данными: так, на Северо-Западе России в 2022 году физический объем выпуска по базовым видам экономической деятельности снизился на 6,3%, в то время как в целом по стране сокращение составило 1,6% (рис. 1).

Наиболее выраженный спад наблюдался в г. Санкт-Петербурге и Калининградской области, значительно пострадали также Вологод-

ская и Архангельская области. Показатель вырос только в Ненецком автономном округе за счет высокой доли добывающей промышленности, менее пострадавшей от санкций.

В то же время данные опросов руководителей предприятий производственного сектора говорят об активизации трансформационных процессов. Руководители предприятий прогнозируют ухудшение условий функционирования экономики (90% респондентов). При этом оценки руководителей организаций производственного сектора касательно влияния санкций в СЗФО более негативные, нежели по РФ (71% опрошенных в СЗФО против 59% в РФ сообщили об отрицательном влиянии внешне-торговых ограничений на деятельность предприятий). Более 82% респондентов ожидали в 2022 году трансформации собственных производственно-сбытовых цепочек, 62% назвали направлением перестройки поиск каналов

Рис. 1. Динамика выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности в 2022 году по федеральным округам и регионам СЗФО, % к предыдущему году

Источник: данные Росстата.

поставок и сбыта на внутреннем рынке, 20% – искали возможности по импортозамещению, а 17% – были готовы сами замещать импортную продукцию. Также отмечается, что государству следует активизировать экономическую политику, расширяя спектр используемых инструментов и применяя преимущественно косвенные меры экономического регулирования (это отметили 66% респондентов) (Ускова и др., 2022).

Все вышесказанное актуализирует необходимость проведения структурной политики, в частности определения ее отраслевых приоритетов в виде перспективных экономических специализаций, что и составляет цель исследования. Для ее достижения необходимо решить следующие задачи:

- разработать методику поиска перспективных экономических специализаций на макрорегиональном уровне;
- выделить существующие отраслевые специализации на уровне макрорегиона;
- определить профиль перспективных экономических специализаций регионов Северо-Запада России с учетом возможных межрегиональных взаимодействий.

Научную новизну исследования составляет разработка авторского подхода к определению перспективных специализаций на уровне макрорегиона, а также формирование профилей перспективной отраслевой специализации регионов Северо-Запада в новых экономических условиях.

Обзор научной литературы по теме исследования

Научная дискуссия о влиянии структуры региональной социально-экономической системы на траектории ее развития ведется уже продолжительное время (Caragliu et al., 2016; Content, Frenken, 2016; Feldman, Audretsch, 1999).

В научных работах обсуждаются два вида внешних эффектов. Эффект специализации обычно проявляется при концентрации в пространстве некоторого числа схожих по компетенциям и продукту отраслей, что позволяет формировать узконаправленные рынки труда и знаний, а также осуществлять генерацию инноваций и технологических решений среди ограниченного числа компаний в обособленных видах экономической деятельности (Glaeser et al.,

1992). Эффектами специализации становятся растущая производительность труда и повышенная инновационная активность в компаниях, составляющих отрасли специализации (Grashof et al., 2019).

Противоположный эффект, эффект диверсификации, или Джейкобс-эффект, является следствием разнообразия структуры экономики территории. Когда существует разнообразие развитых отраслей, за счет накопления компетенций возникают принципиально новые производства на базе реструктуризируемых существующих предприятий. Это происходит за счет межотраслевой кооперации либо сочетания старых технологий в новых продуктах (Jacobs, 1969). Одна из исследовательских работ содержит выводы о том, что рекомбинация существующих компетенций может формировать радикально новые продукты, технологии и навыки (Essletzbichler, 2015).

На текущий момент однозначного консенсуса между исследователями о преимуществе того или иного эффекта – специализации или диверсификации – для интенсификации и ускорения экономического роста территорий не сформировано (Henderson et al., 1995; Duranton, Puga, 2000; Greunz, 2004).

Диверсификация предполагает разнообразие экономических отраслей и видов деятельности на территории, что позволяет снизить риски и повысить устойчивость экономики к внешним воздействиям. При этом основной акцент делается на развитии новых отраслей и создании условий для привлечения инвестиций в различные секторы экономики. Диверсификация может быть особенно эффективна для регионов, зависящих от одной или нескольких отраслей, которые могут быть уязвимыми к изменениям на мировых рынках.

С другой стороны, стратегия специализации предполагает сосредоточение на определенных отраслях и видах деятельности, которые являются конкурентоспособными и приносят высокую прибыль. Такая экономическая модель наиболее эффективна для регионов, имеющих уникальные ресурсы или конкурентные преимущества в определенных отраслях.

Наша позиция в рамках соотношения данных концепций следующая: на федеральном уровне необходимо придерживаться диверсификации для обеспечения собственной эко-

номической безопасности (через локализацию цепочек создания стоимости на территории страны) и устранения экспорто- и импортозависимости, что в свою очередь требует специализации отдельных территорий с эффективным использованием их конкурентных преимуществ. Это требует активизации межрегионального взаимодействия и координирования усилий федеральных и региональных властей в области экономической и, в частности, структурной политики.

Формирование новой структуры экономики обуславливает необходимость определения отраслевых векторов ее развития, как уже отмечалось ранее. Активный исследовательский интерес в этом направлении вызывают концепции поиска перспективных экономических специализаций. Это понятие в российской практике управления появилось в 2019 году, когда была принята Стратегия пространственного развития РФ до 2025 года¹ (далее – Стратегия). В ней дано определение категории перспективных экономических специализаций, сформирован их перечень для всех 85 регионов РФ, а также зафиксирована необходимость разработки методического подхода к поиску перспективных видов экономической деятельности на базе «умной» специализации.

Однако этот документ стратегического планирования подвергся в работах исследователей некоторой критике. Так, отмечается, что понятие перспективных специализаций в Стратегии имеет достаточно общее определение и не учитывает сформировавшуюся за десятилетия несбалансированность пространственного развития регионов России (Иванов, Бухвальд, 2019). Исследователи Высшей школы экономики пишут, что перечень специализаций, во-первых, очень широкий и не имеет конкретизации, во-вторых, содержит значительное число дублирующих специализаций («... в Стратегии 30% наиболее распространенных специализаций указаны для 71% субъектов Федерации (например, «растениеводство и животноводство, предоставление соответствующих услуг в этих областях» — для 80 регионов, а «производство про-

чих готовых изделий» — для 84). По подсчетам ВШЭ, треть самых распространенных специализаций объективно обнаруживаются лишь в 29% территорий»), а в-третьих, включает в себя неторгуемые отрасли, продукция которых не может быть экспортирована в другие регионы (Куценко и др., 2019).

Стоит отметить, что зафиксированная в плане мероприятий по реализации Стратегии задача по разработке методического подхода к определению перспективных видов экономической деятельности на основе концепции «умной» специализации не была выполнена. Однако в экономической науке применяются и иные подходы к поиску перспективных специализаций. К наиболее часто используемым, помимо уже названной смарт-специализации, относятся концепции экономической сложности и технологической близости.

Соответствующие подходы разрабатываются отдельными исследовательскими группами. Так, формирование профилей перспективной специализации на основе «умной» специализации осуществлено учеными Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации (Котов и др., 2019), на основе усовершенствованного подхода Европейской кластерной обсерватории – исследователями Высшей школы экономики (Куценко и др., 2019).

В зарубежной литературе исследование перспективных специализаций в рамках концепции экономической сложности представлено работами по ее анализу на региональном уровне. Так, на примере некоторых штатов Австралии были определены товары и услуги, имеющие сравнительное преимущество и способные сформировать соответствующие производственные мощности (Reynolds et al., 2018). В. Tullio и С. Giancarlo обозначили пространство на территории Европы, внутри которого охарактеризована региональная технологическая близость. В рамках этой работы проанализированы 7 кластеров, различных по конкурентным преимуществам, производственным особенностям и функциональной принадлежности, и установлено: чем интенсивнее динамика структурных изменений внутри региона, тем выше производственные возможности за счет рекомбинации компетенций схожих отраслей (Tullio, Giancarlo, 2018).

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р).

Российским коллективом исследователей, представляющим РАНХиГС, изучались вопросы диверсификации экспорта российских регионов (Любимов и др., 2017). В качестве основных результатов исследования стоит отметить оценки уровней сложности экспортной корзины по 80 регионам РФ, анализ потенциала усложнения экспорта товаров и услуг. По итогам оценки регионы были разделены на группы с низким и высоким уровнем развития внешней торговли.

В рамках другого исследования этими учеными рассмотрена структура экспортной деятельности регионов Российской Федерации, проведена оценка возможности ее диверсификации. По расчетам авторов составлен атлас экономической сложности экспорта российских регионов (Любимов и др., 2018). В работе были подтверждены выводы ранее проведенных исследований: так, доказано, что у западных и центральных регионов России экспортная корзина шире и имеется больше возможностей для ее диверсификации, а у северных и восточных – наоборот. Еще один значимый вывод состоит в том, что для расширения экспортной корзины необходимо формирование межрегиональных кооперационных связей, а также активное встраивание в транснациональные цепочки создания добавленной стоимости.

Отдельно стоит отметить исследования экономической сложности внутри региональных систем. В российской науке представлен пример исследования сложности экономики Калининградской области: разработаны методы и алгоритмы поиска и анализа системы исходных данных, подход к оценке сложности, сформулированы и обоснованы рекомендации по использованию результатов анализа в системе регионального управления и принятия управленческих решений в интересах развития промышленности Калининградской области (Руус и др., 2020).

Одной из наиболее известных и значимых концепций в рамках поиска траекторий оптимального пути экономического развития и структурных преобразований является теория экономического разнообразия. Ключевым индикатором в ней можно назвать показатель технологической близости, который также

используется для выделения связанных отраслей. Учитывая недостатки применяемых традиционных подходов, Идальго и соавторы (Hidalgo et al., 2007) разработали метод расчета индикатора технологической близости на основе сравнительных преимуществ. Этот показатель позволяет количественно оценить возможности развития новых видов экономической деятельности исходя из их технологической перспективности с учетом существующего инновационно-технологического портфеля территорий. В работе (Растворцева, Аманалиева, 2020) на примере высокотехнологичных видов экономической деятельности внутри стран Евросоюза продемонстрировано применение индикатора технологической близости с целью анализа инновационных систем и количественной оценки перспективности инновационных отраслей.

Анализ существующих научных работ позволил прийти к выводу о возможности комбинации методических подходов к поиску перспективных специализаций. Однако стоит отметить, что для определения именно отраслевых приоритетов лучше всего подходит концепция «умной» специализации из-за ее отраслевой, а не продуктовой направленности, а также более выраженного поиска конкурентных преимуществ. При этом возможно использование некоторых элементов иных концепций при оценке перспективности того или иного вида экономической деятельности.

Материалы и методы

В качестве основного методического инструментария нами использована методика поиска перспективных специализаций, базирующаяся на критериальном отборе видов экономической деятельности. Данная методика была апробирована на материалах Вологодской области по 235 видам экономической деятельности (Румянцев и др., 2022). В составе значимых компонентов оценки в рамках предлагаемого методического подхода были проанализированы эффективность отраслевой специализации; рыночный потенциал; инновационная активность; патентная обеспеченность.

В качестве итогового показателя, с помощью которого осуществляется оценка перспективности видов экономической деятельности в регионе, используется совокупная интеграль-

ная оценка, рассчитываемая на основе суммы баллов, присваиваемых каждому из вычисляемых индикаторов, согласно направлениям, указанным выше:

$$PC_i^{per} = (ЭОС_i^{per} + РП_i^{per} + ИА_i^{per}) + ПО_i^{per},$$

где PC_i^{per} – совокупная интегральная оценка перспективности i -го вида экономической деятельности региона;

$ЭОС_i^{per}$ – сумма баллов по блоку критериев «Эффективность отраслевой специализации», рассчитываемая для i -го вида экономической деятельности региона;

$РП_i^{per}$ – сумма баллов по блоку критериев «Рыночный потенциал», рассчитываемая для i -го вида экономической деятельности региона;

$ИА_i^{per}$ – сумма баллов по блоку критериев «Инновационная активность», рассчитываемая для i -го вида экономической деятельности региона;

$ПО_i^{per}$ – сумма баллов по блоку критериев «Патентная обеспеченность», рассчитываемая для i -го вида экономической деятельности региона.

Первоначальная апробация и исследование актуальных научных работ потребовали усовершенствования существующего методического

подхода, которое заключается в следующих положениях:

– определение перспективных экономических специализаций осуществляется только по торгуемым отраслям, конкурентные преимущества которых позволяют использовать как объем внутреннего рынка, так и возможности экспорта²;

– расчет значимости вида экономической деятельности (ВЭД) в масштабах региона и страны правильнее осуществлять по численности занятых для устранения искажений, вызванных фиксацией объема отгруженной продукции (использовавшейся при расчетах ранее) по месту регистрации компании, а не ее физического местонахождения;

– из-за неполноты статистической информации ряд индикаторов инновационной активности был исключен из расчета, для компенсации веса инновационной деятельности в интегральной оценке увеличены баллы по оставшимся критериям.

После внесения этих изменений список индикаторов, используемых для расчета интегрального показателя перспективности вида экономической деятельности, выглядит следующим образом (табл. 1).

Таблица 1. Методика расчета индикаторов перспективности видов экономической деятельности региона

Индикатор	Расчет
Эффективность отраслевой специализации	
Производительность труда ВЭД в регионе	$K_1 = \left(\frac{V_{it}^{per}}{L_{it}^{per}} : \frac{\sum_{i=n} V_{it}^{per}}{\sum_{i=n} L_{it}^{per}} \right) * \left(\frac{L_{it}^{per}}{L_{nt}^{per}} : \frac{L_{nt}^{per}}{L_{it}^{per}} \right)$
Производительность труда ВЭД в макрорегионе	$K_2 = \left(\frac{V_{it}^{per}}{L_{it}^{per}} : \frac{V_{it}^{mper}}{L_{it}^{mper}} \right)$
Производительность труда ВЭД в стране	$K_3 = \left(\frac{V_{it}^{per}}{L_{it}^{per}} : \frac{V_{it}^{pф}}{L_{it}^{pф}} \right)$
Эффективность производительности труда отрасли в целом по стране	$K_4 = K_1 * \left(\frac{V_t^{per}}{L_t^{per}} : \frac{V_t^{pф}}{L_t^{pф}} \right)$
Рыночный потенциал	
Значимость ВЭД в масштабах страны	$K_5 = \frac{L_{it}^{per}}{L_{it}^{pф}} * 100\%$
Значимость ВЭД в масштабах региона	$K_6 = \frac{L_{it}^{per}}{L_t^{per}} * 100\%$
Темпы роста ВЭД в регионе	$K_7 = \sqrt[3]{\frac{L_{i(t-2)}^{per}}{L_{i(t-3)}^{per}} * \frac{L_{i(t-1)}^{per}}{L_{i(t-2)}^{per}} * \frac{L_{it}^{per}}{L_{i(t-1)}^{per}}} * 100\%$

² В работе используется перечень торгуемых отраслей, представленный в (Ketels, Protsiv, 2014).

Окончание таблицы 1

Индикатор	Расчет
Потенциал усложнения экономики за счет развития ВЭД	$K_8 = D_i$ $K_9 = U_i$
Потенциал импортозамещения	$K_{10} = \frac{I_{it}^{per}}{V_{it}^{per}} * 100\%$
Инновационная активность	
Доля отгруженных товаров, работ, услуг инновационного характера ВЭД региона в объеме странового ВЭД (в ценах года t)	$K_{11} = \left(\frac{N_{i(t-2)}^{per}}{N_{i(t-2)}^{PФ}} + \frac{N_{i(t-1)}^{per}}{N_{i(t-1)}^{PФ}} + \frac{N_{it}^{per}}{N_{it}^{PФ}} \right) / 3$
Доля затрат на инновационную деятельность ВЭД региона в объеме инновационных затрат странового ВЭД (в ценах года t)	$K_{12} = \left(\frac{CTI_{i(t-2)}^{per}}{CTI_{i(t-2)}^{PФ}} + \frac{CTI_{i(t-1)}^{per}}{CTI_{i(t-1)}^{PФ}} + \frac{CTI_{it}^{per}}{CTI_{it}^{PФ}} \right) / 3$
Соотношение удельных весов инновационных товаров, работ и услуг в регионе и в стране (в ценах года t)	$K_{13} = \left(\frac{\varepsilon_{i(t-2)}^{per}}{\varepsilon_{i(t-2)}^{PФ}} + \frac{\varepsilon_{i(t-1)}^{per}}{\varepsilon_{i(t-1)}^{PФ}} + \frac{\varepsilon_{it}^{per}}{\varepsilon_{it}^{PФ}} \right) / 3$
Патентная обеспеченность	
Патентная обеспеченность	$K_{14} = \frac{Pat_i}{\sum_{i=n} Pat_i}$
<p>Условные обозначения: V_{it}^{per} – объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по i-ому ВЭД в регионе за t год; L_{it}^{per} – среднесписочная численность занятых по i-ому ВЭД в регионе за t год; L_t^{per} – среднесписочная численность занятых в регионе за t год; L_{nt}^{per} – среднесписочная численность занятых по n-ой отрасли в регионе за t год; V_{it}^{mper} – объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по i-ому ВЭД в макрорегионе за t год; L_{it}^{mper} – среднесписочная численность занятых по i-ому ВЭД в макрорегионе за t год; $V_{it}^{PФ}$ – объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по i-ому ВЭД в РФ за t год; $L_{it}^{PФ}$ – среднесписочная численность занятых по i-ому ВЭД в РФ за t год; V_t^{per} – объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в регионе за t год; $V_t^{PФ}$ – объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в РФ за t год; $L_t^{PФ}$ – среднесписочная численность занятых в РФ за t год; D_i – длина производственной цепочки; U_i – длина сбытовой цепочки*; I_{it}^{per} – объем импорта товаров, работ, услуг по i-ому ВЭД; N_{it}^{per} – объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг инновационного характера по i-ому ВЭД региона в году t; $N_{it}^{PФ}$ – объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг инновационного характера по i-ому ВЭД страны в году t; CTI_{it}^{per} – доля затрат на инновационную деятельность ВЭД региона по i-ому ВЭД региона в году t; $CTI_{it}^{PФ}$ – доля затрат на инновационную деятельность ВЭД региона по i-ому ВЭД страны в году t; ε_{it}^{per} – удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в по i-ому ВЭД региона в году t; $\varepsilon_{it}^{PФ}$ – удельный вес инновационных товаров в общем объеме товаров, работ, услуг в по i-ому ВЭД страны в году t; Pat_i – количество патентов по i-ому ВЭД страны. * Подробнее: (Лукин, 2022). Источник: составлено автором с использованием (Румянцев и др., 2022).</p>	

После расчета соответствующих индикаторов им присваивается балльная оценка в соответствии с интервалами, представленными в *таблице 2*.

В рамках исследования были сформированы паспорта перспективных экономических специализаций регионов Северо-Западного федерального округа и определены потенциальные точки взаимодействия выделенных нами

видов экономической деятельности для производства продукции глубокой переработки, в т. ч. на основе межрегионального сотрудничества. Итоговым этапом исследования стало определение микроспециализаций регионов, что потребовало анализа мнений экспертов и соответствующей отраслевой литературы и позволило определить узкие рыночные ниши для активного развития экономики макрорегиона.

Таблица 2. Балльные оценки индикаторов для определения перспективных специализаций

Критерий	Порядок присвоения баллов	Критерий	Порядок присвоения баллов
K1	$K1 \geq 1,2$ – 1 балл $1,2 > K1 \geq 0,8$ – 0,5 балла $K1 < 0,8$ – 0 баллов	K8	$K8 \geq 2,5$ – 2 балла $2,5 > K8 \geq 2$ – 1 балл $2 > K8 \geq 1,5$ – 0,5 балла $K8 < 1,5$ – 0 баллов
K2	$K2 \geq 1,2$ – 1 балл $1,2 > K2 \geq 0,8$ – 0,5 балла $K2 < 0,8$ – 0 баллов	K9	$K9 \geq 2,5$ – 2 балла $2,5 > K9 \geq 2$ – 1 балл $2 > K9 \geq 1,5$ – 0,5 балла $K9 < 1,5$ – 0 баллов
K3	$K3 \geq 1,2$ – 1 балл $1,2 > K3 \geq 0,8$ – 0,5 балла $K3 < 0,8$ – 0 баллов	K10	$K10 < 0,5$ – 2 балла $0,5 < K10 < 1$ – 1 балл $K10 \geq 1$ – 0 баллов
K4	$K4 \geq 2$ – 2 балла $2 > K4 \geq 1,2$ – 1 балл $1,2 \leq K4 \geq 0,8$ – 0,5 балла $K4 < 0,8$ – 0 баллов	K11	$K11 \geq 5$ – 1 балл $K11 < 5$ – 0 баллов
K5	$K5 \geq 5$ – 1 балл $5 > K5 \geq 1$ – 0,5 балла $K5 < 1$ – 0 баллов	K12	$K12 \geq 1$ – 1 балл $1 > K12 > 0$ – 0,5 балла $K12 \leq 0$ – 0 баллов
K6	$K6 \geq 10$ – 1 балл $10 > K6 \geq 5$ – 0,5 балла $K6 < 5$ – 0 баллов	K13	$K13 \geq 1$ – 1 балл $K13 < 0$ – 0 баллов
K7	$K7 \geq 120$ – 1 балл $120 > K7 \geq 110$ – 0,5 балла $K7 < 110$ – 0 баллов	K14	$K14 \geq 0,1$ – $K16 \cdot 10$ баллов $K14 < 0,1$ – 0 баллов

Источник: составлено автором на основе (Румянцев и др., 2022) и экспертных оценок.

Результаты исследования

Предварительным этапом поиска перспективных экономических специализаций регионов Северо-Запада России стало определение существующих рыночных специализаций исследуемых территорий. Для этого были рассчитаны коэффициенты локализации для всех отраслей экономики, а также их доля в экономике

каждого региона. Условиями выделения текущих специализаций являлась значимость ВЭДа для экономики (не менее 2% от общего объема отгруженной продукции) и выраженная специализация региона на производстве конкретного вида товаров или услуг (коэффициент специализации больше 2)³. Результаты расчетов представлены в *таблице 3*.

Таблица 3. Рыночные специализации экономик регионов Северо-Запада России в 2021 году

Республика Карелия
Добыча и обогащение железных руд Производство целлюлозы, древесной массы, бумаги и картона Распиловка и строгание древесины Лесозаготовки
Республика Коми
Добыча нефти и нефтяного (попутного) газа; предоставление услуг в области добычи нефти и природного газа Производство целлюлозы, древесной массы, бумаги и картона Добыча и обогащение угля и антрацита Производство основных драгоценных металлов и прочих цветных металлов Производство изделий из дерева, пробки, соломки и материалов для плетения

³ Схожий подход применяется в (Куценко и др., 2019).

Архангельская область
Производство целлюлозы, древесной массы, бумаги и картона Распиловка и строгание древесины Деятельность железнодорожного транспорта: грузовые перевозки Лесозаготовки
Ненецкий автономный округ
Добыча нефти и нефтяного (попутного) газа; предоставление услуг в области добычи нефти и природного газа
Вологодская область
Производство чугуна, стали и ферросплавов Производство основных химических веществ Производство прочих стальных изделий первичной обработкой Производство молочной продукции Производство изделий из дерева, пробки, соломки и материалов для плетения
Калининградская область
Производство автотранспортных средств Производство готовых кормов для животных Производство растительных и животных масел и жиров Переработка и консервирование мяса и мясной пищевой продукции; рыбы, ракообразных и моллюсков
Ленинградская область
Производство нефтепродуктов Производство изделий из бумаги и картона Животноводство Производство табачных изделий
Мурманская область
Производство основных драгоценных металлов и прочих цветных металлов Добыча и обогащение железных руд Рыболовство Добыча полезных ископаемых, не включенных в другие группировки
Новгородская область
Производство основных химических веществ Производство изделий из дерева, пробки, соломки и материалов для плетения Животноводство Распиловка и строгание древесины Строительство автомобильных и железных дорог Производство огнеупорных изделий Производство изделий из бумаги и картона
Псковская область
Животноводство Переработка и консервирование мяса и мясной пищевой продукции Производство кабелей и кабельной арматуры Деятельность по обработке вторичного сырья Производство молочной продукции Производство прочих машин и оборудования общего назначения Производство электродвигателей, генераторов, трансформаторов и распределительных устройств, а также контрольно-измерительной аппаратуры
Санкт-Петербург
Производство автотранспортных средств Разработка компьютерного программного обеспечения; сопутствующие услуги в данной области Деятельность в области архитектуры, инженерных изысканий; технические консультации в этих областях
Источник: составлено автором.

Перспективные экономические специализации

Далее производились расчеты перспективных экономических специализаций регионов Северо-Запада России на основе описанной ранее авторской методики (табл. 4).

Совокупный анализ перспективных экономических специализаций территорий макро-региона позволяет сформировать несколько

новых фрагментов цепочек создания добавленной стоимости в таких отраслях, как лесопромышленный комплекс, машиностроение и химические производства глубоких переделов. Отдельно стоит отметить результаты Мурманской области, которая имеет перспективы стать транспортным хабом Северо-Запада России.

Таблица 4. Расчет перспективных экономических специализаций регионов Северо-Запада России за 2021 г.

Вид экономической деятельности	ПС _i ^{пер}
Республика Карелия	
Производство машин и оборудования для сельского и лесного хозяйства	12,7
Производство целлюлозы, древесной массы, бумаги и картона	11,8
Производство изделий из дерева, пробки, соломки и материалов для плетения	11,7
Республика Коми	
Производство целлюлозы, древесной массы, бумаги и картона	9,8
Производство, передача и распределение пара и горячей воды; кондиционирование воздуха	9,6
Производство изделий из дерева, пробки, соломки и материалов для плетения	9,2
Архангельская область	
Производство прочих стальных изделий первичной обработкой	10,6
Деятельность по обработке вторичного сырья	10,3
Ненецкий автономный округ	
Деятельность пассажирского воздушного транспорта	9,7
Рыболовство	8,8
Строительство жилых и нежилых зданий	8,5
Вологодская область	
Производство основных химических веществ, удобрений и азотных соединений, пластмасс и синтетического каучука в первичных формах	12,5
Производство чугуна, стали и ферросплавов	12,2
Производство прочих стальных изделий первичной обработкой	11,7
Распиловка и строгание древесины	11,7
Производство резиновых изделий	11,6
Производство целлюлозы, древесной массы, бумаги и картона	11,4
Производство станков, машин и оборудования для обработки металлов и пр. твердых материалов	11,3
Калининградская область	
Обработка и утилизация отходов	12,3
Производство автотранспортных средств	11,7
Производство основных химических веществ, удобрений и азотных соединений, пластмасс и синтетического каучука в первичных формах	10,6
Ленинградская область	
Производство резиновых изделий	12,4
Производство основных химических веществ, удобрений и азотных соединений, пластмасс и синтетического каучука в первичных формах	11,6
Производство стальных труб, полых профилей и фитингов	11,2
Производство железнодорожных локомотивов и подвижного состава	11,1
Мурманская область	
Производство основных драгоценных металлов и прочих цветных металлов, производство ядерного топлива	14,2
Строительство автомобильных и железных дорог	12,1
Деятельность по складированию и хранению	11,2

Окончание таблицы 4

Новгородская область	
Производство основных химических веществ, удобрений и азотных соединений, пластмасс и синтетического каучука в первичных формах	14,1
Производство огнеупорных изделий	10,9
Псковская область	
Производство строительных металлических конструкций и изделий	11,4
Производство красок, лаков и аналогичных материалов для нанесения покрытий, полиграфических красок и мастик	10,7
Производство изделий из бумаги и картона	9,9
г. Санкт-Петербург	
Производство прочих химических продуктов	14,5
Производство автотранспортных средств	14,2
Производство машин и оборудования для сельского и лесного хозяйства	13,7
Производство нефтепродуктов	13,5
Производство электродвигателей, генераторов, трансформаторов и распределительных устройств, а также контрольно-измерительной аппаратуры	13,4
Источник: расчеты автора.	

Рассмотрим возможности комбинации текущих и перспективных экономических специализаций регионов Северо-Запада России в цепочках создания добавленной стоимости различной продукции.

Лесопромышленный комплекс

С учетом текущей и перспективной специализации исследуемых территорий можно при-

знать лесопромышленный комплекс наиболее подходящим для формирования полноценной цепочки создания стоимости, чему способствуют высокий ресурсный потенциал северных регионов (лесистость территорий СЗФО составляет 54,2%) и наличие крупных производственных мощностей, во многом сохранившихся со времен СССР (Чеплинските, 2023) (табл. 5).

Таблица 5. Распределение существующих и перспективных экономических специализаций в цепочке создания добавленной стоимости лесопромышленной продукции по укрупненным стадиям производства

Стадия производства	Вид экономической деятельности	Регион	Специализация
Производство продукции инвестиционного назначения	Производство машин и оборудования для сельского и лесного хозяйства	Республика Карелия	Перспективная
		г. Санкт-Петербург	
Заготовка и первичная обработка сырья	Лесозаготовки	Республика Карелия	Существующая
		Архангельская область	Существующая
	Распиловка и строгание древесины	Республика Карелия	Существующая
		Архангельская область	Существующая
		Новгородская область	Существующая
		Вологодская область	Перспективная
Производство промежуточных продуктов	Производство целлюлозы, древесной массы, бумаги и картона	Республика Карелия	Существующая/перспективная
		Архангельская область	Существующая
		Республика Коми	Существующая
		Вологодская область	Перспективная
Производство конечной продукции глубокой переработки	Производство изделий из дерева, пробки, соломки и материалов для плетения	Республика Коми	Существующая/перспективная
		Вологодская область	Существующая
		Новгородская область	Существующая
		Республика Карелия	Перспективная
	Производство изделий из бумаги и картона	Ленинградская область	Существующая
		Новгородская область	Существующая
		Псковская область	Перспективная
Источник: расчеты автора.			

Несмотря на специализацию экономики регионов СЗФО на деревообработке, большая часть продукции имеет низкую добавленную стоимость и невысокую глубину переработки (хотя есть и производства высокотехнологичных продуктов из древесины, например CLT-панелей). Торговые санкции против России отрезали регионы СЗФО от значительной доли экспортного рынка, а переориентация товарных потоков на Восток затруднена из-за низкой рентабельности перевозки лесоматериалов по сравнению с другими экспортируемыми товарами. Помимо этих проблем, наблюдаются устаревание и максимальная загрузка производственных мощностей на фоне низкого притока инвестиционных ресурсов в отрасль (Чеплинские, 2023). Отмечается также высокая импортозависимость лесопромышленного комплекса от зарубежного оборудования.

При этом отрасль имеет некоторые стимулы для углубления переработки древесины и ее потребления на внутреннем рынке:

- реализация мероприятий в рамках Стратегии развития лесного комплекса РФ до 2030 года (реализация приоритетных инвестиционных проектов в лесопромышленном комплексе, стимулирование производства продукции глубокой переработки с использованием инновационных технологических процессов и т. д.)⁴;
- ограничения на вывоз из страны круглого леса в целях стимулирования его внутренней переработки (заградительные пошлины)⁵;
- выполнение поручений Президента РФ по результатам совещания по вопросам развития лесопромышленного комплекса; основным направлением которых является стимулирование внутреннего спроса на продукцию (индивидуальные домокомплекты, пеллетное топливо и т. д.)⁶.

⁴ Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года (утв. Распоряжением Правительства РФ № 312-р от 11.02.2021).

⁵ О ставках вывозных таможенных пошлин на товары, вывозимые из Российской Федерации за пределы таможенной территории Евразийского экономического союза (утв. Постановлением Правительства РФ № 2068 от 27.11.2021).

⁶ Перечень поручений Президента РФ по итогам совещания по вопросам развития лесопромышленного комплекса. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70764> (дата обращения 14.09.2023).

Перспективными рыночными нишами в случае лесопромышленного комплекса можно назвать производство индивидуальных домокомплектов из CLT-панелей, изготовление композитных конструктивных балок и OSL-панелей, биорефайнинг и специфическую лесохимию.

Машиностроительные производства

Высокий уровень потребления импортной продукции инвестиционного назначения в условиях торговых ограничений создает угрозы экономической безопасности страны. В регионах Северо-Запада России это ощущается наиболее остро: многие позиции машиностроения импортировались из недружественных стран, доля импорта отдельных видов продукции достигала 100% (Широкова, 2022). При этом ресурсная база для собственного машиностроения на Северо-Западе обширна: основное промежуточное потребление приходится на металлургию, которая является рыночной специализацией в трех регионах – Вологодской, Мурманской областях и Республике Коми. В макрорегионе сформирована прочная производственная цепочка продуктов черной металлургии, оканчивающаяся прокатом и не включающая в себя производство конечной продукции, которой является в т. ч. машиностроение (Лукин, 2021).

Однако в СЗФО существует значительный потенциал как производства, так и потребления машиностроительной продукции (табл. 6). Так, выше была отмечена необходимость воспроизводства лесохозяйственной и лесообрабатывающей техники; активное развитие железнодорожных транспортных коридоров внутри Северо-Запада требует производства локомотивов и вагонов; уход автопроизводителей из-за санкций позволяет сформировать собственную автомобилестроительную промышленность на их мощностях.

В отрасли отмечаются следующие проблемы:

- использование иностранных компонентов при отечественной сборке снижает эффективность машиностроения для развития экономики;
- разукрупнение предприятий отрасли усугубляет нехватку производственных мощностей при растущем спросе;

Таблица 6. Распределение существующих и перспективных экономических специализаций в цепочке создания добавленной стоимости машиностроительной продукции по укрупненным стадиям производства

Стадия производства	Вид экономической деятельности	Регион	Специализация
Производство продукции инвестиционного назначения	Производство станков, машин и оборудования для обработки металлов и прочих твердых материалов	Вологодская область	Перспективная
Заготовка и первичная обработка сырья	Добыча и обогащение железных руд	Республика Карелия	Существующая
		Мурманская область	Существующая
	Добыча и обогащение угля и антрацита	Республика Коми	Существующая
		Республика Коми	Существующая
Производство промежуточных продуктов	Производство основных драгоценных металлов и прочих цветных металлов	Мурманская область	Существующая/перспективная
	Производство чугуна, стали и ферросплавов	Вологодская область	Существующая
	Производство прочих стальных изделий первичной обработкой	Вологодская область	Существующая/перспективная
Архангельская область		Перспективная	
Производство конечной продукции	Производство кабелей и кабельной арматуры	Псковская область	Существующая
		Производство автотранспортных средств	Калининградская область
	г. Санкт-Петербург	Существующая/перспективная	
	Производство прочих машин и оборудования общего назначения	Псковская область	Существующая
	Производство электродвигателей, генераторов, трансформаторов и распределительных устройств, а также контрольно-измерительной аппаратуры	Псковская область	Существующая
		г. Санкт-Петербург	Перспективная
	Производство станков, машин и оборудования для обработки металлов и прочих твердых материалов	Вологодская область	Перспективная
Производство железнодорожных локомотивов и подвижного состава	Ленинградская область	Перспективная	

Источник: составлено автором.

– слабое межрегиональное взаимодействие по вопросам поставок сырья и конечной продукции машиностроения;

– низкий уровень инноваций и НИОКР в отраслях машиностроения;

– несовместимость производимой продукции промежуточного потребления и спроса на нее со стороны машиностроительных производств (Мельников, 2019).

Перспективы развития машиностроительных производств неоднозначны, развитие каждого вида машиностроения имеет разные тенденции как в макрорегионе, так и в стране. Наличие функционирующих мощностей позволяет СЗФО бороться за лидирующие позиции на страновом рынке. Так, из-за переориентации АО «Научно-производственная корпорация

„Уралвагонзавод“ имени Ф.Э. Дзержинского» на оборонный заказ возник дефицит вагонов и цистерн для железнодорожных перевозок⁷, который в случае расширения производственных мощностей можно было бы компенсировать на Тихвинском вагонном производстве. На фоне закрытия воздушного пространства на юге России заметно возрос спрос на железнодорожные перевозки в данном направлении, что позволяет аккумулировать средства РЖД как минимум для обновления вагонного фонда. Активное развитие судостроения может быть простимулировано возросшими грузоперевозками

⁷ Куда катится вагон // Транспорт России. URL: <https://transportrussia.ru/razdely/zheleznodorozhnyj-transport/9957-kuda-katitsya-vagon.html> (дата обращения 12.12.2023).

по Северному морскому пути⁸. Нехватка отечественного оборудования для лесопромышленного комплекса, отмеченная ранее, может стать триггером для поэтапного развития полного цикла производства техники для лесозаготовок:

– первый этап – производство наиболее простых, но востребованных комплектующих (рукава высокого давления, фитинги, комплектующие ходовых частей и т. д.);

– второй этап – производство крупных узловых агрегатов, конкурирующих с западными и азиатскими аналогами в цене и качестве (двигатели, трансмиссии, гидравлические узлы);

– третий этап – полный цикл производства лесозаготовительных комплексов (харвестеры, форвардеры, транспортные автомобили).

Химические производства

Химическая отрасль является одним из наиболее перспективных видов экономической деятельности в мировой экономике за счет активного замещения ее продуктами традиционных материалов в машиностроении, производстве товаров народного потребления, строительстве.

Северо-Запад России обладает значительными конкурентными преимуществами в области химических производств: наличие крупной ресурсной базы (нефть, газ, минералы для производства удобрений и крупнотоннажной неорганической химии), транспортная инфраструктура, научно-исследовательские институты в области неорганической и органической химии, существенные производственные мощности (в части производства удобрений).

Однако при этом цепочку производства химической продукции нельзя назвать развернутой: основные химические продукты, производимые в макрорегионе – это крупнотоннажные удобрения, поставляемые на экспорт (табл. 7). В условиях торговых ограничений и отсутствия продления зерновой сделки химические продукты становятся менее полезными для экономического роста регионов Северо-Запада России. Значительные запасы нефти и газа не используются для глубоких переделов, а экспортируются в сыром виде или первичными полуфабрикатами. Ключевым барьером

Таблица 7. Распределение существующих и перспективных экономических специализаций в цепочке создания добавленной стоимости химической продукции по укрупненным стадиям производства

Стадия производства	Вид экономической деятельности	Регион	Специализация
Заготовка и первичная обработка сырья	Добыча нефти и нефтяного (попутного) газа	Республика Коми	Существующая
		Ненецкий автономный округ	Существующая
	Предоставление услуг в области добычи нефти и природного газа	Республика Коми	Существующая
		Ненецкий автономный округ	Существующая
	Деятельность по обработке вторичного сырья	Псковская область	Существующая
Производство промежуточных продуктов	Производство основных химических веществ, удобрений и азотных соединений, пластмасс и синтетического каучука в первичных формах	Вологодская область	Существующая/перспективная
		Новгородская область	Существующая/перспективная
		Ленинградская область	Перспективная
		Калининградская область	Перспективная
	Производство прочих химических продуктов	г. Санкт-Петербург	Перспективная
Производство конечной продукции глубокой переработки	Производство нефтепродуктов	Ленинградская область	Существующая
		г. Санкт-Петербург	Перспективная
	Производство резиновых изделий	Ленинградская область	Перспективная
	Производство красок, лаков и аналогичных материалов для нанесения покрытий, полиграфических красок и мастик	Псковская область	Перспективная

Источник: составлено автором.

⁸ Северный морской путь поможет развитию российской экономики // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/08/07/severnyj-morskoj-put-pomozhet-razvitiu-rossijskoj-ekonomiki.html> (дата обращения 12.12.2023).

для развития нефтегазохимии в макрорегионе выступает отсутствие пиролизных мощностей для производства крупнотоннажных полимеров, являющихся сырьем для высокотехнологичных пластиков и каучуков с высокой добавленной стоимостью.

Одна из проблем для организации нефтегазохимических производств на территории СЗФО заключается в отсутствии транспортных коридоров для создания пиролизных установок. В качестве решения данной проблемы может быть предложено использование и дальнейшее расширение ветки газопровода из Ненецкого автономного округа со строительством газоперерабатывающего завода на территории Вологодской области.

Существующие предприятия в макрорегионе производят минеральные удобрения, топливные нефтепродукты, ароматические углеводороды, полиэтилентерефталат. Перспективными нишами на базе существующих производств видятся производство мелкотоннажных высокоэффективных минеральных удобрений, производство полимерных смол и композитов на их основе из ароматических углеводородов, а также высокотехнологичных термопластов на основе полиэтилена для применения в аддитивных технологиях и композитных промышленных материалах.

Заключение

Регулируемая структурная трансформация экономики регионов Северо-Запада России должна быть основана на усилении конкурентных преимуществ и соответствующих экономических специализаций, что в совокупности

позволит диверсифицировать экономику макрорегиона.

С помощью авторского методического подхода были определены перспективные виды экономической деятельности для каждого региона. Вкупе с использованием существующих специализаций дало возможность сформировать три потенциальных цепочки создания добавленной стоимости: в лесопромышленном комплексе, машиностроительном секторе и химических производствах. Были определены перспективные рыночные ниши для производителей Северо-Запада.

В качестве направлений развития перспективных экономических специализаций можно предложить следующие:

- развитие межрегиональной производственной кооперации;
- активизация инновационных процессов в региональных экономиках;
- стимулирование глубокой переработки продукции для конечного потребителя.

Дальнейшие изыскания будут направлены на определение механизмов и инструментов структурной политики в интересах развития перспективных экономических специализаций, а также прогнозирования траекторий регионального развития, зависящих от принимаемых управленческих решений.

Результаты данного исследования могут быть полезны широкому кругу исследователей отраслевой и региональной экономики, а также органам федеральной и региональной власти при разработке и корректировке различных стратегических и отраслевых документов.

Литература

- Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. (2019). Перспективная экономическая специализация как новация политики регионального развития // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. № 6. С. 49–65. DOI: 10.24411/2071-6435-2019-10122
- Котов А.В., Гришина И.В., Польшин А.О. (2019). Умная специализация региона – вариант решения для России: научный очерк. М.: Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации. 60 с.
- Куценко Е.С., Абашкин В.Л., Исланкина Е.А. (2019). Фокусировка региональной промышленной политики через отраслевую специализацию // Вопросы экономики. № 5. С. 65–89. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-5-65-89
- Лукин Е.В. (2022). Регулирование межрегиональных цепочек добавленной стоимости: проблемы анализа и моделирования // Проблемы прогнозирования. № 1(190). С. 19–33. DOI: 10.47711/0868-6351-190-19-33
- Лукин Е.В. (2021). Черная металлургия Северо-Запада России: тенденции и проблемы развития // ЭКО. № 10 (568). С. 110–132. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2021-10-110-132

- Любимов И.Л., Гвоздева М.А., Казакова М.В., Нестерова К.В. (2017). Сложность экономики и возможность диверсификации экспорта в российских регионах // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2 (34). С. 94–123. DOI: 10.31737/2221-2264-2017-34-2-4
- Любимов И.Л., Лысюк М.В., Гвоздева М.А. (2018). Атлас экономической сложности российских регионов // Вопросы экономики. № 6. С. 71–91. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-6-71-91
- Мельников А.Е. (2019). Процессы и структурные изменения в экономике старопромышленных регионов СЗФО // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 2. С. 91–102. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.5
- Растворцева С.Н., Аманалиева А.Б. (2020). Анализ национальных инновационных систем на основе метода технологической близости // Журнал экономической теории. Т. 17. № 4. С. 781–788. DOI: 10.31063/2073-6517/2020.17-4.3
- Румянцев Н.М., Леонидова Е.Г., Губанова Е.С. (2022). Определение отраслевых приоритетов структурной трансформации региона на основе поиска перспективных экономических специализаций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 6. С. 94–109. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.5
- Руус Й., Волошенко К.Ю., Дрок Т.Е., Фарафонова Ю.Ю. (2020). Анализ экономической сложности Калининградской области – выбор отраслевых приоритетов в новой парадигме создания ценности // Балтийский регион. Т. 12. № 1. С. 156–180. DOI: 10.5922/2079-8555-2020-1-9
- Ускова Т.В., Кувалин Д.Б., Лукин Е.В., Широкова Е.Ю., Зинченко Ю.В. (2022). Производственный сектор экономики Северо-Запада России: проблемы адаптации и перспективы функционирования в условиях санкций // Проблемы развития территории. Т. 26. № 6. С. 7–28. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.1
- Чеплинские И.Р. (2023). Инвестиционные ограничения лесопромышленного комплекса Вологодской области и направления их устранения // Вопросы территориального развития. Т. 11. № 1. DOI: 10.15838/tdi.2023.1.63.6
- Широкова Е.Ю. (2022). Внешнеторговая зависимость экономики регионов СЗФО: проблемы и возможности // Вопросы территориального развития. Т. 10. № 1. DOI: 10.15838/tdi.2022.1.61.3
- Caragliu A., de Dominicis L., de Groot H.L.F. (2016). Both Marshall and Jacobs were right! *Economic Geography*, 92(1), 87–111.
- Content J., Frenken K. (2016). Related variety and economic development: A literature review. *European Planning Studies*, 24(12), 2097–2112.
- Duranton G., Puga D. (2000). Diversity and specialisation in cities: Why, where and when does it matter? *Urban Studies*, 37(3), 533–555.
- Essletzbichler J. (2015). Relatedness, industrial branching and technological cohesion in US metropolitan areas. *Regional Studies*, 49(5), 752–766.
- Feldman M., Audretsch D. (1999). Innovation in cities: Science-based diversity, specialization and localized competition. *European Economic Review*, 43(2), 409–429.
- Glaeser E.L., Kallal H.D., Scheinkman J.A., Shleifer A. (1992). Growth in cities. *Journal of Political Economy*, 100(6), 1126–1152.
- Grashof N., Hesse K., Fornahl D. (2019). Radical or not? The role of clusters in the emergence of radical innovations. *European Planning Studies*, 27(10), 1904–1923.
- Greunz L. (2004). Industrial structure and innovation-evidence from European regions. *Journal of Evolutionary Economics*, 14(5), 563–592.
- Henderson V., Kuncoro A., Turner M. (1995). Industrial development in cities. *Journal of Political Economy*, 103(5), 1067–1090.
- Hidalgo C.A. et al. (2007). The product space conditions the development of nations. *Science*, 317(5837), 482–487.
- Jacobs J. (1969). *The Economy of Cities*. New York: Random House.
- Ketels S., Protsiv S. (2014). *Methodology and Findings Report for a Cluster Mapping of Related Sectors*. Stockholm: European Cluster Observatory.
- Reynolds C., Agrawal M., Lee I. et al. (2018). A sub-national economic complexity analysis of Australia's states and territories. *Regional Studies*, 52.
- Tullio B., Giancarlo C. (2018). *Structural Change and Convergence Across European Regions*. University Ca'Foscari of Venice, Dept. of Economics Research Paper Series No. 16. DOI: 10.2139/ssrn.3197017

Сведения об авторе

Никита Михайлович Румянцев — заведующий лабораторией, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: rumyanik.95@gmail.com)

Rumyantsev N.M.

Promising Economic Specializations within a Macroregion (the Case of the Northwestern Federal District)

Abstract. The intensification of structural transformation of the economy in Russia and its regions in the context of geopolitical instability requires searching for the most promising types of economic activity that could become drivers of development in the new economic conditions. This premise is especially relevant for the Northwest of Russia due to the fact that the economy in this macroregion has been subjected to the strongest negative impact of foreign trade restrictions. Thus, the aim of our study is to determine sectoral priorities of regional development in the form of promising economic specializations within a single macroregion. To achieve the goal, we address the following tasks: to develop a methodology for searching for promising economic specializations at the macroregional level; identify existing sectoral specializations in the Northwest of Russia; outline the profile of promising economic specializations in the Northwestern Federal District, taking into account possible interregional interactions. Based on our own methodological approach, which is the novelty of the study, we identify promising value chains in the timber industry, machine-building industries and the chemical industry. According to the results of the study, we compile profiles of promising economic specializations for regions in the Northwest of Russia; this is also an original scientific result. Based on the analysis of global economic development trends, we identify potential market niches for the industries under consideration. In addition, we propose measures to promote the development of promising economic specializations in the macroregion. The findings of the study can be useful to a wide range of researchers in the field of sectoral and regional economics, as well as federal and regional authorities in the development and adjustment of various strategic and sectoral documents.

Key words: structural transformation, promising economic specializations, interregional cooperation, economic growth, value chains.

Information about the Author

Nikita M. Rumyantsev — head of laboratory, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: rumyanik.95@gmail.com)

Статья поступила 21.09.2023.

Оценка профессиональной структуры занятого населения в российских регионах на основе концепции экономической сложности

**Михаил Юрьевич
АФАНАСЬЕВ**

Центральный экономико-математический институт Российской академии наук
Москва, Российская Федерация
e-mail: mi.afan@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1122-0407; ResearcherID: P-4507-2016

**Алексей Александрович
ГУСЕВ**

Центральный экономико-математический институт Российской академии наук
Москва, Российская Федерация
e-mail: gusevalexeval@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0551-6001

**Ашхен Мардиросовна
НАНАВЯН**

Центральный экономико-математический институт Российской академии наук
Москва, Российская Федерация
e-mail: ashchenn@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8681-6884; ResearcherID: AEF-8149-2022

Для цитирования: Афанасьев М.Ю., Гусев А.А., Нанавян А.М. (2023). Оценка профессиональной структуры занятого населения в российских регионах на основе концепции экономической сложности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 6. С. 91–107. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.5

For citation: Afanasyev M.Yu., Gusev A.A., Nanavyan A.M. (2023). Assessing the professional structure of the employed population in Russian regions on the basis of economic complexity concept. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(6), 91–107. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.5

Аннотация. Уровень квалификации работника оказывает существенное влияние как на формирование показателей занятости населения, так и на развитие экономики. Актуальные научные дискуссии связаны с оценкой перспектив развития рынка труда, выявлением профессий, которые окажутся востребованными в будущем и определяют возможности развития человеческого капитала. Цель работы заключается в оценке экономической сложности структуры профессиональной занятости и экономической сложности профессиональных групп занятого населения в регионах Российской Федерации, выявлении на этой основе тенденций развития региональных рынков труда. Оценку экономической сложности региональной структуры профессиональной занятости можно рассматривать как характеристику уровня развития человеческого капитала, поскольку способность региона развивать до уровня сильных профессиональные группы с высокими оценками экономической сложности зависит от накопленных знаний работников. Получены оценки экономической сложности структуры профессиональной занятости в регионах РФ и экономической сложности профессиональных групп по данным за 2018, 2020 и 2021 гг. Для пяти профессиональных групп ранги оценок экономической сложности не меняются во времени, в том числе для докторов наук, кандидатов наук и специалистов высшего уровня квалификации. Для четырех профессиональных групп ранги меняются незначительно — не более чем на единицу. Существенно ранги оценок сложности изменяются для двух профессиональных групп: «руководители» (позиция профессиональной группы улучшается) и «работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности» (позиция ухудшается). Ранговая оценка профессиональной группы «неквалифицированные рабочие» выше, чем ранговые оценки трех групп квалифицированных работников. Ранги оценок сложности профессиональных групп соответствуют существующим мнениям о среднем уровне развития человеческого капитала представителей этих групп занятого населения. Оценки экономической сложности структуры профессиональной занятости и профессиональных групп могут быть использованы для развития методологии выбора приоритетных направлений диверсификации экономики региона.

Ключевые слова: профессиональная структура, сложность экономики, человеческий капитал, регион, оценка.

Введение

Профессиональная подготовка, уровень квалификации работника и набор производственных функций, выполняемых специалистами различных видов деятельности, оказывают существенное влияние на формирование показателей занятости населения. Усиливается зависимость экономических результатов от степени реализации способностей, знаний, навыков и умений работников, а профессионально-квалификационная структура занятого населения выступает одной из важнейших характеристик человеческого капитала. В документах Международной организации труда квалификация определена как «...способность работника выполнять конкретные задачи и обязанности в рамках конкретной работы», а уровень квалификации — как показатель сложности и объема задач и обязанностей, выполняемых в рамках занятия¹.

¹ International Standart Classification of Occupations (ISCO), 2015. URL: <https://isco.ilo.org/en/isco-08>

В литературе отмечаются существенные сдвиги в структуре профессиональной занятости населения, основное внимание уделяется анализу групп с высоким уровнем профессиональной квалификации — профессионалам «как особой социальной группе, занимающей в стратификационной иерархии общества относительно высокое положение в силу обладания такими специфическими активами, как знания и навыки, формирование которых требует не только длительного обучения и опыта, но и прямых (деньги) или косвенных (недополученная за период обучения зарплата) инвестиций» (Тихонова, 2020).

Следует отметить, что формально квалификация служит для работодателя гарантом того, что сотрудник обладает определенными компетенциями, на дальнейшее совершенствование которых направлены профессиональное обучение и переобучение (Абузярова и др., 2019). В статье (Токсанбаева, Попова, 2021) также

подчеркивается, что для выполнения работы той или иной квалификации необходимо образование не ниже официально требуемого, но не все занятые трудятся в соответствии с образовательным статусом. Далее авторы указывают, что несоответствие образовательного и квалификационного статуса работников наблюдается во всех профессиональных группах, но в основном в пользу уровня образования, более высокого, чем требуемое, что не противоречит соответствующим профессиональным стандартам. При этом в наибольшей степени это характерно для группы специалистов высокой квалификации, лидирующих по размерам среднего заработка (без группы руководителей).

Однако «на большинстве рабочих мест профессионалов не нужны обновление знаний и повышение квалификации, а также полученные ранее образование и практический опыт — по крайней мере, по мнению занимающих их людей. Эти рабочие места более чем в 60% случаев не предполагают профессионального развития» (Тихонова, 2020). Тем не менее «...относительно высокие доходы, социальная защищенность и ресурс влияния позволяют говорить о большинстве из них как о наиболее качественных рабочих местах» (Тихонова, 2020). При этом отмечается, что образовательная структура российской рабочей силы менялась быстрее, чем ее профессиональная или отраслевая структура. Между уровнями профессиональной квалификации и уровнями образования существует тесная связь, но строгого взаимно однозначного соответствия нет (Гимпельсон, Капелюшников, 2022).

Изменение структурных характеристик занятости проявляется на рынке труда через определенное время. Любой вид деятельности требует подготовки и формирования соответствующих навыков, в том числе для осуществления мало- или неквалифицированного труда. При этом, как правило, неквалифицированный труд обычно определяется как работа, связанная с большими затратами физической силы, а квалифицированный — как преимущественно умственный труд, требующий значительных затрат интеллектуального характера. Представляется, что такой подход ограничен, поскольку интеллектуальная работа также приводит к физическим затратам, а физические усилия не осуществляются без умственных.

В современных условиях активное внедрение цифровых технологий требует новых подходов к определению роли и значения труда физического и умственного, хотя признано, что новые технологии в первую очередь заменят именно физический труд.

В литературе закономерно обсуждается вопрос о том, будет ли происходить постепенный рост доли квалифицированной рабочей силы и одновременно вымывание с рынка труда работников с низким уровнем квалификации, либо определяющим станет U-образный сценарий, когда рост числа рабочих мест для квалифицированной рабочей силы сопровождается «проседанием спроса на работников среднего уровня квалификации» (Вишневецкая, Зудина, 2017) и увеличением спроса на профессии с относительно низким уровнем квалификации, большая часть которых — работники торговли и неквалифицированные рабочие, а также операторы оборудования, работа которых с высокой степенью вероятности будет компьютеризирована в ближайшие годы (Черненко и др., 2021).

Следует отметить, что главной особенностью неквалифицированной работы считается ее доступность. Необходимые знания, умения и навыки можно быстро освоить в процессе работы, не требуется специальное профессиональное образование. В классификаторе занятий, который предназначен для проведения статистических обследований распределения населения по видам занятий, выделена группа «неквалифицированные рабочие»: уборщики и прислуга в домах, гостиницах и различных учреждениях, а также неквалифицированные рабочие сельского и лесного хозяйства, в горнодобывающей промышленности, строительстве, обрабатывающей промышленности и на транспорте (упаковщики, грузчики, разнорабочие, сборщики и переработчики мусора и т. д.)². Эти виды деятельности оцениваются как непрестижные, работодатели экономят на затратах на оплату труда и уровень заработной платы зачастую низкий, хотя неквалифицированный труд востребован и, получив профессиональный опыт и хорошие навыки, работник может перейти на более высокооплачиваемую работу и соответствующую новую должность, не тре-

² Общероссийский классификатор занятий. ОК 010–2014 (МСКЗ–08). Москва: Стандартинформ, 2015.

бующую специального профессионального образования (например, руководить группой неквалифицированных работников), что может послужить стимулом для повышения уровня образования.

Однако неквалифицированный труд оказывает и негативное влияние на экономику: работники чаще могут ошибаться, допускать брак, что приводит к росту издержек. Кроме того, профессиональная компетентность работника влияет на продуктивность и безопасность труда, снижение уровня различных рисков и травматизма на производстве. Это важно не только для предприятий и организаций, но и характеризует сбалансированность рынка труда на уровне национальной экономики и регионов (Нанавян, 2020). Использование новых технологий и оборудования, автоматизация производственных процессов может улучшить ситуацию. Эти процессы тесно связаны с отраслевыми и региональными различиями, которые во многом определяют возможности развития региональной экономики, создания достойных рабочих мест, повышения уровня инновационной активности предприятий и развития человеческого потенциала.

Поэтому развитие экономики, в том числе региональной, предполагает определение перспективных направлений специализации и формирование соответствующего кадрового потенциала. При этом, как справедливо отмечается в статье (Румянцев и др., 2022), «определение перспективной экономической специализации — более сложная процедура, которую трудно осуществить с использованием лишь математических методов. ... Для того чтобы перестройка экономики вела к активизации ее динамики, требуется учитывать существующую экономическую специализацию региона, обнаруживать и устранять «бутылочные горлышки» цепочек создания стоимости (ЦСС), действовать через формирование высокопроизводительных секторов с экспортной ориентацией, однако стоит сбалансировать соотношение внутреннего и внешних рынков». Следует также сказать, что это может осуществляться на основе сравнительного анализа, который позволяет не только выявить тенденции и определить тренды, но и произвести оценку перспектив развития профессиональной структуры занятости, что особенно важно для исследования рынка труда.

В связи с этим цель работы заключается в оценке экономической сложности профессиональной структуры занятости и экономической сложности профессиональных групп занятого населения в регионах Российской Федерации, выявлении на этой основе тенденций развития региональных рынков труда.

Информационной базой являются данные выборочного обследования организаций (без субъектов малого предпринимательства) «О численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам» Федеральной службы государственной статистики, результаты которого позволяют проводить анализ профессионально-квалификационной структуры численности работников, в том числе по субъектам Российской Федерации, а также данные о численности докторов и кандидатов наук в регионах РФ³.

В соответствии с Классификатором занятий ОК 010–2014 (МСКЗ–08) (ОКЗ) в обследовании представлены следующие профессиональные группы.

1. Руководители.
2. Специалисты высшего уровня квалификации.
3. Специалисты среднего уровня квалификации.
4. Служащие, занятые подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием.
5. Работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности.
6. Квалифицированные работники сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства.
7. Квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта и рабочие родственных занятий.
8. Операторы производственных установок и машин, сборщики и водители.
9. Неквалифицированные рабочие.

Объектами классификации в ОКЗ являются занятия. Под занятием понимается вид трудовой деятельности, осуществляемой на рабочем месте с относительно устойчивым составом

³ О численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам / Росстат. М., 2022; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2022. 1122 с.

трудовых функций (работ, обязанностей), приносящий заработок или доход. К занятиям относится любой вид трудовой деятельности, как требующей, так и не требующей специальной подготовки⁴.

Методология оценки

Для анализа структуры профессиональной занятости в регионе использованы данные о численности работников организаций субъектов РФ по профессиональным группам, выявлены их сравнительные преимущества на основе показателя RCA_{kj} .

Определим показатель RCA_{kj} выявленных сравнительных преимуществ (Balassa, 1965):

$$RCA_{kj} = (z_{kj} / \sum_j z_{kj}) / (\sum_k z_{kj} / \sum_{kj} z_{kj}), \quad (1)$$

где z_{kj} – численность работников профессиональной группы j в регионе k ;

RCA_{kj} – отношение доли профессиональной группы j в общей численности всех профессиональных групп региона k к доле профессиональной группы j во всех регионах в общей численности всех профессиональных групп в регионах.

В соответствии с работами (Balassa, 1965; Hausmann, Klinger, 2006) для выявления сравнительных преимуществ профессиональных групп в регионах может использоваться показатель RCA_{kj} , для которого проверяется условие

типа ограничения снизу. Если значение RCA_{kj} превышает единицу, будем считать, что профессиональная группа j в регионе k обладает выявленными сравнительными преимуществами по численности работников организаций. В противном случае – выявленных сравнительных преимуществ не существует:

$$a_{kj} = \begin{cases} 1, & \text{если } RCA_{kj} \geq 1; \\ 0, & \text{если } RCA_{kj} < 1. \end{cases} \quad (2)$$

Матрица $A = (a_{kj})$ содержит данные о профессиональных группах, которые в разных регионах обладают сравнительными преимуществами по численности работников организаций. Строки этой матрицы соответствуют регионам, столбцы – профессиональным группам. Профессиональную группу, имеющую выявленные сравнительные преимущества в регионе, будем называть *сильной* профессиональной группой региона, особенность которой состоит в том, что ее доля в общей численности занятого населения региона выше, чем доля этой группы на общероссийском рынке труда.

Вектор $(a_{kj_1}, \dots, a_{kj_m})$ будем называть *структурой сильных профессиональных групп* региона k . Далее матрица $A = (a_{kj})$ будет рассматриваться в качестве формального описания региональных структур профессиональной занятости.

Экономическая сложность структуры профессиональной занятости (для краткости **экономическая сложность структуры занятости**) рассматривается здесь как характеристика, отражающая уровень развития человеческого капитала региона, который определяется оценками экономической сложности сильных профессиональных групп в структуре его экономики. Аналогично «**экономическая сложность профессиональной группы**» является характеристикой среднего уровня развития человеческого капитала представителей этой группы и зависит от экономической сложности структур профессиональной занятости тех регионов, в которых эта профессиональная группа является сильной.

Обозначим оценку экономической сложности профессиональной структуры занятости региона k через $PSCI_k$; оценку экономической сложности профессиональной группы j через $PGCI_j$. В соответствии с концепцией эко-

⁴ В литературе справедливо отмечается, что «...учитывая сложность определения методологических подходов и ключевых показателей для прогнозирования занятости и потребностей экономики в определенных профессиях, самой большой проблемой для прогнозирования профессиональной структуры является отсутствие достаточно полной статистики профессий в России, которая все еще не в полной мере соответствует принятым в мировой практике нормам. В частности, хотя методология и масштаб обследования совершенствуются, оно слабо применимо для углубленного анализа региональных различий и построения эконометрических моделей, позволяющих выявить причины этих различий. Сами профессиональные группы по названию обследования полностью соответствуют Общероссийскому классификатору занятий, но возникает вопрос: используют российские статистические органы термины «занятие» и «профессия» как синонимы или вносят какую-либо специфику в них в зависимости от контекста использования. Соответственно в отечественных исследованиях дефицита профессий в занятости и на рынке труда есть единичные работы с использованием простой пробит-модели, которые рассматривают только дефицит квалифицированных кадров в целом без профессионального деления» (Ткаченко, Гиноян, 2021).

номической сложности (Hausmann et al., 2006; Hidalgo, Hausmann, 2009; Hartmann et al., 2017; Афанасьев, Кудров, 2021) эти оценки сложности обладают следующими свойствами. Экономическая сложность структуры занятости региона пропорциональна среднему уровню экономической сложности сильных профессиональных групп этого региона:

$$PSCI_k = a_1 \sum_j r_{kj} PGCI_j, \quad (3)$$

где $q_{k0} = \sum_j a_{kj}$ – число сильных профессиональных групп в регионе, $r_{kj} = \frac{a_{kj}}{q_{k0}}$ – весовой коэффициент, a_1 – положительная константа.

Экономическая сложность профессиональной группы пропорциональна среднему уровню экономической сложности структур профессиональной занятости в регионах, в которых профессиональная группа является сильной:

$$PGCI_j = a_2 \sum_k r_{jk}^* PSCI_k, \quad (4)$$

где $q_{j0} = \sum_k a_{kj}$ – число регионов, в которых профессиональная группа является сильной, $r_{jk}^* = \frac{a_{kj}}{q_{j0}}$ – весовой коэффициент, a_2 – положительная константа.

Индекс *PSCI* измеряет экономическую сложность структур профессиональной занятости в регионах путем объединения информации о **разнообразии** структур профессиональной занятости (количестве q_{k0} сильных профессиональных групп в регионе) и **распространенности** профессиональных групп (количество q_{j0} регионов, в которых профессиональная группа является сильной). Идея, лежащая в основе индекса *PSCI*, заключается в том, что структуры профессиональной занятости регионов с высокими оценками сложности диверсифицированы, содержат сильные профессиональные группы, которые имеют низкую распространенность и сравнительно высокие оценки экономической сложности, и потому только несколько регионов развили эти профессиональные группы до уровня сильных. Региональные профессиональные структуры занятости с относительно низкими оценками экономической сложности включают сильные профессиональные группы, имеющие относительно высокую распространенность и низкие оценки экономической сложности.

Пусть $\mathbf{s} = (PSCI_{k_1}, PSCI_{k_2}, \dots)^T$ – вектор-столбец оценок экономической сложности структуры занятости регионов;

$\mathbf{g} = (PGCI_{j_1}, PGCI_{j_2}, \dots)^T$ – вектор-столбец оценок экономической сложности профессиональных групп;

$\mathbf{R}_1 = (r_{kj})$, $\mathbf{R}_2 = (r_{jk}^*)$ – матрицы весов.

Из соотношений (3) и (4) следует, что $\mathbf{s} = a_1 a_2 \mathbf{R}_1 \mathbf{R}_2 \mathbf{s}$, $\mathbf{g} = a_1 a_2 \mathbf{R}_2 \mathbf{R}_1 \mathbf{g}$.

Таким образом, оценки экономической сложности структуры занятости в регионах являются компонентами собственного вектора матрицы $\mathbf{R}_1 \mathbf{R}_2$, а оценки экономической сложности профессиональных групп – компонентами собственного вектора матрицы $\mathbf{R}_2 \mathbf{R}_1$.

Матрицы $\mathbf{R}_1 \mathbf{R}_2$ и $\mathbf{R}_2 \mathbf{R}_1$ являются стохастическими: их элементы неотрицательны, а их сумма по строкам равна 1. В силу стохастичности матрица $\mathbf{R}_1 \mathbf{R}_2$ имеет собственное значение, равное 1, и отвечающий ему собственный вектор, который состоит из одинаковых координат. В соответствии с подходом к оценке экономической сложности, представленным в работах (Hausmann, Rodrik, 2003; Sciarra et al., 2020), в качестве оценок экономической сложности региональной структуры занятости будем использовать собственный вектор матрицы $\mathbf{R}_1 \mathbf{R}_2$, который соответствует второму максимальному собственному значению. В качестве оценок экономической сложности профессиональных групп будем использовать собственный вектор матрицы $\mathbf{R}_2 \mathbf{R}_1$, который соответствует второму максимальному собственному значению. Заметим, что оценки экономической сложности региональной структуры занятости и профессиональных групп являются относительными. Они не зависят от масштаба региональной экономики, причем могут принимать как положительные, так и отрицательные действительные значения (Афанасьев, Кудров, 2021).

Исходные данные и результаты

Структура данных. Для оценки экономической сложности профессиональной структуры занятости и экономической сложности профессиональных групп занятого населения в регионах России использованы данные Росстата о списочной численности работников организаций по профессиональным группам в субъектах РФ за 2018, 2020 и 2021 гг., которые отражают численность занятых в регионах по девяти

профессиональным группам в соответствии с Общероссийским классификатором занятий ОК 010-2014. Кроме того, учтены данные о численности докторов и кандидатов наук в субъектах РФ.

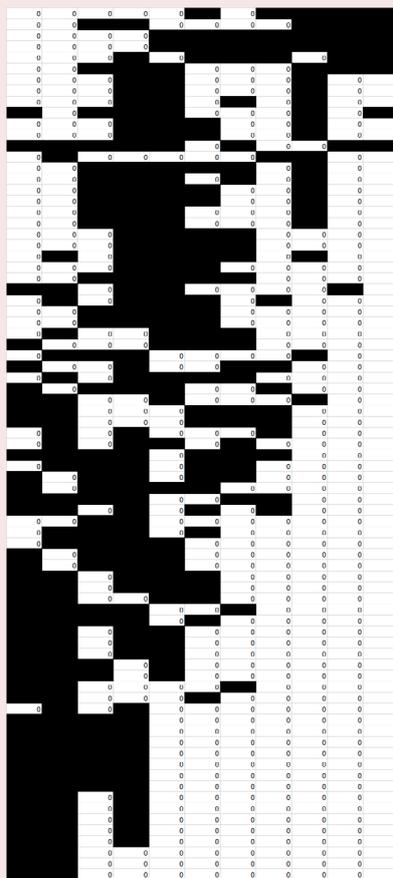
Каждый сотрудник организации учитывался только в одной из профессиональных групп, поэтому численность профессиональной группы «специалисты высшего уровня квалификации» в каждом регионе уменьшена на суммарную численность докторов и кандидатов наук. В результате для расчетов использованы данные по 11 «профессиональным группам», включая группу докторов наук и группу кандидатов наук (столбец (4) табл. П2 приложения).

Результаты расчетов. В соответствии с описанной выше методологией получены оценки экономической сложности структуры занято-

сти регионов и экономической сложности профессиональных групп по данным за 2018, 2020 и 2021 гг. В *таблице П1 приложения* приведены оценки экономической сложности структур профессиональной занятости 79 регионов. Регионы сгруппированы по федеральным округам и расположены в порядке, используемом Росстатом. В *таблице П2 приложения* приведены оценки экономической сложности профессиональных групп. Профессиональные группы расположены в порядке убывания оценок их сложности за 2021 год, представленных в столбце (5) этой таблицы.

На *рисунке 1* отражена 0-1 матрица, описывающая структуру занятости в регионах РФ по данным за 2021 год. Строки матрицы соответствуют регионам, столбцы – профессиональным группам. Темная ячейка означает, что соот-

Рис. 1. Матрица 0-1 регион – профессиональная группа со строками, упорядоченными по PSCI, и столбцами, упорядоченными по PGCI

Источник: расчеты авторов.

ветствующий элемент a_{kj} матрицы равен 1, то есть профессиональная группа является сильной в регионе. В противном случае элемент матрицы равен нулю и профессиональная группа сильной в регионе не является. Строки матрицы упорядочены снизу вверх по возрастанию оценок экономической сложности структуры занятости в регионах $PSCI_k$. Столбцы упорядочены слева направо по возрастанию оценок экономической сложности структуры занятости $PGCI_j$ профессиональных групп. Верхние строки матрицы содержат существенно больше единиц, чем нижние. Соответственно, регионы с более высокими оценками экономической сложности структур профессиональной занятости содержат больше сильных профессиональных групп, чем регионы с низкими оценками. Структуры занятости этих регионов более разнообразны.

Профессиональные группы с относительно высокими оценками экономической сложности $PGCI_j$ являются сильными преимущественно в регионах с относительно высокими оценками экономической сложности структуры занятости. Эти профессиональные группы имеют относительно низкие оценки распространенности (столбцы (1–3) табл. П2 приложения). Соответственно, правый нижний угол матрицы слабо заполнен единицами. Профессиональные группы с относительно низкими оценками экономической сложности являются сильными преимущественно в регионах с относительно низкими оценками экономической сложности структуры занятости, левый верхний угол матрицы слабо заполнен единицами. Можно сделать вывод, что структура матрицы правильно отражает идею подхода к оценке экономической сложности на основе концепции выявленных сравнительных преимуществ, которая представлена в этом исследовании формулами (1), (2), и условиями взаимосвязи оценок, представленными формулами (3), (4). Следует отметить одно важное преимущество данного подхода: обеспечивается возможность получения взаимосвязанных оценок экономической сложности структуры занятости регионов и оценок экономической сложности профессиональных групп⁵.

По данным 2021 года расчеты позволяют выделить следующие пять регионов, имеющих самые высокие оценки $PSCI_k$ экономической сложности структуры занятости (в порядке убывания): Томская область, Новосибирская область, г. Москва, г. Санкт-Петербург, Московская область. Высокие оценки объясняются тем, что в этих регионах сильными являются следующие профессиональные группы: доктора наук, кандидаты наук, специалисты высшего уровня квалификации. Эти профессиональные группы имеют относительно низкую распространенность (столбец 3 табл. П2) и высокие оценки экономической сложности (столбец 5 табл. П2). Положение этих регионов в рейтинге устойчиво. Стандартное отклонение разности рангов оценок экономической сложности для 2018 и 2021 гг. равно 14,3. Математическое ожидание близко к нулю. Изменение по модулю рангов оценок в пределах стандартного отклонения будем оценивать как незначительное. Для указанных выше пяти регионов ранги их оценок в рассматриваемый период времени меняются незначительно (табл. П1).

Отметим три региона, имеющих самые низкие оценки в 2021 году: Архангельская область, Пермский край, Тюменская область. В каждом из них есть только две сильные профессиональные группы: квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта и рабочие родственных занятий; операторы производственных установок и машин, сборщики и водители. Эти профессиональные группы имеют высокую распространенность (столбец 3 табл. П2) и относительно низкие оценки экономической сложности (столбец 5 табл. П2). Для Архангельской области изменение в рейтинге оценок $PSCI_k$ является значительным. Положение в рейтинге Пермского края и Тюменской области устойчиво во времени.

За рассматриваемый период 8 регионов, помеченных знаком (**) в первом столбце таблицы П1, значительно улучшили свои позиции в рейтинге оценок $PSCI_k$. По результатам кластеризации регионов по структуре ВРП, представленным в работе (Афанасьев и др., 2018), большинство из этих регионов имеют развитые

⁵ Для оценки сложности профессиональной структуры занятости могут применяться другие подходы. Например, расчет энтропии по Шеннону или оценка сложности с использованием индекса Херфиндаля – Хиршмана. В данной работе не ставится цель сравнительного анализа подхода, описанного формулами (1–4), с альтернативными подходами к оценке сложности.

сектора обрабатывающей промышленности. В то же время 10 регионов, помеченных знаком (*), значительно ухудшили свои позиции в рейтинге. Большинство из них имеют развитые сектора добывающей промышленности. Существенное изменение оценки экономической сложности профессиональной структуры занятости региона является результатом изменения структуры сильных профессиональных групп. На изменение этой оценки может оказывать влияние, хотя и в меньшей степени, изменение оценок экономической сложности профессиональных групп, представленных в столбцах 5–7 таблицы П2.

В таблице 1 приведены коэффициенты корреляции оценок экономической сложности профессиональной структуры занятости регионов, рассчитанных по данным за три года. Эти оценки имеют высокую устойчивость во времени.

В таблице 2 отражены коэффициенты корреляции оценок экономической сложности 11 профессиональных групп по данным за три года. Оценки профессиональных групп также устойчивы во времени.

На рисунке 2 слева по данным за 2020 год показана взаимосвязь оценок экономической сложности профессиональных групп (столбец (6) табл. П2 приложения) от показателей их распространенности (столбец (2) табл. П2). На рисунке 2 справа по данным за 2021 год пред-

ставлена взаимосвязь оценок профессиональных групп из столбца (5) таблицы П2 приложения (по оси ординат) от показателей их распространенности из столбца (3) этой же таблицы.

Повышение распространенности профессиональной группы сопровождается тенденцией снижения оценки ее экономической сложности. Исключением является группа неквалифицированных рабочих, имеющая наибольшую распространенность и более высокую оценку экономической сложности, чем три группы квалифицированных работников. Эти особенности характерны и для результатов, полученных по данным 2018 года (см. соответственно столбцы (7) и (1) табл. П2 приложения).

Особый интерес представляет анализ изменения рангов оценок профессиональных групп во времени. Для рассматриваемых трех лет ранги указаны в столбцах (8–10) таблицы П2 приложения. Можно отметить, что для пяти профессиональных групп ранги не меняются во времени, в том числе для докторов и кандидатов наук, а также специалистов высшего уровня квалификации. Для четырех профессиональных групп ранги меняются не более чем на единицу, то есть незначительно. Существенно (более чем на единицу) ранги оценок экономической сложности изменяются для двух профессиональных групп: «руководители» (позиция профессиональной группы улучшается на фоне

Таблица 1. Коэффициенты корреляции оценок экономической сложности профессиональной структуры занятости

	PSCI 2018	PSCI 2020	PSCI 2021
PSCI 2018	1	0.836	0.799
PSCI 2020	0.866	1	0.837
PSCI 2021	0.838	0.886	1

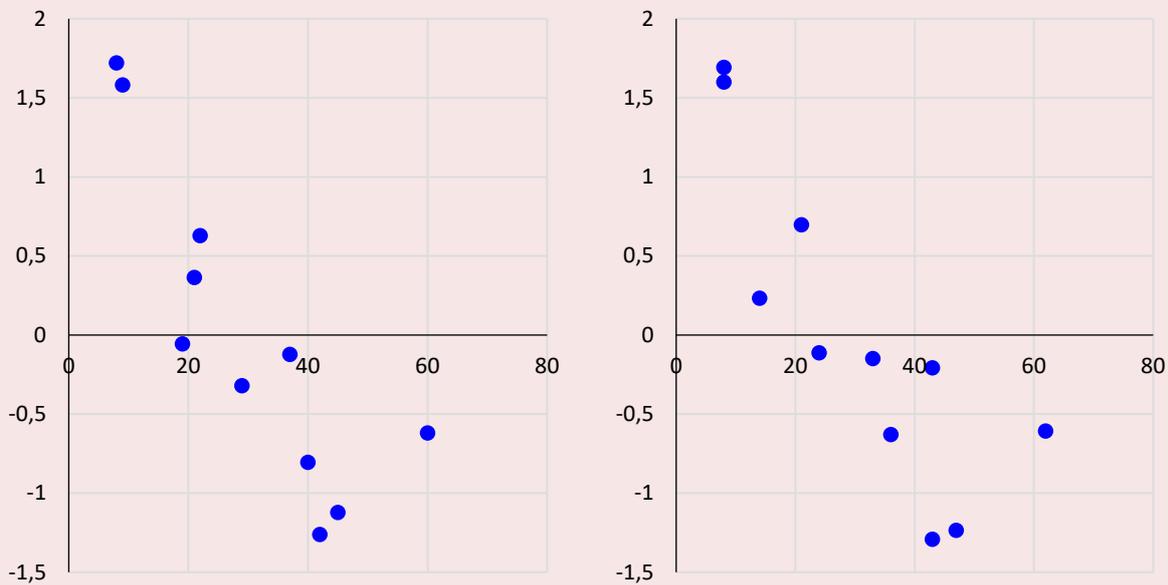
Под главной диагональю – коэффициенты корреляции Пирсона.
Над главной диагональю – коэффициенты ранговой корреляции Спирмена.
Источник: расчеты авторов.

Таблица 2. Коэффициенты корреляции оценок экономической сложности профессиональных групп

	PGCI 2018	PGCI 2020	PGCI 2021
PGCI 2018	1	0.936	0.927
PGCI 2020	0.976	1	0.973
PGCI 2021	0.974	0.979	1

Под главной диагональю – коэффициенты корреляции Пирсона.
Над главной диагональю – коэффициенты ранговой корреляции Спирмена.
Источник: расчеты авторов.

Рис. 2. Зависимость оценок экономической сложности профессиональных групп от их распространенности (по оси абсцисс – распространенность профессиональной группы, по оси ординат – оценка экономической сложности профессиональной группы)

Источник: расчеты авторов.

снижения ее распространенности) и «работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности» (позиция ухудшается на фоне повышения ее распространенности). Изменения структур профессиональной занятости в регионах и характеристик распространенности профессиональных групп могут быть вызваны долгосрочными тенденциями структуры рынка труда. Возможно также проявление влияния пандемии коронавируса, поскольку в наибольшей степени ограничения повлияли на занятость работников сферы рыночных услуг, где «ключевыми факторами риска потери рабочего места стали необходимость непосредственного контакта с потребителем при осуществлении того или иного вида деятельности и наличие препятствий для перехода на удаленный режим работы» (Соболева, Соболев, 2021).

Оценки экономической сложности $PGCI_j$ профессиональных групп и ранги этих оценок соответствуют существующим мнениям о среднем уровне развития человеческого капитала представителей этих групп. Похожая интерпретация оценки сложности профессий использовалась при анализе структур профессиональной занятости в муниципалитетах Великобритании

и штатах США (Mealy et al., 2019). Оценки экономической сложности $PSCI_k$ структуры профессиональной занятости регионов и их ранги можно рассматривать как относительные характеристики уровня развития человеческого капитала, поскольку способность региона развиваться до уровня сильных профессиональных групп с высокими оценками экономической сложности зависит от накопленных знаний. Возможность интерпретации оценок экономической сложности производственных структур в качестве оценок уровня развития человеческого капитала стран и регионов отмечалась, например, в работе (Hidalgo, 2015).

Привлекает внимание оценка профессиональной группы «неквалифицированные рабочие». Она выше, чем оценки трех групп квалифицированных работников. Однако это обстоятельство правильно отражает современное представление об оценке человеческого капитала неквалифицированных рабочих. В работе (Вишневецкая, Зудина, 2017), в которой анализируется будущее состояние профессиональной структуры рабочей силы в европейских странах, отмечается, что «ожидается повышение спроса на труд неквалифицированных работ-

ников, которое будет наблюдаться на фоне снижения численности квалифицированных рабочих профессий». Некоторые исследователи (см., например, Stouch, 2010) рассматривают расширение спроса на неквалифицированную рабочую силу «как подтверждение U-образного сценария развития профессиональной структуры, когда оказываются востребованными не только квалифицированные специалисты, но и работники с низким уровнем образования и профессиональной подготовки». В статье (Уолтер, Ли, 2022) отмечается, что в ряде профессий характер распространения цифровых технологий меняется особенно динамично. Прежде всего, речь идет о рабочих местах с большой долей нестандартных ручных задач, ускорившаяся цифровизация которых ведет к устареванию компетенций. Авторы указывают на то, что ряд специальных навыков устаревают быстрее, чем компетенции общего характера. При этом вклад образования в повышение производительности наиболее интенсивно обесценивается на высокотехнологичных рабочих местах, характеризующихся значительной долей нестандартных интерактивных и ручных, а также стандартных когнитивных задач.

Полученные нами оценки экономической сложности профессиональных групп не противоречат гипотезе об U-образном характере развития человеческого капитала профессиональных групп (см. рис. 2). Неквалифицированная рабочая сила составляет значительную часть всего рынка труда, выполняя повседневные производственные задачи, которые не зависят от технических способностей или навыков. Согласно статистическим данным, опубликованным Бюро статистики труда⁶, на неквалифицированную и низкоквалифицированную рабочую силу в период с 2014 по 2024 год будет приходиться максимальное увеличение рабочих мест.

Нами произведена оценка взаимосвязи экономической сложности региональной структуры занятости за 2020 год и прироста ВРП на душу населения, который рассчитан как разность ВРП на душу населения за 2020 и 2018 гг. Из рассмотрения исключены несколько регионов с развитой добывающей промышленностью, в которых изменение ВРП на душу населения за указанный период составляет более

100 тыс. руб. и объясняется высокой долей природной ренты в ВРП (Афанасьев и др., 2018; Афанасьев, Кудров, 2020). Это Мурманская и Тюменская области, Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Хабаровский край, Магаданская и Сахалинская области, Чукотский автономный округ. Коэффициент корреляции Пирсона оценок экономической сложности структуры занятости и прироста ВРП на душу населения равен 0,285. Наблюдается их значимая взаимосвязь.

Оценена взаимосвязь экономической сложности региональной структуры занятости и величины дохода на душу населения. Из рассмотрения исключены Тюменская область и Чукотский автономный округ. Коэффициент корреляции Пирсона оценок экономической сложности структуры занятости и величины дохода на душу населения по данным 2020 года равен 0,332, по данным 2021 года равен 0,301. Полученные результаты не противоречат возможности интерпретации оценок экономической сложности структур профессиональной занятости регионов как характеристик уровня развития человеческого капитала, которые оказывают влияние на уровень материального благосостояния населения.

Оценки экономической сложности структур профессиональной занятости могут быть использованы для развития методологии выбора приоритетных направлений диверсификации экономики региона (Афанасьев, Ильин, 2022). Эта методология позволяет обосновать выбор сектора для развития до уровня сильного в регионе с использованием ряда критериев, основанных на оценках экономической сложности структур сильных секторов регионов. Число критериев можно расширять, используя оценки экономической сложности структур занятости и профессиональных групп, рассматривая их как характеристики уровня развития человеческого капитала, оказывающие влияние на уровень материального благосостояния населения. Применение методологии выбора приоритетных направлений диверсификации с использованием цифровых технологий в региональных ситуационных центрах может обеспечить координацию решений, принимаемых регионами при выборе направлений диверсификации с целью повышения экономической безопасности страны.

⁶ URL: <https://nesrakonk.ru/unskilled-labor>

Выводы

Получены оценки экономической сложности региональной структуры профессиональной занятости и экономической сложности профессиональных групп по данным за 2018, 2020 и 2021 гг. Матрица 0-1 регион – профессиональная группа со строками и столбцами, упорядоченными по значениям этих оценок, правильно отражает идею подхода к оценке экономической сложности на основе концепции выявленных сравнительных преимуществ.

Наиболее высокие оценки экономической сложности структуры профессиональной занятости имеют регионы, в каждом из которых сильными являются профессиональные группы: доктора наук, кандидаты наук, специалисты высшего уровня квалификации. Эти профессиональные группы имеют относительно низкую распространенность и высокие оценки экономической сложности. Самые низкие оценки имеют регионы, в каждом из которых есть только две сильные профессиональные группы: квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта и рабочие родственных занятий; операторы производственных установок и машин, сборщики и водители. Эти профессиональные группы имеют высокую распространенность и относительно низкие оценки экономической сложности.

Для каждого рассмотренного года повышение распространенности профессиональной группы сопровождается тенденцией снижения оценки ее сложности. Характерным исключением является группа неквалифицированных рабочих, имеющая наибольшую распространенность и более высокую оценку сложности, чем три группы квалифицированных работников.

Для большинства регионов за рассматриваемый период времени ранги оценок экономической сложности структур профессиональной занятости не изменились или изменились незначительно. Восемь регионов, преимущественно с развитыми секторами обрабатывающей промышленности, значительно улучшили свои позиции в рейтинге за счет диверсификации структур профессиональной занятости. Позиции в рейтинге ухудшились у десяти регионов с развитой добывающей промышленностью.

Для пяти профессиональных групп ранги оценок сложности не изменились во времени, в том числе для докторов наук, кандидатов наук и специалистов высшего уровня квалификации. Для четырех профессиональных групп ранги меняются не более чем на единицу, то есть незначительно. Существенно ранги оценок сложности изменяются для двух профессиональных групп: «руководители» (позиция профессиональной группы улучшается на фоне снижения ее распространенности) и «работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности» (позиция ухудшается на фоне повышения распространенности).

Полученные оценки экономической сложности профессиональных групп соответствуют существующим мнениям о среднем уровне развития человеческого капитала представителей этих групп. Оценка экономической сложности профессиональной структуры занятости региона можно рассматривать как характеристику уровня развития его человеческого капитала, поскольку способность региона развивать до уровня сильных профессиональные группы с высокими оценками сложности зависит от накопленных знаний. Уровень развития человеческого капитала региона непосредственно связан с профессионально-квалификационной дифференциацией, которая характеризуется разнообразием профессиональной структуры занятости. Распространение средств телекоммуникации и цифровых технологий на данном этапе способствует повышению уровня развития человеческого капитала неквалифицированных работников, росту числа рабочих мест в этой профессиональной группе.

Оценки экономической сложности структуры профессиональной занятости и профессиональных групп могут быть использованы для развития методологии выбора приоритетных направлений диверсификации экономики региона. Обоснованность принимаемых решений можно повысить, используя оценки экономической сложности структур профессиональной занятости и экономической сложности профессиональных групп как характеристик уровня развития человеческого капитала, которые оказывают влияние на уровень материального благосостояния населения.

Литература

- Абузярова Д., Белоусова В., Краюшкина Ж. [и др.] (2019). Роль человеческого капитала в сфере науки, технологий и инноваций // Форсайт. Т. 13. № S2. С. 107–119. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.2.107.119
- Афанасьев М.Ю., Айвазян С.А., Кудров А.В. (2018). Об учете природной ренты в индикаторах регионального развития // Вестник ЦЭМИ. № 1. С. 7.
- Афанасьев М.Ю., Ильин Н.И. (2022). Новые ориентиры для выбора приоритетных направлений диверсификации экономики на базе системы ситуационных центров // Экономика и математические методы. Т. 58. № 4. С. 29–44. DOI: 10.31857/S042473880023017-7
- Афанасьев М.Ю., Кудров А.В. (2020). Методология оценки социально-экономического развития субъектов РФ // Актуальные направления и методы анализа экономических систем / под ред. М.В. Грачевой. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. 308 с.
- Афанасьев М.Ю., Кудров А.В. (2021). Экономическая сложность и вложенность структур региональных экономик // Экономика и математические методы. Т. 57. № 3. С. 67–78. DOI: 10.31857/S042473880016410-0
- Вишневецкая Н.Т., Зудина А.А. (2017). Профессиональная структура рабочей силы в странах Европы: о чем свидетельствуют прогнозы? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. Т. 12. № 4. С. 109–129. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-04-109
- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. (2022). Динамика структуры рабочих мест в России: поляризация, улучшение, застой?: препринт WP3/2022/05 / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Электрон. текст. дан. (800 Кб). М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 43 с. (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»).
- Гимпельсон В.Е., Зудина А.А., Капелюшников Р.И. [и др.] (2017). Профессии на российском рынке труда: Аналитический доклад НИУ ВШЭ. Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 160 с. ISBN 978-5-7598-1576-1
- Нанавян А.М. (2020). Опыт и стаж работы занятого населения в регионах России // Общество и экономика. № 9. С. 49–58. DOI: 10.31857/S020736760011347-0
- Румянцев Н.М., Леонидова Е.Г., Губанова Е.С. (2022). Определение отраслевых приоритетов структурной трансформации региона на основе поиска перспективных экономических специализаций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 6. С. 94–109. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.5
- Соболева И.В., Соболев Э.Н. (2021). Открытая и латентная безработица в условиях пандемии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 5. С. 186–201. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.11
- Тихонова Н.Е. (2020). Российские профессионалы: специфика рабочих мест и человеческого потенциала // Социологические исследования. № 10. С. 71–83. DOI: 10.31857/S013216250010300-3
- Ткаченко А.А., Гинойн А.Б. (2021). Оценка профессионального состава занятых в регионе // Экономика региона. Т. 17. Вып. 4. С. 1224–1238. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-4-13
- Токсанбаева М.С., Попова Р.И. (2021). Характеристики отраслей, определяющих высокую дифференциацию заработной платы в России // Народонаселение. Т. 24. № 3. С. 162–174. DOI: 10.19181/population.2021.24.3.13
- Уолтер С., Ли Д. (2022). Перспективы устаревания компетенций и амортизации человеческого капитала в контексте изменения производственных задач // Форсайт-Т. 16. № 2. С. 32–41. DOI: 10.17323/2500-2597.2022.2.32.41
- Черненко И.М., Кельчевская Н.Р., Пелымская И.С., Алмусаеди Х.К.А. (2021). Возможности и угрозы цифровизации для развития человеческого капитала на индивидуальном и региональном уровнях // Экономика региона. Т. 17. № 4. С. 1239–1255. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-4-14.
- Balassa V. (1965). Lafayrade liberalization and “revealed” comparative advantage. *The Manchester School*, 33, 99–123.
- Crouch C. (2010). *Occupational Structure and Social Models in European Societies: Working Paper*. University of Warwick Business School.
- Hartmann D., Guevara M.R., Jara-Figueroa C. et al. (2017). Linking economic complexity, institutions, and income inequality. *World Development*, 93, 75–93. DOI: 10.1016/j.worlddev.2016.12.020

- Hausmann R., Hwang J., Rodrik D. (2007). What you export matters. *Journal of Economic Growth*, 12(1), 1–25. DOI: 10.1007/s10887-006-9009-4
- Hausmann R., Klinger B. (2006). *Structural Transformation and Patterns of Comparative Advantage in the Product Space*. Available at: <http://www.tinyurl.com/2bdm7aml> (accessed: September 8, 2023).
- Hausmann R., Rodrik D. (2003). Economic development as self-discovery. *Journal of Development Economics*, 72(2), 603–633. DOI: 10.3386/w8952
- Hidalgo C.A., Hausmann R. (2009). The building blocks of economic complexity. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 106(26), 10570–10575. DOI: 10.1073/pnas.0900943106
- Hidalgo C. (2015). *Why Information Grows: The Evolution of Order, from Atoms to Economies*. CFA Institute.
- Mealy P., Farmer J.D., Teytelboym A. (2019). Interpreting economic complexity. *Science Advances*, 5(1). DOI: 10.1126/sciadv.aau1705
- Sciara C., Chiarotti G., Ridolfi L., Laio F. (2020). Reconciling contrasting views on economic complexity. *Nature Communications*, 11, 3352. DOI: 10.1038/s41467-020-16992-1

Приложение

Таблица П1. Оценки сложности профессиональной структуры занятых в регионах РФ и ранги оценок по данным за 2018, 2020 и 2021 гг.

Регион	Оценка 2018	Оценка 2020	Оценка 2021	Ранг оценки 2018	Ранг оценки 2020	Ранг оценки 2021
Белгородская область	-0.1496	-0.1342	-0.1290	68	69	65
Брянская область	-0.0651	-0.0732	-0.0889	50	48	56
Владимирская область	-0.0243	-0.1342	-0.0675	38	69	52
Воронежская область **	-0.0345	0.0285	0.0666	45	27	15
Ивановская область	0.1035	0.0157	0.0412	9	28	21
Калужская область	-0.0733	-0.0401	-0.0445	58	39	45
Костромская область	-0.0666	-0.0609	-0.1022	51	44	57
Курская область	-0.1496	-0.1199	-0.1552	68	65	72
Липецкая область	-0.1943	-0.0927	-0.1037	74	58	60
Московская область	0.1973	0.1598	0.2212	5	8	5
Орловская область **	-0.1204	-0.0752	-0.0321	65	52	43
Рязанская область	-0.0292	-0.0893	-0.0033	41	55	33
Смоленская область	-0.1081	-0.0873	-0.1290	62	54	65
Тамбовская область	-0.1496	-0.0927	-0.0870	68	58	55
Тверская область	-0.0236	-0.0307	-0.0275	36	35	40
Тульская область	-0.1081	-0.0914	-0.1135	62	56	62
Ярославская область	-0.0236	-0.0324	-0.0266	36	37	39
г. Москва	0.2518	0.2401	0.2448	1	3	3
Республика Карелия	0.0276	-0.0264	-0.0022	25	33	31
Республика Коми*	-0.0001	-0.0264	-0.1037	31	33	60
Архангельская область*	-0.0980	-0.1464	-0.2106	61	74	77
Вологодская область	-0.1943	-0.0682	-0.1290	74	46	65
Калининградская область	0.0190	0.0290	0.0229	26	26	25
Ленинградская область	-0.0581	-0.0743	-0.0452	49	50	46
Мурманская область*	0.0824	-0.0914	-0.0733	16	56	54
Новгородская область**	-0.1086	-0.1342	-0.0279	64	69	41
Псковская область	-0.0666	0.0062	-0.0292	51	30	42
г. Санкт-Петербург	0.2284	0.2679	0.2448	4	2	3
Республика Адыгея	0.1049	0.0667	0.0923	8	19	11
Краснодарский край	0.0677	0.0678	0.0637	19	17	17
Астраханская область	0.0591	0.0606	0.0412	20	20	21
Волгоградская область	-0.0064	0.0290	0.0014	33	25	30

Окончание таблицы П1

Регион	Оценка 2018	Оценка 2020	Оценка 2021	Ранг оценки 2018	Ранг оценки 2020	Ранг оценки 2021
Ростовская область	0.0591	0.0727	0.0411	20	16	23
Республика Дагестан	0.0917	0.0949	0.0992	11	10	7
Республика Ингушетия	0.0917	0.0949	0.0618	11	10	19
Кабардино-Балкарская Республика	0.2375	0.3133	0.2164	2	1	6
Карачаево-Черкесская Республика	0.0917	0.0468	0.0618	11	21	19
Республика Северная Осетия – Алания	0.0964	0.1009	0.0947	10	9	9
Чеченская Республика	0.0917	0.0949	0.0992	11	10	7
Ставропольский край	0.0535	0.0678	0.0083	23	17	28
Республика Башкортостан	-0.0435	-0.1032	-0.0198	46	62	36
Республика Марий Эл	-0.0708	-0.0839	-0.1290	57	53	65
Республика Мордовия	-0.1943	-0.1342	-0.1290	74	69	65
Республика Татарстан	-0.0793	-0.1155	-0.1290	59	64	65
Удмуртская Республика**	-0.0808	-0.1199	-0.0032	60	65	32
Чувашская Республика*	-0.0292	-0.0674	-0.1239	41	45	64
Пермский край	-0.1390	-0.1943	-0.2106	66	77	77
Кировская область	-0.0288	-0.1025	-0.0567	40	60	48
Нижегородская область**	0.0043	0.0467	0.0833	30	22	14
Оренбургская область	-0.0325	-0.0455	-0.0369	44	41	44
Пензенская область*	0.0094	-0.0716	-0.0604	29	47	49
Самарская область**	-0.2323	-0.1214	-0.0202	77	67	37
Саратовская область	0.0740	0.0937	0.0083	17	13	28
Ульяновская область	-0.0292	-0.0247	0.0097	41	32	27
Курганская область	-0.0039	-0.1311	-0.0078	32	68	34
Свердловская область**	-0.1390	-0.0743	-0.0202	66	50	37
Тюменская область	-0.2323	-0.1943	-0.2106	77	77	77
Челябинская область	-0.2323	-0.1943	-0.1166	77	77	63
Республика Алтай	0.0591	0.0423	0.0637	20	23	17
Республика Тыва	0.0917	0.0772	0.0923	11	15	11
Республика Хакасия*	0.0119	0.0114	-0.1022	28	29	57
Алтайский край	-0.0669	-0.0740	-0.0473	53	49	47
Красноярский край	-0.1496	-0.1342	-0.1290	68	69	65
Иркутская область*	-0.0683	-0.1083	-0.1552	54	63	72
Кемеровская область	-0.1600	-0.1464	-0.1552	73	74	72
Новосибирская область	0.1657	0.2051	0.2484	6	5	2
Омская область	0.0392	0.0423	0.0657	24	23	16
Томская область	0.2285	0.2067	0.3152	3	4	1
Республика Бурятия**	-0.0435	0.1848	0.0945	46	6	10
Республика Саха (Якутия)*	-0.0694	-0.0423	-0.1552	56	40	72
Забайкальский край*	-0.0134	-0.0514	-0.1022	34	42	57
Камчатский край	-0.0683	-0.0323	-0.0640	54	36	50
Приморский край	0.1198	0.1717	0.0841	7	7	13
Хабаровский край	-0.0134	-0.0325	0.0279	34	38	24
Амурская область	-0.1496	-0.1464	-0.1552	68	74	72
Магаданская область	0.0722	0.0908	0.0210	18	14	26
Сахалинская область	-0.0268	-0.0112	-0.0640	39	31	50
Еврейская автономная область*	0.0190	-0.1025	-0.0675	26	60	52
Чукотский авт.округ	-0.0471	-0.0587	-0.0176	48	43	35

* Регионы, значительно ухудшившие свои позиции в рейтинге оценок $PSCI_k$.

** Регионы, значительно улучшившие позиции.

Таблица П2. Оценки сложности профессиональных групп занятых в регионах РФ по данным за 2021, 2020 и 2018 гг.

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)
2018	2020	2021		2021	2020	2018	2021	2020	2018
7	8	8	доктора наук	1,694	1,722	1,804	1	1	1
9	9	8	кандидаты наук	1,600	1,584	1,505	2	2	2
27	22	21	специалисты высшего уровня квалификации	0,697	0,630	0,445	3	3	3
22	19	14	Руководители	0,234	-0,056	-0,172	4	5	7
23	21	24	служащие, занятые подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием	-0,110	0,365	0,079	5	4	5
24	29	33	работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности	-0,148	-0,318	0,192	6	7	4
45	37	43	специалисты среднего уровня квалификации	-0,206	-0,122	-0,012	7	6	6
61	60	62	неквалифицированные рабочие	-0,605	-0,617	-0,425	8	8	8
35	40	36	квалифицированные работники сельского и лесного хозяйств, рыболовства и рыболовства	-0,629	-0,805	-0,835	9	9	9
42	42	47	квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта и рабочие родственных занятий	-1,234	-1,261	-1,310	10	11	11
41	45	43	операторы производственных установок и машин, сборщики и водители	-1,291	-1,122	-1,270	11	10	10

Наименование столбцов:
(1), (2), (3) – число регионов, в которых профессиональная группа является сильной (распространенность),
(4) – название профессиональной группы,
(5), (6), (7) – оценка экономической сложности профессиональной группы,
(8), (9), (10) – ранг оценки экономической сложности профессиональной группы.

Сведения об авторах

Михаил Юрьевич Афанасьев – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 47; e-mail: mi.afan@yandex.ru)

Алексей Александрович Гусев – младший научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 47; e-mail: gusevalexeval@yandex.ru)

Нанавян Ашхен Мардиросовна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 47; e-mail: ashchenn@mail.ru)

Afanasiev M.Yu., Gusev A.A., Nanavyan A.M.

Assessing the Professional Structure of the Employed Population in Russian Regions on the Basis of Economic Complexity Concept

Abstract. The skill level of an employee has a significant impact on the formation of employment indicators and economic development. Current scientific discussions are devoted to assessing the prospects for development of the labor market, identifying professions that will be in demand in the future and that will determine the possibilities for the development of human capital. The aim of the work is to assess the economic complexity of professional employment structure and the economic complexity of professional groups of the employed population in Russia's regions, and to identify trends in the development of regional labor markets on this basis. The assessment of the economic complexity of the regional structure of professional employment can be considered as a characteristic of the level of human capital development, since the region's ability to bring the develop of professional groups with high estimates of economic complexity to the level of strong ones depends on the knowledge accumulated by employees. Estimates of the economic complexity of professional employment structure in Russia's regions and the economic complexity of professional groups were obtained according to the data for 2018, 2020 and 2021. For five professional groups, the grades of economic complexity assessments do not change over time, including those for doctors of sciences, candidates of sciences and specialists of the highest skill level. For four professional groups, the ranks change slightly – no more than by a unit. The ranks of complexity assessments change significantly for two professional groups: “managers” (the position of this professional group is improving) and “employees of the service and trade sector and protection of citizens and property” (their position is deteriorating). The ranking of the professional group “unskilled workers” is higher than the rankings of the three groups of skilled workers. The rankings of assessments of the complexity of professional groups correspond to existing opinions about the average level of human capital development among representatives of these groups of the employed population. Estimates of the economic complexity of the structure of professional employment and professional groups can be used to develop a methodology for choosing priority areas for diversifying the region's economy.

Key words: professional structure, complexity of the economy, human capital, region, assessment.

Information about the Authors

Mikhail Yu. Afanasiev – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Central Economic Mathematical Institute, Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: mi.afan@yandex.ru)

Alexey A. Gusev – Junior Researcher, Central Economic Mathematical Institute, Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: gusevalexeval@yandex.ru)

Ashkhen M. Nanavyan – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Central Economic Mathematical Institute, Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: ashchenn@mail.ru)

Статья поступила 13.07.2023.

Identifying Barriers to the Functioning of Socially Oriented Nonprofit Organizations as an Active Subject of the Regional Economy (on the Example of Perm Territory)

Елена Валерьевна

БАЗУЕВА

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Пермь, Российская Федерация

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: bazueva.l@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0945-3597; ResearcherID: E-1233-2017

Анна Станиславовна

АРТАМОНОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: artamonova.ast@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7585-2123; ResearcherID: I-6176-2016

Елена Вячеславовна

МАЛКОВА

Фонд грантов губернатора Пермского края

Центр социально-гуманитарных технологий, консультационных услуг,

молодёжных проектов и программ «Молодежный эксперт»

Пермь, Российская Федерация

e-mail: ev-malkova@yandex.ru

For citation: Bazueva E.V., Artamonova A.S., Malkova E.V. (2023). Identifying barriers to the functioning of socially oriented nonprofit organizations as an active subject of the regional economy (on the example of Perm Territory). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(6), DOI: *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(6), 108–121. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.6

Abstract. Due to the difficult socio-economic situation of Russia's regions, it is necessary to involve nongovernmental providers of socially significant services to eliminate government failures. In this regard, socially oriented nonprofit organizations play an important role. As practice shows, despite the recognized importance of such organizations, their potential in the regional economy is not implemented to the fullest extent. Reasons for such a situation are studied in a large number of works, but they do not always take into account territorial specifics, which makes it difficult to identify specific areas of problem solving. Thus, the aim of this study is to identify barriers to and prerequisites for the sustainable development of socially oriented nonprofit organizations as an active subject of the regional economy, effectively implementing its functions in socially significant sectors of the economy on a systematic and long-term basis. To achieve this goal, we analyze the functioning of socially oriented nonprofit organizations (using the example of Perm Territory). The information base includes a set of relevant regulatory documents, data from state and departmental statistics, ratings of RF constituent entities, findings of sociological research commissioned by the Grants Fund of the Governor of Perm Territory in 2020–2022. We systematize the problems that socially oriented nonprofit organizations deal with in their work, according to the impact on the organization, respectively, related to the external and internal environment. On this basis, we outline the conditions necessary to increase the sustainability of the development of socially oriented nonprofit organizations in the region.

Key words: potential, problems in SONPO functioning, barriers to SONPO development, sustainable development of SONPOs, regional economy.

Acknowledgment

The article was executed in the framework of preparation of the Concept for SONPO Development in Perm Territory under the assignment of the Grants Fund of the Governor of Perm Territory (hereinafter – GFG) and with support from the Department for Nongovernmental Projects of the Administration of the Governor of Perm Territory.

Introduction

The past decade has witnessed an increasing importance of the role of socially oriented nonprofit organizations (SONPOs); this fact is reflected in numerous scientific publications. Researchers emphasize that human capital is a system-forming factor in sustainable economic activity in the regions, and this increases the importance of institutions aimed at its development (Evans, Syrett, 2007; Maryganova, Dmitrievskaya, 2013; Babina, Sadovnikova, 2018). Scientists' attention of scientists is mainly focused on identifying trends in the development of the nonprofit sector, problems related to the introduction of new models of interaction between the government and nonprofit organizations, specifics of NPOs functioning in various economic sectors (see, for example: Gromova, Mersiyanova, 2016; Mersiyanova, Benevolensky, 2017; Medvedeva, Frolova, 2018; Moskovskaya, 2018; Shabunova, Kosygina, 2019; Krasnopolskaya et al., 2015). The more wide participation of the population (personally or in cooperation with SONPOs) in addressing local issues makes it possible to more effectively use the limited resources of regional budgets to fulfill social obligations, increase the targeting of social support and the quality of social services for vulnerable population groups. Research findings confirm that the activities of the nonprofit sector contribute to the formation of human and social capital and thereby affect socio-economic development

in regions (Dvoryadkina, Prostova, 2021; Birch, Whittam, 2008). This is especially noticeable at the local level, where the nonprofit sector contributes to building the capacity of communities and stimulates their autonomy in solving local problems (Abiddin et al., 2022; Hayman, 2019).

The importance of using SONPO potential in addressing acute social issues has also been recognized by the Government of the Russian Federation. Since 2015, socially oriented nonprofit organizations have actually been integrated into the reform of the social service sector, which provides for equal rights of participation of governmental and nongovernmental social service providers (Moskovskaya, 2018). Russia has adopted a set of measures aimed at supporting them. The fundamental documents relating to the activities of SONPOs are Federal Law 7, dated January 12, 1966 “On nonprofit organizations” and Federal Law 235, dated April 5, 2010 “On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation on providing support to socially oriented nonprofit organizations”, which for the first time introduces the concept of SONPOs and defines measures to support them. Since 2016–2017, they have been legally entitled to receive the status of a performer of socially useful services¹; a decree of the President of the Russian Federation approved their list, identified priority directions of activity in this area². Inclusion in the register of NPOs performing socially useful services grants the right to receive priority measures of state support. An analysis of current legal acts has shown that the legislative framework for the functioning of SONPOs is regularly updated and expanded taking into account crisis events in socio-political life. Thus, the issues of regulating the use of SONPO endowment capital are being

addressed³; control (supervisory) inspections of SONPO activities have been abolished⁴; conditions for receiving state subsidies and grants have been improved⁵, etc. At the same time, the analysis of the regulatory framework for the functioning of socially oriented nonprofit organizations indicates that at the present stage they are perceived more as an object of support, rather than as an active subject capable of positively influencing socio-economic development in regions.

Meanwhile, research shows that the activities of socially oriented nonprofit organizations can have noticeable effects on the regional economy. Thus, SONPOs participate in the processes of production and distribution of socially significant benefits (Mersiyanova, Benevolensky, 2016), act as employers for socially vulnerable population groups (Goryacheva, 2018), create opportunities for the transfer of knowledge and skills, thereby increasing the innovative attractiveness of the region (Saidov, 2020), multiply human and social capital (Hartmann et al., 2019), stimulate civic participation to solve local problems (Artamonova, Bazueva, 2022). This gives reason to conclude that, under certain conditions, SONPOs can become effective economic agents. However, the currently implemented methods of stimulating their activities allow them to perform their functions to a limited extent and do not provide an opportunity to act as growth points for the territory of their presence.

³ On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation and on the suspension of certain provisions of the Federal Law “On the procedure for the formation and use of endowment capital of nonprofit organizations”: Federal Law 279-FZ, dated July 14, 2022.

⁴ On the specifics of the organization and implementation of state control (supervision), municipal control: RF Government Resolution 336, dated March 10, 2022.

⁵ On amendments to the general requirements for regulatory legal acts, municipal legal acts regulating the provision of subsidies, including grants in the form of subsidies, to legal entities, individual entrepreneurs, as well as individuals producing goods, works, services and on the specifics of providing these subsidies and subsidies from the federal budget to the budgets of constituent entities of the Russian Federation in 2022: RF Government Resolution 590, dated April 5, 2022.

¹ On amendments to the Federal Law “On nonprofit organizations” regarding the establishment of the status of a nonprofit organization performing socially useful services”: Federal Law 287-FZ, dated July 3, 2016.

² On approval of priority areas of activity in the field of providing socially useful services: Presidential Decree 398, dated August 8, 2016.

To track the dynamics of SONPO activities, a system of state and departmental statistics is being formed, ratings of regions are being compiled based on the results of the implementation of SONPO and social entrepreneurship support mechanisms, ensuring access of nongovernmental organizations to the provision of social services and the introduction of competitive ways for providing state (municipal) services (the rating of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation since 2017) and assessing the level of development, the magnitude of the potential of the nonprofit sector in the region and the effectiveness of its use for interaction with key stakeholders (the rating compiled by RAEX-Analytics together with the Civic Chamber of the Russian Federation and civic chambers of RF constituent entities since 2020). Due to a lack of a unified interpretation of social orientation in a multi-level system of regulatory documents defining the grounds for supporting SONPOs, the criteria for the inclusion of nonprofit organizations in various data systems are ambiguous. Thus, according to a sample survey by Rosstat, in 2021 the number of SONPOs in Russia was 127,632 units, and according to the information of the RF Ministry of Economic Development, only 46,672 nonprofit organizations are socially oriented. The quantitative inconsistencies between the data of Rosstat and the RF Ministry of Economic Development are due to the fact that the existing regulatory framework actually excludes a large layer of the nonprofit sector from the SONPO register (for example, NPOs engaged in tourism development, landscaping, environmental problems, etc.), since, according to the definition of the federal law, they are socially oriented, but at the same time do not meet the criteria for inclusion in this list.

Such inconsistency cascades into the methodology of the RAEX-Analytics rating and shows a lack of clear criteria for the selection of NPOs for its formation. Thus, as a result of existing problems with statistical data on the number of NPOs and SONPOs, due to flaws in Russian legislation, the

Agency, when performing the calculations, excluded from the analysis those NPOs that “inherently gravitate more toward commercial or exclusively corporate entities”⁶. At the same time, there are no specific explanations about the criteria for their differentiation in the guidelines.

The inconsistency of the regulatory framework for the functioning of SONPOs makes it difficult to objectively assess the scope of the sector’s activities, as well as the volume and effectiveness of various types of support for SONPOs⁷, the limited availability and insufficiency of which acts as one of the main barriers to their activities. Coupled with other problems, the effectiveness of the measures taken to support SONPOs remains insignificant (Rudnik et al., 2017; Rudnik, Kushtanina, 2018; Grigorieva, Parfenova, 2021) and the potential of the nonprofit sector for the effective functioning of regional socio-economic systems is limited (Kosygina, 2018; Starshinova, Borodkina, 2020).

The above indicates the inconsistency of the institutional conditions created for the development of SONPOs. In existing studies, barriers associated with both the SONPO functioning environment (Belokrylova, Vakhtina, 2017; Rudnik, Kushtanina, 2018) and internal causes (Zabolotnaya, Larionov, 2017; Grigorieva, Parfenova, 2021) are usually referred to as constraining factors. However, they are formulated in a very general way and are not always based on taking into account the opinions of real participants in the process – SONPOs themselves, representatives of government and business, as well

⁶ Available at: <https://raex-rr.com/pro/NKO/Region-nko/Region-nko-size/2022/methods/>

⁷ The legislation establishes various forms of support: procurement of goods, works and services on a contractual basis; provision of benefits for the payment of taxes and fees; information support for the activities of NPOs; transfer of municipal property for free use; consulting support for the activities of NPOs; training of professional personnel and volunteers; provision of benefits for legal entities – donors; provision of preferential conditions for renting premises; providing subsidies to NPOs for the development of their activities; grant support for the activities of NPOs. For more detail, see: On nonprofit organizations: Federal Law 7-FZ, dated January 12, 1996 (amended on December 5, 2022).

as consumers of social services. In addition, the territorial specifics of the problems faced by socially oriented nonprofit organizations are not taken into account. Possible directions for solving the problems, as a rule, are not defined clearly; they do not focus on considering SONPOs as active subjects of the regional economy. The paper is intended to fill this gap in scientific knowledge, which will constitute the novelty of this study. In connection with the above, the aim of our study is to identify barriers that impede the sustainable development of SONPOs as active subjects of the regional economy, effectively implementing their functions in socially significant economic sectors on a system-wide and long-term basis.

Materials and methods

To begin with, we note that the goal we have defined determines the narrowing of the object of research according to two criteria.

1. According to the nature of the activities of nonprofit organizations – SONPOs. The focus on SONPOs as an integral part of the nonprofit sector is defined by the following: 1) functions – provision of socially significant services to the population that are of priority importance for the balanced development of the regional economy; 2) greater availability of indicators in the system of state statistics; 3) availability of specialized ratings of RF regions aimed at assessing the effectiveness of using the sector's potential; 4) opportunity to provide a scientifically substantiated analysis of the problems and trends in the development of SONPOs based on the results of a research carried out in 2020–2022 and commissioned by the Grants Fund of the Governor of the Perm Territory.

2. On a territorial basis – a specific region of the Russian Federation (Perm Territory). The choice of the Perm Territory as a pilot research region is due to several factors. The Perm Territory is one of the leading regions in the development of the nonprofit sector in general and SONPOs in particular. According to experts, the formation and development of nonprofit organizations in

the region was proceeding at a faster pace than the nationwide. Many regional NPOs serve as resource centers, including at the federal level, and are among the most influential in the country. At the same time, the Perm Territory began to lose its leading position. Thus, the region ranked second in the first rating of the RF Ministry of Economic Development in 2019, having shifted down by 30 points by 2021. The interest of regional authorities in identifying the causes of negative dynamics with a detailed analysis of barriers in the activities of SONPOs and possible directions for building their potential in the region was expressed in a request to the Grants Fund of the Governor of the Perm Territory to form a concept for the development of SONPOs in the Perm Territory. We started working on this document in October 2022 and the article shows the first results, which were discussed with the heads of SONPOs, representatives of executive authorities and socially responsible businesses within the framework of the 10th Perm Territorial Forum for Community and Volunteerism. It seems that our experience in identifying barriers and conditions for the sustainable development of SONPOs as active economic entities of the Perm Territory and directions for addressing the problems can be scaled to the territory of the country as a whole, so as to create institutional conditions for the effective functioning of SONPOs on a system-wide and long-term basis.

The information base of the study included various types of sources:

1) a set of normative documents regulating the activities of SONPOs and the forms of their support;

2) state and departmental statistics on SONPOs, as well as the data characterizing the dynamics of people's income, age structure of the region, level of health, access to education, medical and social services;

3) data from the rating of RF constituent entities based on the results of the implementation of mechanisms to support SONPOs and social

entrepreneurship, ensuring access of nongovernmental organizations to the provision of services in the social sphere and introduction of competitive ways for providing state (municipal) services in the social sphere⁸;

4) the results of surveys commissioned by the Grants Fund of the Governor of the Perm Territory in 2020–2022, using qualitative sociological methods⁹, as well as data from focus group studies with the heads of SONPOs (eight people), with representatives of municipal authorities and business (five people), three in-depth expert interviews (the guide included 17 questions divided into three blocks: assessment of the activities of

NPOs; interaction between NPOs, government, business; the concept for development of SONPOs as active subjects of the region's economy).

Research results

In 2022, according to the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, there were 1,339 NPOs in the Perm Territory (36.8% of the total number of NPOs). According to a sample survey by Rosstat, their number amounted to 2,788 units. In general, the dynamics of SONPO development in the region corresponds to the trends observed in the Volga Federal District (VFD) and Russia, with the exception of indicators reflecting the level of volunteerism and the effectiveness of

Table 1. Development dynamics of SONPOs (Tab. 1).

Region / year	2018	2019	2020	2021	2022	Growth rate, 2022/2018,%
Number of SONPOs, units						
Perm Territory	3058	3263	2762	2788	2788	-8.8
VFD	30867	32148	26293	24839	25183	-18.4
RF	140247	146481	128685	127632	129939	-7.3
Average number of employees, persons						
Perm Territory	5769	5605	5218	5069	5162	-10.5
VFD	79845	78764	68202	65369	64336	-19.4
RF	421186	415887	374373	377455	373333	-11.4
Average number of volunteers, persons						
Perm Territory	32116	27759	13931	13341	13972	-56.5
VFD	404599	394156	329027	399705	439139	8.5
RF	2937318	4056745	3429105	3878470	3927748	33.7
Receipt of funds and other property, thousand rubles						
Perm Territory	11286	16904	11686	4091	1584	-86
VFD	69163	74226	72788	38913	36830	-46.7
RF	1431358	1686115	2769570	2041161	6454688	350.9
Number of people who received social services, persons						
Perm Territory	1181162	1340457	1398473	1352889	2163375	83.2
VFD	9912894	11077551	9688477	11722246	12937165	30.5
RF	60377399	66289256	50170225	70813662	78810852	130.5

Source: own calculation with the use of EMISS data.

⁸ The methodology is on the website of the Ministry of Economic Development of Russia. Available at: <https://nko.economy.gov.ru/rejting-subektov-rf>

⁹ Отчет по результатам социологического исследования «Волонтеры в СО НКО Пермского края». Пермь, 2021 (исследование проводилось с помощью онлайн-анкетирования Online Test Pad и интервью; на декабрь 2021 года получено 134 анкеты, проведено 40 полуструктурированных интервью); Отчет по результатам социологического исследования «Информационная открытость СО НКО Пермского края». Пермь, 2021 (выборочная совокупность составила 379 некоммерческих организаций Пермского края (15% от общего числа НКО), формировалась с использованием метода случайного отбора).

¹⁰ Количество участников в фокус-группах позволило обеспечить оптимальную групповую динамику, поскольку группы поисковые, направлены на выработку идей.

According to Table 1, the Perm Territory, in comparison with the Volga Federal District, has more positive trends in the number of SONPOs, employees and recipients of social services. At the same time, an extremely negative trend has been recorded regarding the financial provision of SONPOs. Despite the implementation of various support measures, the volumes of cash and property receipts are of great importance for the effective functioning of SONPOs and almost always act as criteria for evaluating their activities. Thus, for example, a sharp decrease in funding is recorded, and it is reflected in the rating of Russian regions by level of support for SONPOs (Tab. 2). For comparison, the positions of the Perm Territory are presented alongside those of the regions that are leaders in the rating.

Based on the results of 2021–2022, the Perm Territory was part of the group of regions with an average level of support for SONPOs. The deterioration of its position is due not only to the expansion of the list of calculated indicators in the rating, but also to the negative dynamics in some other positions, except for the volume of cash receipts. For example, according to the results of the RF constituent entities rating for 2021, there is a steady decrease in the share of municipalities implementing programs to support SONPOs in the region. However, in 2022, the value of this indicator has almost doubled (from 43.48 points / 28th

place to 76.74 points / 17th place). This allowed the Perm Territory to improve its position in the overall ranking. As a result, in 2021–2022, after the imposition of restrictions on the implementation of activities due to the spread of coronavirus infection and also due to the lack of tax benefits, the number of SONPOs per 10,000 people decreased significantly.

Moreover, attention is drawn to the outstripping growth in the number of recipients of social services provided by SONPOs in the Perm Territory (183.2% in 2022 to 2018, see Tab. 1), compared with data for the Volga Federal District and Russia as a whole. As noted during the focus group interviews, this may be due to the fact that SONPOs increase the availability of socially significant services for vulnerable population groups, occupying “niches” in which the volume of demand for goods and services is significantly less than their supply. Moreover, as a result of maximum proximity to beneficiaries and a better understanding of local problems, SONPOs provide greater targeting of services based on knowledge of the specifics of requests and taking into account feedback (“It is difficult without nonprofit organizations, because it is still the relationship between local governments and the population” (municipal authority representative). For example, they are able to provide the so-called increased utility services in addition to basic services (i.e. those that are in demand by the population,

Table 2. Dynamics of the Perm Territory's positions in the SONPOs support rating

Region	2019		2020		2021		2022	
	Score*	Position	Score	Position	Score	Position	Score	Position
Khanty-Mansi Autonomous Area	45.63	1	52.80	1	58.62	1	53.91	2
Republic of Bashkortostan	23.64	25	37.45	5	54.18	2	58.98	1
Perm Territory	39.83	2	28.75	22	31.01	32	28.29	29

* According to the methodology of the RF Ministry of Economic Development, the maximum number of rating points that a constituent entity of the Russian Federation can score as a leader in all indicators is 100, since the final number of rating points for a region is determined as the arithmetic mean of the number of its rating points for each indicator.
Compiled using the rating data of the RF Ministry of Economic Development. Available at: <https://nko.economy.gov.ru/rejting-subektov-rf>

but cannot be satisfied by government suppliers – complementary services). Governmental institutions cannot meet this additional demand, and private service providers (business structures) are often not interested in producing such public goods due to their unprofitability: “The value of SONPO services is significantly lower than the market value, including due to overexploitation of their resources” (fund director, Perm). In addition, the provision of services by nonprofit organizations involves less bureaucratization of activities and the ability to reach those categories of the population who, for some formal reason, are left outside the state system.

In addition to the above, experts note that SONPOs often develop innovative services in each of the priority areas that are not included in official lists; there are no state standards for them, but they are in demand among population groups that are in a difficult situation. As a result, SONPOs create a potential opportunity to choose options for providing various types of services for different population groups, taking into account the preferences and capabilities of the consumer, which “is one of the criteria for the competitiveness of the territory of residence, determining the ability of the region to retain the population” (fund director, Perm).

However, according to the results of the focus groups, only the leaders of sustainable SONPOs have a clear understanding of the sector’s contribution to the development of the territory. According to them, further development of intersectoral cooperation “is impossible without taking into account the processes of segmentation of the social services market and an increase in SONPO’s market share” (SONPO representative). Small socially oriented nonprofit organizations, as a rule, are focused on addressing local problems, which does not allow them to clearly identify the effects of their activities and develop a long-term development strategy (Artamonova, Bazueva,

2022, p. 221). At the same time, this type of SONPOs is most exposed to risks from the flaws in the institutional conditions that determine their development.

An analysis of the causes of negative trends in the development of SONPOs in the Perm Territory showed that the barriers preventing the effective use of their potential can be systematized on the basis of impact – problems of the external and internal environment.

The **barriers of the external environment** include problems reflecting the conditions in which socially oriented nonprofit organizations function. To a greater extent, the elimination of these problems does not directly depend on SONPOs, while they largely determine the trajectory and opportunities for the development of these organizations. The barriers of the external environment include the following.

1. Impossibility of an objective assessment of the volume and effectiveness of the sector’s development. This problem is related to the lack of reliable statistical information on the functioning of nonprofit organizations, which is due to the lack of a unified system for collecting data on the number of SONPOs and employees, and the amount of financial support. This makes it difficult to compile a reliable and up-to-date list of SONPOs operating in the territory of municipalities of the Perm Territory and the volume of their support in specific areas.

2. Low level of institutional support. This barrier is closely related to the previous problem and, in our opinion, is caused by flaws in the legislative framework for the functioning and support of SONPOs. As our research has shown, Russia actually has a system of double reporting (RF Ministry of Justice and the Federal Tax Service) and there are no uniform requirements for the development of programs to support SONPOs at the municipal level. In addition, as a rule, local

specifics of the interaction of local NPOs and municipal authorities are not taken into account when developing municipal support programs. This leads to the lack of a systems approach to the formation of SONPO support, which manifests itself in the failure to take into account the request from SONPOs and the need to provide different forms of support depending on the stage of the organization's life cycle in order to build long-term development strategies.

3. High administrative barriers. They lead to SONPO's low awareness of the ongoing competitive programs or the assumption that it is labor-intensive and useless to seek support; as a result, their cooperation with authorities is not established on a regular basis (focus on short-term projects, lack of a mechanism for further support of successful projects). This is often due to the lack of transparency of conditions and the difficulty of obtaining government support, which manifests itself in various aspects:

- lack of unified documentation requirements for participation in competitions organized by various ministries, departments at the municipal level, as well as socially responsible businesses;

- failure to take into account the heterogeneity of SONPOs in terms of qualitative and quantitative composition when forming the principles of competitive selection of social projects;

- the opacity of the SONPO subsidy mechanism from the budget;

- insufficient property resource support, provision of premises intended for workshops, apartments, etc., risks of nonrenewal of the lease by landlords;

- the need to confirm the effectiveness of NPO activities when applying for property support (absence of debts, regular reporting, financial ability to pay for housing and communal services, availability of resources for repairs before using the provided premises);

- lack of vacant premises in municipalities;
- setting a minimum period of activity (for example, five or more years);

- low tariffs for services that are unprofitable for nongovernmental service providers, which do not motivate organizations to enter the register of service providers;

- lack of financial assistance and support intended for SONPOs (preferential tariffs and conditions) that exist for the commercial sector, lack of banking services directly for SONPOs or benefits for SONPO banking services;

- unequal starting conditions for obtaining a state order for the provision of social services, compared with state institutions (increased competition with organizations that previously had the status of governmental organization, including those related to accessing customers' personal data).

4. The identified problems determine the low level of intersectoral cooperation, which is understood as a set of relationships between two or more sectors that direct resources to achieve a common goal (Kosygina, 2020, p. 63). On the one hand, there are difficulties in the interaction of SONPOs with regional and municipal authorities ("There is also a problem with staff: they do not have enough personnel to engage in full-fledged work with NPOs" (SONPO representative)), caused by a number of reasons: misunderstanding of the content of SONPOs activities and, as a result, ignoring it; lack of experience in building a mechanism of interaction with SONPOs; lack of "telling examples" of implementing practices and maintaining partnerships; organizational barriers in internal communication between local governments and SONPOs ("Maybe they will issue some kind of guide so that we know whom to contact on this or that problem" (SONPO representative)); There is an insufficiently expressed interest among senior officials of the region and municipalities in building a dialogue with SONPO representatives in

the region (“If there were some kind of agreement, interaction with local governments, we would be able, on this basis, to implement further work” (SONPO representative)). On the other hand, problems in intersectoral cooperation are largely caused by the lack of a culture of multilateral evaluation of SONPOs performance. This is manifested in the fact that SONPOs do not have a full-fledged practice of applying internal evaluation of project performance; the evaluation of project results is limited by the number of participants or beneficiaries; the testing of the application of a multilateral assessment of the level of effectiveness of projects implemented by representatives of the expert community, beneficiaries, representatives of SONPOs, is carried out only by the Presidential Grants Fund.

5. Barriers to building intersectoral cooperation also reflect the misalignment of interests within the sector. First of all, the low level of intrasector consolidation and solidarization is due to the struggle for public resources, since the social services market is also characterized by competition. The exchange of practices between SONPOs is poorly developed, which is caused both by the lack of platforms where interaction can take place (institutionalization of interaction), and by the escalation of competition between SONPOs into a personal competition of managers or public leaders.

6. The consequence of these barriers is the lack of formation of the reputation capital of the sector, which manifests itself in various interrelated aspects. The key problem, in our opinion, is that the results of SONPO activities do not find a systematic representation in society. Some reasons for this are the lack of transparency of activities (most SONPOs do not disclose information about income and expenses, and do not provide open reporting) and the low activity of SONPOs in matters of interaction with the media; therefore, their position

in the service market is weak. For them, there is practically no access to social advertising in the media, and in general, the SONPO promotion system does not function in practice. However, the following should be noted here. SONPO activities are generally characterized by a low level of evidence-based practices: weak substantiation for choosing the direction of activity and the range of services provided, lack of a system for collecting and using data on specific performance results, causes of problems and solutions, lack of a clear understanding of the social significance of their activity. This leads to insufficient public awareness of the activities of NPOs and a low level of public confidence in them, devaluation of the positive experience of the sector as a whole as a result of aggressive rhetoric toward some NPOs opposed to public authorities; difficulties in attracting resources, narrowing the network of supporters and volunteers. These problems also have a negative impact on the level of business confidence in the activities of socially oriented nonprofit organizations. Private commercial enterprises sometimes have a negative experience of interacting with SONPOs, as a result of which, taking into account the competition of motives with the coincidence of fields of activity, stereotypes are formed and maintained against employees of nonprofit organizations (unsuccessful self-realization in the main professional field of activity).

The problems of the unformed reputation capital of socially oriented nonprofit organizations are closely related to the **barriers of the internal environment**. Based on the results of the study, we can say these barriers include the following problems.

1. Poor management quality. It is largely due to the insufficient level of competence of SONPO representatives, manifested in a low level of legal, financial literacy and managerial abilities of managers, which entails, among other things,

overexploitation of resources. Most organizations focus on the implementation of short-term social projects and do not form a long-term development strategy. In addition, as a rule, an internal assessment of the effectiveness of activities is not carried out due to the lack of clear criteria. Among the most common in practice are the number of participants or beneficiaries and the number of events held. This is partly due to the lack of internal motivation and administrative resources for the preparation of reports (too many documents required, high frequency of reporting, variability of requirements), as well as the conviction that the indicators requested by the donor are not always able to reflect the real results of the work. Thus, many SONPOs face personnel problems related to staff turnover and difficulties in attracting volunteers, complexity of their training, inability to form a permanent volunteer corps, and a lack of a system for their encouragement.

2. The low level of qualification of employees is also manifested in the low level of innovation in SONPO activities. The lack of experience and necessary competencies to write projects and express the uniqueness and innovativeness of the proposed initiative leads to the fact that SONPOs mainly reproduce a stereotypical model of functioning: they do not diversify sources of financing, focus mainly on budgetary funds (grants, subsidies, etc.) and are poorly interested in participating in competitions. An additional difficulty is the low level of communication between SONPOs and government authorities and representatives of business structures due to personal factors of the representatives (age, proficiency in working with modern technologies, psychological limitations, etc.): “There is no constructive approach ... you are looking for an opportunity to find a dialogue with this or that organization” (municipal authority representative).

As follows from the details of the barriers we have identified, they are closely interrelated, thus

requiring an integrated approach to their elimination based on an effectively built system of intersectoral cooperation. The study showed that the potential of SONPOs for the sustainable development of the region is underestimated by government representatives. Preference is given to the traditional vision of priority areas and forms of support for SONPO activities, specified in federal and regional legislation (“Financial support is provided to one nonprofit organization, which is listed under Federal Law 7” (municipal authority representative); “This is all embedded in the program “Culture of Bolshesosnovsky Municipal District” (municipal authority representative).

Thus, promoting the activities of socially oriented nonprofit organizations requires improving the conditions for their stable development as an active subject of the regional economy. Taking into account the expert opinions of representatives of government, business and SONPO executives, it is important to identify key areas that will contribute to the effective implementation of SONPO functions on a system-wide and long-term basis. In our opinion, these should include activities focused on the formation of competencies for economically sustainable activities and SONPOs reputation capital, reducing administrative barriers, and developing intersectoral and intrasectoral partnerships. It seems that the set of measures for the development of SONPOs as active subjects of the regional economy should include the development of a mechanism for their implementation, including the improvement of the current regulatory framework for the activities and support of SONPOs, adoption of special targeted programs and laws of direct and indirect action, formation of a system for monitoring the performance indicators of SONPOs, which allows determining the effectiveness of solving problems limiting the use of the sector’s potential in the region. The development of such a set of measures may be the aim of another study.

Conclusion

Summing up, we note that in modern socio-economic conditions, the increase in the implementation of the functions of socially oriented nonprofit organizations in the regions is becoming relevant. Research shows that SONPOs can act as one of the system-forming factors in regional development, since they provide targeted social support and improve the quality of social services for vulnerable population groups. At the same time, at the present stage of development, the use of the potential of socially oriented nonprofit

organizations is limited due to the numerous problems they face. The results of the qualitative sociological research made it possible to detail and systematize the identified barriers that prevent more effective involvement of SONPOs in the economy of the Perm Territory and reflect the conditions created for the development of such organizations. A promising direction for our further research is to complete a full cycle of strategic planning for the development of SONPOs in the Perm Territory, integrated with specific goals and indicators of socio-economic development in the region.

References

- Abiddin N.Z., Ibrahim I., Abdul Aziz S.A. (2022). Non-governmental organisations (NGOs) and their part towards sustainable community development. *Sustainability*, 14(8), 4386. DOI: <https://doi.org/10.3390/su14084386>
- Artamonova A.S., Bazueva E.V. (2022). Effectiveness of nonprofit organizations for the regional economy: Conceptual foundations for identification. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 15(6), 215–231. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.13 (in Russian).
- Babina S.I., Sadovnikova I.Yu. (2018). Analysis of the region's human capital. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*=Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences, 3(9), 69–74 (in Russian).
- Belokrylova O.S., Vakhtina M.A. (2017). Providing the equal rights of participants of the market of social services: Problems and solutions. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*=State and Municipal Management. Scholar Notes, 1, 78–84 (in Russian).
- Birch K., Whittam G. (2008). The third sector and the regional development of social capital. *Regional Studies*, 42(3), 437–450. DOI: 10.1080/00343400701874222
- Dvoryadkina E.B., Prostova D.M. (2021). Strategic priorities of regional development and socially oriented nonprofit organizations. *Upravlenets – The Manager*, 2(4), 106–119. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-4-8 (in Russian).
- Evans M., Syrett S. (2007). Generating social capital? The social economy and local economic development. *European Urban and Regional Studies*, 14, 55–74.
- Goryacheva V.R. (2018). Theoretical substantiation of non-profit making sector functioning. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova*=Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics, 1, 44–52. DOI: <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2018-1-44-52> (in Russian).
- Grigorieva I., Parfenova O. (2021). Socially-oriented NPOs and social enterprises as drivers of denationalization in social services: barriers and opportunities. *The Journal of Social Policy Studies*, 19(1), 7–22. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-1-7-22> (in Russian).
- Gromova M.N., Mersiyanova I.V. (2016). State support of the non-profit sector and issue of estimation of its efficiency. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom*, 1, 39–44 (in Russian).
- Hartmann D., Arata A., Bezerra M. et al. (2019). The network effects of NPOs on social capital and innovation among smallholder farmers: A case study in Peru. *Ann Reg Sci*, 70, 633–658. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00168-019-00944-9>
- Hayman R. (2019). The contribution of civil society to sustainable development in the Gulf and beyond. *Development in Practice*, 5, 645–650. DOI: <https://doi.org/10.1080/09614524.2019.1589422>

- Kosygina K.E. (2018). Topical issues of development of socially oriented non-profit organizations. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 3(95), 107–121. DOI: 10.15838/ptd.2018.3.95.7 (in Russian).
- Kosygina K.E. (2020). Intersectoral interaction: Types of relations and development trends in modern Russian society. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 6(110), 50–66. DOI: 10.15838/ptd.2020.6.110.4 (in Russian).
- Krasnopolskaya I., Skokova Yu., Pape U. (2015). Government–nonprofit relations in Russia's regions: An exploratory analysis. *Voluntas*, 26, 2238–2266. DOI: 10.1007/s11266-015-9654-3
- Maryganova E.A., Dmitrievskaya N.A. (2013). Human capital as a factor of sustainable development. *Statistika i Ekonomika=Statistics and Economics*, 6, 73–78. DOI: <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2013-6-73-78> (in Russian).
- Medvedeva N.V., Frolova E.V. (2018). Trends in the development of the non-profit sector in the Russian Federation in the context of regional differentiation. *Materialy Afanas'evskikh chtenii*, 3(24), 22–28 (in Russian).
- Mersiyanova I.V., Benevolensky V.B. (2016). The comparative advantages of NPOs as social welfare services providers: an examination in the Russian context. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya=Public Administration Issues*, 4, 7–26 (in Russian).
- Mersiyanova I.V., Benevolensky V.B. (2017). NPOs as social services providers: organizational weaknesses verifying. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya=Public Administration Issues*, 2, 83–104 (in Russian).
- Moskovskaya A.A. (2018). Incentives and barriers to engaging non-state providers in the provision of public social services: Russian and foreign experience. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya=Public Administration Issues*, 3, 88–116 (in Russian).
- Rudnik B.L., Kushtanina E.V. (2018). Engaging NPOs in providing social services: Transparency of procedures used. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya=Public Administration Issues*, 3, 117–137 (in Russian).
- Rudnik B.L., Kushtanina E.V., Romanova V.V. (2017). Involvement of NPOs in providing social sphere services. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya=Public Administration Issues*, 2, 105–129 (in Russian).
- Saidov S.Sh. (2020). The role of the “third sector” in the public life of the country. *Journal of Economy and Business*, 11-3(69). DOI: 10.24411/2411-0450-2020-10966 (in Russian).
- Shabunova A.A., Kosygina K.E. (2019). Public administration issues in the development of the non-profit sector at the regional level. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 12(4), 86–103. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.6 (in Russian).
- Starshinova A.V., Borodkina O.I. (2020). NGOs' activities in social services: Public expectations and regional practices. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki=The Journal of Social Policy Studies*, 3, 411–424. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-3-411-428> (in Russian).
- Zabolotnaya G.M., Larionov A.V. (2017). Regional practices of institutionalization of non-governmental social welfare services' providers. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya=Public Administration Issues*, 3, 72–91 (in Russian).

Information about the Authors

Elena V. Bazueva – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, professor of department, Perm State University (15, Bukirev Street, Perm, 614990, Russian Federation); Leading Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: bazueva.l@mail.ru)

Anna S. Artamonova – Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: artamonova.ast@gmail.com)

Elena V. Malkova – Candidate of Sciences (Philosophy), director, Foundation “Grants Fund of the Governor of Perm Territory” (1B, Sovetskaya Street, Perm, 614990, Russian Federation); co-founder, Autonomous Nonprofit Organization “Youth Expert” Center for Social and Humanitarian Technologies, Consulting Services and Youth Projects (25, Admiral Makarov Street, Perm, 614023, Russian Federation; e-mail: ev-malkova@yandex.ru)

Статья поступила 19.10.2023.

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.7

УДК 334.012, ББК 65.28, 65.9

© Веретенникова А.Ю.

Сценарии развития шеринг-экономики: цифровые технологии и ценностные ориентиры

**Анна Юрьевна
ВЕРЕТЕННИКОВА**

Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: vay_uiec@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1808-7856; ResearcherID: N-4275-2016

Аннотация. Распространение и рост шеринг-экономики обусловлены как стремительным технологическим и цифровым развитием, так и трансформацией моделей поведения, основанных на развитии сетевых отношений и поиске новых форм сотрудничества. Вместе с тем ввиду неоднородности социально-экономических условий сценарии распространения данного направления в различных странах будут отличаться. Целью работы является определение сценариев развития шеринг-экономики с учетом технологических и ценностных особенностей территории. Методологию исследования составили корреляционный и регрессионный анализ, методы систематизации, описательных статистик, графический метод. В качестве информационной базы выступили данные индекса шеринг-экономики Тимбро, данные Мирового банка, а также Всемирного обзора ценностей. В рамках исследования были сформулированы и проверены гипотезы о влиянии цифрового развития и ценностных ориентиров на развитие шеринг-экономики. Показано, что ключевыми факторами развития шеринг-экономики являются уровень цифровых технологий и наличие постматериалистических ценностей. Выделены и описаны кластеры стран, различаемые по данным параметрам. Сформулированы сценарии развития шеринг-экономики, отличающиеся не только уровнем развития цифровых технологий и готовностью граждан применять ее сервисы, но и масштабом территории, на которую принцип совместного потребления распространяется. Теоретическая значимость полученных результатов состоит в моделировании развития шеринг-экономики и прогнозировании возможных направлений ее развития, практи-

Для цитирования: Веретенникова А.Ю. (2023). Сценарии развития шеринг-экономики: цифровые технологии и ценностные ориентиры // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 6. С. 122–137. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.7

For citation: Veretennikova A.Yu. (2023). Scenarios for the development of the sharing economy: Digital technologies and value orientations. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(6), 122–137. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.7

ческая значимость — в возможности применения сценариев при формировании городской инфраструктуры или проектировании «умных» городов.

Ключевые слова: шеринг-экономика, ценности, цифровые технологии, сценарии, постматериалистические ценности.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с планом НИР Института экономики Уральского отделения Российской академии наук.

Введение

Развитие шеринг-экономики (экономики совместного пользования) представляется одним из результатов технологических и социальных изменений, обусловленных влиянием глобализационных процессов, экологическими вызовами, пандемией коронавирусной инфекции и другими процессами (Кацони, Шерешева, 2019). Изменение моделей поведения экономических агентов, свойственное для шеринг-экономики, в свою очередь стимулировало процесс их масштабирования и способствовало вовлечению все большего числа участников. Данный трансформационный процесс стал, с одной стороны, причиной формирования новых рынков, с другой стороны — инициировал изменения в уже существующих, выступая в качестве угрозы их существования. Развитие шеринг-экономики вызвано стремительным ростом цифровых технологий (электронная коммерция, финансовые технологии, блокчейн, искусственный интеллект, большие данные и т. д.) и необходимостью поиска более эффективных моделей взаимодействия в обществе, что тесно связано, в том числе, с особенностями трансформации ценностных ориентиров.

Важно отметить, что одна из особенностей шеринг-экономики состоит в ее неоднородности, что создает трудности ее комплексной оценки. Так, например, Дж. Шор (Schor, 2016) отмечает, что шеринг-экономика включает рециркуляцию товаров, более широкое применение активов длительного пользования, обмен услугами и совместное использование производственных активов. Кроме того, шеринг-экономика тесно переплетена с платформенной экономикой, что приводит зачастую к совместному их рассмотрению и неучету особенностей

и значимости совместного потребления и использования. Однако при рассмотрении непосредственно платформ шеринг-экономики также могут быть обнаружены существенные отличия при совместном потреблении материальных, трудовых, финансовых или информационных ресурсов.

Ценностные ориентиры того или иного общества (в данном случае страны), а также условия жизни, будут формировать различные мотивы развития шеринг-экономики. Так, с одной стороны, перепродажа товаров инициирована стремлением к получению экономических выгод, с другой стороны — ориентацией на защиту окружающей среды. Развитие шеринга в сфере транспорта (каршеринг, такси, кикшеринг и т. д.), с одной стороны, вызвано формированием потребности в социальной мобильности, с другой стороны — представляется более рациональным вариантом применения товаров долговременного пользования. Важно отметить, что упомянутый анализ мотивов экономических агентов участвовать в шеринг-экономике в целом освещен как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях. Вместе с тем вопросы влияния преобладающих ценностных ориентиров на развитие данной бизнес-модели в той или иной стране в научной литературе представлены крайне скудно, что не позволяет более полно учитывать как потенциал, так и угрозы развития этой бизнес-модели при формировании прогнозов и направлений ее развития. Все вышесказанное свидетельствует о наличии пробела в отношении учета ценностных ориентиров и неформальных институтов, преобладающих на той или иной территории, при формировании сценариев развития шеринг-экономики.

Таким образом, цель нашего исследования заключается в определении сценариев развития шеринг-экономики с учетом технологических и ценностных особенностей территории. Для достижения цели были сформулированы гипотезы о влиянии технологических факторов и ценностных характеристик на развитие шеринг-экономики. На основе корреляционно-регрессионного анализа выявлены факторы, наиболее значимые для развития шеринга, построена соответствующая регрессионная модель, описаны возможные сценарии развития шеринг-экономики, учитывающие сочетание технологических и ценностных особенностей стран.

Шеринг-экономика: отдельные аспекты развития

Понятие шеринг-экономики принято связывать с работами Л. Лессига, который стал использовать этот термин для описания процессов социального обмена, противопоставляемого так называемой «коммерческой экономике» (Lessig, 2008). Р. Ботсман и Р. Роджерс в выпуске монографии «Что мое твое: рост коллаборативного потребления» (Botsman, Rogers, 2010) стимулировали интерес к данному явлению, показав перспективность и востребованность формирующихся моделей взаимодействия, основанных на совместном потреблении. Погружение в исследование вопроса свидетельствует, что эта тематика возникла в результате совмещения ряда концепций, проявляемых в середине – второй половине XX века: теории транзакционных издержек (Coase, 1960), институтов коллективной деятельности (Остром, 2011), теории двусторонних рынков (Rochet, Tirole, 2003), платформенной экономики, теории институциональных изменений (North, 1990), теории контрактных отношений, теории информационного общества.

Сочетание факторов технологического развития и институциональных изменений совместно с новыми социальными и экологическими вызовами инициировало не только формирование, но и постепенный рост интереса к данному феномену. Тесная связь технологических и институциональных изменений с развитием шеринг-экономики отражена в работах как зарубежных, так и отечественных авторов. Например, в ходе анализа исследований в базе данных Scopus по запросу «sharing economy» в

ключевых словах найдено 3245 документов начиная с 2012 года. В статьях 2012–2016 гг. в рамках данной тематики в основном описаны особенности функционирования P2P платформ (Andersson et al., 2013), трансформация такой формы отношений в сферах транспорта (Chen et al., 2015) и туризма (Lampinen, Ikkala, 2015), вопросы доверия (Nunes, Correia, 2013); также представлены обзорные статьи, раскрывающие суть данного явления и особенности его адаптации к текущим социально-экономическим процессам. Экспоненциальный рост публикаций по рассматриваемой тематике начался в 2016 году, а пик исследований наблюдался в 2019 году. При этом перечень тем был существенно расширен, включая как технические особенности организации проектов шеринг-экономики, в том числе построение алгоритмов (Lee et al., 2015), проектирование платформ и применение технологии распределенного реестра (Vogner et al., 2016), так и вопросы регулирования (Erickson, Sørensen, 2016), ценностных ориентиров, мотивации (Mittendorf, 2017) и т. д.

Рассмотрим более детально исследования, раскрывающие использование цифровых технологий при реализации данного вида деятельности, а также мотивы, стимулы и ценностные ориентиры, которые, с одной стороны, способствуют распространению шеринг-экономики, с другой – обосновывают многообразие срезов этого явления, а также неоднородность ее развития как в различных видах деятельности, так и на разных территориях.

В работах 2014 года в основном изучаются вопросы платформенного взаимодействия и доверия. Так, М. Андерссон, А. Ялмарссон, М. Авиталь разделяют одноранговый обмен, лежащий в основе отдельных моделей шеринг-экономики, на категории в зависимости от повода реализации обмена. Объект совместного потребления/использования может быть цифровым, физическим или служебным взаимодействием. Авторы отмечают, что его также следует классифицировать в соответствии с преобладающими моделями координации, которые участвуют в опосредованном обмене. Физическая координация может быть «развязанной» (координация совместного расположения не требуется) или «связанной» (сотрудничающие сверстники координируют во времени и пространстве) (Andersson et al., 2013).

В 2016 году стали появляться статьи, посвященные применению технологии блокчейн в проектах шеринг-экономики. Наиболее цитируемые статьи по данной тематике представлены в 2016–2019 гг. Так, Дж. Сунь, Дж. Ян, К.З.К. Чжан рассматривают применение технологии блокчейн в шеринг-сервисах при проектировании «умных» городов. Авторы отмечают: «В подходе, основанном на блокчейне, отсутствие доверия является центральной особенностью отношений между индивидами» (Sun et al., 2016). Эта технология обеспечивает «жизнеспособную альтернативу устранению посредников, тем самым снижая эксплуатационные расходы и повышая эффективность службы обмена» (Sun et al., 2016). Другими словами, рассматриваемая технология позволяет обходиться без участия третьей стороны, оптимизируя эксплуатационные издержки. Ф. Хавличек, Б. Нотайзен, Т. Тойбнер показывают различия в понимании доверия при исследовании блокчейн и при рассмотрении экономики совместного пользования. Авторы выявили, что технология блокчейн в некоторой степени действительно подходит для замены доверия к поставщикам платформ. Однако «свободные от доверия» системы едва ли будут трансформированы в экономику совместного пользования и будут зависеть от надежности интерфейсов, используемых в экосистемах (Hawlitschek et al., 2018). М. Пури, Л. Хилти, изучая цифровую экономику совместного пользования, отмечают, что данный цифровой переход совместного использования позволил добиться беспрецедентной эффективности в координации доступа к ресурсам (Pouri, Hilty, 2021). Ими построена матрица соотношения технологических и социальных аспектов шеринга и обозначены, таким образом, границы цифровой шеринг-экономики.

Первые исследования, посвященные вопросам регулирования шеринг-экономики, также датируются также 2016 годом, что свидетельствует о начале поиска и создания формальных институтов, которые позволили бы новому виду экономических отношений адаптироваться к текущим социально-экономическим процессам. Важно отметить, что скорость развития шеринг-экономики способствовала ее межстрановому распространению и формированию проблемы встраивания данной бизнес-модели в рыночную экономику.

В отечественной литературе указанные вопросы активно обсуждаются и в рамках развития платформенных отношений, и как самостоятельное направление. Отечественные исследования затрагивают организационные, экономические, правовые и технологические аспекты данного явления. Значимый вклад в развитие этого направления внес авторский коллектив под руководством Е.Ф. Авдокушина. Е.Ф. Авдокушин, Е.Д. Платонова и Е.Г. Кузнецова рассматривают шеринг-экономику в качестве современного подхода к повсеместной мобилизации имеющихся на текущий период национальных внутренних ресурсов экономики. Ими выдвинута концепция тесной взаимосвязи генезиса платформенной экономики и платформенной организации электронных средств платежа (ЭСП) как элемента новой экономики в эпоху массовой цифровизации (Авдокушин и др., 2023). И.З. Аюшеева, Е.Б. Подузова, Т.В. Соيفер исследуют вопросы гражданско-правового регулирования отношений в сфере шеринга как коллективного использования ресурсов (Аюшеева и др., 2021). Авторы подробно анализируют, какими типами договоров и контрактов регулируются отношения в шеринг-экономике в российской практике.

В. Кацони, М.Ю. Шерешева (Кацони, Шерешева, 2019) освещают вопросы развития шеринг-экономики в индустрии гостеприимства и туризма. Ими показано, что данная бизнес-модель может быть рассмотрена как подрывная инновация, демонстрирующая капитализацию возникающих возможностей, а не попытку избежать возникающих проблем. К.С. Семина и Д.А. Осипова выделяют основные эффекты, которые оказывает экономика совместного потребления на экономическую систему: сокращение отрицательного влияния на окружающую среду; при использовании в секторе B2B снижение себестоимости конечного продукта; снижение транзакционных издержек за счет прозрачности предоставляемой информации; сокращение издержек и повышение эффективности использования благ (Семина, Осипова, 2019). А.Н. Шмелева рассматривает сценарий проникновения шеринга в экономические модели на примере сельского хозяйства. Она представляет систему бизнес-процессов сельскохозяйственного оптово-распределительного центра на основе принципов шеринг-экономики и по-

лагает, что такое решение будет способствовать формированию добавленной стоимости продукции за счет придания товарного вида, соблюдения необходимых норм и условий пищевой безопасности, сбыта продукции на новых рынках (Шмелева, 2023).

При рассмотрении аспектов встраивания шеринг-экономики в текущие социально-экономические процессы следует отметить работы академика РАН В.М. Полтеровича, посвященные введению и развитию такого понятия, как «коллаборативные иерархии» – механизмы сотрудничества, сочетающего иерархические и одноранговые (пиринговые) взаимодействия. В работе автор выходит за границы непосредственно шеринга. Однако это показывает, что принципы сотрудничества, лежащие в основе совместного потребления и использования, не ограничены отдельными сервисами или отраслями, а имеют шанс стать новой формой взаимодействия на различных уровнях хозяйствования, что свидетельствует о постепенной, но кардинальной институциональной трансформации.

Роль цифровых технологий и ценностных ориентиров в развитии шеринг-экономики

При рассмотрении цифровых трендов, оказавших влияние на распространение шеринг-экономики и применение одноранговых отношений в экономике прежде всего следует отметить развитие электронной коммерции, финансовых технологий и технологии блокчейн. Первые статьи в Scopus с запросом «e-commerce» датируются 1996 годом и рассматриваются в рамках компьютерных наук. В частности, С. Заба анализировал требования к электронным протоколам (Zaba, 1996). Описание и роль технологии распределенного реестра (блокчейн) представлены в работе В. Ламерсдорфа, М. Мерц, Т. Ту. Организация данной технологии требует наличия соответствующей инфраструктуры, в том числе базовых коммуникационных механизмов (механизмы удаленного вызова процедур и доступа к базе данных, торговые услуги и брокерские функции и т. д.), также необходимы общая инфраструктура промежуточного программного обеспечения, методы компонентного программного обеспечения, технологии распределенных и мобильных агентов и т. д. (Lamersdorf et al., 1998). Вместе с тем, применение технологии блокчейн непо-

средственно в шеринг-экономике анализируется лишь в 2016 году. В этот же период вышли статья и книга К. Шваба, посвященные четвертой промышленной революции, где шеринг-экономика рассматривается наравне с технологией распределенного реестра среди других 24 глубинных изменений (Шваб, 2016). Спустя семь лет можно говорить, что обозначенные К. Швабом тренды изменений тесно переплетены друг с другом, а формирование взаимодействий между экономическими агентами на всех уровнях встраивается в повседневную жизнь каждого индивида. В связи с этим можно с уверенностью утверждать, что цифровизация экономики является определяющим фактором, от которого зависит возможность развития шеринговой экономики как таковой, а не только ее эффективность.

Таким образом, была сформулирована следующая гипотеза.

H1. Шеринг-экономика определяется уровнем развития цифровых технологий в стране.

Хотя технологические изменения формируют основу для развития шеринг-экономики, непосредственное ее развитие обусловлено прежде всего потребностью в институциональных изменениях, что вызвано не только появлением возможностей для более эффективной организации социально-экономических процессов, но и неэффективностью отдельных институтов. В связи с этим одной из ключевых тем, наиболее активно рассматриваемых с 2014 года, выступает тема доверия. Данная тематика в отношении шеринг-экономики приобретает многообразие форм: доверие платформе, доверие между индивидами, вступающими во взаимодействие, доверие/недоверие государству или бизнесу и т. д. Сочетание факторов вносит свои особенности в формирование институциональной среды на различных территориях. Кроме того, как отмечают Р. Дони, Дж. Кэннон, М. Маллен, установление доверия зависит от общих мотивов, ценностей, убеждений и идентичности индивидов, но поведение и убеждения человека различаются в зависимости от конкретной культуры (Doney et al., 1998).

Таким образом, другой важный фактор, влияющий на развитие шеринг-экономики – это преобладающие ценностные ориентиры. Значимый вклад в исследование ценностных ориентиров и их влияния на общественные

процессы внес Д. Белл. В работе «Грядущее постиндустриальное общество» автор затрагивает тему трансформации ценностей в постиндустриальном обществе, по сути признавая и обозначая формирование постматериалистических ценностей (Белл, 2004). В.Л. Иноземцев в предисловии к этой работе отмечает: будучи противником постмодернизма, Д. Белл признает, что сама «сама эпоха модернити в значительной мере определила подрыв прежних культурных форм и обусловила современные изменения в сфере культуры» (Белл, 2004, с. LVII).

При запросе «sharing economy» and «values» от «culture» в базе данных Scopus в период с 2015 по 2023 год было обнаружено 208 статей. Например, Ш. Цай и соавторы предлагают исследовательскую модель, объясняющую, почему потребители участвуют в совместном потреблении с точки зрения совместного создания ценности. Выявлено, что на отношение индивидов к совместному потреблению влияют экономическая и социальная ценности, ценности развлечений и доверие (Cai et al., 2017). Б. Драйер и другие задаются вопросом о том, каково влияние бизнес-моделей совместного потребления на ценность заинтересованных сторон и каково влияние контекста развивающейся экономики. Подчеркивается важность адаптации существующих и новых моделей совместного потребления к местным условиям (Dreyer et al., 2017).

К. Ву и Дж. Шен при формировании доверия на платформе предлагают учитывать измерения национальных культурных ценностей по Хофстеде. Авторы показывают, каким образом дистанция власти, индивидуализм, избегание неопределенности и долгосрочной ориентации влияют на различные виды доверия на платформе Airbnb – институциональное доверие, доверие к продукту, межличностное доверие (Wu, Shen, 2018).

С темой ценностных ориентиров также связаны исследования мотивов выбора экономическими агентами взаимодействия на платформе. Дж. Хамари и его соавторы при опросе пользователей платформы sharetribe.com установили, что мотив удовольствия от взаимодействия, а также предполагаемые экономические выгоды влияют на поведенческое намерение участвовать в шеринг-экономике (Hamari et al., 2016).

На основе всего выше сказанного была сформулирована следующая гипотеза.

H2. Развитие шеринг-экономики определяется преобладающими ценностями в стране.

Вместе с тем влияние ценностных ориентиров на шеринг-экономику может быть неоднородным, что обусловлено нечеткими границами данного явления, а также наличием различных бизнес-моделей, которые учитывают как экономические, так и социальные аспекты. При анализе ценностей следует выделить работы Р. Инглхарта и К. Вельцеля, а также проводимый ими межстрановой обзор ценностей. Авторы сопоставляют страны в следующих измерениях: ценности выживания – ценности самовыражения; традиционные ценности – секулярно-рациональные ценности. Проводимый под их руководством Всемирный обзор ценностей на основе широкого ряда вопросов позволяет определить ценностные ориентиры в различных странах мира. Р.К. Хабибулин, О.С. Дейнека, опираясь на это исследование, при анализе связи между показателями психолого-политической стабильности и приверженностью индивидов постматериалистическим ценностям делают вывод о том, что приверженцы данного типа ценностей в меньшей степени склонны доверять правительству и менее лояльно относятся к действующему политическому режиму, демонстрируя большую готовность принимать участие в протестных действиях против действующей власти (Хабибулин, Дейнека, 2015).

Следовательно, материалистические ценности будут связаны с экономическими выгодами от развития шеринг-экономики; постматериалистические – с вопросами устойчивого развития, социального благополучия, а также потребностями в свободе, что отражается в выборе модели доступа в противовес модели владения, в выборе удаленной работы посредством применения цифровых платформ и т. д. С одной стороны, трудовые отношения, реализуемые посредством цифровых платформ, не обеспечивают должного уровня стабильности, с другой стороны, кратковременные проекты поддерживают потребность индивидов в постоянных изменениях и независимости не только от отдельной территории, но и от организации или другой системы. Ценности самовыражения также могут быть

реализованы посредством развития шеринг-платформ и сервисов. Секулярно-рациональные ценности включают рациональное поведение, стремление к успеху, предпочтение светского государства религиозному. Применение шеринг-сервисов и платформ, действительно, в отдельных случаях может быть рассмотрено как рациональное поведение, способное предоставлять новые возможности социально-экономического развития; также оно демонстрирует трансформацию моделей поведения не только в сфере потребления, но и жизневедения в целом.

Ввиду того что постматериалистические ценности включают как ценности самовыражения, так и секулярно-рациональные ценности, мы рассмотрели не только общую группу постматериалистических ценностей, но и отдельно каждый из данных срезов. Вместе с тем материалистические ценности не были разделены. Предполагаем, что такой анализ будет избыточным. Влияние традиционных ценностей и ценностей выживания будет отражено при проверке влияния их антагонистов. Однако некоторые гипотезы о влиянии материалистических и постматериалистических ценностей следует, по нашему мнению, рассматривать отдельно ввиду наличия стран, где преобладают смешанные ценности.

Таким образом, гипотеза H2 была детализирована.

H2a. Развитие шеринг-экономики зависит от материалистических ценностей.

H2b. Развитие шеринг-экономики зависит от постматериалистических ценностей.

H2c. Развитие шеринг-экономики зависит от ценностей самовыражения.

H2d. Развитие шеринг-экономики зависит от секулярно-рациональных ценностей.

Сочетание уровня технологического развития и ценностных ориентаций формирует различные сценарии развития шеринг-экономики.

Методология исследования

Данные

В качестве показателя, характеризующего шеринг-экономику, был использован индекс шеринг-экономики Тимбро (2018 год)¹. Он рассчитан на основе данных о трафике 286 цифровых платформ или сервисов шеринг-экономики в 213 странах. Следует отметить, что среди от-

¹ Timbro Sharing Economy Index. URL: <http://www.epicenternetwork.eu/wp-content/uploads/2018/07/Timbro-Sharing-Economy-Index-2018.pdf>

крытых источников только рассматриваемый индекс позволяет проводить исследования на межстрановом уровне. Отчеты Eurostat по коллаборативной экономике также предоставляют данные по краткосрочной аренде в Европе на уровне городов, стран и регионов, однако учет ими лишь одного направления не позволяет сформировать общую картину уровня развития шеринг-экономики². Кроме того, Центр потребительского выбора (США) оценивает шеринг-экономику на уровне городов³. Агентство IndXX⁴ представляет общемировой тренд развития шеринг-экономики, используя динамику стоимости акций компаний шеринг-экономики. Индекс «умных» городов также содержит отдельные показатели, характеризующие шеринг-экономику. Timbro Sharing Economy Index рассмотрен в качестве зависимой переменной.

Для оценки уровня технологического и цифрового развития применен индекс развития цифровых технологий (X_1), а также показатель, характеризующий долю населения страны, использующего интернет (X_2). Расчет индекса развития информационно-коммуникационных технологий (The ICT Development Index) осуществлялся с 2009 по 2017 год и был приостановлен до 2022 года, когда изменилась его методология. Этот индекс учитывает показатели, характеризующие распространение и качество интернета, а также уровень образования граждан⁵. Доля населения, использующего интернет, представлена в базе данных Всемирного банка.

² Commission (Eurostat) publishes first statistics on short-stay accommodation booked via collaborative economy platforms. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_21_3293

³ Sharing economy Index (2020). Available at: <https://consumerchoicecenter.org/sharing-economy-index-2020/>

⁴ Indxx US Sharing economy Available at: https://www.indxx.com/assets/media/Indxx_US_Sharing_Economy_Index_Methodology2.pdf

⁵ The ICT Development Index включает следующие показатели: абонентская плата за фиксированную телефонную связь на 100 жителей, число абонентов мобильной сотовой связи на 100 жителей, пропускная способность интернета на одного пользователя интернета (бит/с), процент домохозяйств, имеющих компьютер, процент домохозяйств с доступом в интернет, процент жителей, пользующихся интернетом, число абонентов фиксированного (проводного) широкополосного доступа на 100 жителей, активные подписки на мобильную широкополосную связь на 100 жителей, средний срок обучения в школе, общий коэффициент охвата средним образованием, общий коэффициент охвата высшим образованием.

В части оценки ценностных ориентиров использовались данные, представленные во Всемирном обзоре ценностей (World Values Survey), нацеленном на исследование ценностных ориентаций и их влияние на экономическое и социальное развитие, качество жизни и демократию. Было проведено семь волн этого исследования. Последняя волна датирована 2017–2022 гг., однако она включала неполный перечень стран. Для расширения перечня анализируемых стран нами использованы данные не только 7-й волны, но и 5-й и 6-й волн в случае их неучета в исследовании 2017–2022 гг. При наличии данных по стране в двух или трех из рассматриваемых волн учитывалась информация более поздней волны. Так, например, данные по США, Великобритании, Австралии, Бразилии и многим другим государствам были получены в 2017–2022 гг., в то время как для Франции, Швейцарии, Италии, Норвегии, Болгарии, Эстонии и др. применялись данные 5-й волны (2006 год). Данные по России представлены в рамках 6-й волны исследования.

Для проверки сформулированных гипотез было использовано среднее значение по оценке секулярно-рациональных ценностей (X_3). Секулярно-рациональные ценности противопоставляются традиционным ценностям. Если к традиционным ценностям относятся предпочтение религии, семьи, уважение власти, социальный конформизм и др., то ко вторым – рациональное поведение, достижение успеха, предпочтение светского государства, низкая роль религии. Кроме того, учтены доли опрошенных, которые в большей степени демонстрировали материалистические (X_4) или постматериалистические (X_5) ценности⁶.

В ходе исследования были использованы данные по 76 странам, представленные в индексе шеринг-экономики Тимбро, а также в базе трех волн Всемирного обзора ценностей.

Процедура исследования

Процедура исследования содержит шесть этапов. На первом этапе были сформулированы гипотезы о влиянии развития цифровых технологий, а также ценностных ориентиров на развитие шеринг-экономики. На втором этапе

сформулирован перечень показателей, которые могут быть использованы для оценки уровня цифрового развития, а также ценностей, преобладающих на той или иной территории. На третьем этапе был проведен корреляционно-регрессионный анализ, позволивший выявить, какие из показателей имеют наиболее значимое влияние на развитие шеринг-экономики. На четвертом этапе представленные данные систематизированы по доле населения, использующей интернет. На пятом этапе построен график, показывающий, каким образом страны разделены по уровню цифрового развития и преобладанию постматериалистических ценностей. На шестом этапе были определены и описаны сценарии развития шеринг-экономики.

Результаты исследования

В части проверки гипотезы H1 о влиянии развития цифровых технологий на шеринг-экономику была обнаружена корреляционная зависимость как при рассмотрении ICT Development Index ($r = 0,49$), так и при анализе доли населения, использующего интернет, в разрезе рассматриваемых стран ($r = 0,47$).

При проверке гипотезы H2a и H2b была обнаружена обратная связь с долей населения, демонстрирующей материалистические ценности ($r = -0,37$) и прямая ($0,39$) – с долей населения, для которого характерны постматериалистические ценности. Значения коэффициентов корреляции Пирсона свидетельствуют о слабой связи, что связано с неоднородностью выборки, а также индексной формой представления исходных данных.

Ценности самовыражения в меньшей степени влияют на развитие шеринг-экономики (гипотеза H2c). Связь между шеринг-экономикой и секулярно-рациональными ценностями (гипотеза H2d) практически отсутствует ($r = 24$).

В ходе построения итоговых моделей была обнаружена мультиколлинеарность между материалистическими и постматериалистическими ценностями, что стало причиной удаления из модели X_4 . Кроме того, среди показателей X_1 и X_2 также оставлено только значение X_1 . Показатель, характеризующий ценности самовыражения, незначим, что стало причиной его неучета в модели.

Результаты регрессионного анализа отражены в *таблице 1*.

⁶ World Values Survey. URL: <http://www.worldvalues-survey.org/WVSContents.jsp> (дата обращения 15.08.2023).

Таблица 1. Результаты регрессионного анализа

Множественный R	0,66
R-квадрат	0,46
Нормированный R-квадрат	0,44
Стандартная ошибка	1,28
Наблюдения	76

Дисперсионный анализ

	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	<i>Знач. F</i>			
Регрессия	2	100,3	50,2	30,6	2,23E-10			
Остаток	73	119,7	1,64					
Итого	75	219,9						

	<i>Козф-ты</i>	<i>Станд. ош.</i>	<i>t-стат.</i>	<i>P-знач.</i>	<i>Ниж. 95%</i>	<i>Верх. 95%</i>	<i>Ниж. 95,0%</i>	<i>Верх. 95,0%</i>
Y-пересечение	-4,24	0,65	-6,53	7,73E-09	-5,52925	-2,94	-5,53	-2,94
LN(X ₁)	2,27	0,36	6,28	2,21E-08	1,552841	2,99	1,55	2,99
LN(X ₅)	0,53	0,23	2,296	0,024	0,069	0,99	0,069	0,99

Источник: составлено автором.

Таким образом, развитие шеринг-экономики может быть описано следующей формулой (1):

$$Y = 0,014 \times X_1^{2,27} \times X_5^{0,53}, \quad (1)$$

где Y – индекс шеринг-экономики Тимбро;

X₁ – индекс развития информационно-коммуникационных технологий (The ICT Development Index);

X₅ – процент населения в стране, имеющего постматериалистические ценности.

Модель прошла проверку на гетероскедастичность и автокорреляцию остатков. Гетероскедастичность в модели не выявлена, автокорреляция остатков не обнаружена.

Обсуждение результатов

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о подтверждении гипотез 1 и 2d. С одной стороны, цифровые технологии являются условием развития шеринг-экономики. С другой стороны, стимулом для формирования шеринг-экономики действительно выступает преобладание постматериалистических ценностей над материалистическими. Развитие шеринг-экономики в первую очередь характерно для развитых стран, однако постепенное ее распространение позволило выявить, что данные ценности могут быть распространены и на отдельные группы потребителей. Например, как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях показано, что потребитель шеринг-эконо-

мики – это гражданин с доходом выше среднего, в возрасте до 30 лет, житель крупного города (Валько, Мальцева, 2020).

Для более детального анализа и выявления сценариев развития шеринг-экономики рассматриваемые страны были распределены на три группы по доле граждан, использующих интернет.

Страны с наиболее высоким уровнем развития шеринг-экономики размещены в кластере 1. В него вошли Норвегия, Канада, Нидерланды, Швейцария, Великобритания, Австралия, Эстония, Швеция, Новая Зеландия, Финляндия, Япония, США, Сингапур, Германия, Ирландия, Испания, Чили, Кипр, Франция. Медиана индекса шеринг-экономики по данному кластеру 16, стандартное отклонение – 12,6. Наиболее низкие значения наблюдаются в Германии и Японии, что связано с особенностями регулирования шеринга в этих государствах. Страны кластера 1 отличаются высоким уровнем развития цифровых технологий. Доля граждан, использующих интернет, превышает 81%. Доля населения с постматериалистическими ценностями варьируется от 4,4 до 38,1%. Средняя доля населения, поддерживающего постматериалистические ценности, 6,40%.

Вторая группа – страны, где доля населения, использующего интернет, составляет от 50 до 81%. Значение индекса шеринг-экономики

по медиане – 1,7. Эти страны характеризуются более низким уровнем развития цифровых технологий (6,04 по медиане). В кластер 2 включены Малайзия, Ливан, Чехия, Словакия, Азербайджан, Словения, Беларусь, Казахстан, Аргентина, Польша, Венгрия, Италия, Сербия, Греция, Турция, Мальдивы, Румыния, Бразилия, Вьетнам, Армения, Иордания, Марокко, Болгария, Тунис, Колумбия, Грузия, Украина, Южная Африка, Китай, Эквадор, Таиланд, Мексика, Узбекистан, Перу, Молдова, Алжир. Важно отметить, что данные по КНР могут быть уточнены. Довольно низкие значения связаны с особенностью сбора данных, основанного на анализе трафика.

Третья группа стран отличается более низкой долей населения, использующего интернет, – менее 45%. Значение индекса шеринг-экономики по медиане – 0,3. Постматериалистических ценностей в целом придерживается 7,2% населения (по медиане). Значение индекса ICT (по медиане) – 2,92. В кластер 3 входят Боливия, Филиппины, Гана, Гватемала, Индонезия, Нигерия, Никарагуа, Гаити, Зимбабве, Бангладеш,

Мали, Индия, Кения, Руанда, Эфиопия, Пакистан, Замбия, Буркина-Фасо, Венесуэла, Тринидад и Тобаго.

Более подробная характеристика кластеров представлена в *таблице 2*.

На *рисунке 1* отражено распределение стран в координатах: индекс развития информационно-коммуникационных технологий – постматериалистические ценности.

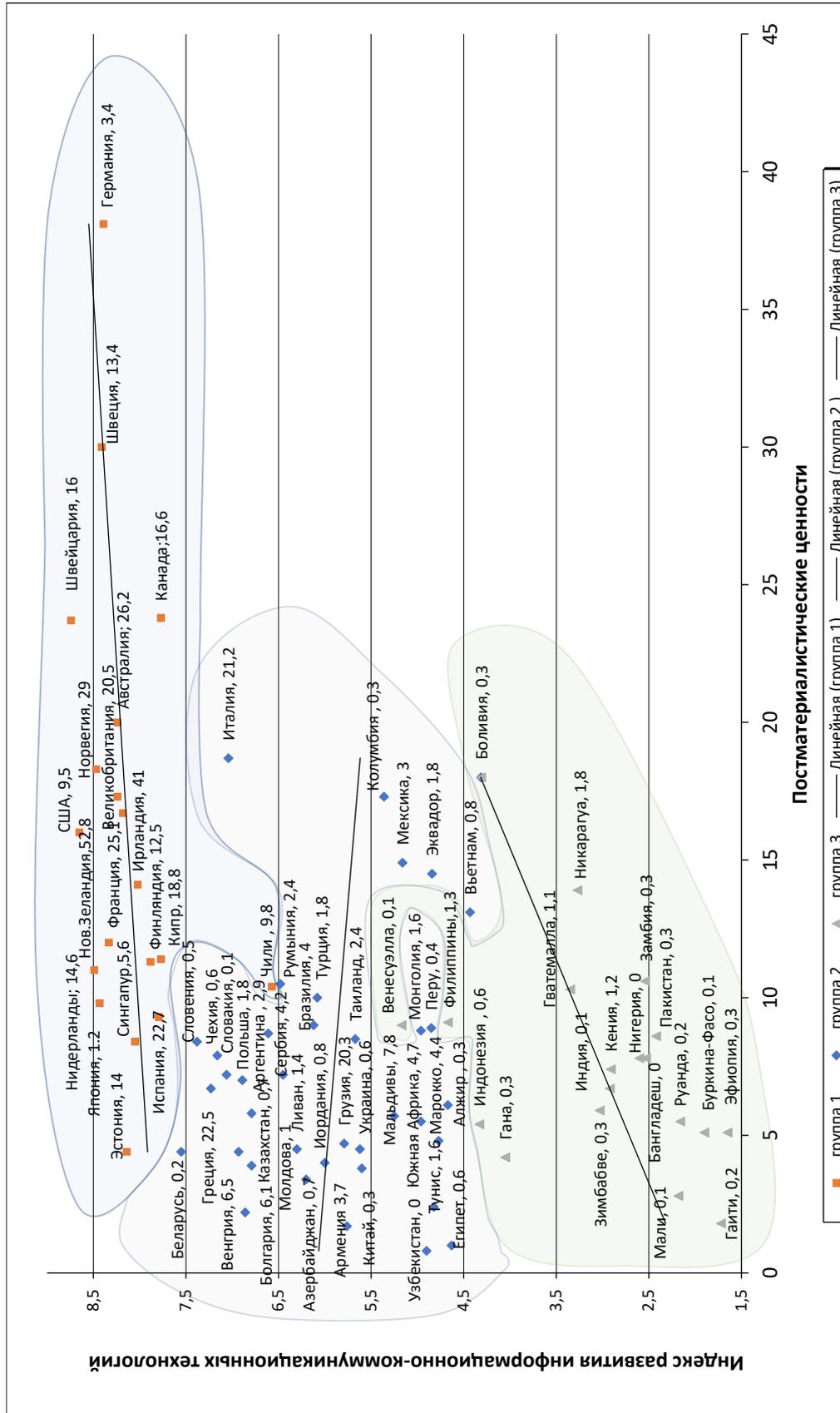
Для стран с высоким уровнем цифровых технологий характерен более высокий уровень развития шеринг-экономики. Как правило, они идут по пути встраивания шеринг-экономики в существующие экосистемы, разрабатывая нормы и правила регулирования платформ и сервисов шеринг-экономики, а также нарабатывая практику в вопросах регулирования и решения споров. Ярким примером встраивания шеринг-экономики в текущие социально-экономические процессы является развитие шеринг-городов – «умных» городов, применяющих шеринг данных, искусственный интеллект, технологию блокчейн для создания благоприятной среды.

Таблица 2. Описание групп стран

Кластер стран	Показатель	Описательные статистики				
		Среднее значение	Медиана	Станд. отклонение	Асимметрия	Эксцесс
Кластер 1	Доля населения, использующего интернет	88,89	88,89	3,43	0,28	0,67
	Индекс ICT	8,13	8,24	12,59	-2	5,95
	Постматериалистические ценности	16,11	14,1	8,24	1,23	1,6
	Индекс шеринг-экономики Тимбро	18,6	16	12,59	1,27	2,03
Кластер 2	Доля населения, использующие интернет	67,31	69,85	10,4	-0,38	-0,89
	Индекс ICT	5,96	6,04	0,92	2,66	-1,31
	Постматериалистические ценности	7,06	6,4	4,19	1,02	0,93
	Индекс шеринг-экономики Тимбро	3,59	1,7	5,61	2,66	6,5
Кластер 3	Доля населения, использующего интернет	25,21	22,42	14,7	-0,18	-1,01
	Индекс ICT	3,19	2,92	1,21	2,09	0,04
	Постматериалистические ценности	7,29	7,2	3,72	1,16	2,22
	Индекс шеринг-экономики Тимбро	0,57	0,3	0,77	2,09	4,59

Источник: составлено автором на основе данных ICT Development Index, World Values Survey, World bank Database, Timbro Sharing economy Index.

Рис. 1. Распределение стран по уровню развития цифровых технологий и постматериалистических ценностей

Примечание: справа от названия страны указано значение индекса шеринг-экономики Тимбро.
 Источник: составлено автором на основе данных ICT Development Index, World Values Survey, Timbro Sharing economy Index.

Следующая группа стран отличается более низким уровнем цифровых технологий и постматериалистических ценностей. Средний уровень развития шеринг-экономики в них ниже, чем в первой группе, однако имеются страны с высоким уровнем данного индекса — Италия, Грузия, Греция. Мы полагаем, что эта особенность связана с высоким уровнем развития туризма, составляющего основную сферу развития шеринг-экономики. Постматериалистические ценности во второй группе стран представлены в меньшей степени. Кроме того, население демонстрирует более низкий уровень индивидуализма⁷, свидетельствующий о том, что процессы совместного потребления ресурсов могут быть выстроены без участия цифровых платформ. Развитие шеринг-экономики становится потенциальной сферой привлечения денежных средств.

Третья группа стран характеризуется наиболее низким уровнем развития цифровых технологий, что является ключевым и базовым условием развития шеринг-экономики. В данном случае развитие цифровых технологий также тесно связано с уровнем социально-экономического развития.

Таким образом, могут быть сформулированы следующие сценарии развития шеринг-экономики.

Сценарий 1. Развитие шеринг-экономики через согласованное сотрудничество и рассмотрение шеринг-экономики как способа развития экосистем. Реализация этого сценария видится в повышении согласования интересов всех участников взаимодействия. Важно отметить, что процесс будет касаться всех участвующих подсистем. Например, если проект шеринг-экономики является частью развития «умного» города, то согласование интересов бизнеса, граждан, муниципальных и региональных органов управления будет ключевой задачей при реализации данного сценария.

Реализация сценария 1 требует: 1) согласования целей и задач; 2) обеспечения необходимого уровня доверия посредством неформальных, формальных институтов или цифровых

технологий; 3) непосредственно возможности цифровой реализации проекта; 4) наличия компетенций для реализации проекта. Сценарий 1 представляется системным нововведением и требует согласования ключевых принципов управления организационными изменениями.

Важно также отметить, что представляемый сценарий может быть реализован как «снизу — вверх», так и «сверху — вниз». Например, М. Бернарди и Д. Диамантини (Bernardi, Diamantini, 2018) на примере Милана и Сеула показали два пути формирования шеринг-городов. Реализация концепции города, основанного на совместном использовании, в Сеуле была инициирована «сверху» и требовала высокого уровня развития цифровой инфраструктуры. Вместе с тем поддержание ориентации прежде всего на создание условий для граждан позволило активизировать гражданские инициативы. В Милане, напротив, формирование шеринг-города реализуется «снизу — вверх», а местные органы управления являются лишь одним из элементов в более сложной системе.

Таким образом, среди характеристик сценария 1 следует отметить следующие:

- 1) инициирован органами власти или гражданским обществом;
- 2) вовлекает более трех групп заинтересованных лиц;
- 3) требует наличия цифровой и технологической инфраструктуры;
- 4) основан на реализации принципа сотрудничества;
- 5) ориентирован на повышение эффективности использования ресурсов.

Сценарий 2. Развитие шеринг-экономики как способа повышения экономического благосостояния и развития социальной инфраструктуры. В данном случае шеринг-экономика раскрывается как новая ниша для развития бизнеса. Например, развитие кикшеринга (прокат самокатов) или каршеринга является новой формой бизнеса, основанной на использовании цифровых платформ. Расширение бизнеса может быть реализовано посредством совместных проектов. Так, например, развитие каршеринга в г. Москве поддерживается городскими властями; выделяются субсидии компаниям, удовлетворяющим выставляемым требованиям.

⁷ Hofstede G. Dimension data matrix. Available at: <https://geerthofstede.com/research-and-vsm/dimension-data-matrix/>

Развитие инвестиционных и краудфандинговых платформ, по нашему мнению, также целесообразно относить к данному сценарию. Он опирается на создание стартапов и запуск новых бизнесов как ответ на потребность той или иной социальной группы. Проекты реализуются на уровне B2C, B2B. Таким образом, сценарий 2 обладает следующими характеристиками:

- 1) инициирован как ответ на возникающие потребности общества;
- 2) включает предпринимательские проекты;
- 3) требует наличия цифровой инфраструктуры для реализации проекта;
- 4) основан на доступе к ресурсам и снижении эксплуатационных затрат;
- 5) ориентирован на повышение эффективности использования ресурсов.

Сценарий 3. Развитие шеринг-экономики как дополнительного источника ресурсов. Низкий уровень развития цифровых технологий является ключевым барьером для развития шеринга. Так, опыт африканских стран показывает, что основным препятствием выступает низкая доступность интернета (Junaid, 2019). Результаты нашего исследования свидетельствуют, что непосредственно цифровые технологии — ключевой драйвер развития шеринг-экономики. Например, факт распространения и развития Uber коррелирует с долей населения, использующего интернет. Данный сценарий может быть сопоставлен с первыми этапами развития шеринг-экономики.

Для сценария 3 характерны следующие особенности:

- 1) недостаточно высокий уровень доступности интернета;
- 2) низкий уровень жизни граждан;
- 3) ориентация на повышение эффективности использования ресурсов.

Развитие шеринг-экономики в данном случае рассматривается как дополнительный источник доходов.

Кроме того, следует говорить о смешанных сценариях — сочетании первого и второго, второго и третьего. Совместное развитие всех трех сценариев может быть представлено в странах с высоким уровнем дифференциации населе-

ния и территорий. Так, например, для некоторых регионов и городов Российской Федерации будут проявляться все три сценария развития. К таким городам отнесем Москву и Санкт-Петербург, где сервисы шеринг-экономики тесно встроены к экосистеме развития «умного» города.

Для менее крупных городов будут характерны второй и третий сценарии, где сервисы шеринг-экономики развиваются как самостоятельные бизнесы и возникают как реакция на формирование новых потребностей, например, в мобильности, ускорении трансакций и т. д. Для малых территорий с низким уровнем развития интернета развитие шеринга может быть нецелесообразно. Это обусловлено сложившимися социальными связями и использованием альтернативных способов совместного потребления. Важно также отметить, что распространение шеринг-экономики тесно связано с ценностями безопасности и свободы, что является одним из стимулов распространения данной формы отношений.

Заключение

В ходе исследования были получены следующие результаты.

Во-первых, сформулированы и проверены гипотезы о влиянии технологического развития и ценностных ориентаций на развитие шеринг-экономики. Показано, что уровень развития цифровых технологий является ключевым фактором развития шеринг-экономики. Преобладание постматериалистических ценностей в стране также стимулирует развитие шеринг-экономики.

Во-вторых, выделены и описаны кластеры стран, различаемые по уровню цифровых технологий и наличию постматериалистических ценностей. Выявление данных кластеров способствовало определению сценариев развития шеринг-экономики.

В-третьих, сформулированы и описаны сценарии развития шеринг-экономики. Показано, что они отличаются не только уровнем развития цифровых технологий и готовностью граждан применять сервисы шеринг-экономики, но и масштабом территории, на которую принцип совместного потребления распространяется.

Научная новизна полученных результатов состоит в разработке авторского подхода к анализу влияния ценностных ориентиров на развитие шеринг-экономики, включающего анализ трендов, показывающих характер влияния в разрезе стран, выявление кластеров развития шеринг-экономики, определение сценариев развития данной бизнес-модели с учетом уровня развития цифровых технологий и наличия постматериалистических ценностей. Теоретическая значимость полученных результатов заключается в моделировании развития шеринг-экономики и прогнозировании направлений развития. Практическая значимость состоит в возможности использования сценариев при формировании городской инфраструктуры или проектировании «умных» городов.

Литература

- Авдокушин Е.Ф., Платонова Е.Д., Кузнецова Е.Г. (2023). Новая модель современного бизнеса: экономика совместного потребления и использования: монография. М.: Магистр : ИНФРА-М. 280 с.
- Аюшеева И.З., Подузова Е.Б., Сойфер Т.В. (2021). Концептуальные основы правового регулирования отношений по коллективному использованию товаров и услуг (sharing economy) в условиях развития цифровых технологий. М.: Юстицинформ.
- Белл Д. (2004). Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia. 944 с.
- Валько Д.В., Мальцева А.С. (2020). Экономика совместного пользования: портрет российского потребителя // Журнал экономической теории. Т. 17. № 3. С. 643–656. DOI: 10.31063/2073-6517/2020.17-3.10
- Кацони В., Шерешева М.Ю. (2019). Экономика совместного потребления в индустрии гостеприимства и туризма // Вестник Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. № 1. С. 71–89.
- Остром Э. (2011). Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности. М.: Ирисэн.
- Семина К.С., Осипова Д.А. (2019). Sharing economy: новая модель потребления в цифровой экономике // Экономика: вчера, сегодня, завтра. Т. 9. № 10А. С. 584–591. DOI: 10.34670/AR.2020.91.10.066
- Хабибуллин Р.К., Дейнека О.С. (2015). Феномен постматериалистических ценностей и проблема политической стабильности // Современные проблемы науки и образования. № 1-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17300> (дата обращения 18.10.2023).
- Шваб К. (2016). Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо.
- Шмельёва А.Н. (2023). Перспективный сценарий проникновения шеринга в экономические модели // Экономика и управление: проблемы, решения. Т. 1. № 1 (133). С. 58–65.
- Andersson M., Hjalmarsson A., Avital M. (2013). Peer-to-peer service sharing platforms: Driving share and share alike on a mass-scale. *Proceedings of the International Conference on Information Systems*. ICIS, Milan.
- Bernardi M., Diamantini D. (2018). Shaping the sharing city: An exploratory study on Seoul and Milan. *Journal of Cleaner Production*, 203, 30–42.
- Bogner A., Chanson M., Meeuw A. (2016). A Decentralised Sharing App running a Smart Contract on the Ethereum Blockchain. *Proceedings of the 6th International Conference on the Internet of Things*, 177–178.
- Botsman R., Rogers R. (2010). *What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption*. Harper Business. DOI:10.5860/choice.48-336
- Cai S., Phang C.W., Pang X., Zhang Y. (2017). Participation in collaborative consumption – a value co-creation perspective. In: Nah F.H., Tan C.H. (Eds.). *HCI in Business, Government and Organizations. Supporting Business*. DOI: 10.1007/978-3-319-58484-3_14
- Chen L., Mislove A., Wilson C. (2015). Peeking beneath the hood of Uber, *Proceedings of the 2015 Internet Measurement Conference*. Available at: <https://conferences2.sigcomm.org/imc/2015/papers/p495.pdf>
- Coase R. (1960). The problem of social cost. *Journal of Law and Economics*, 3, 1–44.
- Doney P.M., Cannon J.P., Mullen M.R. (1998). Understanding the influence of national culture on the development of trust. *Acad. Manag. Rev.*, 23, 601–620.
- Dreyer B., Lüdeke-Freund F., Hamann R., Faccar K. (2017). Upsides and downsides of the sharing economy: Collaborative consumption business models' stakeholder value impacts and their relationship to context. *Technological Forecasting and Social Change*, 125(C), 87–104.

- Erickson K., Sørensen I. (2016). Regulating the sharing economy. *Internet Policy Review*, 5(2). DOI: 10.14763/2016.2.414
- Hamari J., Sjöklint M., Ukkonen A. (2016). The sharing economy: Why people participate in collaborative consumption. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 67(9), 2047–2059. DOI: 10.1002/asi.23552
- Hawlitschek F., Notheisen B., Teubner T. (2018). The limits of trust-free systems: A literature review on blockchain technology and trust in the sharing economy, *Electronic Commerce Research and Applications*, 29, 50–63. DOI: 10.1016/j.elerap.2018.03.005
- Junaid O. (2019). *The Sharing Economy, African Style: A Comparative Assessment of the Kenyan and Nigerian Digital Sharing Economies (Thesis)*. Available at: https://repository.library.georgetown.edu/bitstream/handle/10822/1054520/Junaid_Thesis_FinalDraft.pdf?sequence=1&isAllowed=y
- Lamersdorf W., Merz M., Tu T. (1998). Distributed systems technology for electronic commerce applications. In: Rovan. B. (Ed.). *SOFSEM '98: Theory and Practice of Informatics. SOFSEM 1998. Lecture Notes in Computer Science*. Vol 1521. DOI: https://doi.org/10.1007/3-540-49477-4_9
- Lampinen A., Ikkala T. Monetizing network hospitality: Hospitality and sociability in the context of Airbnb. *Conference: CSCW '15 Proceedings of the 18th ACM Conference on Computer Supported Cooperative Work & Social Computing*. DOI: 10.1145/2675133.2675274
- Lee M.K., Kusbit D., Metsky E., Dabbish L.A. (2015). Working with machines: The impact of algorithmic and data-driven management on human workers. *Proceedings of the 33rd Annual ACM Conference on Human Factors in Computing Systems*.
- Lessig L. (2008). Two economies: Commercial and sharing. In: *Remix: Making Art and Commerce Thrive in the Hybrid Economy*. London: Bloomsbury Academic.
- Mittendorf C. (2017). The influence of financial and social motives in the sharing economy: An empirical analysis on Airbnb. *PACIS 2017 Proceedings*. Available at: <https://aisel.aisnet.org/pacis2017/88>
- North D. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance (Political Economy of Institutions and Decisions)*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI:10.1017/CBO9780511808678
- Nunes M.F., Correia J. (2013). Improving trust using online credibility sources and social network quality in P2P marketplaces. In: *2013 8th Iberian Conference on Information Systems and Technologies (CISTI)*.
- Pouri M.J., Hilty L.M. (2021). The digital sharing economy: A confluence of technical and social sharing. *Environ. Innov. Soc. Transitions*, 38, 127–139.
- Rochet J., Tirole J. (2003). Platform competition in two-sided markets. *Journal of the European Economic Association*, 1(4), 990–1029.
- Schor J. (2016). Debating the sharing economy, *Journal of Self-Governance and Management Economics*, 4(3), 7–22.
- Stefek Z. (1996). E-commerce payment protocols: Requirements and analysis. In: *Proceedings of the 1996 9th IEEE Computer Security Foundations Workshop, CSFW10-12 June 1996*.
- Sun J., Yan J., Zhang K.Z.K. (2016). Blockchain-based sharing services: What blockchain technology can contribute to smart cities. *Financial Innovation*, 2(1), 26.
- Wu X., Shen J. (2018). A Study on Airbnb's trust Mechanism and the effects of cultural values—based on a survey of Chinese consumers. *Sustainability*, 10(9), 3041. DOI: 10.3390/su10093041

Сведения об авторе

Анна Юрьевна Веретенникова — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: vay_uiec@mail.ru)

Veretennikova A. Yu.

Scenarios for the development of the Sharing Economy: Digital Technologies and Value Orientations

Abstract. The expansion of the sharing economy is related both to the rapid technological and digital development and to the transformation of behavioral patterns based on the development of network relations and the search for new forms of cooperation. However, the scenarios for the spread of this economic system will differ from country to country due to the heterogeneity of socio-economic conditions. The aim of the study is to identify scenarios for the development of the sharing economy, taking into account technological and value characteristics of a territory. The methodology of this study includes correlation and regression analysis, systematization methods, descriptive statistics, and graphical method. The information base for the study is data from the Timbro Sharing Economy Index, the World Bank, and the World Values Survey. As part of the research, we formulated and tested hypotheses on the impact of digital development and values on the development of the sharing economy. We show that the key factors in the development of the sharing economy are the level of digital technology as well as postmaterialist values. In the course of the study we identify and describe clusters of countries distinguished by these parameters. We formulate and describe scenarios for the development of the sharing economy. We reveal that these scenarios differ not only in the level of development of digital technologies and the readiness of citizens to use services of the sharing economy, but also in the scale of the territory to which the principle of collaborative consumption applies. Theoretical significance of the obtained results consists in modeling the development of the sharing economy and forecasting possible directions of its development. Practical significance is the application of these scenarios in the formation of urban infrastructure or the design of smart cities.

Key words: sharing economy, values, digital technology, scenario, values, postmaterialist values.

Information about the Author

Anna Yu. Veretennikova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: vay_uiec@mail.ru)

Статья поступила 11.09.2023.

DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.8

УДК 316.334.23, ББК 60.54

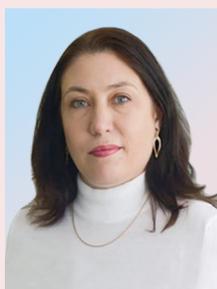
© Каргаполова Е.В., Лашук И.В., Кошкин А.П.

Предприниматель в условиях новых вызовов (на примере регионов Республики Беларусь)

**Екатерина Владимировна
КАРГАПОЛОВА**

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Москва, Российская Федерация
e-mail: Kargapolova.EV@rea.ru
ORCID: 0000-0002-2892-3953; ResearcherID: O-6734-2017

**Ирина Валерьевна
ЛАШУК**

Белорусский государственный экономический университет
Минск, Республика Беларусь
e-mail: lashuk@bseu.by
ORCID: 0000-0003-3011-0561

**Андрей Петрович
КОШКИН**

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Москва, Российская Федерация
e-mail: Koshkin.AP@rea.ru
ORCID: 0000-0003-2331-5497; ResearcherID: T-1005-2018

Для цитирования: Каргаполова Е.В., Лашук И.В., Кошкин А.П. (2023). Предприниматель в условиях новых вызовов (на примере регионов Республики Беларусь) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 6. С. 138–154. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.8

For citation: Kargapolova E.V., Lashuk I.V., Koshkin A.P. (2023). An entrepreneur in the context of new challenges (using the example of the territories of the Republic of Belarus). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(6), 138–154. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.8

Аннотация. Цель работы – на основе статистического анализа и результатов конкретных социологических исследований дать оценку деятельности предпринимателей в регионах Республики Беларусь, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС, в условиях новых вызовов. Определены следующие вызовы: необходимость перехода к шестому технологическому укладу на основе высококонкурентной социально-экономической системы смешанного типа, сочетающей элементы государственного планирования и рыночных отношений; сохранение социальной структуры белорусского общества на фоне беспрецедентных в мировой истории масштабов расслоения по материальному признаку в других странах; преодоление последствий техногенных катастроф. Эмпирической базой выступили данные социологических исследований в формате анкетирования, реализованных в 2021 и 2022 гг. Центром социально-гуманитарных исследований Белорусского государственного экономического университета совместно с Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси в рамках НИР «Осуществить социологическую оценку предпринимательского потенциала территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС». Результаты исследования показали высокую степень единства нормативно-ценностных приоритетов предпринимателей и населения. Это проявляет степень адаптивности социально-экономической системы страны к вызовам становления смешанной экономической модели, в которой новыми для белорусов являются элементы рыночного хозяйствования. Зафиксировано, что предприниматели могут быть авангардом смешанной экономики как наиболее конкурентоспособной для перехода Беларуси к обществу шестого технологического уклада, так как у них выражены качества, адекватные вызовам современности: опора на себя, свои возможности, компетенции, на то, что каждый может сделать лично, самостоятельно. Определено одно из главных преимуществ деятельности бизнеса в Беларуси – слабая выраженность клановости, что позволяет избежать вызовов олигархического капитализма и сопряженного с ним беспрецедентного социального расслоения по материальному признаку. Показано, что предприниматели адекватно оценивают условия успешного старта в различных сферах бизнеса. В большей степени сформирован запрос на старт бизнеса в сфере обслуживания, далее следуют сферы специализированных услуг – юридических, медицинских, производства товаров, переработки продукции.

Ключевые слова: предприниматель, субъекты бизнеса, смешанная экономика, чрезвычайная ситуация, территории, загрязненные радионуклидами.

Введение

Социально-экономические системы современных национальных государств существуют в условиях новых вызовов, связанных с турбулентностью смены технологических и мирохозяйственных укладов, беспрецедентными масштабами социального расслоения по материальному признаку. Вследствие этого, с одной стороны, критически переосмысляются фундаментальные основания мирохозяйственных укладов современности – капиталистического и социалистического. С другой стороны, высказываются мнения о том, что наиболее конкурентоспособными в современных реалиях являются смешанные системы, сочетающие в себе элементы как государственного планирования, так и рыночной самоорганизации (см., например, Глазьев, 2022). Актуализируется проблематика системообразующей статусной позиции капиталистического, рыночного

уклада – предпринимателя, требуется уточнение его места и роли в смешанных экономиках. Такой тип экономики развивается в Беларуси. Одним из направлений государственной политики органов власти в стране является развитие субъектов малого и среднего бизнеса, предпринимательской активности населения.

Анализ современной научной литературы (Антоненко, Карицкий 2011; Березенцева, 2011; Бубновская, Леонидова, 2021; Вахитова, 2015; Гражданкина и др., 2012; Ермаков, Нугуманов, 2013; Ивашкин, Фольк, 2015; Нурев, 2003; Паевская, 2016; Пиньковецкая, 2020; Пожужева, Лебедева, 2011; Светуньков, 2010; Спирина, 2016; Толкачев, 2019 и др.), в которой переосмыслены классические представления Р. Кантильона, К. Бодо, Ж.-Б. Сэя, А.Р.Ж. Тюрго, А. Смита, Ф. А. Уокера, М. Вебера, Й. Шумпеттера, Р. Хизрича и др., позво-

лил нам обобщить основные подходы к определению функций, социальных характеристик предпринимателя. Предпринимателем может называться организатор парадов и музыкальных представлений; человек, несущий полную ответственность за выполнение крупномасштабных строительных или производственных проектов; посредник, владелец бизнеса и капитала; обладатель информации, организатор производства и сбыта продукции; предприниматель – воплощение рациональности как функциональной эффективности, нравственности, ответственных решений; пассионарий, новатор дела, формирования ресурса, которого раньше в обществе не было, обладающего стоимостью; носитель технологического прогресса; творческая личность, преобразующая социальную и ментальную реальность, выстраивающая новые связи и готовая к риску; потенциальный представитель среднего класса и т. п.

Появление форматов олигархического капитализма, капитализма «для своих», при котором сверхдоходы концентрируются в руках немногих, стало катализатором научного дискурса по вопросу о том, можно ли предпринимателем называть представителя крупного бизнеса или только малого и среднего, у которого свои особые функции «капиталист», «буржуа» (Толкачев, 2019). Зарубежные исследователи подчеркивают, что даже при декларировании самых благих намерений «спасения мира» сверхбогатые не будут спасать мир – извлечение прибыли ставится ими превыше морали (Brooks, Kumar <https://doi.org/10.1017/S0022216X23000000>, 2023). Также обсуждается вопрос о противоречивости морально-нравственных оснований деятельности современного предпринимателя, этичности самого его статуса (Гарнова, 2019), который может как создавать конфликты, так и «потенциально породить мир» (Joseph et al., 2023).

В Республике Беларусь определение предпринимательской деятельности сформулировано в Гражданском кодексе (ч. 2 п. 1 ст. 1). «Предпринимательская деятельность – это самостоятельная деятельность юридических и физических лиц, осуществляемая ими в гражданском обороте от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность и направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи вещей, произведенных, переработанных или

приобретенных указанными лицами для продажи, а также от выполнения работ или оказания услуг, если эти работы или услуги предназначаются для реализации другим лицам и не используются для собственного потребления»¹. Данное определение содержит важные характеристики предпринимателя. Это самостоятельность, готовность к риску, ответственность имуществом, способность создавать новый продукт или услугу.

Развитие предпринимательского потенциала находится в предметном поле научного сообщества Республики Беларусь. Так, например, в исследованиях О.Н. Гаврилик показано, что для половины жителей Беларуси предпочтительна рыночная модель поведения; негативно относятся к предпринимателям только каждый десятый. Предприниматели, работники частных организаций и студенты (в отличие от работников бюджетных организаций и пенсионеров) более склонны реализовывать рыночный тип экономического поведения, у них выше уровень готовности к предпринимательским рискам, они позитивнее относятся к представителям бизнес-среды (Гаврилик, 2020). Сотрудниками Института экономики Национальной академии наук Беларуси (НАНБ) на основе опроса предпринимателей определяются особенности развития кластерных взаимодействий малого и среднего предпринимательства в стране; анализируются источники знания предпринимателей, необходимые для ведения бизнеса (Смирнова, 2020); выявляются административно-управленческие барьеры развития предпринимательской деятельности; сферы государственного регулирования, в наибольшей степени подверженные коррупции и взяткам; дается оценка действий правительства по ликвидации излишних экономических барьеров, осуществлению контрольной (надзорной) деятельности предупредительного характера, переходу к преимущественному использованию профилактических мер, анализируется степень обремененности затратами на арендную плату, сложности, сопровождающие прохождение бюрократических процедур, обременительность налоговой нагрузки (Смирнов, 2021; Смирнова 2021).

¹ Гражданский кодекс Республики Беларусь: 7 дек. 1998 г. № 218-3 // Pravo.by. URL: pravo.by/document (дата обращения 11.03.2021).

Республиканским общественным объединением «Белорусская Ассоциация клубов ЮНЕСКО» в партнерстве с учреждением образования «Белорусский государственный экономический университет», Министерством образования Республики Беларусь 15 декабря 2020 года в Минске была организована и проведена Республиканская научно-практическая конференция с международным участием «Инновационные подходы по формированию профессиональных и предпринимательских навыков обучающихся на основе эколого-ориентированной подготовки», на которой были представлены результаты научно-исследовательской, методической и организационной деятельности по молодежному предпринимательству, профориентационной работе, формам информирования учащихся, особенностям экологического предпринимательства, специфики ведения бизнеса в сельской местности². Таким образом, ученые Беларуси исследуют условия, факторы, особенности формирования субъекта малого и среднего бизнеса — предпринимателя.

Предприниматель является объектом и нашего исследования. Конкретизируя предметное поле анализа, отметим, что мы живем в социальной системе, трансформирующейся в общество риска, когда «воспроизводство новых общественных отношений сопровождается систематическим воспроизведением угроз и опасностей, не всегда поддающимся прогнозированию... Растет число катастроф, аварий, несчастных случаев, связанных не с техническими, а с социокультурными просчетами»³. Техногенные катастрофы оказывают влияние на эффективность производства в стране, кроме того, «страны с низким уровнем дохода подвергаются негативному воздействию гораздо быстрее по сравнению со странами с высоким уровнем дохода» (Ibrahimova, Moog, 2023, p. 1289). Техногенные катастрофы — новый

вызов современной эпохи, с которым столкнулась и Республика Беларусь. Это необходимость ликвидации долговременных последствий крупнейшей за всю историю атомной энергетики как по количеству погибших и пострадавших, так и по экономическому ущербу аварии, произошедшей 26 апреля 1986 года на Чернобыльской АЭС (ЧАЭС). Загрязнению нуклидами подверглись более 200 тыс. кв. км, в наибольшей степени — на территориях современной России, Украины и Беларуси.

Перед строительством республиканской атомной станции сотрудниками Института социологии НАНБ по государственному заданию проводились также весьма актуальные для страны, столкнувшейся с проблемой ликвидации последствий аварии на АЭС, мониторинговые исследования мнений населения и экспертов о состоянии, проблемах и перспективах развития топливно-энергетического комплекса Беларуси, в том числе работы отрасли и стоящих перед ней проблем, путей обеспечения энергоресурсами и развития производственных возможностей энергетики; перспектив использования разных источников для развития энергетики страны, проблем развития ядерной энергетики; необходимости, рисков, условий поддержки строительства АЭС в Беларуси⁴ (Бобров и др., 2006; Шавель, 2014).

В Республике Беларусь последовательно реализуется государственная программа возрождения территорий, загрязненных радионуклидами (Марченко и др., 2014). В ходе многолетней работы по выполнению задания «Разработать рекомендации по формированию установок самореализации и закрепления молодежи в районах, наиболее пострадавших от аварии на ЧАЭС» Государственной программы по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС на 2011–2015 годы и на период до 2020 года исследователями Беларуси были изучены мнения населения о последствиях аварии на ЧАЭС и перспективах возрождения пострадавших территорий, миграционные настроения и планы молодежи, проживающей на данных территориях (Шавель и др., 2020; Вишнякова, 2022).

² Инновационные подходы по формированию профессиональных и предпринимательских навыков обучающихся на основе эколого-ориентированной подготовки (2021): материалы Респ. науч.-практ. конф. с международ. участием, г. Минск, 15 дек. 2020 г. / редколл.: Д.Г. Добродный (гл. ред.) и др. Минск: РИВШ. 442 с.

³ Социально-технологический дискурс в теориях и практиках цифрового тренда (2022) / Н.Г. Багдасарьян и др.; под ред. Н.Г. Багдасарьян. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана. 167 с. С. 35.

⁴ Атомная энергетика: общественное мнение Беларуси (2009) / А.М. Заборовский и др.; под общ. ред. М.Н. Хурса. Минск: Беларус. навука. 183 с.

Развитие субъектов и малого среднего бизнеса на территориях Беларуси, загрязненных радионуклидами, находится в зоне особого внимания. Предпринимательский потенциал позиционируется как ресурс развития данных территорий, предполагается, что «предприниматели обладают уникальными положительными способностями по сравнению с населением в целом» (Singh, 2020, p. 25). Повышение эффективности мероприятий по возрождению и развитию территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС, требует активных мер, которые будут способствовать созданию и развитию малых и средних предприятий в загрязненных районах и прилегающих к ним поселках и городах, используя для этого комплекс методов поддержки предпринимательства, апробированных и проверенных в других странах.

Материалы и методы исследования

Центром социально-гуманитарных исследований Белорусского государственного экономического университета совместно с Институтом социологии НАНБ реализуется НИР «Осуществить социологическую оценку предпринимательского потенциала территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС в рамках мероприятия «Провести социологическую оценку факторов, механизмов и условий развития малого и среднего бизнеса на территориях, пострадавших от аварии на ЧАЭС» Государственной программы по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС на 2021–2025 гг. (№ ГР 20213172). Анализ результатов этих исследований позволил в рамках данной статьи реализовать следующую цель: дать оценку деятельности предпринимателей, проживающих на загрязненных радионуклидами территориях, в условиях новых вызовов. Среди вызовов необходимость перехода к шестому технологическому укладу; формирование высококонкурентной социально-экономической системы, сочетающей элементы государственного планирования и рыночных отношений; сохранение социальной структуры белорусского общества на фоне беспрецедентных в мировой истории масштабов расслоения по материальному признаку в других странах; преодоление последствий техногенных катастроф, уникальный опыт которого реализуется в Беларуси. Для реализации данной цели использованы материалы статистики и результаты конкретных социологических исследований.

Эмпирической базой послужили результаты исследований, реализованных в рамках данной НИР, а именно:

1) в апреле 2021 года – опрос населения; генеральная совокупность – население в возрасте от 16 до 59 лет городских населенных пунктов и сельских (поселковых) советов Брестской, Могилевской и Гомельской областей; выбор этих областей для проведения исследования обоснован тем, что подавляющее большинство (98%) населения загрязненных радионуклидами территорий Беларуси проживает в данных регионах; таким образом, общественное мнение населения территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС, по вопросам развития малого и среднего бизнеса будут формировать преимущественно жители названных трех территорий; всего по математически рассчитанной республиканской выборке было опрошено 2200 респондентов, в маршрут включено 29 районов, из которых четыре находятся в Брестской, восемь – в Могилевской и семнадцать – в Гомельской области;

2) в апреле 2022 года опрошены представители малого и среднего бизнеса, осуществляющие свою деятельность на территориях, пострадавших от аварии на ЧАЭС; всего опрошено 600 респондентов, из которых 228 индивидуальных предпринимателей, 226 представляют малые и микроорганизации, 146 – средние организации.

При возможности нами проведено сравнение ответов предпринимателей и респондентов, репрезентирующих все население территорий, загрязненных радионуклидами.

Результаты

Статистические показатели развития малого и среднего бизнеса на территориях, пострадавших от аварии на ЧАЭС

Субъекты предпринимательства в Республике Беларусь по численности сотрудников подразделяются на *индивидуальных предпринимателей (ИП), микроорганизации* (средняя численностью работников за календарный год до 15 человек включительно), *малые организации* (средняя численность работников за календарный год от 16 до 100 человек включительно), *средние организации* (средняя численность работников за календарный год от 101 до 250 человек включительно), *крупные организации* (средняя численность работников за календарный год более 250 человек).

Структура предприятий Республики Беларусь по среднесписочной численности работников представлена в *таблице 1*.

На территориях, пострадавших от аварии на ЧАЭС, в 2021 году зарегистрировано 6902 предприятия/организации, среди которых 404 субъекта среднего предпринимательства, 6498 субъектов малого предпринимательства (2701 ИП, 2126 микроорганизаций, 1671 малая организация)⁵. Большинство субъектов малого и среднего предпринимательства зарегистрировано в городских населенных пунктах. Сельское предпринимательство больше развито в Могилевской области (*табл. 2*).

Одной из задач статистического анализа развития малого и среднего предпринимательства на территориях, пострадавших от аварии на ЧАЭС, являлось изучение распределение

субъектов бизнеса в зависимости от основного вида экономической деятельности. В разрезе основных видов экономической деятельности первые три ранговых места в структуре малого и среднего бизнеса занимают (в порядке убывания) следующие: оптовая и розничная торговля, ремонт автомобилей и мотоциклов; образование и обрабатывающая промышленность (*рис. 1*).

В сфере малого предпринимательства зафиксированы различия между субъектами бизнеса. Так, среди индивидуальных предпринимателей и микроорганизаций лидирующие позиции занимают такие виды экономической деятельности, как оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов. организации чаще предоставляют образовательные услуги (*табл. 3*).

Таблица 1. Структура предприятий/организаций Республики Беларусь по среднесписочной численности работников, 2021 год

Регион	ИП		микро		малые		средние		крупные	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Брестская область	29939	14,0	8880	9,8	1480	11,8	398	13,9	301	14,7
Витебская область	19621	9,2	7272	8,0	1180	9,4	351	12,2	266	13,0
Гомельская область	24512	11,5	7976	8,8	1177	9,4	385	13,4	303	14,8
Гродненская область	22689	10,6	7302	8,1	1089	8,7	264	9,2	287	14,0
Минская область	31198	14,6	16637	18,4	2071	16,6	564	19,7	338	16,5
Могилевская область	20950	9,8	6975	7,7	1107	8,9	234	8,2	249	12,2
г. Минск	64602	30,3	35450	39,2	4404	35,2	672	23,4	300	14,7
Итого	213511	100,0	90492	100,0	12508	100,0	2868	100,0	2044	100,0

Источник: данные Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Таблица 2. Количество субъектов малого и среднего предпринимательства, расположенных в зонах радиоактивного загрязнения, в зависимости от региона проживания и типа населенного пункта, 2021 год

Тип бизнеса	Брестская область		Гомельская область		Могилевская область	
	город	село	город	село	город	село
<i>Субъекты малого предпринимательства, в т. ч.</i>						
ИП	74	15	2229	183	106	94
микроорганизации	105	24	1631	182	117	67
малые организации	88	45	1035	284	103	116
<i>Субъекты среднего предпринимательства</i>						
	33	12	244	81	16	18
Всего	300	96	5139	730	342	295

⁵ Информация предоставлена Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь и адаптирована в соответствии со статистическим бюллетенем «Населенные пункты и численность населения Республики Беларусь, проживающего в зонах радиоактивного загрязнения в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС, на 1 января 2021 г.».

Рис. 1. Распределение субъектов малого и среднего предпринимательства, расположенных в зонах радиоактивного загрязнения, по основному виду экономической деятельности, 2021 год, %

Таблица 3. Количество субъектов малого предпринимательства, расположенных в зонах радиоактивного загрязнения, по основному виду экономической деятельности, 2021 год

Основной вид экономической деятельности предприятий	ИП	Микроорганизации	Малые организации
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	43	44	63
Горнодобывающая промышленность	1	2	-
Обрабатывающая промышленность	356	340	174
Снабжение электроэнергией, газом, паром, горячей водой и кондиционированным воздухом	7	1	2
Водоснабжение; сбор, обработка и удаление отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	10	8	4
Строительство	138	119	103
Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов	1075	783	168
Транспортная деятельность, складирование, почтовая и курьерская деятельность	332	202	62
Услуги по временному проживанию и питанию	58	72	26
Информация и связь	74	58	27
Финансовая и страховая деятельность	19	5	14
Операции с недвижимым имуществом	95	45	18
Профессиональная, научная и техническая деятельность	145	98	71
Деятельность в сфере административных и вспомогательных услуг	92	30	7
Образование	31	138	762
Здравоохранение и социальные услуги	11	39	55
Творчество, спорт, развлечения и отдых	70	68	109
Предоставление прочих видов услуг	144	74	6

В структуре среднего предпринимательства наиболее распространенными видами деятельности являются сельское, лесное и рыбное хозяйство; образование и обрабатывающая промышленность (рис. 2).

В сельских населенных пунктах всех областей лидирует сфера образования. При этом сельские территории Могилевской области активно развивают оптовую и розничную торговлю, ремонт автомобилей и мотоциклов, а также транспортную деятельность, складирование, почтовую и курьерскую деятельность (табл. 4).

Итак, статистический анализ показателей развития малого и среднего бизнеса свидетельствует о наличии достаточно серьезного предпринимательского потенциала на территориях, пострадавших от аварии на ЧАЭС, и позволяет определить «точки роста», особенно на селе. Значительный потенциал просматривается также по результатам опроса предпринимателей. Респондентам было предложено

оценить условия начала бизнеса в различных сферах экономики. Так, по мнению опрошенных, важнейшим условием для успешного старта предпринимательской деятельности в сфере обслуживания (торговля, общепит, бытовые услуги) является наличие интересного проекта, идеи, тогда как для респондентов, репрезентирующих все население регионов, пострадавших от событий на ЧАЭС (далее – население), – наличие финансовых ресурсов, стартового капитала (табл. 5).

Далее по убыванию степени важности у предпринимателей следуют предпринимательский склад характера, наличие определенных личностных качеств (45,3%), наличие команды единомышленников (37%). Интересно, что предприниматели, выбирая из вариантов, связанных с кадровым потенциалом, в большей степени отдавали предпочтение варианту «наличие команды единомышленников», тогда как население – варианту «наличие квалифицированных кадров для найма» (37% против 25,8).

Рис. 2. Распределение субъектов среднего предпринимательства, расположенных в зонах радиоактивного загрязнения, по основному виду экономической деятельности, 2021 год, %

Таблица 4. Количество субъектов малого и среднего предпринимательства, расположенных в зонах радиоактивного загрязнения, по основному виду экономической деятельности в региональном разрезе, 2021 год

Основной вид экономической деятельности предприятий	Брестская область		Гомельская область		Могилевская область	
	город	село	город	село	город	село
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	8	10	80	91	21	40
Горнодобывающая промышленность	-	-	3	-	-	-
Обрабатывающая промышленность	42	7	688	83	54	54
Снабжение электроэнергией, газом, паром, горячей водой и кондиционированным воздухом	-	-	6	-	5	3
Водоснабжение; сбор, обработка и удаление отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	3	-	18	3	1	1
Строительство	15	-	336	14	20	13
Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов	81	15	1730	125	66	41
Транспортная деятельность, складирование, почтовая и курьерская деятельность	52	16	360	90	50	41
Услуги по временному проживанию и питанию	3	-	152	4	-	3
Информация и связь	4	-	151	3	5	-
Финансовая и страховая деятельность	2	-	32	2	3	-
Операции с недвижимым имуществом	-	-	156	5	2	-
Профессиональная, научная и техническая деятельность	12	-	280	11	16	6
Деятельность в сфере административных и вспомогательных услуг	1	-	119	3	6	1
Образование	48	46	494	279	56	83
Здравоохранение и социальные услуги	5	1	106	10	12	2
Творчество, спорт, развлечения и отдых	22	1	208	5	22	7
Предоставление прочих видов услуг	2	-	220	2	3	-

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Что необходимо в первую очередь для успешного старта предпринимательской деятельности?», % от числа опрошенных / ранг

Вариант ответа	В сфере обслуживания (торговля, общепит, бытовые услуги)		В сфере специализированных услуг (например, медицинские, юридические услуги)		В сфере производства товаров / переработки продукции	
	Н	П	Н	П	Н	П
Наличие финансовых ресурсов, стартового капитала	66,1/1	51,8/2	52,8/2	45,3/3	59,5/1	44,0/1
Предпринимательский склад характера, наличие определённых личностных качеств	48,7/2	45,3/3	34,4/5	33,2/5	36,7/3	29,8/4
Наличие интересного проекта, идеи	46,6/3	55,7/1	21,8/6	22,7/8	42,0/2	40,2/2
Высокий уровень знаний (юридических, экономических)	26,0/6	29,2/6	53,6/1	59,7/1	26,5/6	25,5/7
Наличие команды единомышленников	25,8/7	37,0/4	18,1/8	28,7/6	26,3/7	28,0/6
Наличие государственной поддержки (финансовой, информационной и т. д.)	31,7/5	29,7/5	35,1/4	35,7/4	35,4/4	31,2/3
Наличие квалифицированных кадров для найма	33,4/4	28,2/7	51,4/3	45,8/2	34,3/5	29,0/5
Наличие связей, знакомых, которые могут помочь с ведением бизнеса	23,3/8	23,0/8	21,6/7	26,7/7	22,3/8	21,7/8

Примечание: Н – население, П – предприниматели.

То есть для предпринимателя более важна командная работа среди людей, разделяющих общие цели, ценности развития бизнеса, чем квалификация. Далее у предпринимателей следуют наличие государственной поддержки (финансовой, информационной и т. д.; 29,7%), высокий уровень знаний (юридических, экономических; 29,2%), наличие квалифицированных кадров для найма (28,2%). На последнем месте у предпринимателей (так же, как у населения) наличие связей, знакомых, которые могут помочь с ведением бизнеса. Этот вариант указали 23% предпринимателей.

Для старта бизнеса в сфере специализированных услуг (например, медицинских, юридических) и для предпринимателей, и для населения наиболее важным представляется высокий уровень знаний (юридических, экономических). Причем для предпринимателей это несколько важнее, чем для населения (59,7% против 53,6). Далее в порядке убывания по степени важности у предпринимателей следуют наличие квалифицированных кадров для найма, но для предпринимателей это менее важно, чем для населения (45,8% против 51,4) и наличие финансовых ресурсов, стартового капитала (также важнее для населения – 52,8% против 45,3).

Примерно для каждого третьего предпринимателя (как и для населения в целом) для открытия бизнеса в сфере специализированных услуг важны наличие государственной поддержки (финансовой, информационной и т. д.) и предпринимательский склад характера, наличие определённых личностных качеств. Опять же для предпринимателей и в сфере специализированных услуг гораздо более важным, чем для населения, представляется наличие команды единомышленников (28,7% против 18,1), а также наличие связей, знакомых, которые могут помочь с ведением бизнеса (26,7% против 21,6). Наличие интересного проекта, идеи отметил для каждый четвертый-пятый предприниматель.

В сфере производства товаров переработки продукции для предпринимателей, как и для населения, важнейшим представляется наличие финансовых ресурсов, стартового капитала,

но по степени поддержки это важнее для населения (59,5% против 44). Далее в сфере производства товаров переработки продукции по степени убывания у предпринимателей следуют наличие интересного проекта, идеи (40,2%), государственной поддержки (31,2%), предпринимательский склад характера, наличие определённых личностных качеств (гораздо важнее для населения, чем для предпринимателей; 36,7% против 29,8), команды единомышленников (28%), высокий уровень знаний (юридических, экономических; 25,5%) и наличие связей, знакомых, которые могут помочь с ведением бизнеса (21,7%).

Интересно сравнить оценку предпринимателями степени важности аспектов начала бизнеса, выделенных организаторами эмпирического исследования, по сферам предпринимательской деятельности. Так, наличие финансовых ресурсов, стартового капитала, предпринимательский склад характера, наличие определённых личностных качеств, наличие интересного проекта, идеи, команды единомышленников наиболее важно, по мнению предпринимателей, в сфере обслуживания (торговля, общепит, бытовые услуги). А высокий уровень знаний (юридических, экономических), наличие государственной поддержки, квалифицированных кадров для найма, а также связей, знакомых, которые могут помочь с ведением бизнеса, – в сфере специализированных услуг (например, медицинские, юридические услуги).

При сравнительном анализе самооценок предпринимательских навыков видно преобладание положительных оценок у предпринимателей и отрицательных оценок у населения. Доля положительных оценок у предпринимателей в 2,7 раза больше, чем у населения (68,8% против 25). Таким образом, примерно половина населения считает, что не обладает такими навыками, тогда как среди предпринимателей – только каждый десятый. Затруднившихся ответить ожидаемо больше среди населения – 27,8%, но интересно, что и среди предпринимателей затрудняется с оценкой собственных предпринимательских навыков практически каждый пятый – 18,8% (табл. 6).

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, обладаете ли Вы в достаточной степени предпринимательскими навыками, необходимыми для того, чтобы заниматься бизнесом?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Население	Предприниматели
Да	6,8	32,5
Скорее да	18,2	36,3
Доля положительных ответов	25,0	68,8
Скорее нет	26,3	9,2
Нет	21,0	1,2
Доля отрицательных ответов	47,3	10,4
Затрудняюсь ответить	27,8	18,8

Таблица 7. Распределение ответов на вопросы «Какие качества присущи Вам лично для того, чтобы заниматься предпринимательской деятельностью?» (население) и «Оцените по пятибалльной шкале наличие у себя следующих навыков (где 1 – совершенно не обладаю, 5 – обладаю в полной мере)» (предприниматели)

Вариант ответа	Население, % от числа опрошенных / ранг	Предприниматели, средневзвешенная балльная оценка / ранг
Коммуникабельность, умение общаться с разными людьми, налаживать связи, объяснять и убеждать	50,6/1	4,16/1-2
Умение брать на себя ответственность	41,9/2	4,16/1-2
Упорство, умение доводить начатое дело до конца, нацеленность на достижение результата	33,1/6	4,14/3
Самостоятельность в решении возникающих проблем	31,0/9	4,08/4
Умение находить и анализировать информацию	31,9/8	4,07/5-6
Стремление к самообразованию, развитию новых навыков	32,0/7	4,07/5-6
Гибкость, способность быстро адаптироваться к новым условиям	30,9/10	4,02/7
Умение руководить, организовывать работу других людей и быть лидером	34,9/5	4,00/8
Желание и готовность заниматься предпринимательством	14,5/13	3,92/9-10
Умение сохранять спокойствие, эмоциональная устойчивость	37,7/3	3,92/9-10
Умение оценивать риск и рисковать	28,9/11	3,88/11
Навыки использования современных технологий (компьютера, интернет-технологий и пр.)	37,0/4	3,86/12
Креативность, умение находить новаторские решения, реализовывать новые идеи	19,1/12	3,81/13

При оценке собственных предпринимательских качеств и население, и предприниматели выше всего оценивают коммуникабельность, умение общаться с разными людьми, налаживать связи, объяснять, убеждать и брать на себя ответственность (табл. 7). Далее в системе иерархического ранжирования предпринимателей и населения наблюдаются различия. Так, на третьем месте у предпринимателей – упорство, умение доводить начатое дело до конца, нацеленность на достижение

результата, тогда как у населения эти качества только на шестом месте. На четвертом месте у предпринимателей – самостоятельность в решении возникающих проблем, тогда как у населения – только на девятом. На пятом-шестом местах у предпринимателей располагаются умение находить и анализировать информацию, стремление к самообразованию, развитию новых навыков, у населения эти качества занимают восьмое и седьмое место соответственно.

Предприниматели выше, чем население, оценивают свою гибкость, способность быстро адаптироваться к новым условиям, тогда как население – умение руководить, организовывать работу других людей и быть лидером, желание и готовность заниматься предпринимательством, умение сохранять спокойствие, эмоциональную устойчивость, навыки использования современных технологий (компьютера, интернет-технологий и пр.), креативность, умение находить новаторские решения, реализовывать новые идеи. Одинаковое положение при ранжировании у предпринимателей и населения занимает умение оценивать риск и рисковать.

На вопрос «Хотели ли бы Вы повысить уровень своих знаний и компетенций в сфере бизнеса» положительно ответили 45,5% предпринимателей, отрицательно – 28,5%; 26% затруднились с ответом. Из ответивших положительно на данный вопрос больше всего (каждый пятый) интересуются способами/стратегиями увеличения дохода (табл. 8). Далее в порядке убывания степени интереса следуют такие аспекты, как масштабирование бизнеса, продвижение и реклама товара/услуги современными методами, поиск клиентов для бизнеса и их удержание, эффективная продажа товара/услуги, оценка рисков и навыки управления ими, управление финансами, налоговое законодательство (правила, изменения в налого-

обложении, отчетность по налоговым платежам, правовые аспекты предпринимательской деятельности), управление персоналом, ведение бухгалтерского учета (калькуляция заработной платы, сдача отчетной документации), вопросы кредитования малого и среднего бизнеса, предпринимательские навыки и компетенции, технологические решения и продукты.

Необходимо отметить, что предприниматели активно развивают свои компетенции. Так, за последние три года более 40% опрошенных освоили новые формы работы с клиентами и новые программы/сервисы, каждый третий посещал бизнес-встречи, конференции, форумы, прошел дополнительное обучение на курсах, тренингах по повышению уровня знаний и компетенций в сфере бизнеса, каждый четвертый выучил или начал изучать иностранный язык (табл. 9).

Зарубежные исследователи отмечают, что внедрение цифровых технологий является триггером для позитивных изменений в малом и среднем бизнесе (Halkos et al., 2015; Nassan et al., 2023). Рассмотрим, какие цифровые технологии применяют предприниматели из Беларуси. Из технологических решений и программ предприниматели больше всего (81,5%) знают о лэндингах, сайтах, интернет-магазинах, но используют их в бизнесе только 37,3% опрошенных (табл. 10). По соотношению знания и использования наиболее

Таблица 8. Распределение ответов предпринимателей на вопрос «По каким аспектам ведения бизнеса Вы бы хотели повысить уровень своих знаний и компетенций?», % от числа опрошенных предпринимателей

Вариант ответа	%
Способы/стратегии увеличения дохода	21,0
Масштабирование бизнеса	17,3
Продвижение и реклама товара/услуги современными методами	16,3
Поиск клиентов для бизнеса и их удержание	16,3
Эффективная продажа товара/услуги	15,8
Оценка рисков и навыки управления ими	12,0
Управление финансами	11,8
Налоговое законодательство (правила, изменения в налогообложении, отчетность по налоговым платежам)	10,8
Правовые аспекты предпринимательской деятельности	10,7
Управление персоналом	8,7
<i>Затрудняюсь ответить</i>	8,0
Ведение бухгалтерского учета (калькуляция заработной платы, сдача отчетной документации)	7,7
Вопросы кредитования малого и среднего бизнеса	7,3
Предпринимательские навыки и компетенции	7,3
Технологические решения и продукты	5,8

Таблица 9. Распределение положительных ответов предпринимателей на вопрос «За последние 3 года Вы...», % от числа опрошенных предпринимателей

Вариант ответа	%
Освоили новые формы работы с клиентами	44,0
Освоили новые программы/сервисы	43,3
Посещали бизнес-встречи, конференции, форумы	34,7
Проходили дополнительное обучение на курсах, тренингах по повышению уровня знаний и компетенций в сфере бизнеса	33,3
Выучили/начали изучать иностранный язык	26,7

Таблица 10. Распределение ответов предпринимателей на вопрос «Какие из перечисленных технологических решений / программ Вы знаете, а какие используете в своем бизнесе?», % от числа опрошенных предпринимателей

Техническое решение / программа	Знаю	Использую
Безналичные способы приема платежей	79,3	67,5
Сдача отчетности через интернет	75,7	49,3
Электронный документооборот	75,2	46,5
Бухгалтерские программы учета	74,5	43,0
Лэндинги, сайты, интернет-магазины	81,5	37,3
Программы для автоматизации финансового учета	69,3	35,7
Чат-боты	69,5	22,2
Системы управления задачами и проектами	67,0	19,0
CRM-системы	65,5	18,2
BI-системы для аналитики	60,8	15,2

востребованы безналичные способы приема платежей: знают – 79,3%, используют – 67,5%. По другим технологическим решениям разрывы в знании и использовании в бизнесе гораздо значительнее. Так, знают о возможностях сдачи отчетности через интернет и электронном документообороте, бухгалтерских программах учета три четверти опрошенных, а используют в бизнесе 49,3, 46,5 и 43% соответственно. Уровень знания о других технологических решениях также достаточно высок (60–70%), но применяют их в бизнесе гораздо реже: программы для автоматизации финансового учета – 35,7%, чат-боты – 22,2%, системы управления задачами и проектами – 19,2%, CRM-системы – 18,2%, BI-системы для аналитики – 15,2%.

Заключение

На основе статистического анализа и анализа результатов эмпирического исследования предпринимателей и населения в регионах Беларуси, загрязненных радионуклидами, можно отметить следующее.

1. «Точками роста» предпринимательского потенциала на территориях, пострадавших от

аварии на ЧАЭС, являются: среди индивидуальных предпринимателей и микроорганизаций – оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов; в малых организациях – сфера образования; в структуре среднего предпринимательства – сельское, лесное и рыбное хозяйство; образование и обрабатывающая промышленность; в сельских населенных пунктах всех областей – сфера образования.

2. Предприниматели и население не противостоят друг другу, о чем в определенной степени свидетельствует совпадение у этих групп оценки двух важнейших качеств для ведения бизнеса – коммуникабельности, умения общаться с разными людьми, налаживать связи, объяснять и убеждать, а также умения брать на себя ответственность. Это говорит о единстве нормативно-ценностных приоритетов предпринимателей и населения, сохранении принципа «жить по совести», степени сплоченности белорусского общества, а также проявляет степень адаптивности республиканской социально-экономической системы к вызовам становления смешанной экономической модели, в которой новыми для белорусов выступают эле-

менты рыночного хозяйствования. Статистический анализ показал наличие «точек роста», особенно в сельской местности. Для активизации предпринимательства следует скоординировать действия местных органов власти и жителей пострадавших территорий в контексте повышения предпринимательской активности, особенно сельских жителей.

3. Предприниматели выше, чем население, оценивают наличие у себя таких качеств, как упорство, умение доводить начатое дело до конца, нацеленность на достижение результата, самостоятельность в решении возникающих проблем, умение находить и анализировать информацию, стремление к самообразованию, развитию новых навыков, гибкость, способность быстро адаптироваться к новым условиям. То есть у предпринимателей наблюдается большая выраженность качеств, адекватных вызовам современности: опора на себя, на свои возможности, компетенции, на то, что каждый может сделать лично, самостоятельно. Это свидетельствует, что предприниматели могут быть авангардом смешанной экономики как наиболее конкурентоспособной для перехода Беларуси к обществу шестого технологического уклада.

4. При формировании мероприятий государственной политики в сфере предпринимательства в Республике Беларусь, на наш взгляд, следует учитывать одно из главных преимуществ деятельности бизнеса в Беларуси – слабую выраженность клановости, подтверждающую тем, что и предприниматели, и население на последнее место ставят наличие связей, знакомых, которые могут помочь в ведении бизнеса, организовать его успешный старт. Это позволяет избежать рисков возникновения олигархического капитализма и сопряженного с ним беспрецедентного социального расслоения по материальному признаку. Предприниматель, таким образом, формируется как потенциальный представитель среднего класса, а развитие предпринимательства способствует повышению благосостояния и уровня жизни людей.

5. При совершенствовании государственной политики Республики Беларусь в сфере предпринимательских инициатив необходимо

учитывать, что у предпринимателей в большей степени сформирован запрос на старт бизнеса в сфере обслуживания (торговля, общепит, бытовые услуги). В этой сфере предприниматели на первое место для успеха бизнеса ставят наличие интересной идеи, что требует формирования не только у них, но и у остального населения определенных компетенций: креативности, анализа преимуществ и недостатков концепций конкурентов, рыночных возможностей и т. п.

На втором месте у предпринимателей – запрос на работу в сфере специализированных услуг (юридических, медицинских). Опрошенные предприниматели понимают, что в данной сфере, по сути, объектом продажи будет экспертное знание в соответствующей области, поэтому в данной сфере для них наиболее важна репутационная составляющая работников, команды. Для развития данного направления, особенно в сфере медицинских услуг, требуется открытый доступ к научным журналам, свободному обсуждению в экспертных сообществах, включая научные конференции.

На третьем месте у предпринимателей – запрос на старт бизнеса в сфере производства товаров, переработки продукции, где, по сути, конкурентным преимуществом является наличие оригинальной технологии или продукта, что требует формирования соответствующих компетенций, самой существенной государственной финансовой поддержки проекта, так как производство требует масштабных и долгосрочных вложений.

6. Предприниматели используют для ведения бизнеса простейшие технологические решения, для которых не нужны значительные дополнительные финансовые и человеческие ресурсы и которые упрощают работу, а именно безналичные способы приема платежей, сдачу отчетности через интернет, электронный документооборот, бухгалтерские программы учета, лэндинги, сайты, интернет-магазины. В гораздо меньшей степени применяются технологические решения, основанные на минимизации личностных контактов, автоматизированных сценариях ведения бизнеса, требующие более существенных финансовых и человеческих ресурсов, а также соответствующих условий высококонкурентной рыночной экономики.

Таким образом, анализ эмпирического объекта исследования – предпринимателей, проживающих на загрязненных радионуклидами территориях Беларуси, в контексте перечня вызовов, актуальных для страны, составляет научную новизну. Практическая значимость исследования заключается в том, что его основные выводы, полученные в ходе реализации Государственной программы, используются органами власти Беларуси для возрождения регионов, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС.

Литература

- Антоненко И.В., Карицкий И.Н. (2011). Предприниматель как пассионарий, культурная традиция и технологический прорыв // Человеческий фактор: социальный психолог. Вып. 1 (21). Ярославль, Москва. С. 64–74.
- Березенцева Т.Н. (2011). Историческая эволюция понятий «предпринимательство» и «предприниматель» // Вестник Московского государственного открытого университета. Москва. Серия: Экономика и право. № 3. С. 42–47.
- Бобров В.В. [и др.]. (2006). Энергетика Беларуси: Состояние. Проблемы. Перспективы: монография / под ред. М.Н. Хурса. Минск: ФУ Аниформ. 344 с.
- Бубновская О.В., Леонидова В.В. (2021). Предприниматель: профиль личности и карьерные предпочтения // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. № 4 (100). С. 5–18.
- Вахитова З.Т. (2015). Теоретические подходы к понятию «бизнес» и «предприниматель» // Символ науки: международный научный журнал. № 9-1. С. 130–131.
- Вишнякова М.В. (2022). Трудоустройство выпускников на загрязненных радионуклидами территориях (по материалам социологического исследования) // Вестник беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта. № 1 (150). С. 119–126.
- Гаврилик О.Н. (2020). О некоторых особенностях монетарного мышления населения // Социологический альманах. Вып. 11. Минск: Беларуская наука. С. 296–303.
- Глазьев С.Ю. (2022). Ноономика как парадигма управления нового мирохозяйственного уклада // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 1. № 3. С. 48–58.
- Гарнова Я.Ю. (2019). Этичен ли предприниматель XXI века? // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт. № 21. С. 147–149.
- Гражданкина О.А., Гражданкин В.А., Киркеева Л.И. (2012). Трансформация теоретической компоненты понятия «предприниматель» // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. № 3 (89). С. 114–118.
- Ермаков В.В., Нугуманов М.Р. (2013). Особенности российской экономической мысли в понимании содержания категорий «предприниматель», «предпринимательство» // Казанская наука. № 2. С. 25–28.
- Ивашкин И.Ф., Фольк О.В. (2015) К вопросу о различении понятий «предприниматель» и «капиталист» в свете современной методологической культуры // Ceteris Paribus. № 1. С. 51–54.
- Марченко Т.А., Мельницкая Т.Б., Апанасюк О.Н. (2014). Информационно-психологическая защита населения, проживающего на радиоактивно загрязненных территориях: принципы, методы, опыт // Технологии гражданской безопасности. № 2 (40). С. 50–56.
- Нуреев Р.М. (2003). Шумпетерианский предприниматель в теории и на практике // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Т. 1. № 4. С. 31–47.
- Паевская С.Л. (2016). Системный анализ различных теорий происхождения терминов «предпринимательство» и «предприниматель» // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. № 6. С. 22–30.
- Пиньковецкая Ю.С. (2020). Дефиниции «предприниматель» и «предпринимательство»: обзор исследований зарубежных ученых // Управление в современных системах. № 2 (26). С. 34–41.
- Пожева Т.А., Лебедева О.М. (2011). Инновационная деятельность – основа эффективного предпринимательства // Вестник экономической науки Украины. № 1 (19). С. 117–119.

- Светуныков М.Г. (2010). К вопросу об определении понятия «предприниматель» // Вестник Екатеринбургского института. № 4 (12). С. 43–45.
- Спирина А.С. (2016). Предприниматель как потенциальный представитель среднего класса // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. № 8-2. С. 292–294.
- Смирнов В.Э. (2021). Административно-управленческие барьеры предпринимательской деятельности // Социологический альманах. Вып. 12. Минск: Беларуская навука. С. 251–257.
- Смирнова Р.А. (2020). Кластерные взаимодействия малого и среднего предпринимательства Беларуси: социологический анализ // Социологический альманах. Вып. 11. Минск: Беларуская навука. С. 330–338.
- Смирнова Р.А. (2021). Социологический мониторинг и анализ экономических барьеров развития предпринимательства в Беларуси // Социологический альманах. Вып. 12. Минск: Беларуская навука. С. 258–264.
- Толкачев П.А. (2019). Предприниматель или буржуа: в поисках ренты // Личность. Культура. Общество. Т. 21. № 3-4 (103-104). С. 198–206.
- Шавель С.А. [и др.]. (2020). Неэкономические факторы устойчивого развития общества /; под общ. ред. С.А. Шавеля. Минск: Беларуская навука. 362 с.
- Шавель С.А. (2014). Факторы влияния на общественное мнение о строительстве Белорусской АЭС // Социологический альманах. Вып. 5. Минск: Беларуская навука. С. 446–455.
- Brooks S., Kumarhttps A. (2023). Why the super-rich will not be saving the world: Philanthropy and “privatization creep” in global development. *Business & Society*, 62(2), 223–228. DOI: <https://doi.org/10.1177/00076503211053608>
- Halkos G., Managi Sh., Tzeremes N. (2015). The effect of natural and man-made disasters on countries’ production efficiency. *Journal of Economic Structures*, 4, 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40008-015-0019-2>
- Hassan S.S., Meisner K., Krause K. et al. (2023). Is digitalization a source of innovation? Exploring the role of digital diffusion in SME innovation performance. *Small Business Economics*. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11187-023-00826-7>
- Ibrahimova G., Moog P. (2023). Colonialism versus independence – the role of entrepreneurial ecosystems in Azerbaijan over time. *Small Business Economics*, 61, 1289–1336. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11187-022-00725-3>
- Joseph J., Katsos J.E., van Buren H.J. (2023). Entrepreneurship and Peacebuilding: A review and synthesis. *Business & Society*, 62(2), 322–362. DOI: <https://doi.org/10.1177/00076503221084638>
- Singh R.P. (2020). Overconfidence: A common psychological attribute of entrepreneurs which leads to firm failure. *New England Journal of Entrepreneurship*, 23(1), 25–39. DOI: <https://doi.org/10.1108/NEJE-07-2019-0031>

Сведения об авторах

Екатерина Владимировна Каргаполова — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: Kargapolova.EV@rea.ru)

Ирина Валерьевна Лашук — кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой, Белорусский государственный экономический университет (220070, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Партизанский, д. 26; e-mail: lashuk@bseu.by)

Андрей Петрович Кошкин — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер. 36; e-mail: Koshkin.AP@rea.ru)

Kargapolova E.V., Lashuk I.V., Koshkin A.P.

An Entrepreneur in the Context of New Challenges (Using the Example of the Territories of the Republic of Belarus)

Abstract. The aim of the work is to assess the activities of entrepreneurs in the regions of the Republic of Belarus affected by the Chernobyl disaster. We use statistical analysis and findings of sociological studies to assess entrepreneurial activity in the context of the following new challenges: the need to move to the sixth technological paradigm based on a highly competitive socio-economic system of a mixed type combining elements of state planning and market relations; preserving the social structure of the Belarusian society amid unprecedented wealth stratification in other countries; overcoming the consequences of man-made disasters. The empirical basis includes the data of sociological questionnaire surveys conducted in 2021 and 2022 by the Center for Social and Humanities Studies of the Belarus State Economic University in collaboration with the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, within the framework of the research project “To carry out a sociological assessment of the entrepreneurial potential of the territories affected by the Chernobyl accident”. The findings of the research show considerable unity of moral and value priorities of entrepreneurs and the population. This reveals the degree of adaptability of the country’s socio-economic system to the challenges associated with the formation of a mixed economic model, in which elements of market management are new to Belarusians. We prove that entrepreneurs can be the vanguard of a mixed economy as the most competitive type for Belarus to shift to a society of the sixth technological paradigm, since they have qualities adequate to modern challenges: self-reliance, relying on one’s own capabilities, competencies, what everyone can do personally, on their own. One of the main advantages of business activity in Belarus is the low degree of cronyism, which helps to avoid the challenges of oligarchic capitalism and related unprecedented social stratification on a material basis. It is shown that entrepreneurs adequately assess the conditions for a successful start in various business areas. To a greater extent, a request has been formed to launch a business in the service sector, followed by the areas of specialized services – legal, medical spheres, production of goods, processing of products.

Key words: entrepreneur, business entities, mixed economy, emergency situation, territories affected by radionuclide contamination.

Information about the Authors

Ekaterina V. Kargapolova – Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, professor of department, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: Kargapolova.EV@rea.ru)

Irina V. Lashuk – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, head of department, Belarus State Economic University (26, Partizansky Avenue, Minsk, 220070, Republic of Belarus; e-mail: lashuk@bseu.by)

Andrei P. Koshkin – Doctor of Sciences (Politics), Professor, head of department, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: Koshkin.AP@rea.ru)

Статья поступила 03.10.2023.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.9

УДК 338.24, ББК 65.053

© Васильева И.Н., Розова О.И., Корнеева Н.Д., Богатова Р.С.

Эффективность государственной научно-технической политики в Российской Федерации: методика оценки и результаты ее апробации

Ирина Николаевна ВАСИЛЬЕВА

Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере
Москва, Российская Федерация
e-mail: vasilyeva128@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5602-5237; ResearcherID: AAG-3774-2021

Оксана Ивановна РОЗОВА

Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере
Москва, Российская Федерация
e-mail: o.rozova@ierp.ru

Наталья Дмитриевна КОРНЕЕВА

Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере
Москва, Российская Федерация
e-mail: n.korneeva@ierp.ru
ORCID: 0009-0001-2295-9859; ResearcherID: GYQ-9276-2022

Раиса Султановна БОГАТОВА

Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере
Москва, Российская Федерация
e-mail: r.bogatova@ierp.ru
ORCID: 0009-0001-2937-1759

Для цитирования: Васильева И.Н., Розова О.И., Корнеева Н.Д., Богатова Р.С. (2023). Эффективность государственной научно-технической политики в Российской Федерации: методика оценки и результаты ее апробации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 6. С. 155–173. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.9

For citation: Vasilyeva I.N., Rozova O.I., Korneeva N.D., Bogatova R.S. (2023). Effectiveness of state policy in the field of science and technology in the Russian Federation: Assessment methodology and approbation results. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(6), 155–173. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.9

Аннотация. В статье представлена методика оценки эффективности мер и инструментов государственной научно-технической политики. Разработка и апробация данного подхода осуществлялись в целях совершенствования механизма контроля над достижением стратегических целей научно-технологического развития Российской Федерации, курс на который был взят по итогам заседания Совета при Президенте РФ по науке и образованию 8 февраля 2023 года. Реализация этого направления имеет немаловажное значение для обеспечения технологического суверенитета страны. В рамках исследования применялись общенаучные методы: анализ, синтез и обобщение, наблюдение, сравнение, измерение, группировка. Также для реализации основной задачи использовались статистические методы: анализ соответствий и кластерный анализ. Оценка проводилась по трем направлениям: оценка результативности, оценка темпов роста целевых показателей и оценка востребованности мер и инструментов государственной научно-технической политики научным сообществом. Исходя из названных критериев были сформированы свод данных и заключение об эффективности инструментов и мер государственной политики. Полученные результаты свидетельствуют о средней эффективности мер и мероприятий госполитики в части их результативности и востребованности. Темпы роста большинства показателей характеризуются отрицательной динамикой. Это, прежде всего, обусловлено тем, что на период второго этапа реализации стратегии научно-технологического развития были введены ограничения, вызванные коронавирусной инфекцией, а также наблюдается усиление санкционного давления.

Ключевые слова: оценка эффективности, государственная научно-техническая политика, мероприятия государственной политики, целевые показатели, результативность, научно-технологическое развитие.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания РИЭПП № 075-01594-23-04 «Информационно-аналитическое сопровождение и организационно-техническое обеспечение мониторинга реализации стратегии научно-технологического развития Российской Федерации по направлениям государственной политики и приоритетам в области научно-технологического развития».

Введение

В условиях резко возросшей изоляции России от глобальных рынков остро стоят вопросы об эффективности действующих инструментов и механизмов, реализуемых государством и нацеленных на обеспечение технологического суверенитета страны. Насколько применяемые инструменты адекватны современному вызову, стоящим перед Россией? В какой мере проекты потенциально привлекательны для возможных участников и поиска источников внебюджетного финансирования? Насколько данные инструменты и механизмы эффективны с точки зрения социально-экономических последствий и для общества в целом?

В 2016 году Правительством РФ были приняты шаги по реализации поручения Президента РФ о формировании суверенитета страны: Российская Федерация должна быть готова к конкуренции с ведущими странами в развитии

науки и технологий, это вопрос ее суверенитета¹. Была разработана и утверждена Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (далее – Стратегия)², определяющая приоритетные направления, для реализации которой принят комплекс мер поддержки, нацеленный на усиление и содействие развитию отечественных научных и научно-инженерных групп, работающих на переднем крае науки. Практически сразу встал вопрос об эффективности предлагаемых мер поддержки и

¹ Стенограмма заседания Совета по науке и образованию 24 июня 2015 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/councils/49755> (дата обращения 04.09.2023).

² О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 (ред. от 15.03.2021). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612010007> (дата обращения 04.09.2023).

выработке методики оценки. Во многом это обусловлено отсутствием на момент разработки Стратегии актуальных мер поддержки научных школ и разработок в новых экономических условиях.

Стратегия реализуется в несколько этапов, связанных с этапами развития экономики и бюджетной системы Российской Федерации. Для каждого из них были установлены показатели, отражающие ход и основные результаты реализации Стратегии. Начиная с 2020 года осуществляется второй этап (2020–2025 гг.), на котором должна быть дана оценка реализованным мерам, направленным на стимулирование перехода к стадии активной коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности и к масштабному созданию новых продуктов и услуг, основанных на технологиях, отвечающих на большие вызовы.

Цель исследования заключается в разработке методики оценки эффективности мер и инструментов государственной научно-технической политики, заложенных в Стратегии, а также апробации предлагаемой методики с учетом степени выполнения мероприятий соисполнителями реализации Стратегии и применимости конкретных результатов в целях обеспечения независимости и конкурентоспособности Российской Федерации.

Методика оценки эффективности мер и инструментов государственной научно-технической политики в Российской Федерации (далее – Методика) разработана в 2023 году, когда появилась возможность анализа результатов применения предложенных в 2016 году и позже мер поддержки. Оценка эффективности мероприятий охватывает ряд лет, на протяжении которых осуществлялась реализация мер поддержки проектов и анализ динамики по каждому направлению.

Методика включает в себя оценку направлений (мер) государственной политики и ожидаемых результатов на основе данных мониторинга исполнения плана мероприятий по реализации Стратегии (далее – План) первого этапа (2017–2019 гг.), а также переходного периода 2020–2022 гг., в т. ч. соответствующих поручений Президента РФ и Правительства РФ. На сегодняшний день План для целей мониторинга реализации мероприятий научно-технологического развития не используется.

В расчет также включены целевые показатели научно-технологического развития, динамика которых подлежит мониторингу³. Результаты анализа достижения целевых показателей Стратегии, наравне с другими результирующими показателями, отражают эффективность мер и инструментов государственной научно-технической политики⁴.

При проведении оценки также учитывалось мнение научного сообщества на основе мониторинга востребованности вузовским и научным сообществом инструментов и мероприятий Стратегии. Российским научно-исследовательским институтом экономики, политики и права в научно-технической сфере (РИЭПП) по заказу Минобрнауки России в рамках социологического опроса в 2021–2022 гг. исследовалось отношение научного и вузовского сообщества к внедрению механизмов и инструментов реализации научно-технической политики, которые получили финансирование из федерального бюджета в рамках Стратегии (Васильева и др., 2022).

Таким образом, результаты анализа эффективности мер поддержки научно-технологического развития, заложенных в Стратегии 2016 года, на основе использования предлагаемой Методики позволят выявить тренды ускоренного/замедленного развития той или иной сферы технологического развития и в дальнейшем выработать подходы по устойчивому развитию направлений государственной политики с учетом степени эффективности их мероприятий в контексте глобальных вызовов, с учетом происходящих экономических и внешнеполитических изменений.

³ Об утверждении Перечня показателей реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, динамика которых подлежит мониторингу: Распоряжение Правительства РФ от 15.08.2019 № 1824-р // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 06.09.2023).

⁴ По итогам заседания Совета при Президенте РФ по науке и образованию, состоявшегося 8 февраля 2023 года, президентом страны было поручено представить предложения по определению и уточнению основных результатов и целевых показателей, характеризующих достижение национальных целей развития в сфере научно-технологического развития Российской Федерации к 2030 году: Перечень поручений по итогам заседания Совета по науке и образованию, п. 2а (утв. Президентом РФ 20.04.2023 № Пр-800) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 07.09.2023).

Обзор литературы

Проводимая в России на рубеже веков научно-техническая политика была ориентирована на ресурсное развитие экономики и не ставила задачи вхождения страны в число мировых технологических лидеров. Это сформировало низкотехнологичный ресурсно-ориентированный экономический уклад.

Ситуация принципиально изменилась в 2018 году, когда в мартовском Послании Федеральному Собранию РФ Президентом Российской Федерации В.В. Путиным была сформулирована новая стратегия развития России: повышение качества жизни, научно-технологическое развитие, прежде всего ликвидация технологического отставания от развитых стран, развитие территорий, обеспечение обороны и безопасности.

Новый вектор развития страны, когда ключевым направлением является не получение прибыли, а повышение качества жизни, принципиально меняет и традиционную инновационную политику (наука – технология – промышленность – образование), к которой добавляется социальная составляющая (Онищенко др., 2020).

Федеральными органами исполнительной и законодательной власти на протяжении ряда лет приняты документы, направленные на оценку эффективности использования бюджетных средств. Как отмечено в постановлении Правительства РФ от 25.09.2021 № 1613⁵, существует неполный охват мерами оценки эффективности всех инструментов государственной поддержки, а также отсутствует единый механизм управления ресурсами, целями и задачами в научной и научно-технической сфере гражданского назначения.

Советом Федерации в 2021 году Правительству Российской Федерации рекомендовано принять меры по повышению эффективности управления в сфере науки, предусмотрев в том числе формирование механизма оценки эффективности реализации мер государственной научно-технической политики, включая ана-

⁵ О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков»: Постановление Правительства РФ от 25.09.2021 № 1613 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 07.09.2023).

лиз эффективности расходования бюджетных и внебюджетных средств на научные исследования и разработки, востребованности мер государственной поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности⁶.

По итогам заседания Совета при Президенте РФ по науке и образованию (далее – Совет по науке и образованию) 8 февраля 2023 года Президентом Российской Федерации было дано поручение Правительству Российской Федерации и Совету по науке и образованию провести комплексную оценку эффективности мер и инструментов государственной научно-технической политики, применяемых для достижения конкретных результатов в целях обеспечения независимости и конкурентоспособности Российской Федерации⁷.

В текущий момент следует учесть позицию Президента РФ, высказанную на заседании Совета по науке и образованию⁸, о необходимости корректировки Стратегии научно-технологического развития РФ в связи с изменением геополитической обстановки.

Оценка эффективности мер государственной политики является актуальным направлением и требует критического анализа существующих теоретических разработок и практикующихся методик с целью определения оптимального варианта, удовлетворяющего современным тенденциям в научно-технологическом и социально-экономическом развитии государства на всех уровнях управления. Однако анализ зарубежной и отечественной литературы показал, что в настоящее время не определен набор оптимальных критериев оценки эффективности государственной политики с точки зрения мер, реализуемых в рамках различных государственных программ. Существуют различные методики, где оценка эффективности основывается на интегральной оценке результа-

⁶ О мерах по развитию высшего образования и науки в целях адаптации к потребностям реального сектора экономики: Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 31.03.2021 № 123-СФ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 07.09.2023).

⁷ Перечень поручений по итогам заседания Совета по науке и образованию, п. 2г (утв. Президентом РФ 20.04.2023 № Пр-800).

⁸ Стенограмма заседания Совета по науке и образованию 8 февраля 2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/70473> (дата обращения 11.09.2023).

тивности этих программ, что не в полной мере отражает их эффективность с точки зрения качественного бюджетного планирования на перспективу.

В частности, зарубежные исследователи (Sanz-Menéndez et al., 1997; Sanz-Menéndez et al., 2005) утверждают, что оценка мероприятий научно-технической политики – это непрерывная оценка или оценка в режиме реального времени на различных ее циклах, таких как разработка, внедрение, мониторинг, оценка, изменение.

В статье «Оценка как средство научно-технической политики: последние события в Германии и за ее пределами» при оценке мероприятий научно-технической политики в Германии мерилom выступают процедуры экспертной оценки (с использованием библиометрии и т. д.). Эти инструменты широко используются в немецкой научно-технической системе, в частности в области фундаментальных и долгосрочных прикладных исследований (Kuhlmann, 1996; Kuhlmann, 2003).

К внедрению эффективного процесса оценки научно-технической политики проявлен большой интерес в Китае. Так, еще в 1997 году был основан Национальный центр оценки науки и технологий (NCSTE). Система оценки важна в следующих четырех аспектах: совершенствование процесса принятия решений; совершенствование управления технологиями на макроуровне; поощрение инноваций в системе управления наукой и техникой; усиление реализации национального плана в области науки (Luo, 2012). Потребность при оценке данных, достаточных для учета существенной инновационной активности, подчеркивается также К. Блохом и И. Каэтано (Bloch, 2007; Caetano, 2017). Т. Луукконен утверждает, что оценка должна проводиться с точки зрения того, что все не профинансированные проекты могут быть признаны успешными (Luukkonen, 1997).

По мнению японских ученых К. Tanaka и I. Sakata, современная методология оценки государственной политики в области науки и техники в основном основана на некачественном подходе, таком как интервью или просто резюме исследовательских работ. Авторы предлагают новый библиометрический подход к количественной оценке политики (Tanaka, Sakata, 2017).

Подход, основанный на оригинальной методологии, посредством прямых интервью со 176 партнерами, участвующими в 50 проектах, предложен Лораном Бахом и его коллегами (Bach et al., 1995).

Показатели научно-технической деятельности, по утверждению R. Varre, являются полезным инструментом принятия решений в области государственной политики при условии, что показатели рассматриваются не как результаты, а как отправные точки для обсуждения (Varre, 2001).

Швейцарский исследователь В. Leropi считает, что показатели являются полезным дополнением к другим методам (опросы, тематические исследования, обсуждения) для итоговых оценок, когда основное внимание уделяется измерению результатов программы и степени достижения ее целей. Однако показатели обладают гораздо более широким потенциалом для получения формирующей оценки (Leropi, Reale, 2012).

Российские исследователи предлагают оценку эффективности с использованием интегральной оценки результативности, основанной на определении уровня достижения целевых показателей с учетом присвоенных весовых значений целевых индикаторов, а также уровня финансового обеспечения госпрограмм (Тулякова, 2017).

На наш взгляд, наиболее рациональный и комплексный подход по оценке госпрограмм в разрезе их элементов (основные мероприятия, подпрограмма, государственная программа) предложен А.Г. Бреусовой. При оценке, по мнению автора, необходимо учесть логику программы (это позволит выявить дефектные элементы и оценить связь «мероприятия – индикаторы»), а также увязать подпрограммы (целевые индикаторы) и цель госпрограммы (в этом случае появляется возможность оценки вклада подпрограмм в цель госпрограммы). Далее рассчитываются индексы и интегральный показатель эффективности госпрограммы, учитывающий все перечисленные элементы оценки (Бреусова, 2015).

Альтернативный подход к оценке эффективности мер и мероприятий госполитики был предложен исследователями НИУ ВШЭ. В 2022 году Л.М. Гохберг и др. составили рейтинг мер научно-технической политики (Гохберг и др.,

2022). Исследование базируется на результатах опроса представителей научных организаций и университетов. По итогам опроса построены индексы потенциального охвата; востребованности; успешности использования; значимости; интегральный индекс (среднее геометрическое значение индексов востребованности и значимости меры).

Подходы к определению результативности научно-исследовательской деятельности в России рассматривались также И.Н. Рыковой в 2013 году. В ее статье указано, что ряд организаций (Росстат, Минкультуры, Минтруд) имеет балльную систему оценки, которая ранжируется в зависимости от полученного значения. В большинстве методических указаний содержится набор показателей, но не дается методика их оценки и порядок ранжирования (Рыкова, 2013).

Каждый из представленных методов решает конкретные задачи, поставленные исследователем. В частности, оценка эффективности мер государственных программ производится только по тем критериям, которые указаны в программах, и не может комплексно отражать существующие тенденции. Кроме того, оценка только с точки зрения результативности не отражает в полной мере эффективность мер государственной политики. На наш взгляд, процесс анализа какой-либо меры государственной поддержки должен включать несколько оценочных этапов, отдельные элементы которых интегрированы в комплексную оценку и представляют собой оптимальную аналитическую модель.

Методы исследования

Задачи, поставленные в проведенном исследовании, решались с использованием общенаучных методов, таких как анализ, синтез и обобщение; методов эмпирического уровня: наблюдение, сравнение, измерение, группировка, прогнозирование. Данные методы применялись при оценке результативности, а также динамики роста целевых показателей. В опросе использовались методы социологического наблюдения, а также кластерный анализ.

Апробация разработанной методики оценки эффективности мер и инструментов государственной научно-технической политики

Настоящая Методика устанавливает правила расчета метрик, отражающих эффективность мер и инструментов государственной научно-технической политики. Для того чтобы всесто-

ронне определить эффективность мер и мероприятий государственной политики и тем самым повысить качество оказываемой государственной поддержки, необходим комплексный подход в оценке эффективности.

Эффективность мер/мероприятий государственной политики в широком понимании представляет собой показатель достижения успеха по реализуемым мероприятиям и направлениям государственной политики и включает в себя комплексную оценку: 1) результативности, 2) достижения целевых показателей, 3) востребованности (используемости, достаточности) мер и инструментов госполитики научным сообществом. Этот подход реализован в рамках данного исследования.

Таким образом, реализация предлагаемого авторского методического подхода для проведения оценки включает оценку результативности, которая представляет собой сравнение фактических данных с плановыми, характеризует степень выполнения Плана (1 этап и переходный период) и служит основанием для выводов по результатам проверки обоснованности плановых показателей. Оценка результативности осуществлялась по пяти блокам — основным направлениям государственной политики в области научно-технологического развития, закрепленным в Стратегии (п. 31–35).

Оценка достижения целевых показателей отражает сопоставление их со значениями в предыдущие годы, соответствующие периодам реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации. За основу взят Перечень показателей реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, динамика которых подлежит мониторингу⁹.

Оценка востребованности — это исследование, основанное на анализе данных опроса вузовского и научного сообщества об использовании инструментов и мероприятий, зафиксированных в Плане первого этапа, и выделение наиболее эффективных с точки зрения социально-экономического развития решений в области государственного управления.

⁹ Распоряжение Правительства РФ от 15.08.2019 № 1824-р «Об утверждении Перечня показателей реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, динамика которых подлежит мониторингу».

Оценка результативности мер и инструментов государственной политики проводится по пяти направлениям за каждый год реализации мероприятий Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (далее – Стратегия НТР), с равным весом в итоговом результате. В методике используется балльная оценка, общее максимальное количество баллов равно 100, по пяти направлениям Стратегии НТР. Следовательно, максимальный балл по каждому направлению равен 20.

В оценке участвуют следующие пять направлений государственной политики:

- 1) кадры и человеческий капитал;
- 2) инфраструктура и среда;
- 3) взаимодействие и кооперация;
- 4) управление и инвестиции;
- 5) сотрудничество и интеграция.

Оценка эффективности осуществляется в несколько этапов.

На **первом этапе** проводятся анализ ожидаемых результатов и классификация показателей на две категории: количественные и качественные.

Для количественных показателей осуществляются сбор и обработка статистической базы. Для качественных показателей определяется шкала оценки выполнения мероприятия¹⁰.

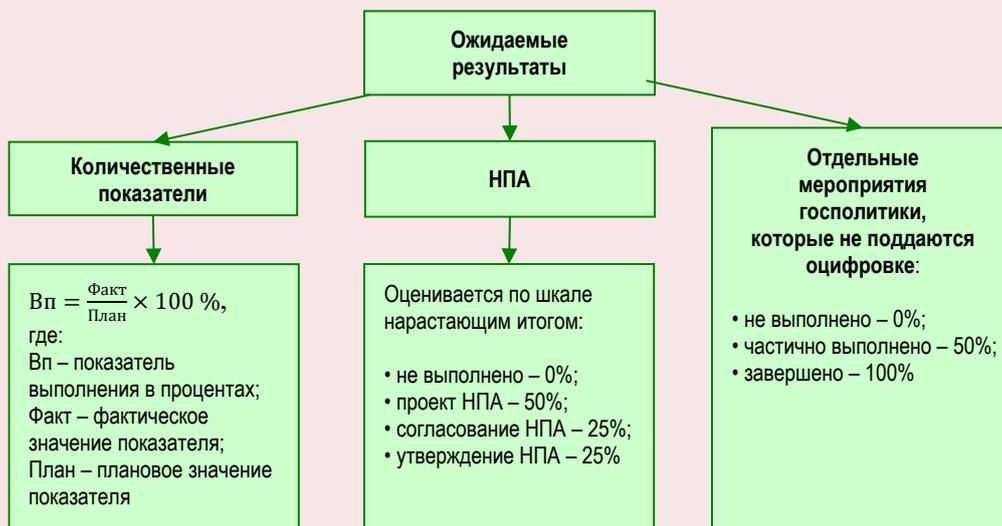
На **втором этапе** все показатели делятся на три группы:

- 1) количественные показатели – оценивается процент выполнения планового показателя в сравнении с фактическими значениями;
- 2) качественные показатели оцениваются по двум направлениям:
- 3) нормативно-правовые акты (НПА);
- 4) отдельные мероприятия госполитики, которые не поддаются оцифровке.

На **третьем этапе** оценка результативности по каждому направлению осуществляется в соответствии с тем, к какой группе относится ожидаемый результат.

В частности, для оценки нечисловых значений по качественным показателям необходимо провести анализ степени выполнения в части подготовки и утверждения НПА. Аналогичный подход применяется для оценки других мероприятий госполитики, которые не поддаются оцифровке¹¹ (рис. 1).

Рис. 1. Алгоритм расчета показателей в рамках мероприятий государственной политики

Источник: составлено авторами.

¹⁰ Под качественными показателями понимаются показатели, которые невозможно обработать статистическими методами и получить конкретные числовые значения.

¹¹ Данный подход предусматривает экспертную оценку.

На **четвертом этапе** рассчитывается показатель по каждому направлению Стратегии НТР.

Расчет итогового показателя по направлению производится по формуле ($B_{\text{напр}}$):

$$B_{\text{напр}} = \sum_1^n \frac{20}{n} \times B_{\text{п}}, \quad (1)$$

где n – количество оцениваемых мероприятий по направлениям;

$B_{\text{п}}$ – показатель выполнения мероприятия в процентах.

Например, если по направлению 10 пунктов (мероприятий), то максимальный балл по каждому пункту будет равен 2; в случае если 20 пунктов – 1 балл.

На **пятом этапе** рассчитывается итоговый балл как сумма итоговых показателей по направлениям (B):

$$B = \sum_1^5 B_{\text{напр}}, \quad (2)$$

где $B_{\text{напр}}$ – показатель выполнения по направлению в баллах.

На **шестом этапе** проводятся анализ и оценка результативности мер и инструментов государственной научно-технической политики.

Оценка производится по каждому направлению Стратегии НТР, для этого количество набранных баллов по направлению сравнивается с максимально возможным баллом. Аналогично оценивается итоговый балл результативности мер и инструментов государственной научно-технической политики.

Оценка степени выполнения мероприятий осуществляется по следующим шкалам.

Для соответствующего направления мер государственной политики результативность (%), равная:

- 18–20 – высокая;
- 11–17 – средняя;
- 10 и ниже – низкая.

Для оценки итогового показателя:

- 80–100 – высокая;
- 51–79 – средняя;
- 50 и ниже – низкая.

Далее приводится интерпретация результатов, оценка сильных и слабых сторон, а также факторов, которые повлияли на результаты; формируются выводы и заключение.

Оценка темпов роста целевых показателей, характеризующих эффективность мер и инструментов государственной политики НТР

Оценка темпов роста целевых показателей, характеризующих эффективность мер и инструментов государственной политики НТР, проводится только по тем мероприятиям, по которым выявлена результативность не ниже средней в период 2020–2022 гг. на первом уровне анализа.

Оценка осуществляется на основе анализа динамики целевых показателей путем оценки динамики темпов роста целевых показателей по направлениям Стратегии НТР (в периоды 2017–2019; 2020–2021 гг.).

На **первом этапе** рассчитываются темпы роста целевых показателей, связанных с текущим направлением.

Темп роста целевого показателя, соответствующего направлению, рассчитывается по формуле (3):

$$TR_{\text{цп}} = \frac{Z_{\text{цп}}^{\text{г}}}{Z_{\text{цп}}^{\text{г}-1}}, \quad (3)$$

где:

$TR_{\text{цп}}$ – темп роста целевого показателя;

$Z_{\text{цп}}^{\text{г}}$ – значение целевого показателя в оцениваемом периоде;

$Z_{\text{цп}}^{\text{г}-1}$ – значение целевого показателя периода, предшествующего оцениваемому.

На **втором этапе** оценивается динамика темпов роста. Производится сравнение темпов роста показателя по периодам:

- 2017–2019 гг.¹²;
- 2020–2022 гг.

Если значение темпа роста больше 1 – это свидетельствует об эффективности реализуемых мероприятий по соответствующему направлению государственной политики. В случае если темпы роста не наблюдаются или даже имеют тенденцию к снижению, это отрицательно характеризует эффективность реализуемых мероприятий.

На **третьем этапе** формируются выводы, заключения и предложения по реализации Стратегии НТР.

¹² Оценка темпов роста в 2017–2019 гг. проводится в соответствии с Планом мероприятий первого этапа.

Оценка востребованности мер и инструментов государственной научно-технической политики научным сообществом

Оценка востребованности осуществляется на основании проведенного Минобрнауки России в 2021 году исследования организаций, осуществляющих образовательную деятельность по реализации образовательных программ высшего образования, и иных организаций, осуществляющих научную и (или) научно-техническую деятельность. Исследование проводилось РИЭПП посредством рассылки запросов в российские научные и образовательные организации с целью сбора статистических данных и последующего анализа полученной информации с помощью программных средств MS Excel.

В рамках предлагаемой Методики результаты опроса являются индикаторами востребованности мероприятий государственной политики.

Производится расчет интегральных индексов по соответствующим мероприятиям, характеризующим мнения респондентов. Каждый индекс (И) включает в себя ряд признаков (П).

Значение признаков оценки мероприятий вычисляется по формуле (4):

$$P_x = \frac{P_x}{P}, \quad (4)$$

где:

P_x – значение признаков оценки мероприятий, соответствующих альтернативе вопроса с рангом x ;

x – ранг, присвоенный альтернативе вопроса;

P – количество респондентов, указавших альтернативу вопроса.

Ранг присваивается следующим образом: альтернативе «затрудняюсь ответить» присваивается ранг 0; положительный ответ – 1, отрицательный ответ – 2.

Значение индекса (I_i) вычисляется как среднее арифметическое значений признаков оценки мероприятий по формуле (5):

$$I_i = \frac{\sum_1^n P_o}{n} \times 100\%, \quad (5)$$

где:

I_i – значение индекса, соответствующего мероприятию с номером i ;

i – номер мероприятия;

P_o – признак оценки мероприятия;

n – количество значений показателей.

Результат определяется по следующей шкале:

до 50% – низкая востребованность;

от 51 до 79% – средняя;

от 80 до 100% – высокая.

По итогам работы по трем направлениям оценки эффективности мероприятий государственной политики формируется сводный отчет, объединяющий результаты оценки каждого уровня. Формируется заключение об эффективности инструментов и мер государственной политики по направлениям:

- результативность;
- темпы роста целевых показателей;
- востребованность научным сообществом

(табл. 1).

Таблица 1. Сводные данные по критериям оценки эффективности инструментов и мер государственной политики

Мероприятие	Результативность	Темпы роста показателей	Востребованность	Оценка эффективности
Мероприятие 1	Высокая/средняя	> 1	Высокая/средняя	Эффективно
Мероприятие 2	Высокая/средняя	< 1	Низкая	Неэффективно, при этом темпы роста могут быть отложены во времени
Мероприятие 3	Высокая/средняя	< 1	Высокая/средняя	Эффективно, требует дополнительного анализа, так как темпы роста могут быть отложены во времени
...	Высокая/средняя	> 1	Низкая	Эффективно в части темпов роста, неэффективно по критерию востребованности

Источник: составлено авторами.

Результаты исследования

Проведенный анализ показал среднюю результативность по всем направлениям Стратегии НТР. Из 46 запланированных мероприятий выполнено 25, частично выполнено 21 мероприятие. Итоговый балл равен 74,5, что также соответствует средней результативности проводимых мероприятий государственной научно-технической политики РФ.

Также оценены темпы роста показателей реализации Стратегии научно-технического развития РФ, утвержденных распоряжением Правительства РФ от 15.08.2019 № 1824-р. Три показателя из одиннадцати возросли по отношению к уровню значений на конец первого этапа реализации мероприятий Стратегии (2019 год; табл. 2):

- доля организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе организаций;
- соотношение экспорта и импорта технологий и услуг технологического характера (включая права на результаты интеллектуальной деятельности);
- техническая вооруженность сектора исследований и разработок (балансовая стоимость машин и оборудования в расчете на одного исследователя). тыс. руб. / чел.

На том же уровне остались два показателя:

- доля инновационной продукции (товаров, услуг), созданной с использованием результатов интеллектуальной деятельности, права на которые принадлежат российским правообладателям, в валовом внутреннем продукте,
- отношение внебюджетных средств и бюджетных ассигнований в составе внутренних затрат на исследования и разработки.

Пять показателей имеют тенденцию к снижению по отношению к 2019 году:

- внутренние затраты на исследования и разработки за счет всех источников в текущих ценах в процентах от валового внутреннего продукта;
- место Российской Федерации по удельному весу в общем числе статей в областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития, в изданиях, индексируемых в международных базах данных;
- место Российской Федерации по удельному весу в общем числе заявок на получение

патента на изобретение, поданных в мире по областям, определяемым приоритетами научно-технологического развития;

- экспорт российских высокотехнологичных товаров;
- доля исследователей в возрасте до 39 лет в общей численности российских исследователей.

По показателю «объем внебюджетных средств, привлеченных в рамках реализации комплексных научно-технических программ (проектов), федеральных научно-технических программ и проектов центров Национальной технологической инициативы» нет данных за 2019 год. Однако в 2021 году значение показателя выросло по сравнению с 2020 годом на 47%. Это связано в первую очередь с низкой базой, так как 2020 год характеризуется падением экономической активности из-за ограничений, вызванных пандемией коронавирусной инфекции, а также изменениями вследствие геополитической ситуации и усиления санкционного давления.

Вместе с тем показатели, динамика которых подлежит мониторингу, не в полной мере отражают текущие условия функционирования российского научного комплекса, что обусловлено значительным санкционным давлением западных стран. В частности, риски недостижения поставленных целей могут быть зафиксированы для показателя «место Российской Федерации по удельному весу в общем числе статей в областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития, в изданиях, индексируемых в международных базах данных», что является следствием введенных в отношении Российской Федерации санкций и прекращения доступа к международным базам данных. В марте 2022 года было заблокировано 97,5% информации для российских исследователей. Это обусловлено введенными ограничениями доступа для российских организаций к международным базам научного цитирования Web of Science, Scopus, а также возможными препятствиями для публикации российских исследователей в зарубежных журналах, включенных в эти базы данных. В части расчета указанного показателя целесообразно скорректировать и/или пересмотреть методический подход.

Таблица 2. Изменение значений целевых показателей реализации Стратегии в период 2019–2021 гг.

№ п/п	Показатель	2019	2020	2021	Дельта конец первого этапа (2019) и второй этап
1	Внутренние затраты на исследования и разработки за счет всех источников в текущих ценах, % от валового внутреннего продукта	1,03	1,1	1	-0,03 ↓
2	Отношение внебюджетных средств и бюджетных ассигнований в составе внутренних затрат на исследования и разработки, %	0,55	0,53	0,55	0
3	Объем внебюджетных средств, привлеченных в рамках реализации комплексных научно-технических программ (проектов), федеральных научно-технических программ и проектов центров Национальной технологической инициативы, млн рублей	нет данных	4328,7	6374,7	-
4	Место Российской Федерации по удельному весу в общем числе статей в областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития, в изданиях, индексируемых в международных базах данных	7	8	9	-2 ↓
5	Место Российской Федерации по удельному весу в общем числе заявок на получение патента на изобретение, поданных в мире по областям, определяемым приоритетами научно-технологического развития	10	10	11	-1 ↓
6	Доля инновационной продукции (товаров, услуг), созданной с использованием результатов интеллектуальной деятельности, права на которые принадлежат российским правообладателям, в валовом внутреннем продукте, %	1,09	1,18	1,09	0
7	Доля организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе организаций, %	21,6	23	23	1,40 ↑
8	Соотношение экспорта и импорта технологий и услуг технологического характера (включая права на результаты интеллектуальной деятельности)	0,73	0,94	1,08	0,35 ↑
9	Экспорт российских высокотехнологичных товаров, %	12,2	26,2	8,3	-3,90 ↓
10	Доля исследователей в возрасте до 39 лет в общей численности российских исследователей, %	44,2	44,3	43,9	-0,30 ↓
11	Техническая вооруженность сектора исследований и разработок (балансовая стоимость машин и оборудования в расчете на одного исследователя). тыс. руб. / чел.	1046	1080,2	1187,9	141,90 ↑

Источники: п. 1–2 и 4–11 – данные Росстата;
п. 3 – Методика расчета показателя утверждена Минобрнауки в 2019 г.

В третьем блоке оценивается востребованность (используемость, достаточность) инструментов и мер госполитики научным сообществом на основании опроса, проведенного РИЭПП в 2021 году. Опрос осуществлялся для оценки осведомленности о мерах и востребован-

ности инструментов и мер госполитики научным и вузовским сообществом. По пяти направлениям государственной политики РФ востребованность, достаточность, используемость мер и мероприятий госполитики научным сообществом оценивалась по-разному (табл. 3).

Таблица 3. Сводные результаты по критериям оценки эффективности инструментов и мер государственной политики по пяти направлениям

Направление	Балл результативности	Результативность	Темпы роста	Востребованность, используемость, достаточность	Вывод об эффективности
1. Кадры и человеческий капитал	16,88	Средняя	< 1; снижение большинства показателей	Средняя	Эффективно, требует дополнительного анализа, так как темпы роста могут быть отложены во времени
2. Инфраструктура и среда	14,29	Средняя	< 1; снижение большинства показателей	Средняя	Эффективно, требует дополнительного анализа, так как темпы роста могут быть отложены во времени
3. Взаимодействие и кооперация	14,00	Средняя	< 1; снижение большинства показателей	Средняя	Эффективно, требует дополнительного анализа, так как темпы роста могут быть отложены во времени
4. Управление и инвестиции	16,00	Средняя	< 1; снижение большинства показателей	Средняя	Эффективно, требует дополнительного анализа, так как темпы роста могут быть отложены во времени
5. Сотрудничество и интеграция	13,33	Средняя	< 1; снижение большинства показателей	Низкая	Неэффективно, при этом темпы роста могут быть отложены во времени
Итоговый показатель по направлениям Стратегии НТР	74,5	Средняя	< 1; снижение большинства показателей	Средняя	Эффективно, требует дополнительного анализа, так как темпы роста могут быть отложены во времени

Источник: составлено авторами.

Наибольшую результативность (16 баллов и более) показали направления «**Кадры и человеческий капитал**» и «**Управление и инвестиции**», что соответствует средней результативности реализации. По направлению «Кадры и человеческий капитал» из 16 мероприятий в полном объеме выполнены 11, частично выполнены – 5. По направлению «Управление и инвестиции» из 10 мероприятий выполнено 6, частично выполнено – 4.

Выполнены мероприятия, направленные на предупреждение распространения вновь появляющихся инфекций. Роспотребнадзор в 2021 году подготовил стратегию борьбы с потенциальными новыми эпидемиями в России «Санитарный щит страны – безопасность для здоровья».

Стратегия Роспотребнадзора содержит четыре проекта:

- применение искусственного интеллекта для мониторинга новых угроз;

- новые образовательные программы в медицине;
- развитие лабораторной диагностики внутри страны;
- ускоренное внедрение массового тестирования и вакцинации.

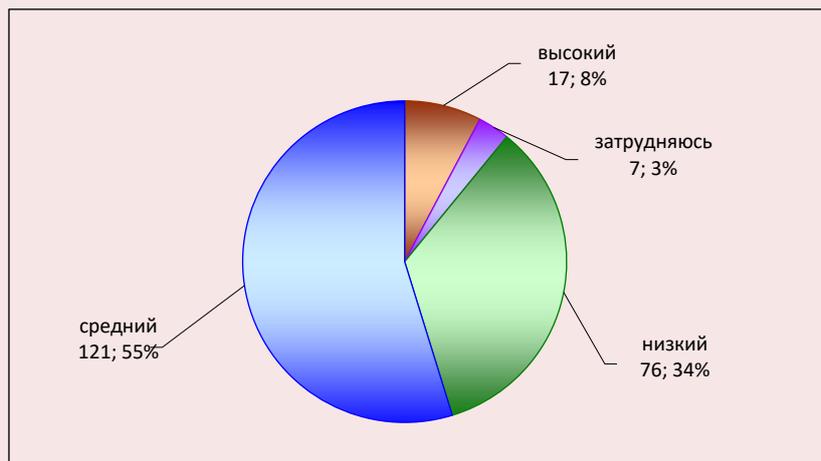
Можно сделать вывод, что ограничения, связанные с пандемией 2020–2021 гг., а также усиление санкционного давления сказались на реализации мероприятий по указанным направлениям в меньшей степени, чем на других направлениях, таких как «Инфраструктура и среда», «Взаимодействие и кооперация», «Сотрудничество и интеграция», результативность которых равна 14 баллам и ниже.

Однако научное сообщество по-разному оценивает достаточность и используемость мер и мероприятий госполитики по указанным выше двум направлениям. Так, более половины респондентов оценивают уровень воспроизводства и прироста кадров в секторе науч-

ных исследований и разработок как средний и высокий. Более половины опрошенных (55%) утверждают, что в стране в достаточной мере развит механизм адресной поддержки по построению карьеры в области науки и инноваций (рис. 2, 3).

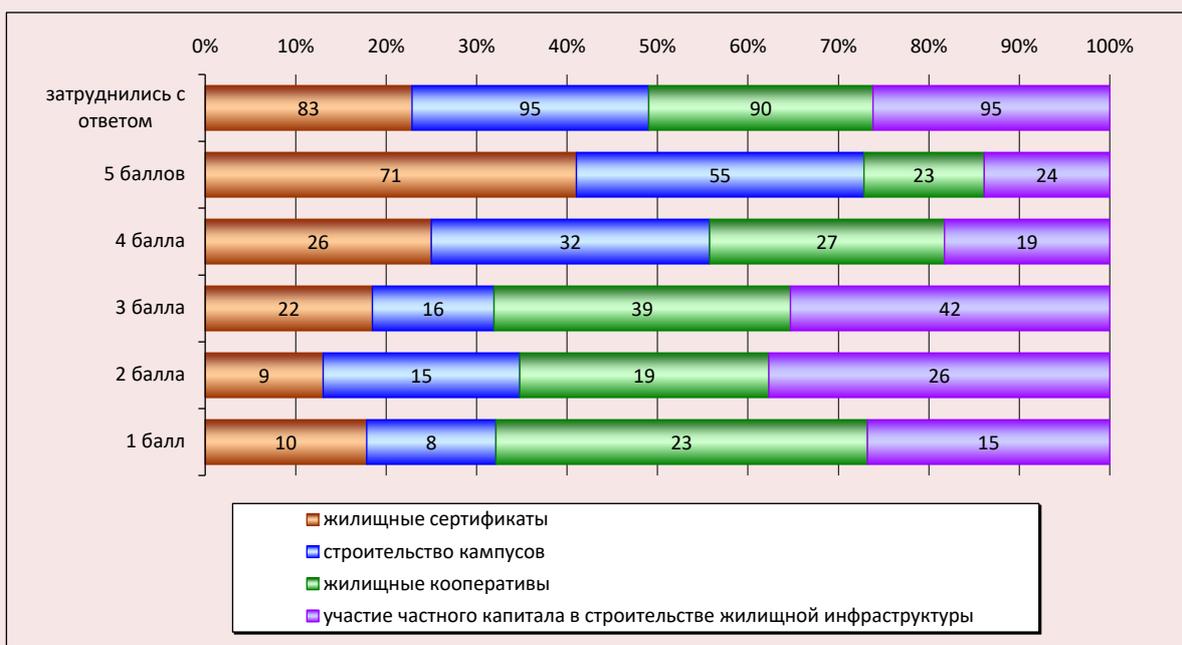
По направлению «Управление и инвестиции» достаточность и востребованность мер и мероприятий госполитики оценивается опрошенными как низкая в части поддержки и защиты малого и среднего бизнеса, занятого научными исследованиями и разработками (42%; рис. 4).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Оцените уровень воспроизводства и прироста высококвалифицированных кадров в секторе научных исследований и разработок», чел., %

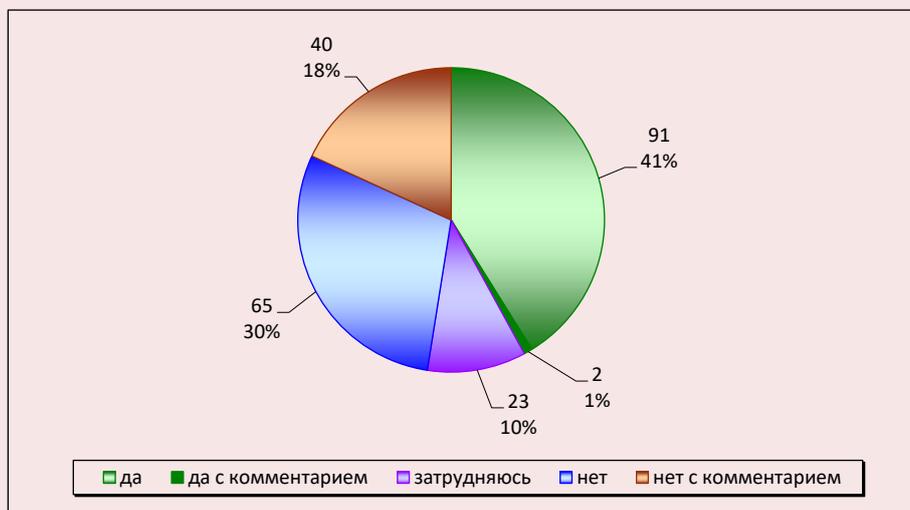
Источник: составлено авторами.

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Оцените по пятибалльной шкале эффективность следующих мер по обеспечению жилищных условий», чел.

Источник: составлено авторами.

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы достаточными меры по поддержке малого и среднего бизнеса, занятого научными исследованиями, разработками и коммерциализацией результатов интеллектуальной деятельности?», чел., %

Источник: составлено авторами.

С другой стороны, респонденты часто отмечали отсутствие или сложность получения поддержки малым и средним бизнесом, недостаточность уровня финансирования и льгот в части налогообложения и закупки оборудования, высокий уровень бюрократизации либо громоздкость документооборота, высокие риски ведения бизнеса. Часть респондентов назвали низкий уровень информированности о таких мерах поддержки. В целом опрошенные говорят о необходимости развития системы мер по поддержке малого и среднего бизнеса в сфере научных исследований и разработок. Стоит обратить внимание и на то, что среди представителей научных организаций 15% затруднились с ответом, что свидетельствует о необходимости развития форм информирования о мерах поддержки.

По направлению «**Инфраструктура и среда**» сумма баллов равна 14,28, что соответствует средней результативности мероприятий госполитики. По состоянию на второй квартал 2023 года из 7 мероприятий выполнены 3, частично выполнены – 4. Основной причиной является увеличение санкционного давления на РФ в 2022 году, что повлекло за собой проблемы с поставкой оборудования и комплектующих,

как следствие, перенос срока реализации нескольких проектов. Возникла необходимость поиска альтернативных отечественных поставщиков или поставщиков из дружественных стран.

Так, например, часть оборудования для уникального физического центра коллективного пользования «Сибирский кольцевой источник фотонов» (ЦКП СКИФ) ранее планировалось закупить в Европе и Японии. В настоящее время Институт ядерной физики имени Г.И. Будкера СО РАН изготавливает необходимое оборудование на своем производстве или заказывает у отечественных организаций.

Направление «**Взаимодействие и кооперация**» предполагает формирование эффективной системы коммуникации в области науки, технологий и инноваций, повышение восприимчивости экономики и общества к инновациям, развитие наукоемкого бизнеса. Средневзвешенный балл результативности составил 14, что является одним из наиболее низких показателей. Во многом это связано с тем, что в период реализации мероприятий мир столкнулся с пандемией и большинство мероприятий по научному взаимодействию и кооперации были отменены или перенесены в онлайн-формат.

Из запланированных результатов 100% достигнуты для четырех целей, шесть целей из 10 мероприятий выполнены частично. Отметим, что стопроцентно реализованы мероприятия, позволяющие проводить их в удаленном формате, к частично выполненным относятся мероприятия, включающие коммуникацию с населением и партнерами (формат внедрения цифровых, дистанционных технологий обратной связи, формирование обратной связи).

Также успешно реализована кооперация между корпорациями и структурами, освоившими работу в удаленном режиме, результатом такого взаимодействия стали системы распределенного и удаленного способа работы.

Был успешно выполнен пункт, связанный с поддержкой проектов, входящих в Национальную технологическую инициативу. Во многом это обусловлено тем, что проектные линии НТИ определялись как наиболее востребованные и конкурентоспособные, а резидентами программы НТИ являются высокотехнологичные, высокомотивированные субъекты.

Уровень востребованности и достаточности мер поддержки по данному направлению средний.

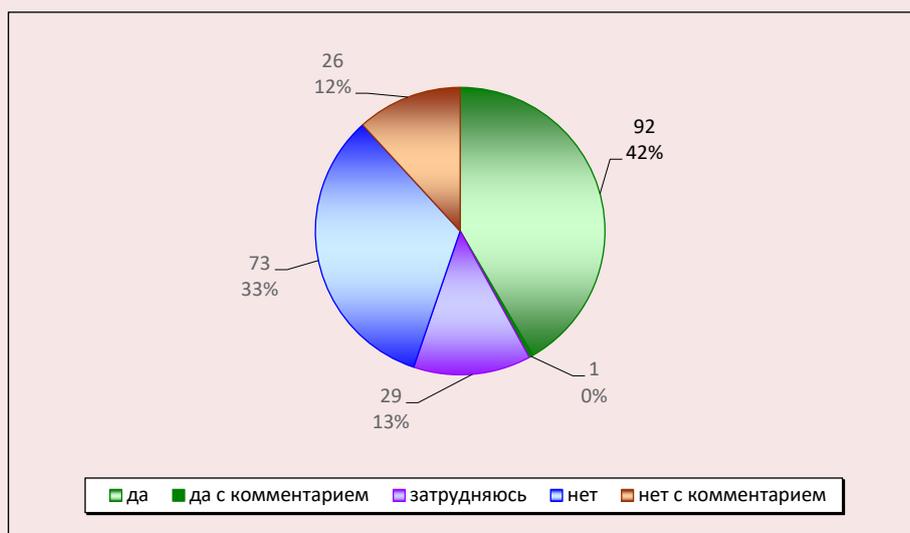
Наиболее действенными инструментами формирования запросов на результаты научной и научно-технической деятельности респонденты назвали наукограды, инженеринговые центры, центры НТИ и НОЦ.

По направлению «Сотрудничество и интеграция» оценивались три мероприятия. Средневзвешенный бал – 13,3. Из трех мероприятий полностью выполнено только одно.

Реализация данного раздела в значительной части пришлось на период пандемии 2020–2021 гг., вследствие чего наблюдается спад в активности реализации мер и инструментов госполитики в области НТР. Также усиление санкционного давления и последовавший в 2022 году разрыв научных связей негативно сказались на международном научно-техническом сотрудничестве и реализации мероприятий направления.

Несмотря на ограничения, сотрудничество с научными сообществами стран СНГ продолжается в полной мере. Определяются новые векторы развития партнерства России, которые включают сотрудничество со странами Ближнего Востока и Средиземноморья, государствами Африки, входящими в межгосударственные объединения БРИКС, ШОС и др.

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы, что торговые представительства Российской Федерации в зарубежных странах прилагают достаточно усилий по продвижению российских научно-инновационных разработок на международных рынках?», чел., %

Источник: составлено авторами.

На предыдущем этапе сильный импульс получило направление «развитие механизмов научной дипломатии», где требуется скоординированная, выверенная работа с представителями российского научного сообщества, живущими и работающими за рубежом.

Среди опрошенных респондентов 40% считают недостаточными механизмы поддержки, направленной на продвижение высокотехнологичной продукции за рубежом (рис. 5).

Также 42% респондентов оценивают усилия по продвижению российских научно-инновационных разработок на международных рынках, прикладываемые торговыми представительствами Российской Федерации в зарубежных странах, как недостаточные.

Заключение

В рамках проведенного исследования была сформирована и апробирована методика оценки эффективности мер и инструментов государственной политики РФ.

Исследование показало, что, несмотря на перенос сроков по некоторым мероприятиям и среднюю результативность реализации мероприятий в связи с коронавирусными ограничениями, а также сложной геополитической ситуацией, Россия наращивает потенциал и стремится укрепить свою глобальную конкурентоспособность в ряде приоритетных областей: информационно-коммуникационные технологии, искусственный интеллект, технологии кибербезопасности и биомедицина, играющих важную роль в разработке передовых технологий двойного назначения.

Именно развитие информационно-телекоммуникационной основы страны и форсированное развитие медицины и биотехнологий открывают огромные возможности для России. В этих сферах есть широкое пространство для научной и инженерной работы (Малинецкий, 2021). Крайне важным является сохранение конкурентных позиций России в стратегически значимых областях (Дмитренко, 2018).

Рассматриваемый период (2020–2022 гг.) стал переходным ко второму этапу реализации Стратегии НТР. Созданы организационные, финансовые и законодательные механизмы;

сформирована целостная система устойчивого воспроизводства и привлечения кадров для научно-технологического развития страны; запущены и находятся в стадии реализации научно-технические проекты в рамках приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации; созданы условия, необходимые для роста инвестиционной привлекательности научной, научно-технической и инновационной деятельности.

Проведенное исследование позволяет говорить об удачной форме поддержки создания решений и технологий в приоритетных направлениях Стратегии НТР. Тем не менее следует провести работу по повышению мотивации представителей промышленного сектора с целью сформировать отечественную технологическую базу для создания высокотехнологичных производственных систем, а также отечественных облачных систем, технологий искусственного интеллекта и практики работы с большими численными данными.

Пандемия COVID-19 в 2020–2021 гг. и изменившаяся в 2022 году геополитическая обстановка привели к замораживанию сотрудничества российского научно-промышленного комплекса с партнерами из европейских стран, США и других государств, обусловили ускорение темпов перехода от рыночной промышленной политики к политике обеспечения технологического суверенитета, обозначили необходимость корректировки научно-технологической политики. Тем не менее российские ученые продолжают осуществлять исследования и разработки. В настоящее время ведется переориентация научно-технического сотрудничества на страны Азии, Африки, Латинской Америки, заметен настрой на мировое лидерство в сфере научных разработок.

Полученные в ходе исследования результаты могут быть полезны органам исполнительной власти при разработке и обосновании мер корректирующего воздействия, направленных на совершенствование подходов по оценке эффективности, в том числе результативности и востребованности мер и инструментов государственной политики.

Литература

- Бреусова А.Г. (2015). Оценка эффективности государственных программ // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. № 2. С. 128–136.
- Васильева И.Н., Крисько М.О., Корнеева Н.Д., Розова О.И. (2022). Востребованность инструментов и механизмов, созданных в ходе реализации плана мероприятий Стратегии научно-технологического развития РФ, и влияние предлагаемых мероприятий на социально-экономическое развитие Российской Федерации // Социология науки и технологий. Т. 13. № 3. С. 118–142. DOI: 10.24412/2079-0910-2022-3-118-142
- Гохберг Л.М., Гершман М.А., Лапочкина В.В., Бредихин С.В. (2023). Делаем науку в России: рейтинг мер научно-технической политики / НИУ ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/news/page2.html> (дата обращения 13.09.2023).
- Дмитренко М.А. (2018). Особенности научно-технической политики России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. № 2. С. 227–231. DOI: 10.22394/2079-1690-2018-1-2-227-231
- Малинецкий Г.Г. (2021). Наука и стратегия развития России // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 26–44. DOI: 10.17805/zpu.2021.3.2. EDN XFIPEP
- Онищенко Г.Г., Каблов Е.Н., Иванов В.В. (2022). Научно-технологическое развитие России в контексте достижения национальных целей: проблемы и решения // Инновации. № 6 (260) С. 3–16. DOI: 10.26310/2071-3010.2020.260.6.001
- Рыкова И.Н. (2013). Подходы к определению результативности научно-исследовательской деятельности в России // Финансовый журнал. № 3 (17). С. 73–88.
- Тулякова И.В. (2017). Оценка эффективности государственных программ: проблемы и перспективы // Финконтроль. № 4. URL: <https://rufincontrol.ru/online/article/332551/> (дата обращения: 14.09.2023).
- Bach L. et al. (1995). Evaluation of the economic effects of Brite-Euram programmes on the European industry. *Scientometrics*. DOI: 10.1007/BF02018003
- Barré R. (2001). Policy-making processes and evaluation tools: S&T indicators. In: *Science and Technology Policy. Vol. II. Policy-Making Processes and Evaluation Tools: S&T Indicators*. Available at: <http://eolss.net/Sample-Chapters/C15/E1-30-04-01.pdf> (accessed: September 14, 2023).
- Bloch C. (2007). Assessing recent developments in innovation measurement: The third edition of the Oslo Manual. *Science and Public Policy*, 34(1), 23–34. DOI: <https://doi.org/10.3152/030234207X190487>
- Caetano I. (2017). *Innovation, Evaluation and Measurement: Macro-Level and Firm-Level Perspectives*. DOI: 10.1057/978-1-137-55577-9_7
- Kuhlmann S. (1996). *Evaluation as a Medium of Science & Technology Policy: Recent Developments in Germany and Beyond*. Available at: <https://www.oecd.org/science/inno/1823592.pdf> (accessed: September 14, 2023).
- Kuhlmann S. (2003). Evaluation of research and innovation policies: A discussion of trends with examples from Germany. *Journal of Technology Management*, 26(2-4), 131–49. Available at: https://www.researchgate.net/profile/Stefan-Kuhlmann/publication/46671429_Evaluation_of_research_and_innovation_policies_A_discussion_of_trends_with_examples_from_Germany/links/0c96051ed410f21139000000/Evaluation-of-research-and-innovation-policies-A-discussion-of-trends-with-examples-from-Germany.pdf (accessed: September 14, 2023).
- Lepori B., Reale E. (2012). S&T indicators as a tool for formative evaluation of research programs. *Evaluation*, 18(4), 451–465. DOI: <https://doi.org/10.1177/1356389012460961>
- Luo L.P. (2012). A review of the Chinese National Center for Science and Technology Evaluation. *Journal of MultiDisciplinary Evaluation (JMDE: 3)*, 197–199. Available at: https://journals.sfu.ca/jmde/index.php/jmde_1/article/view/111/126 (accessed: September 14, 2023).
- Luukkonen T. (1997). The difficulties in assessing the impact of EU framework programs. *Research Policy*, 27(6), 599–610. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0048-7333\(98\)00058-4](https://doi.org/10.1016/S0048-7333(98)00058-4)
- Sanz Menéndez L. et al. (1997). *Science and Technology Policy Evaluation in the Context of Advanced S&T Policy Planning*. Available at: https://digital.csic.es/bitstream/10261/2038/1/science_technology.pdf (accessed: September 14, 2023).

Sanz Menéndez L. et al. (2005). Explaining the science and technology policies of regional governments. In: *Serie Documentos de Trabajo, Instituto de Políticas y Bienes Públicos (CSIC), 10-2005*. Available at: <http://hdl.handle.net/10261/1644> (accessed: September 14, 2023).

Tanaka K., Sakata I. (2017). *New Science and Technology Policy Evaluation Using Bibliometric Approach*. DOI: 10.23919/PICMET.2017.8125259

Сведения об авторах

Ирина Николаевна Васильева – кандидат экономических наук, доцент, заведующий центром, Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере (РИЭПП) (127254, Российская Федерация, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 20а; e-mail: vasilyeva128@mail.ru)

Оксана Ивановна Розова – аналитик, Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере (РИЭПП) (127254, Российская Федерация, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 20а; e-mail: o.rozova@riep.ru)

Наталия Дмитриевна Корнеева – заведующий сектором, Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере (РИЭПП) (127254, Российская Федерация, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 20а; e-mail: n.korneeva@riep.ru)

Раиса Султановна Богатова – аналитик, Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере (РИЭПП) (127254, Российская Федерация, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 20а; e-mail: r.bogatova@riep.ru)

Vasilyeva I.N., Rozova O.I., Korneeva N.D., Bogatova R.S.

Efficiency of State Policy in the Field of Science and Technology in the Russian Federation: Assessment Methodology and Approbation Results

Abstract. The article presents a methodology for evaluating the efficiency of measures and tools of state policy in the field of science and technology. The approach was developed and tested in order to improve the mechanism for monitoring the achievement of strategic goals of Russia's scientific and technological development discussed at the meeting of the Presidential Council for Science and Education on February 8, 2023. The implementation of this direction is of great importance for ensuring technological sovereignty of the country. In the course of the research we used general scientific methods: analysis, synthesis and generalization, observation, comparison, measurement, grouping. Statistical methods such as correspondence analysis and cluster analysis were also used to implement the main task. The assessment was carried out in three directions: effectiveness assessment, assessment of the growth rate of targets, and assessment of the relevance of measures and tools of state policy in the field of science and technology by the scientific community. Based on these criteria, a set of data and a conclusion on the efficiency of public policy tools and measures were formed. The results obtained indicate the average efficiency of the tools and measures of state policy in terms of their effectiveness and relevance. The growth rates of most indicators are characterized by negative dynamics. This is primarily due to the fact that during the second stage of the implementation of the scientific and technological development strategy, restrictions caused by coronavirus infection were introduced, and we should also point out an increase in sanctions pressure.

Key words: efficiency assessment, state policy in the field of science and technology, state policy measures, target indicators, effectiveness, scientific and technological development.

Information about the Authors

Irina N. Vasilyeva – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, head of center, Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in Science and Technology (RIEPL) (20A, Dobrolyubov Street, Moscow, 127254, Russian Federation; e-mail: vasilyeva128@mail.ru)

Oksana I. Rozova – analyst, Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in Science and Technology (RIEPL) (20A, Dobrolyubov Street, Moscow, 127254, Russian Federation; e-mail: o.rozova@riep.ru)

Nataliya D. Korneeva – head of sector, Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in Science and Technology (RIEPL) (20A, Dobrolyubov Street, Moscow, 127254, Russian Federation; e-mail: n.korneeva@riep.ru)

Raisa S. Bogatova – analyst, Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in Science and Technology (RIEPL) (20A, Dobrolyubov Street, Moscow, 127254, Russian Federation; e-mail: r.bogatova@riep.ru)

Статья поступила 20.09.2023.

DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.10

УДК 001.891, ББК 72.4

© Рубинштейн А.Я., Бураков Н.А.

Журнальный табель о рангах: теория, методология, библиометрия

Александр Яковлевич

РУБИНШТЕЙН

Институт экономики РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: arubin@aha.ru

ORCID: 0000-0003-0455-3879; ResearcherID: F-9168-2019

Никита Александрович

БУРАКОВ

Институт экономики РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: burakovn@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8902-193X

Аннотация. В статье представлены результаты наукометрического исследования публикационной активности и ранжирования журналов, зарегистрированных в РИНЦ по тематике «Экономика. Экономические науки». Выполненный анализ новой методики определения рейтинга журналов, предложенной РИНЦ, выявил ее серьезные недостатки. В статье сформулированы три главных критических замечания, обосновывающих некорректность результатов ранжирования журналов по данной методике. Одним из самых ее уязвимых элементов является ничем необоснованный выбор журналов при определении состава ядра РИНЦ, осуществленный некоей анонимной группой экспертов. Ситуация осложняется тем, что этот субъективный выбор приводит к дискриминации других журналов, цитируемость которых фиксируется в РИНЦ только

Для цитирования: Рубинштейн А.Я., Бураков Н.А. (2023). Журнальный табель о рангах: теория, методология, библиометрия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 6. С. 174–190. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.10

For citation: Rubinstein A.Y., Burakov N.A. (2023). Journal rankings: Theory, methodology, bibliometry. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(6), 174–190. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.10

в том случае, если статья цитируется в журнале, входящем в ядро. Неудовлетворительным является выбор библиометрических показателей, определяющий совокупный рейтинг журналов, и прежде всего это относится к показателю «длина текста статьи», который, строго говоря, не имеет никакого отношения к наукометрическим индикаторам. Нельзя назвать обоснованной и саму формулу определения совокупного рейтинга, веса библиометрических показателей в которой устанавливаются с помощью «подгонки» с ориентацией на некий экспертный рейтинг пятилетней давности. Приведенная в статье конструктивная критика сопровождается описанием альтернативного подхода, с устранением выявленных недостатков новой методики РИНЦ. Речь идет о принципиально ином способе выделения ядра журналов, в основе которого лежит замена субъективных оценок любых групп экспертов на формальные критерии, связанные с производством знания и его распространением в форме публикационной активности научных институтов РАН и ведущих университетов, выступающих в качестве учредителей экономических журналов. В статье представлен новый подход и к методике определения рейтинга журналов на основе применения MW-анализа (Multiway data analysis), являющегося обобщением факторного анализа применительно к многомерной матрице. В качестве итогов исследования предложен другой состав журналов, входящих в ядро, получивший название Ядро.RU, и представлен более обоснованный вариант ранжирования журналов, зарегистрированных в РИНЦ по тематике «Экономика. Экономические науки».

Ключевые слова: журналы, цитируемость, импакт-фактор, индекс Хирша, индекс Херфиндаля, совокупный рейтинг, ранжирование, ядро РИНЦ, Ядро.RU, MW-анализ.

Введение

Реорганизация РАН с подчинением академических институтов Минобрнауки завершилась закреплением вмешательства патерналистского государства в научную жизнь страны с внедрением разного рода формальных показателей. Все это трансформировалось в возрастающие требования к публикационной активности, количеству статей и «арифметике цитируемости». На этом фоне «Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU» стала одним из самых посещаемых сайтов, причем весьма удобным для «игры в цифирь». Наличие возможностей провести быстрое сравнение библиометрических показателей журналов, причем для любой их выборки и по большому количеству индикаторов, собственно, и объясняет популярность этого интернет-ресурса.

Критически оценивая эту тенденцию, мы хотели бы обратить внимание на то обстоятельство, что индикаторы цитируемости в лучшем случае можно отнести к «прокси-показателям». Речь идет о таких индикаторах, которые сами по себе не имеют прямого отношения к изучаемому процессу, но служат вместо ненаблюдаемой или неизмеримой переменной ее своеобразным «заместителем». По существу, наличие связи между цитируемостью той или иной

статьи и качеством публикуемого результата исследования представляет собой лишь гипотезу, которую в текущее время почти невозможно проверить.

Следует подчеркнуть также, что библиометрические метрики, основанные на цитируемости и послестатейных списках литературы, не всегда указывают даже на знакомство авторов с работами других исследователей и, пожалуй, никак не отражают качество статей и уровень журналов, где они опубликованы. Как подтверждение данного тезиса можно привести слова польского исследователя С. Козыр-Ковальского, обратившего внимание на способствующую бюрократическому продвижению «псевдоэрудицию – практику помещения в сноски и библиографиях работ, которые исследователь не только не читал, но часто даже не держал в руках» (Kozyr-Kowalski, 1967, p. 35).

С учетом этого любые попытки использования библиометрических показателей для выяснения соотношения «лучше-хуже» почти всегда страдают субъективным характером интерпретации, за что регулярно подвергаются обоснованной критике (Seglen, 1997; Адлер и др., 2011; Waltman, 2016; Идеи и числа, 2016). Отметим еще раз, что в отношении

цитируемости и в целом наукометрии мнения экономистов разделились. Одни считают ее важной оценкой научной деятельности, другие критикуют эту «игру в цифирь». Однозначного ответа здесь нет. Все дело в том, где и как используется данный информационный ресурс.

Настоящая работа представляет результаты исследований проблем распространения знания в рамках разрабатываемой теории гуманитарного сектора патерналистского государства. Речь идет о науке, точнее об академической и университетской науке, где в основном производится знание, и о системе его распространения, важнейшим каналом которого являются научные журналы. Тема эта бесконечная, и понятно, что она не может быть полностью освещена в одной статье, поэтому имеет смысл сразу же обозначить проблемы, которым статья посвящена. Прежде всего мы хотим обсудить место, которое занимают в экономической теории участники процессов производства и распространения знания. С учетом явно возросшего интереса к цитированию, усиленного денежной мотивацией публикационной активности, повысившей значимость наукометрического ранжирования журналов, считаем важным рассмотреть ряд теоретико-методологических вопросов применения этого инструментария, включая конкретные методики построения журнальных рейтингов и выделение определенных выборок журналов из их общей совокупности.

В этом плане главная роль принадлежит информационным базам Web of Science, Scopus, RePEc и конечно же РИНЦ, созданной в 2005 году «Научной электронной библиотекой eLIBRARY.RU», где на начало сентября 2023 года было зарегистрировано более 500 журналов по тематике «Экономика. Экономические науки». И хотя после известных событий зарубежные базы в основном утратили свое значение, авторитет журналов, зарегистрированных в этих базах, остается высоким. Развитие же РИНЦ вполне закономерно привело к выделению более узких выборок в этой информационной базе, определяющих ведущие группы журналов, – RSCI (33 издания) и ядро (38 изданий).

Опираясь на информацию eLIBRARY.RU, свою выборку журналов в этой же базе определил еще один участник, обслуживающий процессы производства, воспроизводства и распространения знания – Высшая аттестационная комиссия (ВАК), которая стала рассматривать кандидатские и докторские диссертации только при наличии публикаций, входящих в список журналов из выборки ВАК. Наличие указанных трех выборок – RSCI, ядро РИНЦ, список ВАК, по-разному оценивающих уровень одних и тех же журналов, порождает вполне очевидный вопрос об обоснованности каждой из них.

С учетом сказанного сформулируем основные цели данного исследования: во-первых, теоретическое обоснование формирования ядра экономических журналов, исходя из конструктивной критики методологии eLIBRARY.RU и основных принципов «экономики знания»¹; во-вторых, критический анализ набора библиометрических показателей, используемых РИНЦ в методике ранжирования журналов; в-третьих, алгоритмическое обеспечение построения журнальных рейтингов на основе разработок авторов в области MW-анализа.

Вопросы методологии

Начинать, по-видимому, следует с анализа практики формирования информационной базы eLIBRARY.RU и методологии построения соответствующих журнальных выборок, по которым в РИНЦ собирается информация о цитируемости публикаций и их авторах. Построение такой информационной базы и соответствующих выборок отвечает общей тенденции разделения списка изданий на несколько упорядоченных групп. В зарубежных информационных базах, как известно, принято разделение на четыре квартиля, отражающих уровень цитируемости журналов. В отечественной литературе можно встретить различные рекомендации, рассматривающие способы разделения анализируемой совокупности научных журналов, зарегистрированных в РИНЦ по тематике «Экономика. Экономические науки», на несколько групп.

¹ Подробнее об этом см.: (Hayek, 1945; Arrow, 1962; Machlup, 1962, 1984; Махлуп, 1966; Maunoury, 1972; Simon, 1982; Foray, Mairesse, 1998; Foray, 2006; Иванова, 2002; Макаров, Клейнер, 2007; Рубинштейн, 2023).

Следует отметить, что eLIBRARY.RU в своей методологии отошла от простых цифровых решений, выделив группу журналов, названную ядро РИНЦ, и установив в соответствии с принципами определения рейтинга SCIENCE INDEX, что «все библиометрические показатели, используемые при расчете рейтинга, учитывают цитирование только из ядра РИНЦ»². При этом ВАК, используя ту же самую библиометрическую информацию РИНЦ, создала свой список научных журналов.

Две выборки. По принятой eLIBRARY.RU методологии выборка ядро РИНЦ включает ведущие журналы, представленные в RSCI, а также издания, прошедшие процедуру экспертного отбора и представленные в международных информационных системах по научному цитированию Web of Science Core Collection³. К достоинствам такого решения следует отнести использование содержательных критериев, вырабатываемых экспертной группой, что обуславливает одновременно и его известный порок, который можно сформулировать в виде традиционного вопроса: «а судьи кто?».

Одним названием «рабочая группа» ответить на этот традиционный вопрос невозможно. По всей видимости здесь, во-первых, нужна прозрачная демократическая процедура отбора группы экспертов по каждому научному направлению и/или определение репрезентативной выборки из статистически большого массива специалистов, во-вторых, обоснованная методика самой экспертизы. В противном случае генерируется недоверие к формированию и экспертизе такой группы, а тем самым к субъективному определению выборки журналов, названной ядром РИНЦ.

Выборка ВАК по тематике «Экономика. Экономические науки» разделена на несколько упорядоченных групп на основании соб-

ственной методики⁴, которая, как и в РИНЦ, содержит две составляющие: количественные (библиометрические показатели) и качественные (оценки экспертной группы). При этом перечень научных журналов был выстроен по убыванию «коэффициента научной значимости» и распределен по категориям в соотношении: К1 – 25%, К2 – 50% и К3 – 25%⁵. Таким образом, в категорию К1 – ВАКовскую версию ядра – включены 85 журналов по тематике «Экономика. Экономические науки».

И в данном случае остается вопрос: «а судьи кто?». Добавим еще три комментария. Во-первых, оказалось, что ядро научных журналов по версии ВАК по количеству более чем в два раза превосходит ядро РИНЦ. Если же принять во внимание, что рейтинг журналов Science Index учитывает цитирование статей только по ядру, то различия в списках оказываются весьма существенными. Во-вторых, и это, пожалуй, главное, несопоставимыми являются качественные оценки, ибо их определяют разные специалисты, названные «рабочей» и «экспертной» группами. В-третьих, очевидно, что эту пресловутую «войну мышей и лягушек» (Рубинштейн, 2023) необходимо заканчивать. Даже если никак не оценивать оба подхода к определению ядра научных журналов, можно сделать довольно простой вывод о необходимости создания единой группы специалистов, способствующей решению задачи как для РИНЦ, так и для ВАК.

Журнальная база. Мы исходим из того, что при определении соответствующей выборки журналов следует использовать иной подход, основанный не на субъективных оценках неизвестной группы экспертов, а на формальных мотивах, имеющих содержательную основу. И прежде всего нужно иметь в виду наличие связи между публикационной активностью и

² См.: https://www.elibrary.ru/projects/science_index/ranking_info.asp

³ См.: Статья 31 «Регламента библиографической базы данных Russian Science Citation Index (редакция от 1 марта 2023 года). URL: https://elibrary.ru/projects/rsci/reglament_RSCI.pdf. После процедуры экспертного отбора включены еще пять журналов: «Journal of Tax Reform», «Terra Economicus», «Север и рынок: формирование экономического порядка», «Управленец» и «Экономика региона».

⁴ См.: Письмо Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, направленное главным редакторам, председателям редакционных коллегий и редакционных советов рецензируемых научных журналов (от 6 декабря 2022 № 02-1198) «О категорировании Перечня рецензируемых научных изданий», о распределении журналов, входящих перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (<https://psyjournals.ru/news/2151>).

⁵ См.: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=19&name=92263438002&f=14239>

производством знания, которое в основном создается в академических институтах и ведущих университетах.

При этом научные центры и институты Российской академии наук, основной задачей которых является проведение фундаментальных исследований, выступают в двух ипостасях: в качестве своеобразной фабрики по производству знания – 15 научных организаций, и как издатели – 23 научных журнала, обеспечивающих распространение знания и коммуникацию ученых по тематике «Экономика. Экономические науки» (табл. 1). И кажется странным, что большая часть указанных журналов (13 из 23) не попали в выборку eLIBRARY.RU, названную ядро РИНЦ.

Среди них оказались журнал Вологодского научного центра РАН «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»*, англоязычная версия которого индексируется в WoS, единственный журнал Отделения экономики РАН «Экономическая наука современной России», ряд других известных изданий, таких, например, как «Региональные исследования» Института географии РАН, а также все журналы одной из ведущих экономических организаций – Института экономики РАН. Что же касается качества академических журналов, не попавших в ядро РИНЦ, то его оценки должны быть результатом соответствующего исследования, а не априорных суждений экспертов, часто отстаивающих только собственные интересы.

Таблица 1. Журналы институтов и научных центров РАН по тематике «Экономика. Экономические науки»

№1	24 журнала	Ядро РИНЦ	Институты и научные центры РАН	№2
1	Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз	Нет	Вологодский научный центр РАН	1
2	Проблемы развития территории	Нет		
3	Региональные исследования	Нет	Институт географии РАН	2
4	Современная Европа	Да	Институт Европы	3
5	Проблемы прогнозирования	Да	Институт народнохозяйственного прогнозирования	4
6	Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН	Нет		
7	Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право	Да	Институт научной информации по общественным наукам	5
8	Проблемы рыночной экономики	Нет	Институт проблем рынка	6
9	Проблемы управления	Да	Институт проблем управления	7
10	Регион: Экономика и Социология	Да	Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН	8
11	Вопросы теоретической экономики	Нет	Институт экономики	9
12	Уровень жизни населения регионов России	Нет		
13	Вестник Института экономики Российской академии наук	Нет		
14	Экономика региона	Да	Институт экономики УрО РАН	10
14	AlterEconomics	Нет		
16	Пространственная экономика	Да	Институт экономических исследований ДВО РАН	11
17	Регионалистика	Нет		
18	Север и рынок: формирование экономического порядка	Да	Кольский научный центр	12
19	Россия и новые государства Евразии	Нет	Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений	13
20	Мировая экономика и международные отношения	Да		
21	Экономическая наука современной России	Нет	Отделения экономики РАН	14
22	Экономика и математические методы	Да	Центральный экономико-математический институт РАН	15
23	Цифровая экономика	Нет		

Источник: составлено авторами.

* *Примечание редакции:* Англоязычная версия журнала (Economic and social changes: facts, trends, forecast) включена в ядро РИНЦ как индексируемая в WoS. В профилях авторов русскоязычные статьи наряду с англоязычными маркируются как входящие в ядро РИНЦ. При этом в общем перечне журналов у русскоязычной версии отсутствует маркировка о включении в ядро.

Мы полагаем, что сам факт издания журнала научным центром или институтом РАН является достаточным аргументом для включения в журнальную базу, на основе которой проводятся наукометрические исследования, включая учет цитируемости журналов и их ранжирование. Именно в этих научных организациях сосредоточен основной исследовательский потенциал, позволяющий обеспечивать необходимый уровень рецензирования и редакторской подготовки статей. С учетом сказанного должна быть определена и базовая совокупность анализируемых журналов по тематике «Экономика. Экономические науки».

Подвергая конструктивной критике методологию eLIBRARY.RU в части выделения журнальной выборки ядра, мы не призываем к ее разрушительным изменениям. Полагая, что многое в деятельности РИНЦ следует оценить положительно, считаем целесообразным расширить ядро, включив в него указанные выше 13 журналов научных центров и институтов РАН.

При этом содержательный анализ состава нынешнего ядра РИНЦ позволяет выделить пять групп журналов: «Журналы институтов РАН» (Q_1), «Университетские журналы, индексируемые в WOS или Scopus» (Q_2), «Журналы других издателей, индексируемые в WOS или Scopus» (Q_3), «Университетские журналы, не индексируемые в WOS или Scopus» (Q_4) и «Журналы других издателей, не индексируемые в WOS или Scopus» (Q_5). Учитывая фактор производства знания, которое создается в том числе в академических институтах, к указанным пяти группам журналов следует добавить шестую группу (Q_6) – «Журналы институтов РАН, не включенные в ядро РИНЦ» (табл. 2–4).

Из таблицы 2 видно, что при добавлении к ядру РИНЦ журналов, учредителями которых выступают институты РАН (Q_6), число изданий, входящих в общую «журнальную базу» (G) составит 51. Мы полагаем, что эта совокупность журналов – База.RU (Приложение 1) должна быть основой для любых наукометрических

Таблица 2. Количественные характеристики общего массива исследуемых журналов База.RU

Журналы институтов РАН, не включенные в ядро РИНЦ (группа Q_6)	Журналы, включенные в ядро РИНЦ					База.RU (G)
	Индексируемые в WOS и Scopus			Не индексируемые в WOS и Scopus		
	Журналы институтов РАН (группа Q_1)	Университетские журналы (группа Q_2)	Журналы других издателей (группа Q_3)	Университетские журналы (группа Q_4)	Журналы других издателей (группа Q_5)	
13	10	14	4	4	6	51

Таблица 3. Количественные характеристики выборки ядро РИНЦ

Журналы институтов РАН, не включенные в ядро РИНЦ (группа Q_6)	Журналы, включенные в ядро РИНЦ					Ядро РИНЦ
	Индексируемые в WOS и Scopus			Не индексируемые в WOS и Scopus		
	Журналы институтов РАН (группа Q_1)	Университетские журналы (группа Q_2)	Журналы других издателей (группа Q_3)	Университетские журналы (группа Q_4)	Журналы других издателей (группа Q_5)	
НЕТ	10	14	4	4	6	38

Таблица 4. Количественные характеристики выборки Ядро.RU

Журналы институтов РАН, не включенные в ядро РИНЦ (группа Q_6)	Журналы, включенные в ядро РИНЦ					Ядро.RU
	Индексируемые в WOS и Scopus			Не индексируемые в WOS и Scopus		
	Журналы институтов РАН (группа Q_1)	Университетские журналы (группа Q_2)	Журналы других издателей (группа Q_3)	Университетские журналы (группа Q_4)	Журналы других издателей (группа Q_5)	
13	10	14	4	НЕТ	НЕТ	41

исследований и, подчеркнем особо, для учета цитируемости, при расчетах всех библиометрических показателей, используемых при ранжировании журналов. Отметим также, что в качестве исследуемых выборок нет смысла ограничиваться журналами, входящими в RSCI или ядро РИНЦ.

Так, не менее интересной является выборка Ядро.RU, в которой вместо субъективного выбора двух групп журналов (Q_4 и Q_5), выпускаемых университетами и другим издателями, но не индексированных в WOS и Scopus, можно по формальному признаку включить в анализ журналы группы (Q_6), издателями которых являются институты РАН. Отдельный интерес представляет выборка РАН.RU, представляющая объединение двух групп (Q_1 и Q_6). В нее входят все журналы, издаваемые научными центрами и институтами РАН.

Сравнивая ядро РИНЦ с Ядром.RU, трудно заметить, что они имеют общую часть – объединение журналов (Q_1 , Q_2 и Q_3), в которой представлены индексированные в WOS и Scopus научные издания, в качестве учредителей которых выступают институты РАН, университеты и другие издатели. Обозначим эту часть «журнальной базы» $G_1 = (Q_1, Q_2 \text{ и } Q_3)$. Введя последовательно еще два обозначения: $G_2 = (Q_4 \text{ и } Q_5)$ и $G_3 = (Q_6)$, можно установить, что выборка журналов ядра РИНЦ = (G_1 и G_2), а выборка Ядра.RU = (G_1 и G_3). В этом случае общая журнальная база – База.RU – может быть представлена в виде следующего выражения: $G = (G_1 \text{ и } G_2 \text{ и } G_3)$.

Библиометрические индикаторы. Начнем с Декларации об оценке научных исследований, принятой в Сан-Франциско в 2012 году, первый пункт которой гласит: «Следует избегать использования журнальных метрик, таких как импакт-фактор, для оценки качества отдельных научных статей, вклада конкретного ученого или принятия решений о найме, продвижении по службе или финансировании исследований»⁶. К нашему сожалению, эта важная декларация ничего не изменила и по-

⁶ Декларация была разработана в рамках Американского общества клеточной биологии (American Society for Cell Biology, ASCB) группой редакторов и издателей научных журналов (<https://sfdora.org/read/read-the-declaration>).

прежнему основой практически всех журнальных рейтингов остается импакт-фактор журналов, рассчитываемый за один, два, три, четыре года или пять лет (Garfield, 1955).

Так, Scopus использует три основных индикатора: «CiteScore», рассчитываемый по 4-летнему импакт-фактору; «SNIP» (Source-Normalized Impact per Paper), вычисляемый с использованием нормализованных значений импакт-факторов журналов; SCImago (SJR), в котором, кроме обычного импакт-фактора журналов, используется алгоритмическая «Google-добавка» (Brin, Page, 1998). Не останавливаясь на первых двух индикаторах, следует обратить особое внимание на индикатор SJR, вычисляющий рейтинг журнала с учетом веса каждой его статьи, который тем выше, чем более высокий рейтинг журнала, где цитируется данная работа. Иначе говоря, цитируя опубликованные в другом журнале статьи, данный журнал, фактически, *делегировать ему свой престиж*⁷.

Указанному индикатору и соответствующему методу определения рейтинга журналов присущи как достоинства, так и недостатки. Заслуживает внимания то обстоятельство, что при расчете импакт-фактора учитывается разный вес цитируемых работ. Критически же, по-видимому, следует относиться к тому, что в этом случае журналы ранжируются лишь по одному критерию, опирающемуся на среднюю цитируемость статей. Поэтому вполне оправданным выглядит предложение eLIBRARY.RU использовать несколько разных индикаторов, характеризующих различные метрики цитирования.

Так, для определения рейтинга журналов SCIENCE INDEX в новой методике РИНЦ предлагается использовать четыре библиометрических индикатора. Во-первых, «пятилетний нормированный импакт-фактор», который характеризует величину средней цитируемости статей в журнале. Во-вторых, «десятилетний нормированный индекс Хирша журнала», отражающий количество высокоцитируемых статей в издании. В-третьих, «средний индекс Хирша авторов статей за последние три года», отражающий количество высокоцитируемых

⁷ Наиболее близкими к данному подходу, ориентированному на использование сетевых структур, в российской науке являются алгоритмы, предложенные в работах (Алескерев и др., 2016; Рубинштейн, Слуцкий, 2018).

авторов статей в журнале, который, как указывает РИНЦ, был специально рассчитан для данного рейтинга. В-четвертых, «средняя длина текста статей за последние 3 года», который, по мнению авторов данной методики, «хорошо коррелирует с уровнем качества журнала на основе экспертной оценки». Все используемые при расчете рейтинга индикаторы нормализуются путем деления на максимальное значение индикатора в выборке журналов⁸.

Необходимо сказать, что первые три измерителя особых сомнений не вызывают, указанный набор индикаторов вполне можно назвать базовым для ранжирования журналов. Что же касается четвертого показателя — индикатора «средняя длина текста статей за последние 3 года», то его включение в методику расчета рейтинга журналов, мягко говоря, вызывает удивление. Получается, что чем длиннее статья, тем выше рейтинг журнала. Оставляя без комментариев данный вывод, обратим внимание на объяснение, которое дали авторы методики: «Этот показатель оказался довольно неожиданно. Но тем не менее стабильно показывал хорошую корреляцию с уровнем качества журнала на основе экспертной оценки». Нам представляется, что подобное объяснение свидетельствует лишь о качестве экспертной оценки, которая приводит к столь абсурдному результату.

При этом авторы методики посчитали целесообразным не включать в число индикаторов, определяющих общий рейтинг журнала, такой показатель наукометрического анализа, как индекс Херфиндаля, используемый, как известно, для оценки степени монополизации рынков. В нашем случае речь идет о возможности коррекции расчетов с учетом искусственного улучшения библиометрических показателей журнала в результате объединений журналов для перекрёстного взаимного цитирования и/или увеличения статей сотрудников организаций-учредителей.

В то же время, как правильно отмечают авторы методики, повышенный уровень самоцитирования часто является вполне естественным для специализированных журналов, в которых сконцентрирована большая часть статей по определенной тематике. В такой ситуации

⁸ См.: https://www.elibrary.ru/projects/science_index/ranking_info.asp

индекс Херфиндаля неоправданно снижает оценку издания при достаточно высоком качестве публикаций. И все же, с учетом того что большая часть экономических журналов по тематике «Экономика. Экономические науки» являются изданиями широкого профиля, нам представляется целесообразным рассматривать этот библиометрический индикатор в качестве возможного дополнения к базовому набору показателей, определяющих общий рейтинг журналов.

О методике определения журнальных рейтингов. Рассмотрим сначала методику расчета рейтинга журналов, предложенную рабочей группой РИНЦ. По замыслу ее авторов итоговый результат ранжирования журналов — их совокупный рейтинг — может быть определен в виде линейной комбинации отобранных библиометрических индикаторов с соответствующим набором их весов. Как указывают авторы этой методики, «проблема заключается в том, что выбор как состава участвующих в формуле показателей, так и их весовых коэффициентов, был проведен чисто интуитивно и никак не подтвержден библиометрически»⁹. Можно понять авторов методики, выразивших свои сомнения в ее корректности. Действительно, трудно рассчитывать на правильный результат при произвольном (интуитивном) выборе весовой функции.

Корректное определение указанных весов является непростой задачей при построении любого интегрального показателя. И все же решение, которое избрали авторы методики, никак нельзя назвать приемлемым. Фактически речь идет хотя и о завуалированной, но «подгонке»: когда из различных комбинаций искомым весов, предположительно принадлежащих интервалу от 0 до 10, выбиралась такая, которая демонстрировала большую корреляцию расчётного рейтинга с рейтингом общественной экспертизы¹⁰. Подобное решение страдает очевидными недостатками. Во-первых, если рас-

⁹ Там же.

¹⁰ В результате подобных манипуляций рабочая группа РИНЦ остановилась на следующем наборе весов: для импакт-фактора за 5 лет — 8, для индекса Хирша статей в журнале за 10 лет — 7, для индекса Хирша авторов статей в журнале за 3 года — 4, для средней длины текста статей за 3 года — 4. См.: https://www.elibrary.ru/projects/science_index/ranking_info.asp

считываемый библиометрический рейтинг корректируется в зависимости от его близости к рейтингу общественной экспертизы, то возникает естественный вопрос, зачем вообще нужна библиометрия? Во-вторых, смущает неактуальность самой общественной экспертизы, которая была осуществлена пять лет назад.

В общем случае построение рейтинга журналов опирается на решение известной задачи свертывания набора параметров в единый критерий. Не повторяя известную критику существующих подходов к агрегированию частных показателей, когда кроме анализируемой методики РИНЦ исходят из гипотезы равенства весов или рассматривается их произвольный набор, воспользуемся ранее созданной методикой оценки вклада отдельных библиометрических индикаторов в совокупный рейтинг.

Речь идет о применении MW-анализа (Multiway data analysis), представленного в работе (Рубинштейн, Слуцкий, 2018) и многократно апробированного по отношению к различным объектам (Бураков и др., 2019; Бураков, Рубинштейн, 2020; Бураков, 2021). Следует отметить также, что данный метод является обобщением факторного анализа, в том числе метода главных компонент, применительно к многомерной матрице (тензору).

В настоящем исследовании речь идет о трехвалентном тензоре $\mathbf{V} = \{V_{ijg}\}$. Он образует информационный параллелепипед, содержащий 204 чисел, каждое из которых может быть представлено посредством трех координат: проекций на ось совокупности анализируемых журналов $i \in [1, 51]$; на ось библиометрических индикаторов $j \in [1, 4]$ – пятилетний импакт-фактор [$j = 1$], десятилетний индекс Хирша журнала [$j = 2$], средний индекс Хирша авторов статей за последние три года [$j = 3$], индекс Херфиндаля [$j = 4$]; на ось выборки из общей журнальной базы $g \in [1, 3]$ – группы журналов G_1, G_2, G_3 .

Основная идея MW-анализа связана с восстановлением исходного тензора, характеризующего указанное выше трехмерное пространство, посредством его представления в виде внешнего произведения трех векторов разной размерности, которые можно интерпретировать как совокупный рейтинг журналов \mathbf{V}_i ; веса в этом рейтинге отдельных библиометрических индикаторов \mathbf{V}_j и вклады в данный рейтинг отдельных групп

журналов \mathbf{V}_g , характеризующих соответствующие составляющие ядра РИНЦ и Ядра.RU.

Рассмотрим итоги MW-анализа для двух вариантов расчетов. В первом варианте использовались три библиометрических показателя, соответствующих методике РИНЦ (с исключением «средней длины текста статей за последние 3 года»), во-втором варианте добавлен еще один показатель – «индекс Херфиндаля по организациям авторов». Результаты этих расчетов для общего массива журналов (\mathbf{G}) приведены в *таблицах 5 и 6*.

Результаты расчетов (вариант I) свидетельствуют, что наиболее сильное влияние демонстрирует «индекс Хирша авторов статей», а наименьший вклад в совокупный рейтинг журналов характерен для импакт-фактора. При использовании же дополнительного показателя – индекса Херфиндаля (вариант II) – соотношения остались прежними, но величина вклада каждого из трех базовых индикаторов немного снизилась, «передав» часть своего влияния четвертому показателю.

К этому добавим, что сама по себе идея включения индексов Хирша в набор индикаторов, на основе которых рассчитывается рейтинг журналов, является определенным новшеством. Применение этого наукометрического показателя для ранжирования научных журналов встречается впервые. И при всех неудачах новой методики РИНЦ три выбранные библиометрические показателя заслуживают внимания специалистов. При этом необходимо отметить, что результаты применения процедуры MW-анализа для набора показателей не только свидетельствуют о некорректности методики РИНЦ, использующей априорно задаваемые веса, но, что особенно важно, опровергают укоренившееся представление о том, что главным показателем в формировании рейтинга журналов является импакт-фактор, то есть среднее количество цитирований одной статьи за определенный период.

К этому выводу подталкивает ряд соображений. Прежде всего они связаны с хроническим недостатком любых средних величин, не учитывающих характер распределения анализируемого показателя. В этом смысле индекс Хирша, хорошо известный в наукометрии, выгодно отличается от импакт-фактора. Более того, в последние годы он стал наиболее популярен

Таблица 5. Вклад отдельных показателей в совокупный рейтинг журналов, %

Вариант рейтинга	Веса в совокупном рейтинге			
	5-летний импакт-фактор	10-летний индекс Хирша	Средний индекс Хирша за три года	Индекс Херфиндаля
I	24,2	30,5	45,3	
II	20,9	26,5	41,8	10,9

Таблица 6. Вклад отдельных выборок журналов в их совокупный рейтинг, %

Вариант рейтинга	Веса в совокупном рейтинге		
	Выборка G ₁	Выборка G ₂	Выборка G ₃
I	45,5	26,4	28,1
II	35,6	34,6	29,8

для «оценивания научной результативности отдельных ученых, научных коллективов и организаций» (Назаренко, 2013). И, как показали выполненные расчеты, более высокие значения индексов Хирша повышают рейтинг журналов с высокоцитируемыми статьями и статьями высокоцитируемых авторов.

Не менее интересные результаты демонстрирует таблица 6. Выполненные расчеты показали, что при трех библиометрических показателях (вариант I) группа журналов G₃, являющихся частью Ядра.RU, оказывает большее влияние на совокупный рейтинг, нежели журналы из выборки G₂, входящие в ядро РИНЦ. С учетом того, что оба ядра экономических журналов имеют одинаковую общую часть G₁, можно сделать статистически обоснованное заключение о большей информационной значимости Ядра.RU в сравнении с Ядром РИНЦ (см. табл. 5). Такой результат является дополнительным аргументом для принципиального вывода о целесообразности использования в наукометрическом ранжировании журналов Ядра.RU, построенного на основе содержательных критериев, учитывающих связи между публикационной активностью и производством знания.

Весьма примечательны результаты МW-анализа и по другому варианту расчетов, обусловленному введением дополнительного показателя – индекса Херфиндаля. В этом случае ситуация меняется на противоположную: группа журналов G₃, являющихся частью Ядра.RU, оказывает меньшее влияние на совокупный рейтинг, нежели журналы из выборки G₂ (вариант II). Иначе говоря, если ранжирование журналов по тематике «Экономика. Экономические науки» производится на основе совокуп-

ного рейтинга, построенного на базе четырех библиометрических показателей с учетом индекса Херфиндаля, то более информативным является ядро РИНЦ.

С учетом роли этого индикатора, которая, как уже отмечалось, заключается в оценке снижения значимости журналов с высокой долей самоцитирования или договорного цитирования, объяснение указанных различий особого труда не представляет. Судя по всему, такое влияние индекса Херфиндаля более всего сказывается на журналах, учредителями которых являются научные центры и институты РАН.

Объединение в государственном задании содержательных аспектов исследований, связанных с производством знания, с числом журнальных публикаций, относящихся к его распространению, приводит к увеличению публикаций в журналах статей собственных сотрудников академических институтов. В качестве примера назовем журнал «Регионалистика», где в 2022 году 75% всех статей было опубликовано сотрудниками института – учредителя этого журнала. Исходя из результатов выполненного анализа можно сделать несколько выводов.

Во-первых, ядро журналов не должно выделяться из их общего массива безотносительно к набору показателей, определяющих совокупный журнальный рейтинг. Во-вторых, если целью ранжирования журналов выступает определение их авторитетности исключительно из соображений цитируемости, то наиболее информативным является Ядро.RU. В-третьих, при желании «подправить» цитируемость журналов и скорректировать на этой основе оценки их авторитетности более полезным является ядро РИНЦ.

Ранжирование научных журналов

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что применение MW-анализа не только изменяет по отношению к методике РИНЦ соотношение вкладов библиометрических показателей в совокупный рейтинг, но, что не менее важно, меняет само ранжирование журналов. Следует подчеркнуть, что недостаточно обоснованным и потому уязвимым, на наш взгляд, является сама процедура выбора журналов, которые группа экспертов включила в ядро.

Журналы ядра РИНЦ. Используя веса библиометрических показателей, полученных в результате применения MW-анализа (см. табл. 5), и соответствующий им рейтинг журналов, можно полученные варианты ранжирования сравнить с двумя вариантами журнальных рейтингов, рассчитанных на основе методики РИНЦ – старый (на 01.09.2023) и новый (на 24.10.2023) варианты SCIENCE INDEX¹¹. Результаты такого сопоставления представлены в *таблице 7*, где содержатся три варианта ранжирования научных журналов, включенных в ядро РИНЦ.

Анализ *таблицы 7* позволяет выделить несколько журналов, которые, согласно MW-анализу, улучшили свое положение в ядре РИНЦ по сравнению с принятой методикой. Назовем, к примеру, следующие журналы: «Journal of Institutional Studies» (на 2 и 8 пунктов), «Экономика и математические методы» (на 8 и 9 пунктов), «Регион: Экономика и Социология» (на 2 и 6 пунктов), «Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика» (на 2 и 12 пунктов). Следует отметить также журналы, которые, по версии MW-анализа, ухудшили положение в ядре РИНЦ: «Экономика региона», «Мировая экономика и международные отношения», «Форсайт», «Финансовый журнал», «Экономическая политика» и «Бизнес-информатика». В остальных журналах, входящих в ядро РИНЦ, изменения были незначительными.

¹¹ Следует отметить, что с точки зрения методологии новый вариант SCIENCE INDEX не сильно отличается от старого варианта: остались прежние четыре библиометрических показателя и те же самые веса, используемые в расчете рейтинга (elibrary.fa.ru/page.asp?id=35030).

Если же сравнивать ранги журналов, соответствующие старому и новому вариантам Science Index, то они вызывают определенное недоверие к результатам расчетов РИНЦ, особенно бросается в глаза резкое изменение позиции журнала «Форсайт», который буквально за один месяц «слетел» с 6 на 31 место. Понятно, что в такой ситуации любые субъективные решения в построении этого ядра журналов и не слишком корректная методика расчетов их ранжирования могут приводить к негативным последствиям для всей системы публикационной активности и, что важно, для действующей системы стимулирования научных работников. Далее рассмотрим выборку журналов, построенную на основе их связи с процессами производства знания.

Журналы Ядро.RU. Напомним, что в эту выборку, кроме журналов, представляющих академическую науку (Q_1 и Q_6), включены университетские издания, непосредственно участвующие в производстве знания (Q_2), и журналы других издателей (Q_3), регистрация которых в зарубежных базах данных Web of Science Core и Scopus является основанием для их включения в Ядро.RU. Таким образом, в Ядро.RU вошли 23 академических журнала, 14 университетских журналов и 4 журнала других издателей. Общее число научных изданий составило 41.

Как и в случае с ядром РИНЦ, приведем результаты ранжирования научных журналов, включенных в Ядро.RU (*табл. 8*). Сопоставляя рейтинги журналов по Ядру.RU и ядру РИНЦ, рассчитанные с использованием одной и той же процедуры MW-анализа, нетрудно заметить, что ранги журналов, входящих в оба ядра, не имеют больших различий. При этом следует обратить внимание на то, что 6 из 11 журналов, входящих в первый квартиль Q_1 общей журнальной базы База.RU – издания научных центров и институтов РАН. Вместе с тем нельзя пройти мимо другого факта: также 6, но уже из 10 журналов, входящих в четвертый квартиль Q_4 общей журнальной базы, представляют институты и научные центры РАН, имеющие низкие рейтинги, которые занимают в Ядре.RU с 32 по 41 позицию.

Таблица 7. Ранжирование научных журналов, включенных в ядро РИНЦ

№	ЖУРНАЛ	Методика РИНЦ (Science Index, I вариант)	Методика РИНЦ (Science Index, новый вариант)	MW-анализ (4 индикатора, III вариант)
13	Вопросы экономики	1	1	1
21	Проблемы прогнозирования	2	2	2
5	Russian Journal of Economics	5	8	3
15	Журнал Новой экономической ассоциации	8	9	4
36	Экономика региона	3	3	5
3	<u>Journal of Institutional Studies</u>	<u>14</u>	<u>13</u>	<u>6</u>
6	Terra Economicus	9	10	7
34	ЭКО	7	7	8
23	Пространственная экономика	10	18	9
18	Мировая экономика и международные отношения	4	4	10
24	<u>Регион: Экономика и Социология</u>	<u>17</u>	<u>15</u>	<u>11</u>
33	Форсайт	6	31	12
26	Российский экономический журнал	15	17	13
16	Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право	12	12	14
28	Современная Европа	19	11	15
22	Проблемы управления	18	6	16
37	Экономическая политика	13	16	17
35	<u>Экономика и математические методы</u>	<u>27</u>	<u>19</u>	<u>18</u>
9	Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика	11	21	19
8	Вестник МГИМО Университета	20	14	20
29	Университетское управление: практика и анализ	23	24	21
27	Север и рынок: формирование экономического порядка	29	26	22
30	Управленец	30	28	23
38	Экономический журнал Высшей школы экономики	16	22	24
20	Прикладная эконометрика	21	23	25
12	<u>Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика</u>	<u>38</u>	<u>36</u>	<u>26</u>
32	Финансы: теория и практика	28	25	27
4	Journal of Tax Reform	32	32	28
19	Прикладная информатика	25	29	29
31	Финансовый журнал	24	20	30
7	Бизнес-информатика	26	5	31
2	Journal of Applied Economic Research	33	33	32
25	Российский журнал менеджмента	36	34	33
14	Деньги и кредит	22	27	34
17	МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)	31	30	35
1	Ars Administrandi (Искусство управления)	34	37	36
10	Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика	35	35	37
11	Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент	37	38	38

Источник: составлено авторами.

Таблица 8. Ранжирование научных журналов, включенных в Ядро.RU

N	ЖУРНАЛ	Учреждение	Входит в Ядро РИНЦ	Квартиль в Базе.RU	РАНГ ЖУРНАЛОВ		
					БАЗА.RU	ЯДРО РИНЦ	ЯДРО.RU
1	Вопросы экономики	Другой	-	Q1	1	1	1
2	Проблемы прогнозирования	РАН	ДА	Q1	2	2	2
4	Journal of Institutional Studies	Другой	-	Q1	4	4	3
5	Журнал Новой экономической ассоциации	Другой	-	Q1	5	5	4
6	Russian Journal of Economics	Другой	-	Q1	7	7	5
7	Экономика региона	РАН	ДА	Q1	6	6	6
8	Terra Economicus	Универ.	-	Q1	8	9	7
9	Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз	РАН	-	Q1	9	-	8
11	Пространственная экономика	РАН	ДА	Q1	11	10	9
10	Мировая экономика и международные отношения	РАН	ДА	Q1	10	8	10
13	Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право	РАН	ДА	Q1	13	13	11
14	Форсайт	Универ.	-	Q2	14	11	12
15	Региональные исследования	РАН	-	Q2	15	-	13
16	Регион: Экономика и Социология	РАН	ДА	Q2	16	14	14
17	Современная Европа	РАН	ДА	Q2	17	15	15
18	Экономическая политика	Универ.	-	Q2	18	16	16
19	Проблемы управления	РАН	ДА	Q2	19	17	17
20	Экономика и математические методы	РАН	ДА	Q2	20	18	18
24	Вопросы теоретической экономики	РАН	-	Q2	24	-	19
22	Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика	Универ.	-	Q2	22	19	20
25	Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН	РАН	-	Q2	25	-	21
23	Бизнес-информатика	Другой	-	Q2	23	21	22
29	Север и рынок: формирование экономического порядка	РАН	ДА	Q3	29	27	23
28	Управленец	Универ.	-	Q3	28	25	24
31	Уровень жизни населения регионов России	РАН	-	Q3	31	-	25
30	Финансы: теория и практика	Универ.	-	Q3	30	26	26
33	Экономический журнал Высшей школы экономики	Универ.	-	Q3	33	24	27
34	Экономическая наука современной России	РАН	-	Q3	34	-	28
36	Journal of Tax Reform	Универ.	-	Q3	36	31	29
37	Прикладная эконометрика	Универ.	-	Q3	37	30	30
38	AlterEconomics	РАН	-	Q3	38	-	31
40	Регионалистика	РАН	-	Q4	40	-	32
41	Российский журнал менеджмента	Другой	-	Q4	41	33	33
43	Вестник Института экономики Российской академии наук	РАН	-	Q4	43	-	34
44	Проблемы развития территории	РАН	-	Q4	44	-	35
46	Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика	Универ.	-	Q4	46	37	36
48	Проблемы рыночной экономики	РАН	-	Q4	48	-	37
47	Ars Administrandi (Искусство управления)	Универ.	-	Q4	47	36	38
49	Цифровая экономика	РАН	-	Q4	49	-	39
50	Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент	Универ.	-	Q4	50	38	40
51	Россия и новые государства Евразии	РАН	-	Q4	51	-	41

Источник: составлено авторами.

Рекомендации eLIBRARY.RU

В качестве заключения к данной статье мы посчитали целесообразным не только указать на критические замечания в отношении применяемой в РИНЦ методологии, но и сформулировать конкретные рекомендации, относящиеся к деятельности «Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU». Устранение ряда выявленных недостатков в используемой методике ранжирования научных журналов не только важно с точки зрения адекватного определения их рейтинга, но, что более существенно, может несколько смягчить для академических и университетских ученых, участвующих в производстве знания, ситуацию с насаждаемой «публикационной гонкой». Рекомендации можно сформулировать в виде следующих предложений.

1. Необходимо сформировать общий массив исследуемых журналов База.RU, в состав которого входит 51 научный журнал. При этом в аналитических целях имеет смысл сохранять выборку ядро РИНЦ, Ядро.RU и РАН.RU.

2. Следует предложить ВАК установить категорию К1 всем научным журналам, входящим в База.RU.

3. Цитируемость публикаций, находящая соответствующее отражение в библиометрических показателях, должна фиксироваться в РИНЦ, только если статья цитируется в журнале, входящем в состав общей журнальной базы База.RU.

4. Принимая во внимание практическую важность учета при ранжировании журналов

факторов цитируемости и «очищенной» цитируемости, целесообразно использовать оба варианта библиометрических показателей. Речь идет о базовом наборе, включающем пятилетний импакт-фактор, десяти- и трехлетние индексы Хирша, а также о расширенном наборе индикаторов, дополненном индексом Херфиндаля.

5. Следует поддержать предложение, требующее обсуждения, заместителя генерального директора Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU В. Глухова о загрузке в систему РИНЦ вместе с публикациями рецензий на статьи, что, кроме публичного доказательств рецензирования, может улучшить проводимую экспертизу журналов, сделав ее менее субъективной и более профессиональной.

6. Необходимо внести принципиальные изменения в методику определения совокупного рейтинга журналов. Речь идет о применении MW-анализа, позволяющего на основе реальных данных, содержащихся в информационной базе «Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU», выявить статистически обоснованный вклад каждого библиометрического показателя в совокупный рейтинг, а также рассчитать величину этого рейтинга для каждого журнала.

7. Целесообразно установить порядок, в соответствии с которым каждый год (не позднее 1 февраля) должны пересматриваться результаты ранжирования журналов на основе актуальной информации «Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU».

Литература

- Адлер Р., Эвинг Дж., Тейлор П. (2011). Статистики цитирования // Игра в цифрь, или как теперь оценивают труд ученого: сборник статей о библиометрике. М.: МЦНМО.
- Алескеров Ф.Т., Бадгаева Д.Н., Писляков В.В., Стерлигов И.А., Швыдун С.В. (2016). Значимость основных российских и международных экономических журналов: сетевой анализ // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2 (30). С. 193–205.
- Бураков Н., Бухвальд Е., Кольчугина А. (2019). Ранжирование субъектов Российской Федерации на основе регионального индекса экономического развития // Федерализм. № 3. С. 149–171.
- Бураков Н., Рубинштейн А. (2020). Теоретические и прикладные аспекты измерения потенциалов экономического развития регионов России // Пространственная экономика. № 1. С. 24–50.
- Бураков Н.А. (2021). Нематериальные активы и экономический рост в отрасли культуры // Вопросы теоретической экономики. № 4. С. 92–104.
- Иванова Н.И. (2002). Национальные инновационные системы. М.: Наука.
- Идеи и числа. Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследований (2016). М.: Прогресс-Традиция. 272 с.

- Макаров В.Л., Клейнер Г.Б. (2007). Микроэкономика знаний. М.: Экономика.
- Махлуп М. (1966). Производство и распространение знаний в США. М.: Прогресс.
- Назаренко М.А. (2013). Наукометрические показатели рейтинга Российского индекса научного цитирования // Успехи современного естествознания. № 7. С. 178–180.
- Рубинштейн А.Я., Слуцкий Л.Н. (2018). Multiway data analysis и ранжирование экономических журналов // Прикладная эконометрика. Т. 50. С. 90–113.
- Рубинштейн А.Я. (2023). О наукометрических рейтингах и журнальной ВАКханалии // Экономический журнал ВШЭ. № 27 (2). С. 290–305.
- Arrow K. (1962). The economic implications of learning by doing. *The Review of Economic Studies*, 29(3), 609–626.
- Brin S., Page L. (1998). The anatomy of a large-scale hypertextual web search engine. *Computer Networks and ICDN Systems*, 30, 107–117.
- David P., Foray D. (1995). Accessing and expanding the science and technology knowledge base. *STI Review*, 16.
- Foray D. (2006). *The Economics of Knowledge*. The MIT Press.
- Foray D., Mairesse J. (1998). *Innovations et Performances: Trois Experiences de Collaborations Interdisciplinaires*. P.: Edition de l'EHESS.
- Garfield Eu. (1955). Citation indexes for science. *Science*, 122(3159), 108–111.
- Hayek F.A. (1945). The use of knowledge in society. *The American Economic Review*, 35(4), 519–530.
- Kozyr-Kowalski (1967). *Max Weber a Karol Marks*. W-wa
- Machlup F. (1962). *The Production and Distribution of Knowledge in the United States*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Machlup F. (1984). *The Economics of Information and Human Capital*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Maunoury J.-L. (1972). *Economie du savoir Collection U*. Published by Armand Colin.
- Seglen P. (1997). Why the impact factor of journals should not be used for evaluating research. *BMJ*, 314(7079), 498–502.
- Waltman L. (2016). A review of the literature on citation impact indicators. *Journal of Informetrics*, 10(2), 365–391.

Приложение

Журналы «База.RU» по тематике «Экономика. Экономические науки»

№	ЖУРНАЛ	Квартиль БАЗА.RU	РАНГ ЖУРНАЛОВ			
			База.RU	ЯДРО РИНЦ	ЯДРО.RU	РАН.RU
1	Вопросы экономики	Q1	1	1	1	-
2	Проблемы прогнозирования		2	2	2	1
7	Russian Journal of Economics		3	3	3	-
5	Журнал Новой экономической ассоциации		4	4	4	-
6	Экономика региона		5	5	5	2
4	Journal of Institutional Studies		6	6	6	-
8	Terra Economicus		7	7	7	-
3	ЭКО		8	8	8	-
11	Пространственная экономика		9	9	9	3
10	Мировая экономика и международные отношения		10	10	10	4
9	Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз		11	-	11	5
15	Региональные исследования		12	-	12	6
16	Регион: Экономика и Социология		13	11	13	7

№	ЖУРНАЛ	Квартиль БАЗА.RU	РАНГ ЖУРНАЛОВ			
			База.RU	ЯДРО РИНЦ	ЯДРО.RU	РАН.RU
14	Форсайт	Q2	14	12	14	-
12	Российский экономический журнал		15	13	-	-
13	Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право		16	14	15	8
17	Современная Европа		17	15	16	9
19	Проблемы управления		18	16	17	10
18	Экономическая политика		19	17	18	-
20	Экономика и математические методы		20	18	19	11
22	Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика		21	19	20	-
27	Вестник МГИМО Университета		22	20	-	-
24	Вопросы теоретической экономики		23	-	21	12
25	Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН		24	-	22	13
21	Университетское управление: практика и анализ		25	21	-	-
29	Север и рынок: формирование экономического порядка		26	22	23	14
28	Управленец		27	23	24	-
33	Экономический журнал Высшей школы экономики		28	24	25	-
31	Уровень жизни населения регионов России		29	-	26	15
37	Прикладная эконометрика		30	25	27	-
32	Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика		31	26	-	-
34	Экономическая наука современной России		32	-	28	16
30	Финансы: теория и практика		33	27	29	-
36	Journal of Tax Reform		34	28	30	-
35	Прикладная информатика		35	29	-	-
39	Финансовый журнал		36	30	-	-
40	Регионалистика		37	-	31	17
23	Бизнес-информатика		38	31	32	-
26	Journal of Applied Economic Research		39	32	-	-
38	AlterEconomics	40	-	33	18	
41	Российский журнал менеджмента	41	33	34	-	
43	Вестник Института экономики Российской академии наук	42	-	35	19	
42	Деньги и кредит	43	34	-	-	
44	Проблемы развития территории	44	-	36	20	
45	МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)	45	35	-	-	
47	Ars Administrandi (Искусство управления)	46	36	37	-	
48	Проблемы рыночной экономики	47	-	38	21	
49	Цифровая экономика	48	-	39	22	
46	Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика	49	37	-	-	
50	Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент	50	38	40	-	
51	Россия и новые государства Евразии	51	-	41	23	
		Q3	27	23	24	-
			28	24	25	-
			29	-	26	15
			30	25	27	-
			31	26	-	-
			32	-	28	16
			33	27	29	-
			34	28	30	-
			35	29	-	-
			36	30	-	-
		37	-	31	17	
		38	31	32	-	
		39	32	-	-	
		40	-	33	18	
		41	33	34	-	
		42	-	35	19	
		43	34	-	-	
		44	-	36	20	
		45	35	-	-	
		46	36	37	-	
		47	-	38	21	
		48	-	39	22	
		49	37	-	-	
		50	38	40	-	
		51	-	41	23	
		Q4	27	23	24	-
			28	24	25	-
			29	-	26	15
			30	25	27	-
			31	26	-	-
			32	-	28	16
			33	27	29	-
			34	28	30	-
			35	29	-	-
			36	30	-	-
		37	-	31	17	
		38	31	32	-	
		39	32	-	-	
		40	-	33	18	
		41	33	34	-	
		42	-	35	19	
		43	34	-	-	
		44	-	36	20	
		45	35	-	-	
		46	36	37	-	
		47	-	38	21	
		48	-	39	22	
		49	37	-	-	
		50	38	40	-	
		51	-	41	23	

Сведения об авторах

Александр Яковлевич Рубинштейн – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник, руководитель научного направления «Теоретическая экономика», Институт экономики РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32; e-mail: arubin@aha.ru)

Никита Александрович Бураков – научный сотрудник, Институт экономики РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32; e-mail: burakovn@gmail.com)

Rubinstein A.Y., Burakov N.A.

Journal Rankings: Theory, Methodology, Bibliometry

Abstract. The article presents the findings of a scientometric study of publication activity and ranking of journals registered with the RSCI on the subject “Economics. Economic sciences”. The analysis of a new methodology proposed by the RSCI for determining journal rankings has revealed its serious shortcomings. The article formulates three main critical postulates to prove that the journal ranking results derived according to this methodology are incorrect. One of its most vulnerable aspects is the unsubstantiated choice of journals carried out by an anonymous group of experts for the purpose of determining the composition of the RSCI core. The situation is complicated by the fact that this subjective choice leads to the discrimination of other journals, whose citation rate is recorded in the RSCI only if the article is cited in a journal that is part of the core. The choice of bibliometric indicators determining the aggregate rating of journals is unsatisfactory, and first of all this applies to the indicator “length of the article text”, which, strictly speaking, has no relation to scientometric indicators whatsoever. The formula for determining the aggregate rating itself, in which the weights of bibliometric indicators are “adjusted” to comply with a certain expert rating from five years ago, cannot be called justified. The constructive criticism provided in the article is accompanied by a description of an alternative approach with the elimination of the identified shortcomings of the new RSCI methodology. We are talking about a fundamentally different way of allocating the journals core: it does not use subjective assessments of any expert groups; instead, it uses certain formal criteria related to the production of knowledge and its dissemination in the form of publication activity of academic institutes of the Russian Academy of Sciences and leading universities that are founders of economic journals. The article presents a new approach to the methodology for determining a journal rating based on the application of MW analysis (Multiway data analysis), which is a generalization of factor analysis applied to a multidimensional matrix. As a result, we put forward another set of journals included in the core; this ranking is called Yadro.RU; we also propose a more reasonable version for the ranking of journals registered with the RSCI on the subject “Economics. Economic sciences”.

Key words: journals, citation, impact factor, Hirsch index, Herfindahl index, aggregate rating, ranking, RSCI core, Yadro.RU, MW analysis.

Information about the Authors

Alexander Y. Rubinstein – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher, head of the research direction “Theoretical economics”, Institute of Economics RAS (32, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: arubin@aha.ru)

Nikita A. Burakov – Researcher, Institute of Economics RAS (32, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: burakovn@gmail.com)

Статья поступила 01.09.2023.

Проблемы социальной интеграции молодых временных мигрантов из России в Республике Казахстан в условиях геополитической нестабильности

**Константин Сергеевич
МИШЕНИЧЕВ**

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: ksmishenichev@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9997-9102; ResearcherID: ADE-2465-2022

**Ольга Ивановна
БОРОДКИНА**

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: o.borodkina@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-0936-5757; ResearcherID: M-8251-2013

Аннотация. Современная социальная реальность характеризуется значительным уровнем неопределенности, что создаёт риски как в глобальном, так и в локальном контексте. Это привело к временному оттоку большого числа мужского населения из России осенью 2022 года. Одной из стран, принявшей наибольшее число временных мигрантов из России, стала Республика Казахстан. В статье представлен краткий анализ существующих в Казахстане условий для интеграции временных мигрантов из России, а также отражены результаты исследования особенностей социальной интеграции молодых мужчин, временно уехавших из России, проведенного нами с использованием метода глубинного интервью. Основным теоретическим подходом был выбран

Для цитирования: Мишеничев К.С., Бородкина О.И. (2023). Проблемы социальной интеграции молодых временных мигрантов из России в Республике Казахстан в условиях геополитической нестабильности // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 16. № 6. С. 191–207. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.11

For citation: Mishenichev K.S., Borodkina O.I. (2023). Challenges of social integration of young temporary migrants from Russia in the Republic of Kazakhstan in the context of geopolitical instability. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(6), 191–207. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.11

ресурсный подход, в качестве ключевого ресурса рассматривался социальный капитал временных мигрантов. Для ответа на исследовательские вопросы проведено 20 глубинных интервью с временными мигрантами мужского пола из России, прибывшими в Казахстан. В результате удалось выявить, что социальный капитал играет значимую роль в социальной интеграции временных мигрантов. Во-первых, образование новых связей способствует формированию сообщества мигрантов из России, которое поддерживается практиками взаимопомощи. Во-вторых, накопленный социальный капитал в транснациональном социальном пространстве позволяет временным мигрантам получать помощь из страны исхода, что значительно упрощает процесс интеграции. В-третьих, социальный капитал, сформированный в офлайн и онлайн-пространстве, активно трансформируется из одной формы в другую, что способствует решению проблем мигрантов в процессе социальной интеграции. Однако недостаток в первую очередь финансовых и личностных ресурсов может препятствовать успешной социальной интеграции в новой среде.

Ключевые слова: социальная интеграция, временные мигранты, Россия, Казахстан, социальные риски, социальный капитал, неопределенность.

Благодарность

Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект № 19-18-00246-П «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг», реализуемый в СПбГУ.

Введение

Для России и для всего мира в целом 2022 год ознаменован появлением новых глобальных рисков и неопределенности. Одним из проявлений сложившейся неопределенности стала временная эмиграция населения из России. Миграция, особенно среди молодого населения, зачастую служит средством достижения личных целей (Thulin, Vilhelmson, 2016), которых индивид не может достичь или имеет ограниченные возможности для их достижения в стране исхода. Среди основных факторов, повлиявших на отъезд молодых россиян, можно отметить политические, финансово-экономические риски, социальные и технологические факторы, связанные с санкционными ограничениями (Таишева, 2022). Исследователи также рассматривают отъезд россиян мужского пола за рубеж как стратегию самосохранительного поведения (Саралиева и др., 2023), обусловленную стремлением избежать неопределенности и преодолеть новые социальные риски. Большое количество мигрантов из числа российских граждан прибыло в безвизовые страны постсоветского пространства, в т. ч. в Республику Казахстан.

Россия и Казахстан имеют долгую историю сотрудничества в разных контекстах. В настоящее время отношения двух стран продолжают

развиваться, государства осуществляют деловое, экономическое, культурное и политическое взаимодействие в рамках Содружества независимых государств (СНГ), Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Единого экономического пространства (ЕЭП) и других международных организаций. Россия и Казахстан также поддерживают культурные и научные обмены, что оказывает влияние на миграционную политику обеих стран. Учитывая высокий уровень социально-экономического развития Республики Казахстан по сравнению с другими государствами Центральной Азии, граждане стран этого региона также рассматривают её для трудовой миграции, особенно граждане Узбекистана (Рязанцев и др., 2020). Вместе с тем в связи с распадом СССР и появлением в 1992 году так называемого нового (ближнего) зарубежья внутренние миграционные потоки между Россией и бывшими союзными республиками трансформировались в международные, что нашло отражение в статистических данных. Так, за 1991–2014 гг. безвозвратная миграция (классическая эмиграция) из России составила 4,9 млн человек. Из них 3,3 млн человек (67%) пришлось на страны нового зарубежья. Вместе с общей эмиграцией, включая ее новые формы (трудовая, челночная,

бизнес-миграция, учебная и др.), значительно увеличивающие ее масштабы, возрастает отток высококвалифицированных специалистов (Ионцев и др., 2016). Однако Россия до недавнего времени однозначно являлась страной-лидером по приему мигрантов из стран ЕАЭС, в т. ч. из Казахстана. Так, до пандемии COVID-19 приток мигрантов в Россию из Республики Казахстан был в пять раз больше, чем из России в Казахстан. При этом граждане Казахстана чаще, чем граждане других стран СНГ, ориентировались на долгосрочную миграцию в Россию (Рязанцев, 2016; Гаева, 2019; Югай, 2022). На данный момент происходит существенное изменение структуры миграции, причем в отношении не только направления, но и целей миграции. Сугубо экономические причины не являются доминирующими, что подтверждается данными об активизации временной миграции из России именно в период объявления частичной мобилизации в рамках специальной военной операции (СВО).

Так, активизацию миграции российских граждан в Казахстан подтверждает статистика Международной организации по миграции: в 2022 году число международных трудовых мигрантов, прибывших в Казахстан из России, увеличилось почти в два раза по сравнению с 2021 годом, что составило 8% от общего числа иностранной рабочей силы¹. Во время массового отъезда россиян за рубеж в СМИ публиковались различные оценки числа уехавших: 100 тыс. человек через неделю после объявления частичной мобилизации², 200 тыс. — через 2 недели³ и т. д. По оценкам МВД Республики Казахстан на конец ноября 2022 года, после мобилизации в Казахстан въехало более 400 тыс. россиян, но только 100 тыс. из них остались в

стране⁴. В то же время, по заявлениям представителей российской власти в феврале 2023 года, более 60% от числа всех уехавших вернулись в Россию⁵.

В связи с этим можно рассматривать случившуюся массовую миграцию как временную, т. е. не подразумевающую смену постоянного места жительства. Однако необходимо заметить, что временная миграция может носить как краткосрочный, так и длительный характер. Временная миграция зачастую не ассоциируется с необходимостью социальной интеграции, что выражается как в намеренном исключении временных мигрантов из сферы интеграционной политики, так и в непроработанных механизмах социальной интеграции на государственном уровне, в т. ч. в таких странах, как Канада и Великобритания, которые являются активными реципиентами временных мигрантов (Samuk, 2020). Однако исследователи отмечают, что временные мигранты сталкиваются с необходимостью социальной интеграции и социальной поддержки в новом обществе для обеспечения возможности полноценного функционирования в стране приема. При этом под социальной интеграцией понимается динамичный, двусторонний процесс взаимного приспособления всех иммигрантов и жителей государств-реципиентов (Alencar, Tsagkroni, 2019). Интеграция является непрерывным процессом, а понятие «интегрированное общество» трудно представить, поскольку процесс интеграции требует постоянных усилий с обеих сторон (Phillimore, 2011). Это означает, что в этом исследовании учитывается и адаптация временных мигрантов, которая рассматривается как необходимый этап процесса интеграции. Необходимо отметить, что на данный момент в научном поле наблюдается недостаток исследований, которые бы описывали процесс интеграции временных мигрантов, прибывших в страну приема в первую очередь в связи с внеш-

¹ Kazakhstan — Baseline assessment and surveys: international migrant workers in Kazakhstan (December 2022 — February 2023). URL: <https://dtm.iom.int/reports/kazakhstan-baseline-assessment-and-surveys-international-migrant-workers-kazakhstan> (дата обращения 26.09.2023).

² В Казахстан с начала частичной мобилизации въехали почти 100 000 россиян. URL: <https://www.forbes.ru/society/478195-v-kazahstan-s-nacala-casticnoj-mobilizacii-v-ehali-pocti-100-000-rossian>. (дата обращения 26.09.2023).

³ Россию после 21 сентября покинули около 700 000 граждан. URL: <https://www.forbes.ru/society/478827-rossiu-posle-21-sentabra-pokinuli-okolo-700-000-grazdan> (дата обращения 26.09.2023).

⁴ Около 100 000 россиян остались в Казахстане после окончания мобилизации. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6385ab1e9a794704354b1a34> (дата обращения 26.09.2023).

⁵ «Тоски по березам не возникало»: зачем релоканты возвращаются в Россию. URL: <https://news.ru/society/obratnaya-volna-pochemu-rossiyane-relokanty-vozvrashayutsya-iz-za-rubezha/> (дата обращения 26.09.2023).

ними обстоятельствами, возникшими в стране исхода, где при этом реципиентом временных мигрантов выступает страна, которая ранее была прежде всего донором мигрантов для страны исхода. Таким образом, целью нашего исследования стало выявление специфики интеграции временных мигрантов из России в Республике Казахстан. Задачи исследования связаны с рассмотрением ресурсов, барьеров и возможностей для социальной интеграции.

Возможности социальной интеграции граждан России в Казахстане

Социальная интеграция мигрантов подразумевает как их активность для включения в местное общество, так и создание институциональных возможностей на государственном уровне. Таким образом, значимую роль в процессе социальной интеграции играет интеграционная политика страны иммиграции. Она во многом зависит от двух групп факторов: с одной стороны, от характеристик принимающего сообщества, а с другой, от характеристики миграционных потоков (Варшавер, Рочева, 2016).

Характеристики принимающего сообщества зачастую рассматриваются через призму социальной сплоченности и социальной инклюзии (Taylor, Foster, 2015), которые отражают готовность представителей различных

культур к межкультурному диалогу. Согласно данным ЮНЕСКО, уровень социальной сплоченности в Казахстане в 2022 году являлся одним из самых высоких в мире и превышал общемировые значения этого индикатора почти в 1,5 раза. В свою очередь уровень социальной инклюзии в Казахстане также превышал общемировое значение показателя, но уже в 1,17 раза⁶. Вместе с тем, согласно результатам массового опроса, проведенного в ноябре 2022 года, 38% жителей Казахстана не поддерживали миграцию россиян. В то же время большинство из тех, кто всё-таки поддерживал её, чаще руководствовались соображениями гуманности, нежели прагматичными интересами⁷.

Несмотря на то, что Казахстан стал одной из стран, которые приняли наибольший наплыв временных мигрантов из России после объявления частичной мобилизации, большинство прибывших мигрантов уехали в другие страны или вернулись в Россию. Казахстан оказался привлекателен для российских граждан как первая или единственная из стран для временного пребывания по ряду причин. Во-первых, на 2023 год он характеризовался вторым по значению показателем качества жизни среди государств – членов ЕАЭС и ЕЭП, и третьим среди всех стран СНГ (таблица).

Рейтинг стран СНГ по значению показателя качества жизни в 2022 году

Страна	Входит в СНГ	Входит в ЕЭП	Входит в ЕАЭС	Место в общемировом рейтинге стран по качеству жизни	Общее значение показателя качества жизни
Армения	+	+	+	71	52
Молдова	+			74	52
Казахстан	+	+	+	76	51
Узбекистан	+			90	47
Российская Федерация	+	+	+	92	47
Азербайджан	+			99	46
Кыргызстан	+	+	+	100	46
Беларусь	+	+	+	109	43
Таджикистан	+			110	43
Туркменистан	+			-	-

Источник: Comparison of quality of life worldwide. URL: <https://www.worlddata.info/quality-of-life.php> (дата обращения 26.09.2023).

⁶ Kazakhstan Framework for Enabling Intercultural Dialogue Profile. URL: <https://www.unesco.org/en/enabling-interculturaldialogue/kazakhstan-country-profile> (дата обращения 26.09.2023).

⁷ Бюро DEMOSCOPE провело очередной опрос граждан Казахстана. URL: <https://demos.kz/opros-tret-kazahstancev-stala-huzhe-otnositsja-k-rossii-posle-nachala-vojni/> (дата обращения 26.09.2023).

Во-вторых, доступ в страну для россиян облегчен, поскольку возможен въезд по российскому паспорту, а также отсутствует требование наличия визы при пересечении государственной границы по загранпаспорту, что предусмотрено условиями Соглашения о безвизовом передвижении граждан государств СНГ⁸. До 27 января 2023 года у граждан стран-участниц ЕАЭС, в т. ч. у россиян, была возможность находиться в Казахстане до 90 дней, но при этом совершать «бордер-ран» (кратковременную поездку за пределы страны и обратно с целью перезапустить отсчет разрешенного срока пребывания), чтобы повторно въехать в страну и находиться в ней ещё 90 дней. Однако в начале 2023 года это правило было изменено⁹, и теперь для более длительного пребывания в Казахстане необходимо оформление разрешения на временное проживание (РВП) или получение вида на жительство (ВНЖ).

В-третьих, российским гражданам зачастую не требуется прикладывать значительных усилий в связи с языковой адаптацией. Казахстан является полиэтничной страной, где на начало 2023 года проживало 19,76 млн человек, среди которых 70,7% – казахи, 15,2% – русские, 3,3% – узбеки¹⁰. Также, учитывая общую историю России и Казахстана, русский язык всё ещё остаётся достаточно распространенным в Республике. Этому способствует и то, что, согласно Конституции Республики Казахстан, допускается использование русского языка наравне с государственным казахским языком.

В-четвертых, в соответствии с Соглашением о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и

ученых званиях в ЕАЭС российские дипломы действительны на территории его членов¹¹, что создаёт возможности для трудоустройства и продолжения обучения, минуя бюрократические издержки. В то же время для трудовых мигрантов из стран ЕАЭС и членов их семей предусмотрено равное с гражданами Республики Казахстан социальное обеспечение (за исключением пенсионного), а также право на получение экстренной и неотложной медицинской помощи. Таким образом, трудовые мигранты могут претендовать на все виды пособий по временной нетрудоспособности и в связи с материнством. Дети трудовых мигрантов, в свою очередь, имеют право на получение дошкольного и школьного образования в стране трудоустройства родителей (Гаева, 2019).

Несмотря на указанные преимущества, связанные с социальной интеграцией российских мигрантов в Республике Казахстан, значение сальдо чистой миграции этнической группы «русские» остаётся отрицательным: на конец 2022 года сальдо миграции составило -41,4 тыс. человек¹². Тем не менее отсутствуют данные официальной статистики о перемещениях российских граждан, прибывших в Казахстан в 2022 году. Однако всё-таки можно заявить, что Казахстан для ряда российских мигрантов оказался непривлекательным в долгосрочной перспективе, о чем свидетельствуют полученные в ходе нашего исследования эмпирические данные, которые хотя и не являются статистически значимыми, но подтверждают это утверждение. Среди основных причин: ограниченный набор условий для долгосрочного (более 90 дней) пребывания в стране; неблагоприятная экологическая ситуация в регионе, что также провоцирует экологическую миграцию внутри страны (Koldobskaya, 2022); преоблада-

⁸ Соглашение о безвизовом передвижении граждан государств Содружества Независимых Государств по территории его участников. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900412> (дата обращения 05.11.2023).

⁹ Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 декабря 2022 года № 1146. URL: <https://primeminister.kz/ru/decisions/31122022-1146> (дата обращения 26.09.2023).

¹⁰ Численность населения Республики Казахстан (на начало 2023 года). URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/6373/> (дата обращения: 26.09.2023).

¹¹ О подписании Соглашения о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и ученых званиях в Евразийском экономическом сообществе: Постановление Правительства Республики Казахстан от 11 февраля 2013 года № 114. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1300000114> (дата обращения 26.09.2023).

¹² Миграция населения Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/6356/> (дата обращения 26.09.2023).

ние населения, исповедующего ислам (69,3%)¹³, что для ряда россиян может быть проблемой, поскольку мигранты, исповедующие ислам, зачастую ассоциируются у россиян с террористической угрозой (Borodkina et al., 2017), хотя в действительности не являются её источником. Кроме того, Казахстан не подразумевает возможности наличия второго гражданства, что важно для мигрантов, которые ориентированы на расширение своих возможностей за счёт получения второго гражданства, помимо российского.

Таким образом, в условиях значительного притока мигрантов из России Казахстан обладает рядом ограничений для длительной временной миграции. В связи с этим представляется актуальным рассмотреть возможности социальной интеграции российских граждан в Республике Казахстан с учётом возникающих новых ограничений в контексте современной социальной политики, а также с учётом ресурсов, которыми обладают временные мигранты.

Теоретические основания исследования

Существует множество подходов к исследованию социальной интеграции международных мигрантов: макросоциологический институциональный подход (Soysal, 1994; Freeman, 2004), системный подход (Esser, 2004; Heckmann, 2005), микросоциологическая теория контакта (Allport, 1979), концепция космополитической общительности (Glick-Shiller et al., 2011) и её адаптации (Ni, Lisitsyn, 2017) и др. Однако в данном исследовании мы опираемся на ресурсный подход, который предполагает, что доступ к ресурсам осуществляется через множественные социальные связи – социальные сети взаимодействия. Эти ресурсы влияют на возможности и результаты целерациональных действий иммигрантов (Lin, 2002), которые также ориентированы и на социальную интеграцию. Здесь следует упомянуть теорию сетевой миграции Д. Массея, согласно которой сети мигрантов представляют собой набор межличностных свя-

зей, соединяющих мигрантов, бывших мигрантов и людей без опыта миграции в стране происхождения через узы родства, дружбы и общего происхождения. Такие связи повышают вероятность международного перемещения, поскольку снижают затраты на переезд и его риски переезда и увеличивают ожидаемую чистую прибыль от миграции (Massey et al., 1993).

В свою очередь социальные связи понимаются как устойчивые формы взаимодействия, которые могут проходить как в реальном, так и виртуальном формате. Их использование в качестве ресурса отсылает нас к теории социального капитала, впервые введенной в научный оборот французским социологом П. Бурдьё (Бурдьё, 2005). Позднее социальный капитал в качестве ресурса рассматривал Р. Патнэм, определяя его как связи между индивидуумами, социальные сети и нормы взаимности, которые из упомянутых сетей проистекают. Он разделил норму взаимности на «сбалансированную» и «обобщенную». При этом сбалансированная взаимность предполагает одновременный обмен равноценными услугами, в то время как обобщенная взаимность означает устойчивое оказание услуг даже в тех случаях, когда обмен не является единовременным или же эквивалентным, но предполагает реализацию взаимных ожиданий в будущем (Патнэм, 1996).

В условиях временной миграции в Казахстан, на наш взгляд, россияне ситуативно руководствовались указанными нормами взаимности, которые объединяли их в первую очередь по цели миграции, а именно обеспечением возможностей для продолжения достижения личных жизненных целей, но уже в других условиях. Таким образом, мы предполагаем, что взаимопомощь стала одним из ключевых ресурсов социальной интеграции россиян в Казахстане. При этом взаимопомощь рассматривается как серия актов в системе взаимности, каждый из которых в краткосрочной перспективе альтруистичен (происходит оказание благ за счет самого альтруиста), но которые в совокупности приносят пользу всем без исключения (Putnam, 1971). Цель миграции сопряжена с рациональными расчётами затрат и выгод от перемещения и представлениями мигрантов об ожидаемой положительной чистой прибыли (как денежной, так и любой другой) от переезда

¹³ Перепись населения 2021. Национальный состав населения. URL: <https://app.powerbi.com/view?r=eyJrIjoiYmJiNjU5NzItNWYyZi00Mjc2LTg5OWQtN2I2Y2QxY2I0NzEzIiwidCI6ImRlNzAxMmMyLTI0M2MtNDZjMi04NjRmLWE5YmEyMGY0YzUxOSIsImMiOiJl9&pageName=ReportSection7e0131f57a0773bd8643> (дата обращения 26.09.2023).

(Massey et al., 1993). Поэтому мы рассматриваем социальный капитал как связь следующих компонентов: ресурсы (информация и/или помощь), источники ресурсов (предшествующие мигранты) и реципиенты ресурсов (потенциальные мигранты) (Garip, 2008). Помимо этого дополнительным ресурсом успешной социальной интеграции для временных мигрантов из России стал социальный капитал транснационального социального пространства, т. е. семейные, дружеские и профессиональные социальные связи, которые поддерживались с людьми, находящимися в стране исхода (Glorius, 2019). Исследования показывают, что поддержание и накопление социального капитала в транснациональном социальном пространстве способствуют последующей реинтеграции после возвращения в страну исхода временных мигрантов (Glorius, 2019).

Следует учитывать, что современные миграционные процессы тесно сопряжены с использованием онлайн социальных сетей (Трегубова и др., 2021), что усиливает связь мигрантов с транснациональным социальным пространством. В рамках данного исследования сети рассматривались как инструмент накопления, увеличения и использования ресурсов офлайн и онлайн (виртуального) социального капитала и их взаимной трансформации (Spottswood, Wohn, 2020).

Методы исследования

Основным методом сбора данных в рамках исследования стало глубинное интервью, проведенное с использованием гайда, который включал в себя следующие блоки вопросов: «адаптация в Казахстане», «государственная поддержка мигрантов в Казахстане», «получение медицинской и социальной помощи», «принадлежность транснациональному социальному пространству». Для привлечения информантов применялись два способа формирования выборки: во-первых, привлечение информантов через социальные сети (преимущественно телеграм-каналы для мигрантов в Казахстане), во-вторых, путем «снежного кома». Необходимо отметить, что использование телеграм-каналов оказалось недостаточно эффективным — удалось привлечь к участию в исследовании только трех информантов, в

то время как большая часть была привлечена именно путем рекомендаций с помощью «снежного кома». Анализ данных осуществлялся с применением специализированного программного обеспечения для анализа качественных данных — Atlas.ti с использованием метода тематического кодирования.

Среди информантов 20 молодых одиноких мужчин в возрасте до 35 лет. Данная выборка была определена структурой волны миграции, начавшейся в конце сентября 2022 года. Хотя миграция затронула не только мужчин, но и целые семьи, женатых мужчин, мужчин, состоящих в незарегистрированном партнерстве, и отдельно женщин, фокус нашего исследования направлен на молодых одиноких мужчин. При этом большинство информантов при переезде в Казахстан были одиноки и, соответственно, переезжали одни (N = 15), некоторые пережили разрыв отношений в процессе интеграции уже в стране прибытия (N = 5). Необходимо отметить и тот факт, что респондентами стали квалифицированные мигранты, что облегчало их интеграцию за счёт навыков, которые могут быть востребованы на рынке труда в стране прибытия. В интервью участвовали как те мигранты, кто планировал покинуть Казахстан в скором будущем (N = 7), так и те, кто получил РВП или ВНЖ и планировал остаться на более долгий срок (N = 13). В основном информанты представляли г. Алматы и Астану — два наиболее крупных города Казахстана, традиционно являющиеся привлекательными для мигрантов, также по одному респонденту — из Шымкента и Караганды. Каждый из информантов на момент проведения интервью пребывал в Казахстане более пяти месяцев. При этом до переезда в Казахстан информанты проживали в наиболее крупных городах России — Москве и Санкт-Петербурге, 1 информант — в г. Тольятти. Это является ограничением выборки, поскольку она не репрезентирует всех мигрантов, уехавших из России в сентябре 2022 года. Однако включение в выборку именно высококвалифицированных мигрантов, имеющих больше возможностей и шансов для успешной социальной интеграции, позволяет выявить проблемы интеграции, которые у других временных мигрантов могут быть выражены в большей степени.

Результаты исследования***Сообщество мигрантов и взаимопомощь как ключевой ресурс социальной интеграции***

С учетом того, что миграция носила массовый характер и в Казахстан прибыло достаточно большое число россиян за ограниченный период времени, образовалось определенное сообщество мигрантов, прибывших из России, которые так или иначе взаимодействовали друг с другом, имели некоторые общие цели и разделяли некоторые общие нормы и ценности. Принимая во внимание ограниченный характер поддержки мигрантов со стороны такого социального института, как государство, в Республике Казахстан наиболее существенным ресурсом для социальной интеграции стала именно взаимопомощь, которая выражалась в первую очередь в решении повседневных задач, связанных с поиском жилья, работы, финансовым самообеспечением, решением психологических проблем, адаптацией к новым условиям жизни. При этом сами россияне заявляли об отсутствии ожиданий относительно поддержки со стороны властей Казахстана, положительно отмечая меру по открытию отдельного центра обслуживания населения (ЦОН) в ряде городов Казахстана осенью 2022 года специально для мигрантов. Однако остаётся вопрос, была ли эта мера призвана снизить барьеры доступа к государственным социальным услугам для россиян или же она являлась инструментом превенции социальной напряженности со стороны местного населения.

Решение жилищных проблем

Первичной задачей для мигрантов стал поиск жилья. Было выявлено четыре основных тактики, к которым прибегали россияне для решения жилищного вопроса: 1) аренда временного жилья (комнаты, квартиры или номера гостиницы); 2) временное проживание у знакомых, друзей или родственников; 3) временное проживание у ранее незнакомых людей; 4) проживание в шелтере, открытом в рамках некоммерческого проекта специально для поддержки россиян. При поиске жилья для временной аренды россияне обращались как к сайту *krisha.kz*, который является основным сервисом для поиска жилья в Казахстане, так и к сервисам *Booking* и *Airbnb* для аренды апартаментов или гостиничных номеров. При этом россияне либо кооперировались для совместного проживания

и снижения финансовой нагрузки, либо арендовали большее по площади помещение, чем им нужно, что предусматривало возможность помощи тем россиянам, кто по финансовым причинам не мог позволить себе арендовать жилье в этот период, хоть и нуждался в нём. Учитывая, что на рынке съемного жилья наблюдался кризис — с одной стороны, было сложно найти предложения аренды, а с другой, если их и удавалось найти, то по стоимости, превышающей рыночную: *«Когда я только приехал в Астану, там были либо совсем плохие хостелы, либо гостиничные номера за 10 тысяч рублей в сутки. Но мне повезло, я нашёл квартиру за 3 тысячи рублей в сутки <...> Потом в Астану приехал ещё мой приятель, который остановился у меня» (экономист, г. Москва — г. Астана, 27 лет).*

Часть россиян обращались к ранее установленным социальным связям и останавливались на время у друзей, знакомых или родственников, которые или являлись гражданами Казахстана и жили там с рождения, либо мигрировали ранее по рабочим, личным обстоятельствам или тоже в ситуации глобальной неопределенности. Это позволило, с одной стороны, сэкономить ресурсы для дальнейших этапов интеграции, с другой, обеспечило возможность для взаимопомощи в кризисных условиях.

Такую возможность можно было получить и обратившись за помощью в некоммерческие проекты, помогающие с временным проживанием, адаптацией и интеграцией в новой среде. Из них информанты упоминали «Ковчег»* (г. Актобе, г. Алматы, г. Астана) и «Логово» (г. Астана). Один из информантов, который узнал о таком проекте от друзей, обращался за помощью в этот проект, где получил возможность временного проживания в коливинге¹⁴ в г. Алматы с другими мигрантами из России. В проекте на момент его обращения за помощью было 30 спальных мест, но все они были уже заняты, поэтому ему было выделено место в общем зале, где проходили мероприятия и прием пищи. Проживание предоставлялось

* Минюст признал проект «Ковчег» иностранным агентом.

¹⁴ Форма совместного проживания людей с общими намерениями в общем пространстве (дом, квартира, комната и т. д.). Отличительная черта такого типа жилья — это совместные мероприятия как бытового характера, так и интерактивного.

на разных основаниях — информант получил помощь как «человек без семьи». При этом во время проживания в коливинге проходило большое количество мероприятий досугового характера (в т. ч. уроки рисования, просмотр фильмов и их обсуждение и др.), ориентированных на социальную интеграцию временных мигрантов как между собой, так и с местным сообществом, представители которого периодически были гостями постояльцев коливинга. Так, по словам информанта: *«В «Ковчеге»* было много креативных людей, которые проводили какие-то мероприятия... Потом я сам стал проводить занятия по английскому языку 1 раз в неделю. <...> Да, я участвовал в группе психологической поддержки... В групповом контакте становились понятны истинные переживания людей» (IT-специалист, г. Москва — г. Алматы, 29 лет).*

Таким образом, создавались не только возможности для решения наиболее острых вопросов, например предоставления временного жилья, но и возможности для досуга, повседневного общения и получения психологической помощи. К тому же получение новых социальных связей позволяло быстрее находить людей для совместной аренды жилья в дальнейшем после истечения допустимого срока проживания в коливинге.

В ряде случаев россияне получали поддержку со стороны местного населения, готового предоставить собственное жилье для временного проживания мигрантов из России: *«...один из моих друзей, который заехал из России, он первично жил в семье, которая его приютила...» (предприниматель, г. Санкт-Петербург — г. Караганда, 25 лет).*

В контексте поиска жилья необходимо сказать и об обязанности принимающих с казахской стороны физических и юридических лиц уведомить о пребывании иностранца в Республике Казахстан в течение трех дней с момента его прибытия как путем личного обращения в отделение миграционной службы по своему району, так и путем заполнения формы на сайте *gov.kz*. В случае отсутствия уведомления о пребывании у иностранцев не было возможности оформить банковскую карту. В связи с этим россияне обращались с просьбой об оформ-

лении уведомления как к непосредственным арендодателям, так и к родственникам и знакомым, а также к третьим лицам, которые за плату предлагали неофициальные услуги по оформлению уведомления о временном пребывании на территории Республики. При этом результатом такого обращения становилась не только оказанная помощь в решении бюрократических вопросов, но и упрочнение социальных связей между людьми, как правило, поддерживаемых в дальнейшем на протяжении всего времени пребывания россиян в Казахстане.

Возможности трудоустройства

Обращение к ресурсам социального капитала в новой среде позволяло не только сохранить ресурсы для дальнейшей интеграции, но и найти работу. Так, 5 информантов сообщили о том, что смогли найти работу в Казахстане именно благодаря социальным связям. При этом контекст получения предложений о работе имел как стихийный характер, когда предложение поступало неожиданно от незнакомых людей (например, в очереди в центре обслуживания населения), так и запланированный (например, в рамках встречи с потенциальными работодателями и/или заказчиками).

Одной из распространенных тактик социальной интеграции на рынке труда является регистрация иностранцем юридического лица — товарищества с ограниченной ответственностью (ТОО), что впоследствии также даёт право принимать на работу сотрудников. Данные ТОО регистрировались в Казахстане самими мигрантами в первую очередь для обеспечения собственной легальности долгосрочного пребывания в стране приема в качестве индивидуального предпринимателя или генерального директора юридического лица. При этом в ряде случаев руководители таких ТОО готовы трудоустроить таких же временных мигрантов. В таком случае оформление сотрудников зачастую имеет фиктивный характер и налагает на «сотрудников» обязательство по уплате налогов и сборов за свою принадлежность к организации: *«...главное, чтобы налоги сами платили. Ну и кого попало туда вряд ли возьмет» (IT-специалист, г. Москва — г. Алматы, 31 год).* Такая практика, безусловно, создает риски для лица, оформившего ТОО, и в результате требуется достаточно высокий уровень доверия между людьми для ее применения.

* Минюст признал проект «Ковчег» иностранным агентом.

Информанты отмечают высокий спрос на высококвалифицированных специалистов в Казахстане. *«Я знаю, что люди с инженерными и медицинскими специальностями работу вообще [легко] находят. И при этом высокооплачиваемую... С другими сферами... потяжелее. Понятно, всякие IT-компании с большим удовольствием потребляют мигрировавших специалистов. Так что, в целом,... особых проблем на рынке труда нет... тут кадровый голод высококвалифицированных специалистов в силу того, что местных не очень много остается» (преподаватель высшей школы, г. Москва – г. Алматы, 27 лет).*

Иными словами, высококвалифицированные специалисты в приоритетных отраслях экономики из числа граждан Казахстана зачастую сами мигрируют за рубеж, в то время как часть мигрирующих россиян восполняет недостаток рабочей силы в этих профессиональных нишах. При этом россияне, которые рассматривают для себя вариант долгосрочной миграции, заявляли о положительном эффекте трудоустройства в Казахстане в местную организацию. *«...я начал работать с казахами вместе, и из-за этого намного ближе получилось как-то адаптироваться... я там и дружеские отношения завел... И в плане языка, и в плане вообще понимания того, как [общаться]...» (инженер, г. Санкт-Петербург – г. Алматы, 25 лет).* Иными словами, трудоустройство позволяло быстрее интегрироваться в местное сообщество.

Забора о здоровье и медицинское обслуживание

Одной из значимых сфер, влияющих на успешную интеграцию в новой среде, является медицинское обслуживание. Большинство информантов обращалось за медицинской помощью преимущественно в частные клиники: *«Я пошел в платную клинику, я даже не рассматривал вариант искать какую-то страховку или что-то такое. Я посмотрел, что это довольно бюджетно выходило в сравнении с Россией – приемы и лечение – все было на порядок ниже по цене, и я просто нашел хорошую клинику, что в принципе легко сделать, учитывая то, что много русскоязычных сайтов и русскоязычных больниц, то есть никаких проблем вообще не возникло» (предприниматель, г. Санкт-Петербург – г. Караганда, 25 лет).*

Временные мигранты отмечали помощь других мигрантов и местного населения в предоставлении рекомендаций конкретных специалистов. Однако в ситуациях, когда была необходима помощь узкого специалиста, выбор осуществлялся, как правило, случайным образом. При этом работа медицинских служб независимо от наличия рекомендаций оценивалась россиянами высоко и выше среднего, что способствовало интеграции в Казахстане. Однако необходимо учитывать, что такая возможность была в первую очередь у обеспеченных мигрантов, имеющих финансовую возможность обращения в частный медицинский центр.

Помимо прочего, информанты неоднократно обращали внимание на помощь как со стороны других мигрантов, так и со стороны местного населения в повседневных практиках, среди которых досуг, обмен валюты, разовая бытовая помощь, предоставление информации о бюрократических процедурах, рекомендации для обращения за медицинской и психологической помощью. Как правило, такая поддержка предоставлялась ситуативно по мере необходимости и способствовала укреплению связей и социальной интеграции россиян в Казахстане.

Социальный капитал как ресурс транснационального социального пространства для социальной интеграции

Следует отметить, что временная миграция россиян имеет транснациональный характер, поскольку сохраняются социальные связи с Россией: временные мигранты продолжают работать в российских компаниях, обучаться в российских университетах, поддерживают контакты с родными и друзьями, проживающими в России. Такого рода социальные связи, с одной стороны, помогают справляться со стрессом, вызванным миграцией, с другой, позволяют использовать ресурсы для поддержания прежнего уровня жизни на первых этапах социальной интеграции.

Наличие трудовых отношений в России

Значительная часть мигрантов из России стараются сохранить трудоустройство в российских организациях. Один из респондентов отметил: *«Да, я продолжаю учиться и работать в российском университете и в российской компании, но приезжаю в Россию только по необ-*

ходимости» (политолог, г. Санкт-Петербург — г. Алматы, 28 лет). Работодатели в России часто шли навстречу и оформляли дистанционный трудовой договор, такие случаи встречались даже среди государственных организаций или частных компаний, аффилированных с государством. Однако необходимо отметить, что в случае, когда гражданин России пребывает в стране менее 183 дней в течение последних 12 месяцев, он автоматически теряет статус налогового резидента России¹⁵. Это может повлиять как на его текущую работу, так и на потенциальное трудоустройство в российской организации, в особенности потому, что на данный момент российские компании ориентированы на возвращение уехавших сотрудников, и в перспективе может привести к потере работы в России.

Помощь родственников из России в решении повседневных проблем

Большинство респондентов рассчитывали на помощь со стороны родственников и друзей из России: «Я очень благодарен родителям, потому что после нового года у меня закончился контракт в России, и они мне сейчас высылают деньги — это очень значимая поддержка для меня сейчас. Понятно, что я стараюсь экономить. Понятно, что я снимаю не ту квартиру, которую я хотел бы снимать, а ту квартиру, которая мне по карману» (экономист, г. Москва — г. Алматы, 26 лет).

В связи со сложностью перевода валют и других финансовых операций среди мигрантов стали набирать популярность криптовалютные финансовые решения: «...делал это через криптовалюту, потому что это было очень быстро, легко, не нужно какой-то коммуникации ни с какими в общем сервисами особо иметь, и там всегда хороший курс был <...> все делается через банковские карточки [и интернет-платформы]» (антрополог, г. Санкт-Петербург — г. Алматы, 25 лет).

Помимо денежных переводов были востребованы услуги перевозки вещей, поскольку для многих информантов отъезд из России оказался

непредвиденным и проходил в спешке. Уехавшие в Казахстан россияне зачастую обращались за помощью к друзьям и родственникам, имеющим доступ к жилью информантов или получившим ключи по почте: «Я просто делал доверенность на родителей. Значительную часть вещей, которые мне надо было уладить, я сделал по почте. Почта, родители, немножко взаимодействия с друзьями» (преподаватель высшей школы, г. Москва — г. Астана — г. Алматы, 27 лет).

Для успешной интеграции в новой среде россиянам в ряде случаев требовались документы, которые они могли получить только в России. Для решения подобного рода юридических и бюрократических вопросов информанты использовали социальные связи в России, оформляя нотариальную доверенность, поскольку в соответствии с Соглашением стран СНГ от 20 марта 1992 г. «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» нотариальная доверенность, оформленная в Казахстане, действует и на территории России без дополнительных удостоверений.

Возможности и опыт получения психологической помощи

Информанты отмечали, что семья и друзья, находящиеся в России, помогали не только в решении текущих вопросов, но и оказывали психологическую поддержку. Зачастую такой формат взаимодействия предполагал психологическую взаимопомощь, поскольку, как сказал один из информантов: «...сейчас поддержка нужна всем».

Для россиян в условиях неопределенности вопрос поддержания собственного ментального здоровья стал одним из первостепенных. Информанты неоднократно упоминали о психологической помощи, причем многие обращались за психологической помощью впервые. При этом психологическая помощь оказывалась, как правило, дистанционно посредством видеоконференцсвязи, а сами психологи были из России. Среди источников получения психологической помощи были некоммерческие проекты, в рамках которых предоставлялась серия бесплатных психологических консультаций, например, проект «Правое полушарие интроверта» в Санкт-Петербурге, предоставляющий три бесплатные психологические

¹⁵ П. 2.1., Ст. 207. Налоговый кодекс Российской Федерации от 05.08.2000. № 117-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/c0d77f0e201172d5cd9978bf9dfa1ecd2ba4cf60/ (дата обращения 26.09.2023).

консультации. Другим ресурсом стали корпоративные сервисы для получения тех или иных услуг в рамках программы добровольного медицинского страхования (ДМС) и корпоративных well-being программ. Такая помощь оказалась доступна для сотрудников как российских, так и транснациональных крупных компаний. Однако информанты говорили о том, что психологические консультации в рамках корпоративных программ часто не удовлетворяли запросам, так как не осуществлялась работа с глубинными переживаниями, имеющими экзистенциальный характер. Хотя были и исключения: *«У меня на работе есть ДМС, и там есть платформа — называется «Понимаю» — там всякие разные специалисты собраны для онлайн-консультаций. Мне как-то подруга сказала, что она ходит так к классной девушке-психологу, хотя там много есть и плохих, которые начинают тебе говорить, что ты молодой, надо развеяться, погулять — всё пройдет»* (экономист, г. Санкт-Петербург — г. Астана, 24 года).

Также среди информантов были те, кто и ранее обращался за психологической помощью. Они отмечали изменения психологических запросов после переезда — запросы к психологам стали связаны с необходимостью психологической адаптации к проживанию в новой стране: *«Когда я устраивался на работу, было тяжело очень эмоционально, у меня было... депрессивное состояние, такие загоны, неудовлетворенность с собой, вообще всем происходящим. Это был психолог из России — онлайн, мне его посоветовал мой друг, психотерапевт»* (техник по ремонту автотранспорта, г. Санкт-Петербург — г. Талдыкорган — г. Алматы, 27 лет).

Взаимотрансформация социального капитала в онлайн и офлайн-пространстве: ресурс онлайн социальных сетей

В условиях неопределенности и, в ряде случаев, отсутствия социальных связей в новой стране ключевую роль в социальной интеграции играют именно социальные сети, которые позволяют поддерживать социальный контакт с уже знакомыми людьми и устанавливать новые полезные социальные связи.

В первую очередь необходимо сказать о телеграм-каналах, которые были созданы в большом количестве осенью 2022 года для представления информации российским мигран-

там о жизни в Казахстане. Телеграм-каналы создавались как в рамках личных инициатив заинтересованных лиц, так и в рамках некоммерческих проектов. При этом информанты упоминали два вида каналов: 1) каналы, в которых публиковалась информация, связанная с адаптацией (получение уведомления о прибытии, получение индивидуального идентификационного номера (ИИН), осуществление бордер-рана, медицинские вопросы и др.), 2) каналы, направленные на объединение разного рода сообществ: профессионалов в определенных областях, представителей этнических или сексуальных меньшинств, людей с опытом миграции и других уязвимых групп населения. Так, один из информантов делится опытом получения помощи благодаря одному из чатов: *«Я добавил в огромное количество чатов уезжающих. Один из чатов назывался «Азиаты России» — он в большой мере был нацелен на калмыков, бурятов, но и на другие этнические меньшинства тоже. А я татарин. И там... нашли водителя на Indriver'e, который согласился нас отвезти до Астаны»* (экономист, г. Москва — г. Астана, 27 лет).

В ряде случаев телеграм-чаты являлись закрытыми и требовали личного приглашения от одного из участников сообщества. В этом мигрантам помогали как личные, так и уже установленные онлайн-контакты. Участие в этих сообществах позволяло не только впоследствии получить помощь, но и интегрироваться в местные сообщества, включая сообщество русских иммигрантов: *«Меня подруга, с которой мы в Алматы познакомились, пригласила в чат для мигрантов. В итоге я с ними был уже на нескольких мероприятиях: на кинопоказе, на природу мы выбирались. Ещё проходят завтраки по воскресеньям. Там, конечно, все старше меня — людям около 30–40 лет, но зато есть чему поучиться»* (экономист, г. Москва — г. Алматы, 26 лет).

Таким образом, социальные связи, установленные лично, способствуют включению в цифровое сообщество мигрантов, связанных определенными характеристиками. Это включение может в дальнейшем трансформироваться в личное знакомство, соответственно, реальная сеть социальных контактов расширяется, что будет способствовать социальной интеграции.

Необходимо обратить внимание и на те случаи, когда из-за отсутствия легальных путей получения РВП для длительного пребывания на территории Казахстана некоторые россияне прибегали к оформлению частичного или полного пакета документов через частных лиц, оказывающих помощь либо в регистрации по месту жительства, либо в фиктивном трудоустройстве для дальнейшего получения РВП. Таких специалистов люди зачастую находили через личные контакты, поскольку помимо финансовых затрат имеются высокие риски мошенничества: *«Да, я видел много объявлений в телеграме – что можно оформить полный пакет документов, но боялся, что меня [обманут], и я только потеряю деньги. Поэтому пообщался со знакомыми, которые пользовались такими услугами и уже выбрал подходящий для себя вариант» (IT-специалист, г. Санкт-Петербург – г. Алматы, 27 лет).*

Социальные сети способствовали поиску работы и помогающих специалистов, в том числе подходящих психологов. *«А здесь второй [психолог] тоже парень из России, но сейчас в Грузии проживающий, тоже уехавший от [СВО]. Я его нашел через Инстаграм*, через моих знакомых... я ему написал, говорю, слушай, так и так, давай, в общем-то, работай» (техник по ремонту автотранспорта, г. Санкт-Петербург – г. Талдыкорган – г. Алматы, 27 лет).*

При этом следует отметить, что алгоритмы выдачи информации пользователям в некоторых социальных сетях функционируют по «рекомендации друзей», т. е. то, что вызывает интерес у друзей пользователя или людей, на которых он подписан в социальных сетях, транслируется и в его новостной ленте. В случае массовой миграции российских мужчин это также способствовало случайному нахождению полезных ресурсов и информации, необходимых при переезде.

Уйти или остаться: недостаток ресурсов как фактор социальной дезинтеграции

Несмотря на существенный вклад социального капитала в успешную интеграцию временных мигрантов в Казахстане, стоит заметить, что зачастую этого ресурса недостаточно. Боль-

шинство респондентов отмечали необходимость финансовых ресурсов, хорошего состояния здоровья и успешного социального опыта. В ряде случаев российские граждане, которые рассматривают Казахстан в качестве страны для долгосрочного пребывания, испытывали страхи относительно перспектив своего пребывания в стране. На первом этапе это было связано с рисками изменения миграционной политики в отношении россиян. После отмены «бордеррана» появились страхи, связанные с отсутствием возможностей по оформлению РВП. Кому-то удавалось преодолеть страхи и решить вопросы, связанные с продолжительным легальным пребыванием в Казахстане, но ряд информантов заявляли о дальнейших планах по смене страны жительства: *«Сейчас у меня нет работы в Казахстане, и скорее всего скоро мне придется куда-то уехать. Пока я планирую в Турцию» (IT-специалист, г. Москва – г. Алматы, 29 лет).*

Один из информантов, фармацевт, рассказал, что для трудоустройства было необходимо собрать большой пакет документов. Также трудности интеграции на рынке занятости связаны с иными по сравнению с Россией условиями труда, проблемами в общении с местным населением: *«Зарплата 100–120 тысяч тенге – на наши около 20 тысяч рублей. Аптека полупустая, много чего нет. Мне вручили огромный список бумажек, которые нужно собрать для трудоустройства. Но самое интересное, что [клиенты] приходят и говорят на казахском» (фармацевт, г. Санкт-Петербург – г. Шымкент, 35 лет).*

В контексте упоминания языкового барьера отметим, что, несмотря на распространенность русского языка в Казахстане, он более распространен в северной части страны, которая граничит с Россией, а также в г. Алматы. В других городах местное население в меньшей степени владеет русским языком, что, безусловно, является барьером для успешной интеграции россиян.

В трудовой сфере в наиболее уязвимом положении оказались россияне, находящиеся в условиях precarious занятости, т. е. те, чей труд регулируется временным контрактом, или же те, кто находится на испытательном сроке в организациях в России, иными словами, не имеющие стабильного положения на рынке труда (Голенкова, Голиусова, 2015). Часть информан-

* Соцсеть заблокирована в России (принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории России).

тов сообщали о прекращении сотрудничества по инициативе самих работодателей и заказчиков в одностороннем порядке. Такие обстоятельства создавали для мигрантов риски оказаться без средств к существованию. Также были случаи, когда информанты находили работу уже в Казахстане, но им не хватало компетенций для сохранения рабочего места или ресурсов для освоения этих компетенций: *«Я понимаю, что от меня требуют навыков, которые я не готов быстро освоить, а искать новую работу можно, конечно, но у меня просто нет сил на это <...> Мы живём шестером в трехкомнатной квартире – в Питере у меня хотя бы своя комната» (машинист поезда, г. Санкт-Петербург – г. Алматы, 24 года).*

Помимо прочего, финансовую ситуацию россиян усугубляет нестабильный курс рубля, что особенно значимо для тех, кто продолжает работать в российских организациях, получая зарплату в рублях. Влияние на финансовое положение оказало и ограничение возможности снятия средств с банковских карт платежной системы МИР с 6 марта 2023 года.

Одной из основных проблем осенью 2022 года стал поиск жилья. Большой приток россиян в Казахстан спровоцировал высокий скачок цен на аренду жилья, что требовало значительных финансовых ресурсов от прибывающих россиян. Наибольший приток мигрантов пришёлся на города Алматы и Астану как административные центры республики. При этом проблема была актуальна не только для россиян, но и для казахстанцев, арендующих жилье и находящиеся в его поиске, поскольку в нарративах информантов мы неоднократно сталкивались с упоминанием нарушений правил в институте арендного жилья. Так, людей выселяли из квартир, поскольку арендодатели поднимали стоимость аренды в несколько раз для заселения более обеспеченных иммигрантов из России. В процессе сдачи жилья нарушались установленные механизмы взаимодействия: *«После просмотра квартиры к нам подошёл арендодатель в обход риелтора и предложил арендовать квартиру напрямую через него, чтобы нам не платить комиссию. Нам показалось странным, что он хочет её кинуть, и мы отказались» (IT-специалист, г. Москва – г. Алматы, 28 лет).*

Несмотря на такие ситуации, информанты неоднократно отмечали: *«Выиграли те арендодатели, которые не поддались панике».* В то же время такие ситуации способствовали не только снижению уровня социальной сплоченности принимающего общества, но и формированию негативных установок у местного населения по отношению к россиянам. Тем не менее ни в одном из проведенных интервью респонденты не говорили о негативном отношении со стороны местного населения Казахстана. В целом это обстоятельство свидетельствует о базовых благоприятных условиях социальной интеграции.

Заключение

В результате исследования удалось определить, что миграционная политика Республики Казахстан предполагает интеграционную модель, имеющую преимущественно социально-экономический характер, поскольку наиболее доступным способом социальной интеграции в стране является поиск работы или регистрация юридического лица, позволяющая получить РВП и в дальнейшем ВНЖ для длительного пребывания. В то же время членство России и Казахстана в ЕАЭС предоставляет россиянам расширенный спектр возможностей для социальной интеграции. Однако во внешней миграционной политике Республики Казахстан наблюдается тенденция на постепенное ограничение доступа к ресурсам для длительного пребывания в стране иностранцев, которые не вносят вклад в социально-экономическое развитие страны. В таких условиях основным ресурсом социальной интеграции для россиян стал именно социальный капитал, который позволяет как решить текущие бюрократические вопросы, так и поддержать необходимую социальную активность.

Активизация уже существующих социальных связей и установление новых контактов способствовали более комфортному прохождению первых этапов интеграции в принимающем обществе. Так, благодаря имеющемуся социальному капиталу информанты смогли найти жилье, работу, пройти относительно успешно первый этап интеграции, в том числе благодаря получению психологической помощи. Значимым ресурсом оказалась материальная и психологическая поддержка социального окружения,

которое находилось в России. Расширению сети социальных контактов и облегчению процесса социальной интеграции способствовало активное наполнение пространства социальных сетей полезными для мигрантов ресурсами. Иными словами, подтвердилась гипотеза о том, что ключевым ресурсом социальной интеграции россиян, временно уехавших из России в Казахстан, стала прежде всего взаимопомощь.

Необходимо отметить, что большая часть уехавших сохраняет тесные связи с Россией не

только по личным, но и по рабочим, учебным вопросам, а также регулярно поддерживает контакт с социальным окружением онлайн. В этой ситуации очевидно требуется создание условий для профессиональной и личностной реализации, в которых молодые люди смогут достигать свои жизненные цели, несмотря на возникновение новых рисков. Такого рода меры могли бы способствовать снижению эмиграции из России и сохранению и устойчивому развитию человеческого капитала страны.

Литература

- Бурдые П. (2005). Формы капитала // *Экономическая социология*. № 3. С. 60–74. URL: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2002-5-60-74>
- Варшавер Е.А., Рочева А.Л. (2016). Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство // *Журнал исследований социальной политики*. Т. 14. № 3. С. 315–330.
- Гаева А.С. (2019). Миграционные процессы на евразийском пространстве // *Россия и современный мир*. № 1 (102). С. 207–222. DOI: 10.31249/rsm/2019.01.14
- Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. (2015). Прекариат как новая группа наемных работников // *Уровень жизни населения регионов России*. № 1. С. 47–57. DOI: 10.12737/10248
- Ионцев В.А., Рязанцев С.В., Ионцева С.В. (2016). Новые тенденции и формы эмиграции из России // *Экономика региона*. Т. 12. № 2. С. 499–509.
- Патнэм Р. (1996). Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem.
- Рязанцев С.В. (2016). Современная миграция в Казахстане: тенденции и подходы к регулированию // *Центральная Азия и Кавказ*. Т. 19. № 2. С. 80–92.
- Рязанцев С.В., Вазиров З.К., Гарибова Ф.М. (2020). «Зависшие на границах» между Россией и Родиной: мигранты из стран Центральной Азии во время пандемии COVID-19 // *Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право*. № 3. С. 45–58. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-04
- Саралиева З.Х., Янак А.Л., Рябинская Е.С. (2023). Берегите мужчин! Стратегии сбережения мужчин в российских семьях // *Социальное пространство*. Т. 9. № 1. DOI: 10.15838/sa.2023.1.37.4
- Таишева В.В. (2022). Цифровые номады и миграционные процессы в российской IT-сфере: политологический анализ // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. Т. 24. № 3. С. 460–479. DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-460-479
- Трегубова Н.Д., Ни М.Л., Китаева А.А. (2021). Транснационализм в режиме онлайн: миграционные исследования в условиях искусственной социальности // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 1. С. 283–303. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1821
- Югай Ю.В. (2022). Трудовая миграция из стран Центральной Азии в Россию // *Постсоветские исследования*. Т. 5. № 2. С. 206–219. DOI: 10.24412/2618-7426-2022-2-206-219
- Alencar A., Tsagkroni V. (2019). Prospects of refugee integration in the Netherlands: Social capital, information practices and digital media. *Media and Communication*, 7(2), 184–194. DOI: <https://doi.org/10.17645/mac.v7i2.1955>
- Allport G.W. (1979). *The Nature of Prejudice*. New York: Basic books.
- Borodkina O., Sokolov N., Tavrovskiy A., Pankratova L. (2017). Social work with Muslim migrants in Russia: Public opinion issues and practical perspectives. *Journal of Religion & Spirituality in Social Work: Social Thought*, 36(1-2), 215–246. DOI: 10.1080/15426432.2017.1311243

- Esser H. (2004). Does the ‘new’ immigration require a ‘new’ theory of intergenerational integration? *International Migration Review*, 38(3), 1126–1159. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00231.x>
- Freeman G.P. (2004). Immigrant incorporation in Western democracies. *International Migration Review*, 38(3), 945–969. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00225.x>
- Garip F. (2008). Social capital and migration: How do similar resources lead to divergent outcomes? *Demography*, 45(3), 591–617. DOI: 10.1353/dem.0.0016
- Glick-Schiller N., Darieva T., Gruner-Domic S. (2011). Defining cosmopolitan sociability in a transnational age: An introduction. *Ethnic and Racial Studies*, 34(3), 399–417. DOI: 10.1080/01419870.2011.533781
- Glorius B. (2019). Transnational social capital in migration: The example of educational migration between Bulgaria and Germany. *Social Inclusion*, 7(4), 232–242. Available at: <https://doi.org/10.17645/si.v7i4.2390>
- Heckmann F. (2005). *Integration and Integration Policies: IMISCOE Network Feasibility Study*. Bamberg: Europäisches Forum für Migrationsstudien (EFMS) Institut an der Universität Bamberg.
- Koldobskaya N.A. (2022). Environmental consequences of the capital relocation in the Republic of Kazakhstan. *Geography, Environment, Sustainability*, 15(1), 150–158. Available at: <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2021-110>
- Lin N. (2002). *Social Capital: A Theory of Social Structure and Action*. Cambridge University Press.
- Massey D.S., Arango J., Hugo G. et al. (1993). Theories of international migration: A review and appraisal. *Population and Development Review*, 19(3), 431–466. Available at: <https://doi.org/10.2307/2938462>
- Ni M.L., Lisitsyn P.P. (2017). Interactional lenses for contemporary migration studies: The case of the “cosmopolitan sociability” concept. *Russian Sociological Review*, 16(4), 87–104. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-4-87-104
- Phillimore J. (2011). Refugees, acculturation strategies, stress and integration. *Journal of Social Policy*, 40(3), 575–593. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0047279410000929>
- Putnam R.D. (1971). Studying elite political culture: The case of “ideology”. *American Political Science Review*, 65(3), 651–681.
- Samuk Ş. (2020) Can integration be temporary? The (dis)integration of temporary migrant workers in Canada and the UK. In: *Politics of (Dis)Integration*. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-25089-8_4
- Soysal Y.N. (1994). *Limits of Citizenship: Migrants and Postnational Membership in Europe*. The University of Chicago Press.
- Spottswood E.L., Wohn D.Y. (2020). Online social capital: Recent trends in research. *Current Opinion in Psychology*, 36, 147–152. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2020.07.031>
- Taylor A., Foster J. (2015). Migrant workers and the problem of social cohesion in Canada. *Journal of International Migration and Integration*, 16, 153–172. DOI: 10.1007/s12134-014-0323-y
- Thulin E., Vilhelmsen B. (2016). The Internet and desire to move: The role of virtual practices in the inspiration phase of migration. *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*, 107(3), 257–269. DOI: 10.1111/tesg.12144

Сведения об авторах

Константин Сергеевич Мишеничев – аспирант, исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; e-mail: ksmishenichev@gmail.com)

Ольга Ивановна Бородкина – доктор социологических наук, доцент, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; e-mail: o.borodkina@spbu.ru)

Mishenichev K.S., Borodkina O.I.

Challenges of Social Integration of Young Temporary Migrants from Russia in the Republic of Kazakhstan in the Context of Geopolitical Instability

Abstract. Modern social reality is characterized by a significant level of uncertainty, which creates risks both in a global and local context. This led to a temporary outflow of a large number of the male population from Russia in the autumn of 2022. The Republic of Kazakhstan was among the countries that received the largest number of temporary migrants from Russia. The article presents a brief analysis of the conditions existing in Kazakhstan for the integration of temporary migrants from Russia; we also provide findings of a survey we have conducted with the help of an in-depth interview method; the survey considers social integration of young men who temporarily left Russia. The resource approach was chosen as the main theoretical approach, and the social capital of temporary migrants was considered as a key resource. To address the research tasks, we conducted 20 in-depth interviews with temporary male migrants from Russia who had arrived in Kazakhstan. As a result, we have revealed that social capital plays a significant role in the social integration of temporary migrants. First, the formation of new ties contributes to the formation of a community of migrants from Russia, which is supported by mutual assistance practices. Second, the accumulated social capital in the transnational social space allows temporary migrants to receive assistance from the country of origin, which greatly simplifies the integration process. Third, the social capital formed in the offline and online space is actively transformed from one form to another, which helps to address migrants' issues in the process of social integration. However, a lack of financial and personal resources in the first place can hinder successful social integration in a new environment.

Key words: social integration, temporary migrants, Russia, Kazakhstan, social risks, social capital, uncertainty.

Information about the Authors

Konstantin S. Mishenichev – postgraduate student, researcher, St Petersburg University (7-9, Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: ksmishenichev@gmail.com)

Olga I. Borodkina – Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, professor, St Petersburg University (7-9, Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: o.borodkina@spbu.ru)

Статья поступила 09.10.2023.

Оценка потенциала диаспоры в формировании социально-экономического благополучия мигрантов из Армении в России

Галина Ивановна

ОСАДЧАЯ

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: osadchaya111@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2597-9724

Марина Львовна

ВАРТАНОВА

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: m.l.vartanova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9853-5817; ResearcherID: J-7641-2018

Аннотация. Значимость предлагаемой темы исследования обусловлена потребностью развития теории и методологии анализа, оценки социально-демографического благополучия миграционно привлекательных регионов, а также перспектив его изменения с учетом вклада мигрантов из Армении в развитие российских территорий. Проблема, которая затрагивается в исследовании, актуальна, поскольку современный мир весьма динамичен и миграционные процессы в нем достаточно интенсивны. Во многих странах формируются сообщества мигрантов, получившие названия диаспор, которые начинают оказывать влияние на ситуацию в принимающей стране. В исследовании представлен авторский подход к изучению обеспеченности

Для цитирования: Осадчая Г.И., Вартанова М.Л. (2023). Оценка потенциала диаспоры в формировании социально-экономического благополучия мигрантов из Армении в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 6. С. 208–222. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.12

For citation: Osadchaya G.I., Vartanova M.L. (2023). Assessing the potential of the diaspora in the formation of socio-economic well-being of migrants from Armenia in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(6), 208–222. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.12

мигрантов материальными, социальными, духовными и другими благами, рассмотрены факторы формирования социально-экономического потенциала армянского диаспорального сообщества в России, дана оценка современного состояния социально-экономического благополучия мигрантов из Армении, определены направления развития и повышения эффективности использования социально-экономического потенциала мигрантов. Особое внимание уделено анализу особенностей миграционных процессов в России и Армении как формы хозяйственной деятельности общин в инокультурных пространствах. Научная значимость работы обусловлена вкладом авторов в теоретическое осмысление феномена социально-экономического благополучия мигрантов, обогащением теории эмпирическими данными, позволяющими зафиксировать особенности и устойчивые тенденции трансформации трудовой миграции, её влияния на социально-экономические процессы в России и Армении. Отмечено, что, попадая в новую социальную среду и пытаясь приспособиться к ней, представители этносов либо занимают свободные зоны в народнохозяйственной системе, либо перенимают собственные формы хозяйственной деятельности, связанные с этнокультурными традициями.

Ключевые слова: адаптация, армянское диаспоральное сообщество, возвратная миграция, интеграция, миграционные процессы, Россия, социально-экономическое благополучие, трудовые мигранты.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ РФ на реализацию научного проекта № 20-511-05007 «Социально-экономический потенциал армянской диаспоры в контексте интеграционных процессов в ЕАЭС».

Введение

В российской научной литературе создана традиция анализа миграционных процессов, миграционной политики как источника роста или снижения численности диаспоры в России, различных аспектов адаптации мигрантов. Основное внимание российские исследователи уделяют социальным, экономическим и политическим перспективам евразийской интеграции, правовым вопросам деятельности государств – членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Актуальность исследования заключается в изучении вклада мигрантов в социально-экономическое благополучие России и Армении. Целью проведенного исследования является определение социально-экономического благополучия армянских трудовых мигрантов в России, а также подготовка предложений по повышению эффективности использования потенциала мигрантов в интересах улучшения качества жизни людей в принимающей стране (Вартанова, 2022). Фундаментальная научная задача, поставленная в исследовании, – разработка методологического подхода к изучению социально-экономического положения мигрантов в регионах Российской Федерации и их вклада в социально-

экономическое благополучие. Исследование выполнено на основе изучения положения мигрантов из Республики Армения в России и процессов их встраивания в принимающее общество (Гужавина, Айрапетян, 2022). Потенциал практического применения ожидаемых научных результатов, в том числе с учетом приоритетов стратегии демографического развития Российской Федерации, состоит в возможности эффективного ответа российского общества на большие вызовы, принимая во внимание взаимодействие человека и природы, человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития, в том числе с использованием методов гуманитарных и социальных наук.

Литературный обзор

В Российской Федерации интересные социологические исследования были проведены ведущими учеными Института демографических исследований ФСНИЦ РАН, а в Армении – учеными Института философии, социологии и права НАН Республики Армения. В коллективной монографии «Интеграция VS Репатриация: социально-экономический потенциал армянской диаспоры в России» (Интеграция...

2022) были проанализированы проблемы мобильности мигрантов из Армении, социально-го самочувствия и адаптации трудовых мигрантов. В работе также представлен теоретический анализ результатов социологических исследований, проведенных в России и Армении по совместному научному проекту. Научные исследования, проводимые учеными Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, посвящены прикладному социологическому изучению социально-экономического потенциала армянской диаспоры России и наличию у нее репатриационного потенциала на обозримое будущее (Осадчая и др., 2022а; Осадчая и др., 2022б).

Проблемы формирования социально-экономического потенциала диаспоры слабо изучены современной наукой. Армянская диаспора, сформировавшаяся в России в XVII веке, является традиционной диаспорой с глубокими историческими корнями. Ее влияние на экономику, социальную политику, культуру, межэтнические отношения и другие сферы жизни населения в принимающей стране и стране происхождения неуклонно возрастает (Topilin et al., 2021).

Анализ особенностей реализации демографической политики России и стран СНГ в период социально-экономической трансформации, а также новых условий функционирования диаспоры в социально-территориальном пространстве России нашел отражение в работах ученых. Так, например, проводимые Г.И. Осадчей и М.Л. Вартановой систематические измерения динамики изменений «человеческого потенциала России в условиях интеграционных процессов, опирающиеся на представление об эмпирической модели интеграции, планирование и прогнозирование» (Осадчая, Вартанова, 2022а), закладывают основы для исследования социально-экономического потенциала представителей армянской диаспоры.

Ценным является подход, сформулированный нами ранее, согласно которому «оценка динамики человеческого потенциала опирается на современные подходы к исследованию проблем демографического потенциала обществ» (Осадчая, Вартанова, 2022а). При этом с целью усиления евразийской интеграции целесообразно формировать на данной территории единый рынок труда.

В некоторых случаях ученые осуществляют сравнительные исследования, стараясь провести глубокий анализ мирового опыта относительно социально-экономических эффектов миграции, накопления и использования ее потенциала. К примеру, в работе Е.С. Садовой доказано, что «социально-экономический потенциал мигрантов закладывается во время нахождения на территории принимающей страны» (Садовая, 2022). В итоге реализация социально-экономического потенциала мигрантов приобретает позитивное значение как для самого мигранта, так и для региона и всей страны.

Социально-экономический потенциал возвратных мигрантов напрямую связывается с состоянием их здоровья, а также с медицинскими услугами и товарами, которые им доступны. Причем речь идет не только о программах обязательного или дополнительного медицинского страхования, не всегда доступных трудовым и возвратным мигрантам и членам их семей, но и о проектах, реализуемых общественными организациями. К примеру, О.А. Волкова и А.А. Горский изучают медицинскую благотворительность, которая понимается как «деятельность некоммерческих организаций в сфере оказания помощи гражданам по вопросам получения медицинских услуг: сбор средств на лечение, реабилитацию, оказание помощи сопровождающим лицам, психологическое сопровождение» (Горский, Волкова, 2020).

В.Н. Ракачева, Я.В. Ракачева рассматривают механизм трансформации национальной идентичности в современных миграционных процессах (на примере миграционной сети Армения – Юг России) (Ракачева, Ракачева, 2022).

Результаты настоящего исследования касаются социально значимых различий в представлениях об этнокультурном идеале у респондентов титульного армянского этноса и армянской диаспоры (Берберян, Тучина, 2016), элементов самооценки в контексте этнокультурных норм и ценностей, а также социально-экономического благополучия армянских мигрантов из Армении в России.

Среди зарубежных работ также встречаются интересные исследования армянской миграции (см., например, Айрапетян, 2020).

Фундаментальный вклад в ее изучение внесли научные труды академика НАН Республики Армения Г.А. Погосяна о перспективах репатриации или интеграции армянской диаспоры России (Погосян, 2022а; Погосян, 2022b).

В работах ряда зарубежных исследователей дается оценка международной миграционной политики (Faist, 2013) и значимости диаспоры (Grubaker, 2005). М.М. Криц осуществил обзор основных проблем международной миграции (Kritz, 1987), а в трудах (Todaro, 1969) дается описание модели трудовой миграции. Значительное внимание уделяется процессам влияния социальных, политических и экономических факторов на миграцию (Ryazantsev, Bragin, 2023).

Обзор источников позволяет заключить, что проблема миграционных рисков и воспроизводства человеческого капитала мигрантов (Марзпанян и др., 2016) чаще всего затрагивалась фрагментарно и в основном на примерах возвращения трудовых мигрантов из экономически развитых стран. Исследователи приходят к выводу, что миграция в итоге приводит страну (возвращения) к более высокому уровню экономического развития. Это происходит из-за того, что у вернувшихся из развитых стран мигрантов имеется лучшее образование, состояние здоровья, больше накопления, комфортнее условия труда, конкурентоспособнее позиция на рынке труда, выше доходы.

Анализ генезиса формирования социально-экономического благополучия мигрантов из Армении и оценка степени сплоченности и корпоративности армянских мигрантов в России позволили провести всестороннее изучение места и роли мигрантов в российском социально-территориальном пространстве, влияния армянских мигрантов на внутреннюю и внешнюю социально-экономическую политику страны проживания (Лескова и др., 2021), особенностей адаптации, интеграции, самоорганизации мигрантов из Армении.

Методология и методика

Выбор методологии обусловлен спецификой изучаемого предмета, авторским исследовательским подходом к измерению данного феномена, целью исследования, а также теоретическими конструктами экономической интеграции и социальной сплоченности, позволяющими более четко артикулировать полу-

ченные результаты. Исследование расширяет представления об интеграционных практиках, протекающих в армянском диаспоральном сообществе России, об особенностях его функционирования.

Методическая стратегия представлена количественными и качественными методами, обеспечивающими комплексный анализ исследовательской проблемы. При проведении качественного анализа были использованы следующие методы сбора и обработки данных: систематизация данных; методы анкетного опроса; интервью; анализ документов; метод экспертной оценки.

Актуальность работы помогает выработать научно обоснованный подход к выявлению динамики изменений социально-экономического потенциала мигрантов в России.

Современная миграционная ситуация в Армении характеризуется тенденцией увеличения численности граждан, выезжающих на постоянное место жительства и с целью трудоустройства за пределы Республики. При этом Российская Федерация по-прежнему остается доминирующим государством в плане выбора армянскими трудовыми мигрантами зарубежной страны для работы и места проживания.

Анализ особенностей интеграции армянских мигрантов в России был осуществлен на материале количественного эмпирического исследования, проведенного в апреле – июне 2021 года научными сотрудниками отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС Института демографических исследований ФНИСЦ РАН. Опрошено 1273 человека (в Московской агломерации – 658 человек, в Краснодарском и Ставропольском краях – 310 и 305 человек соответственно). Предполагается, что глубина интеграции характеризуется удовлетворенностью работой, жилищными условиями, материальным благополучием, толерантностью и комплементарностью мигрантов во взаимодействии с местным населением, идентичностью.

Мониторинг исследования и анализа информационных источников позитивной/негативной памяти включает в себя:

- 1) разработку социальных технологий по локализации/нейтрализации негативной информации, замене негативной информации на позитивную;

2) развитие культурно-образовательных обменов; создание единого культурного пространства;

3) преодоление негативных эффектов, связанных с «десоветизацией» прошлого, внедрение цензуры на фальсификацию событий прошлого;

4) более эффективное использование инструментов социологического опроса.

Также были использованы общеметодологические методы и приемы исследования: анализ, синтез, индукция, абстрагирование, моделирование для разработки теоретико-методологических подходов анализа, модели эмпирического исследования, согласованного инструмента анализа в режиме мониторинга динамики вклада мигрантов из Армении в социально-демографическое благополучие российских регионов.

Генезис формирования социально-экономического потенциала армянских трудовых мигрантов

После распада СССР постсоветские страны пережили достаточно сложные социальные процессы, связанные как с изменением социально-политической модели, так и социокультурными сдвигами (Айрапетян, Покровская, 2022).

Традиционно миграция из стран СНГ была связана с неудовлетворительным социально-экономическим положением в них и эмоциональным пессимизмом. В этом плане желание уехать обусловлено тем, что люди ищут место, где лучше живется. Несмотря на то, что Армения не является самой депрессивной республикой, жизнь во многих местах Российской Федерации и других стран все же значительно лучше. Статистические данные последних лет показали, что с 2020 года в Армении наблюдается более резкий рост оттока населения по сравнению с предыдущими годами, в 2021 году из Армении выехало около трех процентов от всего населения страны.

Традиционно считается, что для миграции существует большое количество причин, среди них как экономические, так и политические. Вслед за экономическими причинами тянутся и социальные причины. Чтобы человек решился мигрировать, пусть даже в соседнее государство, необходима совокупность причин. По оценкам респондентов, к основным факторам, обуславливающим

миграцию армян в Россию, можно отнести следующие.

1. Военные действия. Катастрофические последствия военных действий в Нагорном Карабахе осенью 2020 года и большое число людей, лишившихся в связи с этим жилья на родине. Больше всего люди ощущали страх за жизнь. В первую очередь это риски, связанные с угрозой военных действий, и возможная эскалация ситуации на границах Армении.

2. Бедность. Ухудшающаяся экономическая ситуация в Армении, рост цен на продукты первой необходимости, общая обстановка политического и экономического кризиса.

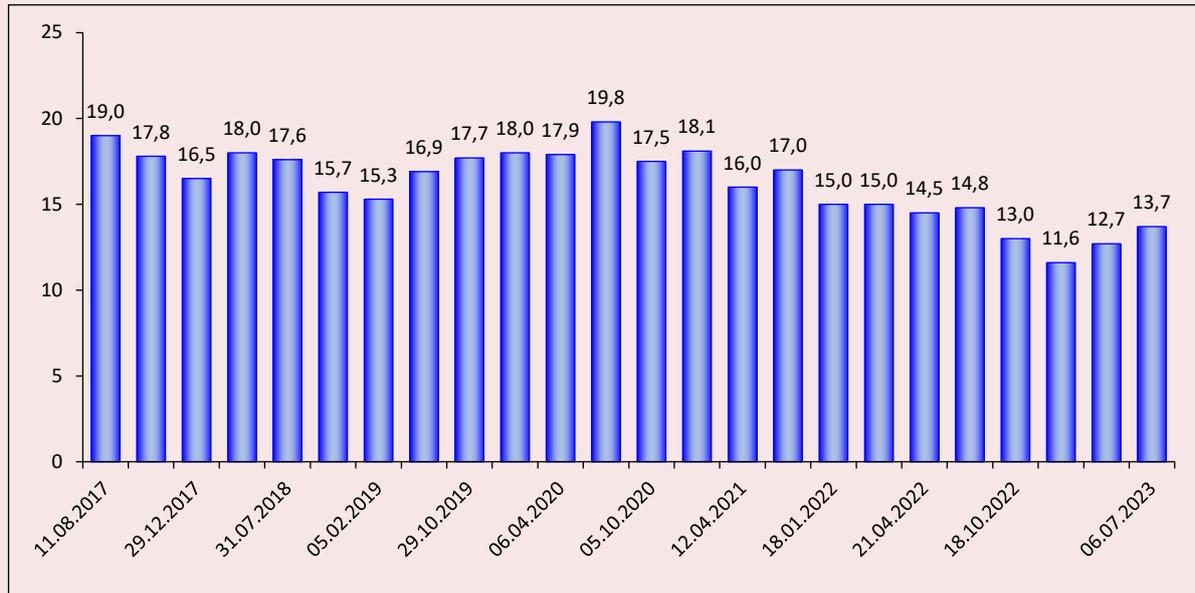
3. Уровень жизни и занятость населения. Возможности формирования и реализации предпринимательской деятельности, заработка; проблема нехватки рабочих мест, малый бизнес не может обеспечить полную занятость. При этом наблюдается отток населения именно трудоспособного возраста, что, естественно, формирует растущую угрозу, связанную с депопуляцией страны.

Уровень ВВП и безработица напрямую зависят друг от друга. Так, в последнее десятилетие в Армении сохраняется уровень безработицы, равный в среднем 18–20% от общего числа трудоспособного населения (*рис. 1*).

Однако, для того чтобы как-то изменить ситуацию, уменьшив число безработных, и замедлить отток трудоспособного населения за границу, ничего не делалось. Скорее наоборот, миграция граждан рассматривалась как новый временный источник пополнения казны взамен существующего дефицита внешней торговли (Жирнова, 2020). В первом квартале 2023 года уровень безработицы вырос до 13,7% (*табл. 1*), максимальный ее уровень достигал 21,1%, а минимальный – 6,3%, что говорит о ее уменьшении по сравнению с предыдущими периодами.

Армянские диаспоры – одни из самых древних и хорошо укорененных во многих странах, например во Франции и Соединенных Штатах Америки. В настоящее время диаспоральное сообщество армян «входит в „мировой этнической сетке” в первую десятку в мире по численности и в первую тройку по уровню влияния и ресурсам. Общая численность армян в мире намного превышает численность населения самой Республики Армения» (Леонтьева, Мкртчян, 2020).

Рис. 1. Уровень безработицы в Армении, 2017–2023 гг., %

Источник: Уровень безработицы в Армении. URL: <https://take-profit.org/statistics/unemployment-rate/armenia/>

Таблица 1. Показатели безработицы в Армении

Показатель	Значение	Период
Уровень безработицы	13,7%	1 кв. 2023
Количество трудоустроенного населения	853 тыс. чел. 0,853 млн чел	июнь 2023
Общая численность безработных	47,1 тыс. чел. 0,047 млн чел.	июнь 2023

Источник: Уровень безработицы в Армении. URL: <https://take-profit.org/statistics/unemployment-rate/armenia/>

Россия – дружественное государство, в котором экономика сильнее, чем в Армении. Армяне чаще уезжают в близлежащие страны, где есть возможность легко оформить законное нахождение и работать. В основном уезжает молодежь, которой хочется работать, стабильно получать деньги, интересно проводить время. Как правило, люди уезжают потому, что на родине не находят того, что нужно для жизни. В первую очередь они хотят реализовать свои амбиции, обеспечить семью или же достигнуть чего-то, чтобы создать семью. Ключевым аспектом миграции является экономический вопрос, а в Москве, Краснодаре и других крупных городах России больше возможностей для развития.

Армянам переезд осуществить значительно проще, чем русским, которые часто уезжают в «никуда». Если такая ситуация у армян и имеет

место, то она связана с нестабильностью, обусловленной военными действиями на границах. Иными словами, чаще всего отток обусловлен военными действиями и недружественными заявлениями сторон конфликта об их продолжении. Традиционными факторами оттока населения в Армении, с одной стороны, была социально-экономическая ситуация, а с другой стороны – то, что мощным притягивающим фактором за пределами Армении служит наличие сетевых миграционных связей с диаспорой.

Таким образом, сама диаспора выступает в роли магнита, притягивающего новых мигрантов. Особенно это хорошо видно на образовательной миграции, когда детей отправляют на обучение в ту страну, где есть родственники или знакомые. Поэтому возможно, что Армения в каком-то смысле попала в миграционную ловушку, превратившись в одну из немногих

стран в мире с большей численностью диаспоры, чем численность населения земли предков, что на новом витке провоцирует более активный иммиграционный отток из страны.

Результаты

Социально-экономическое благополучие страны – это совокупность ресурсов, которые при полном использовании позволяют произвести максимальный объём валового национального продукта (ВВП). Социально-демографическое благополучие региона – интегральный показатель эффективности его социально-демографического развития, маркер удовлетворенности и успешности жизни населения, который отражает социальное самочувствие, уровень благосостояния, качество жизни населения, возможности реализации матримонимальных, репродуктивных, миграционных установок, является индикатором социально-экономической безопасности общественной системы в целом.

Социально-демографическое благополучие характеризуется комфортными для человека условиями жизни, в которых в полной мере раскрывается его творческий потенциал и реализуются возможности, положительной (восходящей) демографической динамикой, которая носит устойчивый характер в течение, как минимум, пяти лет, характеризующейся положительным общим приростом населения за счет естественного и миграционного прироста, соотношением и динамикой показателей рождаемости и смертности населения, его сбалансированной половозрастной структурой с оптимальными долями молодежи и пенсионеров, наличием трудовых ресурсов, необходимых для социально-экономического развития.

Социально-экономическое благополучие трудовых мигрантов – это накопленная в домиграционные и миграционные периоды совокупная способность людей проявлять на практике свои финансовые, материальные, образовательные, профессионально-квалификационные, социально-коммуникативные, психофизические, половозрастные и мотивационные ресурсы и возможности для улучшения своей жизненной ситуации и осуществления всесторонней самореализации.

Россия является самым массовым направлением миграции, что объясняется простотой визового режима, минимальным количеством

ограничений. Знание русского языка также имеет очень важное значение¹.

Исторически сформировавшись в России, армянская диаспора играет важную роль в социально-экономических процессах, затрагивая все сферы жизни, как в стране пребывания, так и на исторической родине. История армян в России насчитывает более тысячи лет, со времён тесных контактов с Византийской империей. Присутствие армян на территории Киевской Руси фиксируется начиная с XI века. Цари Иван Грозный, а затем и Алексей Михайлович способствовали поселению в Москве многих армян – купцов, ремесленников, врачей. В Москве армяне живут 800 лет². Продвижение армянской диаспоры как этнокультурного и этнополитического феномена коренится в особенностях формирования ее социально-экономического потенциала на протяжении всей истории добрососедских отношений между Россией и Арменией (Topilin et al., 2021).

В Российской Федерации постоянно проживает до 3 млн армян, из них почти половина имеют гражданство России и почти 1 млн – гражданство Армении (данные 2021 года)³. Большая часть армян, имеющих российское гражданство, это российские граждане армянского происхождения, проживающие на территории России со времен СССР и после 1990-х годов, а также потомки армян Царской России. Около половины из них компактно проживают в трех крупных южных субъектах Российской Федерации – Краснодарском, Ставропольском краях, Ростовской области. Больше всего армян в Москве (100 тысяч человек, почти 1% от общей численности населения города) и Московской области. Санкт-Петербург находится на 7 месте (более 20 тысяч человек, 0,5%). Если рассматривать региональный уровень, то большая часть армян проживает в Краснодарском крае. Так, только в Сочи они являются

¹ Сколько армян в России 2020–2021 гг.: численность, диаспора. URL: <https://armeniagid.com> (дата обращения 31.01.2022).

² История армян России. Армянская диаспора России. URL: <https://nashaarmenia.info/2023/09/10/армяне-россии/> (дата обращения 10.11.2023).

³ Федеральная служба государственной статистики. Международная миграция. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 05.02.2022).

вторым по численности народом – 20% населения (80 тысяч); в Краснодаре – около 30 тысяч (около 4% населения), в Армавире, который армяне основали в 1839 году, – почти 20 тысяч (8,4%). В Ростове-на-Дону живет 42 тысячи армян (3,5%), в Пятигорске – 20 тысяч (13%), в Ставрополе – 18 тысяч (4,5%), в Волгограде – 15 тысяч (1,5%)⁴.

По итогам проведенного интервью с представителями армянской диаспоры, проживающими в Москве и Московской области, Краснодарском и Ставропольском краях, мнения семей мигрантов и наших экспертов во многом подтвердили результаты опроса армянских мигрантов в России относительно их социально-экономического благополучия и ожидаемых условий для возвращения на родину. Данное исследование позволяет выделить в армянской диаспоральной структуре в России четыре группы: наиболее крупную – центральную,

две периферийные и одну маргинальную. Первая – это сплочённое ядро, представляющее большинство армян (70–73% респондентов). Эта группа демонстрирует высокие значения таких переменных, как доверие, единство суждений, представляющих субъективный уровень сплоченности, совместное участие в решении вопросов жизнедеятельности армянского диаспорального сообщества и повседневных проблем его представителей – объективный уровень сплочённости (рис. 2).

Одна из периферийных групп (15–16%) характеризуется недоверием к сообществу, ключевым институтам и недостаточными инвестициями в воспроизводство социального капитала, что может свидетельствовать о недостаточной включённости (недостаточной социальной инклюзии) в социальную и экономическую жизнь сообщества и характеризовать личностные особенности.

Рис. 2. Показатели социальной сплочённости центральной группы армянского диаспорального сообщества в России, % от числа опрошенных

Источник: (Осадчая и др., 2022а).

⁴ Армянская диаспора в России. URL: <https://armeniagid.com/kultura/armyanskaya-diaspora-v-rossii> (дата обращения 22.03.2020).

Социально-экономическое благополучие трудовых мигрантов из Армении может быть охарактеризовано в контексте того, имеют ли они собственное жилье в России и для возвращения в Армению. Во-первых, у части мигрантов есть собственное жилье или в России, или в Армении; во-вторых, большая доля мигрантов живет в России у родственников и при возвращении на Родину может вернуться в жилье родителей, родственников; в-третьих, мигранты снимают жилье в России и при возвращении будут также вынуждены снимать жилье. Из трех выделенных категорий наиболее высоким уровнем социально-экономического благополучия (в зависимости от наличия жилья) обладают те мигранты, которые имеют собственное жилье в Армении и планируют приобрести или уже приобрели его в России.

Согласно результатам анализа интервью, осуществленных научными сотрудниками Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, экономический потенциал мигрантов из Армении может быть связан с тем, что мигранты: 1) зарабатывают деньги; 2) получают желаемое качественное профильное образование; 3) обретают навыки для самореализации; 4) расширяют общий кругозор.

Таким образом, чаще всего речь идет о зарабатывании денег, что может способствовать накоплению экономического потенциала трудовых

мигрантов. На вопрос, в каком секторе экономики в основном работают армяне в России, респонденты ответили следующим образом:

– «в самых разных сферах, от предпринимательства до медицины, но большая часть моих знакомых имеет свои фирмы»;

– «предпринимательство, малая и средняя розничная торговля, хотя многие сейчас активно переходят в сферу IT, и это правильно, потому что прошли времена, когда нужны были адвокаты и юристы. Нужно идти в ногу со временем»;

– в Краснодарском крае в первую очередь это ресторанный бизнес, строительство, частные медицинские клиники;

– в Московской области традиционно это сферы строительства и ремонта автодорог, строительный бизнес в целом.

В кластере сотрудников в большей степени представлены члены армянской диаспоры с более высоким уровнем квалификации. В основном это люди, которые управляют техникой. Многие также работают в производственной сфере, что связано с деятельностью представителей армянской национальности в российском бизнесе, которые охотнее соглашаются брать на работу своих соотечественников.

Результаты качественного исследования, проведенного при помощи метода интервью, подтверждают количественные данные (табл. 2).

Таблица 2. Виды занятости армянской диаспоры в России и Армении по результатам проведенного опроса, %

Вариант ответа	Москва и Московская область		Краснодарский край		Ставропольский край	
	в Армении	в РФ	в Армении	в РФ	в Армении	в РФ
Другое (укажите)	33,3	10,2	12,9	3,5	24,4	8,6
Руководитель	6,0	8,2	8,1	12,6	6,9	6,6
Квалифицированный наемный работник	23,5	44,6	40,3	43,9	28,1	52,7
Неквалифицированный наемный работник	15,8	13,7	16,1	10,9	23,1	14,8
Предприниматель, бизнесмен	5,8	9,0	4,0	7,0	3,8	5,8
Индивидуальный предприниматель, самозанятый	7,0	8,5	12,9	19,1	9,4	9,5
Фрилансер	8,7	5,8	5,6	3,0	4,4	2,1

Источник: составлено авторами.

Таким образом, занятость представителей армянской диаспоры в разрезе Москвы и Московской области, Краснодарского и Ставропольского краев можно охарактеризовать следующим образом:

– в Москве наибольшая доля армян занята в сфере торговли (20%), осуществляет профессиональную деятельность в науке и технике (10,9%), по 6–7% – на обрабатывающих производствах, на транспорте, в здравоохранении, образовании, сфере информационных технологий;

– в Краснодарском крае – в торговле (17,6%), на транспорте и в сфере связи (17,9%), сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве (13,4%), обрабатывающем производстве (11,4%), осуществляют операции с недвижимым имуществом, в сфере аренды и предоставления услуг (11,4%);

– в Ставропольском крае – в торговле (20,7%), в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве (14,5%), обрабатывающем производстве (10,8%), строительстве (8%), около 7% – в здравоохранении и услугах социальной сферы, в образовании, а также в области транспортировки и хранения продукции.

По результатам проведенного среди членов армянской диаспоры опроса можно говорить, что круг их занятий довольно широкий и не имеет ограничений. В основном армяне не представлены в сфере обслуживания, но некоторые из них организовали такой бизнес. Среди армян очень много высококвалифицированных кадров, однако со временем их становится чуть меньше. Тем не менее сезонность осуществляемых работ очевидна, особенно в городах-мегаполисах, например в Москве – это укладка асфальта и дорожное строительство в целом. Если же говорить о представителях армянской диаспоры, проживающих в Ставропольском крае, то основные виды выполняемых ими работ – это торговля и строительство. Преимущественно это самозанятость, то есть торговый или другие виды бизнеса.

Таким образом, поэтапно в России происходит становление и адаптация армянской диаспоры, а уже потом формирование очередных поколений, которых уже не удовлетворяет ниша в торговой сфере. Как правило, это сформировавшиеся социально-экономические группы, которые могут позволить себе

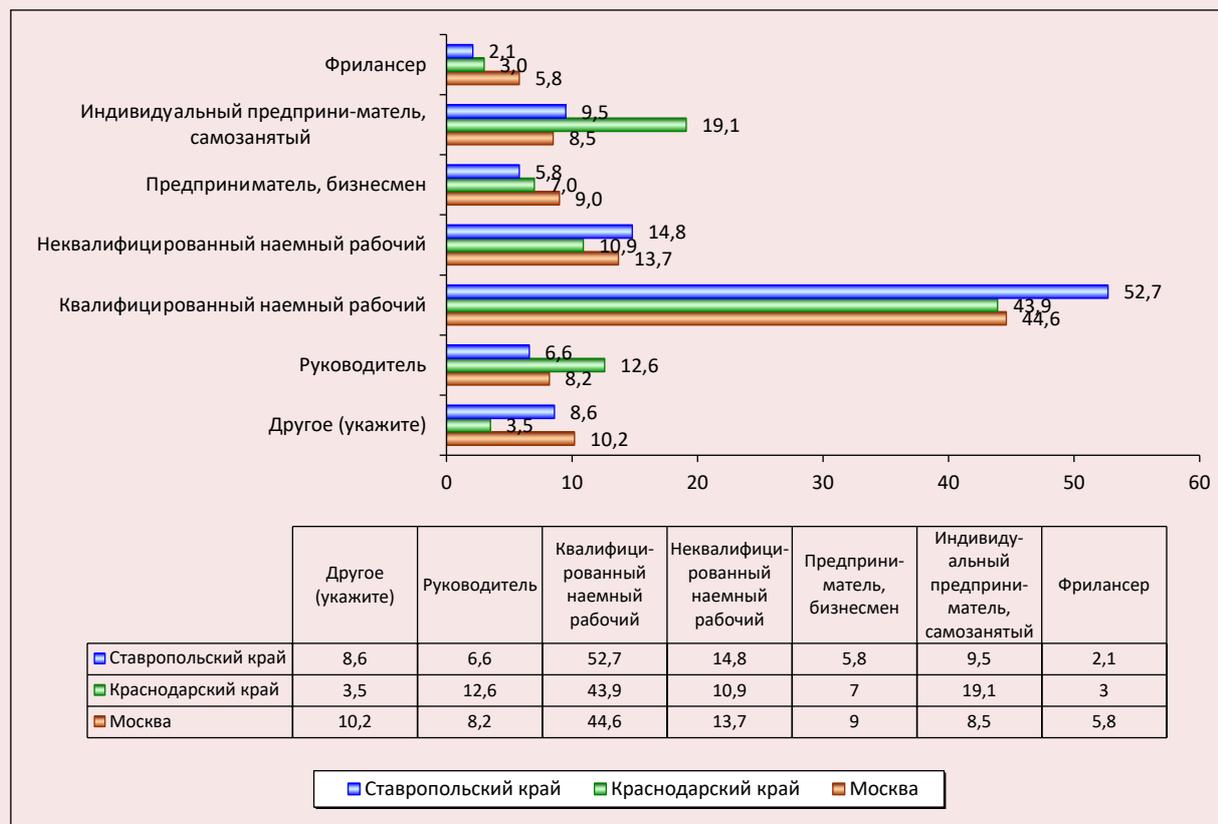
платить за дорогое образование детей. Естественно, за долгие годы жизни в России уже был сформирован новый виток вертикальной социальной мобильности, способствующий улучшению уровня образования, то есть у молодых людей появилась возможность обучаться в лучших университетах, по специальностям и профессиям, которые востребованы на рынке труда в России. Сейчас также увеличивается занятость представителей диаспоры в некоторых сегментах постиндустриальной экономики, например в управлении, в органах государственной власти. Некоторое смещение происходит, когда представители диаспоры в какой-то степени законсервированы в занятости в местах проживания. Этот момент требует изучения и рассмотрения не только в разрезе территориальной динамики, но и в контексте социальной мобильности населения. К примеру, в Москве, скорее, будет больше занятых в сферах управления, медицины, образования (рис. 3). По России виды занятости не будут сильно различаться, а если разница и будет, то не в силу менталитета, уровня образования или возможностей работников, а прежде всего из-за непосредственного отличия экономик регионов.

Проведенные исследования позволили также выявить отдельные стороны социально-экономического положения и социальных настроений армянской диаспоры. В частности, армянская диаспора в целом удовлетворительно оценивает отдельные стороны своей жизни в России⁵. Среднедушевые денежные доходы населения за 2020 год, по данным статистики, составили в Москве – 75655,2 руб. в месяц; Краснодарском крае – 36165 руб.; Ставропольском крае – 23791,3 руб. При этом численность населения с денежными доходами свыше 60 тыс. рублей (по данным проведенного опроса): Москва и Московская область – 47%; Краснодарский край – 14,5%.

Растущие показатели доходности потенциально могут стимулировать экономический рост, поскольку появляется экономически продуктивное население с новыми и улучшенными навыками. Однако они также могут сдер-

⁵ Сколько армян в России 2020-2021 гг.: численность, диаспора. URL: <https://armeniagid.com> (дата обращения 31.01.2022).

Рис. 3. Виды занятости представителей армянской диаспоры, %

Источник: составлено авторами.

живать развитие, поскольку возвращающиеся, как правило, экономически не всегда хорошо обеспечены.

Пандемия COVID-19 также качественно видоизменила потоки трудовых мигрантов из Армении в Россию (рост продолжительности сроков пребывания, более ответственное отношение к оформлению пребывания и т. д.) и привела лишь к временному снижению количественных показателей миграции. Установлено, что объемы денежных переводов частных лиц в Армению восстановились к 2021 году, однако кризисные явления привели к снижению доли средств, поступающих от трудовых мигрантов в РФ, которые стали замещаться иными источниками (Рязанцев, Кузнецов, 2022). Представители армянского диаспорального сообщества довольно активно участвуют в жизни Армении, взаимодействуют с посольством. Ключевая роль отводится Союзу армян

России как структуре, объединяющей членов армянской диаспоры в Российской Федерации. По сути, это единственная организация, деятельность которой охватывает весь регион и которая привлекает к своей деятельности самое большое число лиц армянской национальности, проживающих в России. Российские власти рассматривают диаспору как помощника в быстрой адаптации мигрантов. В России очень мало армянских школ или школ, где армянский язык изучается глубоко. Однако не все проживающие в России армяне причисляют себя к диаспоре. Уровень их сплоченности — не самый высокий. У армянской диаспоры в России нет серьезной опоры в Армении⁶. Укрепление социально-экономи-

⁶ Армянская диаспора в России. URL: <https://armeniagid.com/kultura/armyanskaya-diaspora-v-rossii> (дата обращения 31.01.2022).

ческого благополучия мигрантов является основой для максимизации положительного воздействия международной миграции на устойчивое развитие стран происхождения (откуда мигранты уезжают), транзита (где останавливаются в процессе перемещения) и назначения (куда они прибывают)⁷. Для улучшения жизненной ситуации и всесторонней самореализации мигрантов целесообразны следующие направления развития и повышения эффективности использования социально-экономического потенциала мигрантов в России:

- финансовое (повышение доходов);
- материальное (улучшение условий жизни и инфраструктуры);
- образовательное (повышение образовательного уровня, освоению новых компетенций);
- профессионально-квалификационное (повышение квалификационного уровня, статуса занятости);
- социально-коммуникативное (расширение социальных сетей);
- психофизическое (доступность программ медицинского страхования, получения медицинских услуг и приобретения лекарств);
- половозрастное (социальная адаптация разных социально-демографических групп населения);
- мотивационное (развитие навыков самореализации).

Таким образом, результатами исследования стали авторский теоретико-методологический подход к изучению социально-экономического потенциала армянской диаспоры и модель прикладного социологического исследования социально-экономического потенциала армянской диаспоры в России⁸.

⁷ Демоскоп Weekly № 887–888 от 25 января – 7 февраля 2021. Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0887/barom04.php> (дата обращения 12.09.2023).

⁸ Международная интеграция: эксперты РЭУ и академики Армении – о взаимном сотрудничестве. URL: <https://www.rea.ru/ru/news/Pages/seminar-armenia.aspx> (дата обращения 09.09.2023).

Заключение

Результаты исследования позволяют объединить научный потенциал ученых России и Армении в теоретическом и эмпирическом осмыслении феномена диаспоры (Вартанова, 2022), а также в создании научно-образовательного контента по теме исследования для использования в учебном процессе по направлениям «Социология», «Экономика», «Менеджмент» и др., в процессе профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации.

Также исследование дает возможность объединить научный потенциал ученых России и Армении в теоретическом и эмпирическом осмыслении феномена возвратных мигрантов, а именно:

1) выработать комплекс мер для органов исполнительной и законодательной власти регионов Российской Федерации по результативности мер реализации национального проекта «Демография» (Рязанцев, Ростовская, 2022), корректировке действующей концепции миграционной политики с целью повышения социально-экономического развития страны;

2) разработать схему проведения социологического мониторинга сравнительно-сопоставительной связи возвращения мигрантов на родину с учетом их вклада в социально-экономическое развитие Армении.

Изучение социально-экономического благополучия мигрантов также зависит от того, чтобы миграционная статистика, собираемая в настоящее время и анализируемая отечественными и зарубежными исследователями, была интегрирована и доступна всем соответствующим ведомствам.

Таким образом, результаты проведенного анализа социально-экономического благополучия мигрантов в России могут применяться для разработки программ, направленных на повышение эффективности использования социально-экономического потенциала мигрантов из Армении, улучшение всесторонней самореализации мигрантов в российском обществе, для осуществления социологического мониторинга социального благополучия региона, объективной оценки вклада армянской диаспоры в реализацию Стратегии социально-экономического

развития России – 2023⁹ и на плановый период 2024–2025 годов, создания эмпирической базы для принятия управленческих решений в сфере социальной, демографической и миграционной политики.

Считаем, что миграционная политика принесет положительные результаты с учетом

возможностей прогнозирования миграционных процессов и конкретных миграционных потоков, всесторонней помощи от органов государственной власти Российской Федерации, содействия мигрантам из Армении в адаптации и интеграции к новым местам жительства.

Литература

- Айрапетян Э.М. (2020). Социологические подходы к регулированию миграционных процессов на постсоветском пространстве // *Научная мысль*. Т. 13. № 3-1 (37). С. 113–122.
- Айрапетян Э.М., Покровская Н.Н. (2022). Факторы миграции на постсоветском пространстве (опыт армянских мигрантов в Вологодской области) // *Социальное пространство*. Т. 8. № 2.
- Берберян А.С., Тучина О.Р. (2016). Исследование самопонимания этнокультурной идентичности в титульном армянском этносе и сопряженной армянской диаспоре в России // *Российский психологический журнал*. Т. 13. № 3. С. 178–196.
- Вартанова М.Л. (2022). Изучение социально-экономического потенциала армянской диаспоры в контексте евразийской интеграции // *IV Всероссийский демографический форум с международным участием: сборник тезисов / отв. редактор Т.К. Ростовская*. Москва. С. 61–62.
- Горский А.А., Волкова О.А. (2020). Медицинская благотворительность: основные направления деятельности зарубежных некоммерческих организаций // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. Т. 28. № 5 (спецвыпуск 1). С. 703–704.
- Гужавина Т.А., Айрапетян Э.М. (2022). Адаптация мигрантов в принимающем социуме: кейс армян в Вологодской области // *Научный результат. Социология и управление*. № 4. С. 89–101.
- Жирнова Д.Р. (2020). Современная структура и динамика импорта рабочей силы в Россию из Армении // *Молодой ученый*. № 17 (307). С. 346–351.
- Интеграция VS Репатриация: социально-экономический потенциал армянской диаспоры России (2022): коллективная монография / под ред. Г.А. Погосяна. Ереван: Гитутюн НАН РА. 196 с.
- Леонтьева О.Б., Мкртчян Л.Г. (2020). Армянская диаспора России: современные подходы к изучению // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. Т. 26. № 4. С. 8–14.
- Лескова И.В., Осадчая Г.И., Петров В.Н. (2021). Мигранты армяне в российском социально-территориальном пространстве: теоретико-методологические основания эмпирического исследования // *Мир науки. Социология, филология, культурология*. Т. 12. № 2. С. 1–12.
- Марзпаян А., Маркосян Р., Хачатрян Н. (2016). Миграционные риски и воспроизводство человеческого капитала: постановка вопросов, опросы, сопоставления. Ереван: Изд-во ЕГУ. 140 с.
- Осадчая Г.И., Вартанова М.Л. (2022a). Выявление динамики изменений человеческого потенциала России в контексте опыта евразийской интеграции // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 15. № 3. С. 223–235.
- Осадчая Г.И., Вартанова М.Л. (2022b). Особенности реализации демографической политики России и стран СНГ в период социально-экономической трансформации // *Социальная политика и социология*. Т. 21. № 1 (142). С. 132–139.
- Осадчая Г.И., Киреев Е.Ю., Вартанова М.Л., Рославцева М.В. (2022a). Социальная сплочённость армянской диаспоры в России: теория и практика измерения // *Социологическая наука и социальная практика*. Т. 10. № 2. С. 87–104. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.2.9030> (дата обращения 21.07.2022).
- Осадчая Г.И., Погосян Г.А., Волкова О.А. (2022b). О международной научной конференции «Социально-экономический потенциал армянской диаспоры в контексте интеграционных процессов в ЕАЭС» // *ДЕМИС. Демографические исследования*. Т. 2. № 4. С. 156–162.

⁹ Россия – 2024: Стратегия социально-экономического развития. URL: <http://static.government.ru/media/files/gAveWFrMIiQd5E2AzHw8S497eYqH2o1G.pdf> (дата обращения 22.03.2020).

- Погосян Г.А. (2022a). Перспективы репатриации или интеграции армянской диаспоры России // Социальная политика и социология. Т. 21. № 2 (143). С. 132–139.
- Погосян Г.А. (2022b). Перспективы евразийской социально-экономической интеграции (взгляд из Армении) // Социальные новации и социальные науки. № 2 (7). С. 22–30.
- Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. (2022). Трудовая миграция из Армении в Россию: состояние и перспективы // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: материалы V Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти Л.М. Дробижевой / под редакцией Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Л.В. Сагитовой. Казань. С. 166–171.
- Рязанцев С.В., Кузнецов Н.Г. (2022). Влияние пандемии COVID-19 на трудовую миграцию из Армении в Россию // Современная Европа. № 5 (112). С. 48–63.
- Рязанцев С.В., Ростовская Т.К. (2022). О IV Демографическом форуме с международным участием // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 2. № 4. С. 152–155.
- Садовая Е.С. (2022). Возвратная китайская миграция из США: уроки для России // Международная торговля и торговая политика. Т. 8. № 3 (31). С. 24–38.
- Brubaker R. (2005). The “diaspora” diaspora. *Ethnic and Racial Studies*, 28(1), 1–19.
- Faist T. (2013). Transnationalism. In: Gold S.J., Nawin S.J. (Eds.). *Routledge International Handbook of Migration Studies*. New York: Routledge.
- Kritz M.M. (1987). International migration policies: Conceptual problems. *International Migration Review*, 21(4), 947–964.
- Ryazantsev S., Bragin A. (2023). The influence of political and economic factors on emigration from Russia to Europe. *Journal of Population and Social Studies*, 31, 152–169.
- Todaro M.P. (1969). A model of labor migration and urban unemployment in less developed countries. *American Economic Review*, 59, 138–148.
- Topilin A., Pogosyan G., Osadchaya G., Ryazantsev N. (2021). Socio-Economic Potential of the Armenian diaspora in the context of EAEU integration. *Central Asia and the Caucasus*, 22(3), 109–119.

Сведения об авторах

Галина Ивановна Осадчая – доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва; e-mail: osadchaya11@gmail.com)

Марина Львовна Вартанова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва; e-mail: m.l.vartanova@mail.ru)

Osadchaya G.I., Vartanova M.L.

Assessing the Potential of the Diaspora in the Formation of Socio-Economic Well-Being of Migrants from Armenia in Russia

Abstract. The relevance of the research topic is due to the need to develop the theory and methodology of analysis, assessment of socio-demographic well-being of migration-attractive regions, as well as prospects of its changes taking into account the contribution of migrants from Armenia to the development of Russian regions. The problem that is touched upon in the study is of an urgent nature, since the modern world is very dynamic and migration processes in it are quite intense. Migrant communities, called diasporas, are forming in many countries and are beginning to influence the situation in the host country. The study presents our own approach to the study of the provision of migrants with material, social, spiritual and other benefits, examines the factors promoting the formation of the socio-economic potential of the Armenian diaspora community in Russia, assesses the current state of socio-economic

well-being of migrants from Armenia, identifies the directions of development and increasing the efficiency of the use of the socio-economic potential of migrants. Special attention is paid to the analysis of the peculiarities of migration processes in Russia and Armenia as a form of economic activity of communities in foreign cultural spaces. The scientific significance of the study is due to our contribution to the theoretical understanding of the phenomenon of socio-economic well-being of migrants, enriching the theory with empirical data that allows us to define the features and stable trends of the transformation of labor migration, its impact on socio-economic processes in Russia and Armenia. We note that getting into a new social environment and trying to adapt to it, representatives of ethnic groups either occupy free zones in the national economic system, or adopt their own forms of economic activity associated with their ethno-cultural traditions.

Key words: adaptation, Armenian diaspora community, return migration, integration, migration processes, Russia, socio-economic well-being, labor migrants.

Information about the Authors

Galina I. Osadchaya – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, head of department, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6, building 1, Fotieva Street, Moscow 119333, Russian Federation; e-mail: osadchaya111@gmail.com)

Marina L. Vartanova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6, building 1, Fotieva Street, Moscow 119333, Russian Federation; e-mail: m.l.vartanova@mail.ru)

Статья поступила 17.07.2023.

Взаимосвязь неформальной занятости и социально-экономического развития регионов России

**Гузель Римовна
БАЙМУРЗИНА**
Институт социологии ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
Уфимский университет науки и технологий
Уфа, Российская Федерация
e-mail: guzrim@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1844-2689; ResearcherID: G-4824-2017

**Дилара Гафуровна
ЯГАФАРОВА**
Уфимский университет науки и технологий
Уфимский государственный технический нефтяной университет
Уфа, Российская Федерация
e-mail: dilara.yagafarova@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7849-1143; ResearcherID: AAG-8900-2020

**Елена Владимировна
КАБАШОВА**
Институт социологии ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
Уфимский университет науки и технологий
Уфа, Российская Федерация
e-mail: e_kabashova@bk.ru
ORCID: 0000-0002-0948-3518; ResearcherID: G-2840-2018

Для цитирования: Баймурзина Г.Р., Ягафарова Д.Г., Кабашова Е.В. (2023). Взаимосвязь неформальной занятости и социально-экономического развития регионов России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 6. С. 223–235. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.13

For citation: Baimurzina G.R., Yagafarova D.G., Kabashova E.V. (2023). Relationship between informal employment and socio-economic development in Russian regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(6), 223–235. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.13

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена распространенностью и укорененностью практик неформальной занятости среди населения России, а также неоднозначностью их социальных и экономических последствий. В статье представлены результаты многомерного статистического анализа социально-экономических процессов в регионах России за 2018 и 2020 гг. Эмпирическую базу составила система показателей, сформированная авторами на основе данных Росстата. Протестировано более 100 переменных, характеризующих состояние регионов: макроэкономические условия, рынок труда, уровень и качество жизни населения, человеческий капитал, демографическое развитие. В результате расчетных факторных моделей за 2018 и 2020 гг. выявлены два ключевых компонента, которые интерпретированы нами как интегральные показатели, характеризующие интенсивность различных проявлений безработицы и неформальной занятости в регионах России. Далее на основе корреляционного анализа показан характер взаимосвязей интегрального показателя (фактора) «неформальная занятость» с ключевыми макропоказателями развития регионов. Выявлена тесная связь неформальной занятости с показателями экономического роста, инвестиций, уровня потребления и доходов населения, отсутствие связи с показателями социальной сферы. Осуществлена типологизация регионов по показателям неформальной занятости, проведен анализ (не)устойчивости состава групп во времени и их взаимосвязи с динамикой социально-экономического развития регионов. Новизна исследования состоит в попытке найти скрытые закономерности и особенности проявления неформальной занятости в регионах и оценить их устойчивость во времени. Ценность полученных результатов заключается в уточнении характера взаимосвязей между спецификой социально-экономического развития территорий и моделями неформальной занятости населения; развитии подходов к оценке ее социальных и экономических эффектов, выявлению региональной специфики.

Ключевые слова: неформальная занятость, экономическое развитие, социальное развитие, факторная модель, регион.

Благодарность

Статья подготовлена при поддержке РНФ, грант № 23-18-00775 «Неформальная занятость в регионах России: социальные риски и возможности».

Введение

Неформальная занятость охватывает значительную часть трудового населения страны. Согласно данным исследовательского центра компании «Зарплата.ру», в 2022 году зарплату в конверте частично получали 21% респондентов, полностью – 6% опрошенных¹. Данные Росстата свидетельствуют о том, что фонд «скрытой» оплаты труда в 2022 году составил более 19% от общего объема оплаты труда наемных работников². Это по-прежнему высокий показатель, несмотря

на его снижение по сравнению с предыдущими периодами (в 2019 году – 25,9%)³. Данные РГГУ (Тощенко, 2018) подтверждают, что почти половина (49,6%) работающего населения постоянно или периодически ищет источники дополнительного заработка, при этом доход от вторичной занятости чаще всего является неофициальным. Отмеченные показатели сигнализируют о системном сбое в сфере регулирования рынка труда и социально-трудовых отношений.

¹ Кто в России чаще всего получает зарплату «в конверте»? // Вести Подмосковья. URL: https://vmo24.ru/news/opros_6_rossiyan_poluchayut_zarplatu_v_konverte (дата обращения 12.11.2023).

Опрос проведен исследовательским центром компании «Зарплата.ру» с 21 по 27 апреля 2022 г. Опрошено 1780 россиян.

² Эксперт оценил масштабы выплаты зарплат в «конвертах» в России // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/04/28/ekspert-ocenil-masshtaby-vyplaty-zarplat-v-konvertah-v-rossii.html> (дата обращения 12.11.2023).

³ Экономисты оценили число россиян с теньвыми зарплатами // РБК. URL: [https://www.rbc.ru/economics/10/12/2019/5dee50109a79474ae5293e3d](https://www.rbc.ru/economics/10/12/2019/5dee50109a79474ae5293e3d?from=copyhttps://www.rbc.ru/economics/10/12/2019/5dee50109a79474ae5293e3d) (дата обращения 12.11.2023).

Вместе с тем неформальная занятость может восприниматься работниками как благо (От прекарной занятости..., 2022). Например, в рамках двух исследований в России с разницей в 10 лет получены одинаковые результаты: работники, оформленные по Трудовому кодексу РФ, чаще испытывают неуверенность в стабильности и надежности работы, чем занятые без такого оформления; при этом работники, имеющие опыт неформальной и неустойчивой занятости, адаптируются к неопределенности и приобретают некий «иммунитет» к страху потери работы (Синявская, 2005; Авдеев др., 2021). Более того, неформальная занятость может дать работнику некоторые ценные субъективно значимые для него преимущества, которые сложно получить в условиях формальной занятости (Баймурзина, Туракаев, 2021; Бурханова и др., 2018). Таким образом, отмечается противоречие между выгодами (и возможностями) для одних субъектов трудовых отношений и рисками (и упущенными выгодами) для других. Вместе с тем эксперты единодушны в мнении о том, что в долгосрочном периоде неформальная занятость имеет неблагоприятные последствия, среди которых отчуждение людей от государства и общества, снижение уровня доверия к институтам, дегуманизация и деинтеллектуализация населения и др.

Отмечается и неоднозначность взаимосвязи неформальной занятости с уровнем развития территорий. Во-первых, в той или иной мере она существует во всех странах и регионах. Если в менее развитых обществах она проявляется преимущественно в традиционных формах мелкой домашней и сельской занятости, в кустарных промыслах, то в развитых — в более продвинутых видах деятельности, в том числе использующих современные цифровые технологии (Кубишин, 2022, с. 522). Неформальная занятость может выполнять функцию переходного состояния для новых видов занятости, профессий, быть полем для апробации новых режимов труда, которые, институционализируясь в социальных практиках, постепенно переходят в разряд правовых норм (например, дистанционная занятость, гибкие режимы труда, платформенный труд). Во-вторых, нет «достаточного основания считать, что формализация

однозначно улучшает или ухудшает социально-экономическое положение страны [региона]» (Барсукова, 2017, с. 22). Как будет показано далее, в одних случаях неформальная занятость может стимулировать развитие, а в других — сдерживать его. В-третьих, известно, что региональные рынки труда существенно дифференцированы (Ощепков, Капелюшников, 2015), что обусловлено различным сочетанием комплекса факторов: социально-экономических, природно-климатических, социокультурных и др. Это, в свою очередь, не может не отражаться на специфике неформальной занятости.

В условиях распространенности и укорененности социального феномена неформальной занятости, появления ее новых форм и видов в условиях цифровизации экономики и трудовых отношений и одновременно дефицита актуальных данных о ней важными направлениями исследований становятся изучение многообразия и структуры неформальной занятости (профессионально-квалификационной, социально-демографической, отраслевой и т. д.), а также факторов ее развития (объективных и субъективных; общих и специфических) в регионах России; актуализация системы индикаторов для мониторинга изменений неформального рынка труда, выявления региональной специфики и более эффективного управления занятостью населения; развитие подходов к оценке социальных и экономических эффектов.

В статье представлены результаты факторного анализа социально-экономических процессов в регионах России за 2018 и 2020 гг.; в качестве одной из главных компонент выделен интегральный показатель вовлеченности населения в неформальную занятость, охарактеризованы взаимосвязи выделенного фактора с ключевыми макропоказателями развития регионов.

Научная проблема, решаемая в рамках данной работы, состоит в попытке найти скрытые закономерности и особенности проявления неформальной занятости в регионах и оценить их устойчивость во времени. Ценность полученных результатов заключается в уточнении характера взаимосвязей между спецификой социально-экономического развития территорий и моделями неформальной занятости населения;

развитии подходов к оценке ее социальных и экономических эффектов, выявлению региональной специфики.

Современное состояние исследований

Проблема изучения неформальных экономических отношений начала формироваться в середине XX века. Дж. Бойк в начале 1950-х гг. отметил феномен «дуальной экономики» (Воеке, 1953). Чуть позднее К. Гиртц предложил разделить на «базарную» и «ориентированную на фирменное устройство» экономику («bazaar-economy» и «firm-centred economy») (Geertz, 1963). Первая характеризовалась им как трудоемкая, низкопроизводительная, маломасштабная и низкодоходная, в то время как вторая — более эффективная, капиталоемкая, с более высокой производительностью труда. Проблема «неформальности» постепенно созревала в научном сообществе, приобретая все более четкие контуры.

Авторами-классиками современных подходов к исследованию неформальной занятости считаются К. Харт, который ввел в научный оборот термин «неформальный сектор» (структурный подход) (Hart, 1973), и Д. Норт — автор институционального подхода, выделивший формальные и неформальные институты-регуляторы экономических отношений (Дуглас, 1997). К числу фундаментальных работ относят также труды перуанского ученого и политика Э. де Сото (Soto, 1989), объяснившего причины роста теневого сектора излишней бюрократической заорганизованностью легального сектора, в связи с чем некоторые исследователи называют его подход легалистским.

Постепенно неформальная экономика, изначально ассоциированная с отсталостью, расширяла свои концептуальные рамки и трансформировалась в «базовый компонент» как развивающихся, так и развитых экономик мира, различающийся по странам «не только масштабом, но и формой, причинностью, социальным составом вовлеченных» (Барсукова, 2012). В современной российской литературе по неформальной занятости наиболее известны исследования В.Е. Гимпельсона и Р.И. Капелюшниковой (Нестандартная занятость..., 2006), С.Ю. Барсуковой (Барсукова, 2017), В.В. Радаева (Барсукова, Радаев, 2012), Д.О. Стребкова, А.В. Шевчука и др.

Изучение взаимовлияния показателей неформальной занятости и социально-экономического развития территорий

Анализ научной литературы, в которой исследуется взаимосвязь показателей неформальной занятости и социально-экономического развития территорий, свидетельствует, что результаты зависят от многих причин: социально-экономического контекста, уровня развития, институциональных и социокультурных особенностей изучаемого общества (страны, региона). Так, исследование, проведенное на панельных данных по 20 развивающимся странам за 2011–2019 гг., показало, что занятость в неформальном секторе положительно влияет на экономический рост (Sultana et al., 2022). Однако с точки зрения производительности труда неформально занятые работники уступают корпоративному сектору на 22–25% (Uzyakova, 2022).

Значительный экономический рост Китая также во многом связывается с дерегулированием рынка труда и увеличением масштабов неформальной занятости, в частности самозанятости, случайной и временной работы, почасовой оплаты труда и т. д. (Meng, 2012). Однако влияние неформальных трудовых отношений на работников приводит не к таким позитивным последствиям. Исследования показывают, что, к примеру, в Китае это влечет за собой штраф в размере 44% заработной платы для горожан и 33% — для сельских жителей (Wang et al., 2016).

В рамках исследований выявлено положительное воздействие неформальной занятости на социально-экономическое неравенство: подтверждена способность ее влияния на снижение значений коэффициента Джини и, соответственно, неравенства в доходах (Bhattacharya, 2011; Costas и др., 2015). Многочисленные исследования подтверждают отрицательную взаимосвязь между показателями инфляции и неформальной занятости: рост последней приводит к снижению инфляции и наоборот (Зубайдуллина, Акчурина, 2023; Çelik и др., 2021).

Вместе с тем отмечено негативное влияние неформальной занятости на субъективное благополучие и здоровье работников (Aronsson et al., 2023; Batool et al., 2015; Hurtado et al., 2017),

что во многих случаях обусловлено отсутствием социальных гарантий. Существует статистически значимая взаимосвязь между вовлеченностью в неформальный рынок труда и рисками бедности (Biryukova et al., 2022).

Влияние неформальной занятости на показатели рынка труда в России исследовано на данных по 83 регионам за 2006–2020 гг. (Karpushkina et al., 2021). Выявлено, что нестабильность рынка труда обусловлена более высоким уровнем занятости в неформальном секторе. Изучение влияния этого параметра на государственные финансы показало, что в регионах с высокой долей неформальной занятости (свыше 50%) бюджеты субъектов РФ получают практически в 25 раз меньше налогов, сборов и иных платежей (Салин, Нарбут, 2017).

Выявлена более низкая вероятность того, что работник будет занят неформально, в регионах с лучшей эффективностью государственного управления и более высоким средним уровнем образования населения (Jonasson, 2012).

Методология исследования

В целом оценка неформальной занятости – достаточно сложная задача. В первую очередь это связано с трудностями фиксации процессов неформальной занятости, слабо поддающихся государственному, статистическому учету. Тем не менее в настоящее время накоплен большой массив данных на основе статистических замеров, так или иначе характеризующих неформальную занятость. Среди них можно выделить непосредственно статистические показатели (уровень безработицы, коэффициент напряженности на рынке труда и др.), а также данные, полученные с помощью выборочных наблюдений, отражающие качественные характеристики такого типа занятости (форма, условия занятости и другие индикаторы). Однако эти индикаторы характеризуют отдельные аспекты неформальной занятости и не позволяют оценить ее комплексно.

В рамках реализации исследовательской задачи – выявление влияния социально-экономических показателей, характеризующих различные экономические, демографические процессы, показателей развитости социальной инфраструктуры и рынка труда на распространенность (выраженность) неформальной занятости в регионах России – сформирована база статистических данных и социальных индикаторов

Росстата по всем субъектам Российской Федерации в статистическом пакете для анализа данных IBM SPSS Statistics.

Итоговая база данных включала макроэкономические показатели, характеризующие уровень социально-экономического развития регионов (38 показателей); показатели рынка труда (54), в том числе характеристики неформальной занятости; показатели человеческого капитала и демографического развития регионов (18) за 2018, 2020 гг. Система показателей по рынку труда содержит данные официальной статистики Росстата, итоги выборочного обследования рабочей силы (ОРС), а также результаты комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ), которые рассматриваются нами как субъективные оценки качества занятости в регионах. Отбор показателей осуществлен экспертным путем с учетом их прямого или косвенного влияния и предполагаемой значимости для комплексного анализа неформальной занятости.

В исследовании предпринята попытка разработать интегральную оценку такой занятости на данных последнего наиболее стабильного статистического периода – 2018 года. Выбор года обусловлен полнотой системы индикаторов – статистических (макроэкономических) и социологических (субъективных). КОУЖ реализуется Росстатом раз в два года. Несмотря на наличие данных КОУЖ за 2022 год, целый ряд региональных статистических показателей на момент сбора и анализа данных был недоступен. В связи с этим факторная модель рассчитана за 2018 и 2020 гг. (для проверки ее устойчивости во времени и в условиях пандемии).

Факторный анализ позволяет снизить размерность данных и получить более удобные для интерпретации и дальнейшего анализа переменные. Кроме того, апробирована гипотеза о выявлении факторов, которые бы являлись структурными компонентами неформальной занятости. Для построения модели из сформированной базы статистических данных были отобраны показатели, характеризующие рынок труда и занятость в регионах России. В итоге модель содержит перечень из 18 переменных, на основе которых выделены три фактора, включающие:

- 1) социологические индикаторы по данным выборочных наблюдений: удовлетворенность различными аспектами работы;

2) статистические показатели, характеризующие неформальный рынок труда и безработицу;

3) характеристики рынка труда в целом.

Получены следующие характеристики модели: KMO и критерий Бартлета = 0,701, значим на уровне $p < 0,000$, объясненная совокупная дисперсия = 56%.

Мы убедились, что показатели безработицы и неформальной занятости выделяются в отдельную группу и характеризуются некоторым скрытым фактором, причем с достаточно высокой факторной нагрузкой (21%).

Для дальнейшей работы были отобраны показатели, формирующие этот фактор, и дополнены статистическими показателями, характеризующими занятость и неформальный рынок труда, чтобы выделить скрытые структурные факторы неформальной занятости отдельно от данных, связанных с безработицей.

Результаты

Анализ факторной модели. Таким образом, построены модели на основе данных за 2018 и 2020 гг. В каждой модели выделено два фактора (табл. 1, 2), совокупность показателей в кото-

рых условно можно интерпретировать как выраженность «неформальной занятости» (НЗ) и «безработицы» (Б).

В целом показатели качества полученных моделей достаточно высоки, вариативность структуры факторов за исследуемый период незначительна, что говорит о воспроизводимости результатов для этих периодов.

В системе координат ХОУ пара факторов представляет собой две перпендикулярные прямые. На основе пересечения факторов выделены четыре группы регионов, в каждой из которых факторы ведут себя по-разному (табл. 3).

1. Оба фактора сильно выражены (значения положительные).

2. Фактор «безработица» (Б) имеет сильную выраженность (значения положительные), фактор «неформальная занятость» (НЗ) выражен слабо (значения отрицательные).

3. Фактор «неформальная занятость» имеет сильную выраженность (значения положительные), фактор «безработица» выражен слабо (значения отрицательные).

4. Оба фактора слабо выражены (значения отрицательные).

Таблица 1. Факторная модель по статистическим данным за 2018 год, коэффициенты факторной нагрузки

Статистический показатель	Безработица (Б)	Неформальная занятость (НЗ)
Коэффициент напряженности на рынке труда, по данным ОРС	0,803	
Занятые в неформальном секторе, % к общей численности занятого населения	0,788	
Безработные в возрасте 15–72 лет в сельской местности, тыс. человек	0,692	
Уровень безработицы, по данным ОРС, %	0,659	
Доля безработных со средним профессиональным образованием по программам подготовки рабочих, по данным ОРС, % к итогу	-0,773	
Доля респондентов, работающих полный рабочий день (смену) или полную рабочую неделю, %		-0,511
Удельный вес безработных, ищущих работу 12 месяцев и более, по данным ОРС, %		0,968
Среднее время поиска работы безработными, по данным ОРС, месяцев		0,954
Доля респондентов, работающих на основе устной договоренности, без оформления, %		0,633
Доля работающих на основе трудового договора (служебного контракта) на неопределенный срок, %		-0,679
<i>Примечание:</i> KMO и критерий Бартлета = 0,712, значим на уровне $p < 0,000$, объясненная совокупная дисперсия = 67%, корреляция факторов = 0,238, метод вращения – прямой облимин. Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2022; база данных КОУЖ за 2018 год.		

Таблица 2. Факторная модель по статистическим данным за 2020 год, коэффициенты факторной нагрузки

Статистический показатель	Безработица (Б)	Неформальная занятость (НЗ)
Занятые в неформальном секторе, % к общей численности занятого населения	0,819	
Коэффициент напряженности на рынке труда, по данным ОРС	0,800	
Безработные в возрасте 15–72 лет в сельской местности, тыс. человек	0,776	
Уровень безработицы, по данным ОРС, %	0,674	
Доля респондентов, работающих полный рабочий день (смену) или полную рабочую неделю, %	-0,644	
Доля безработных со средним профессиональным образованием по программам подготовки рабочих, по данным ОРС, % к итогу	-0,600	
Удельный вес безработных, ищущих работу 12 месяцев и более, по данным ОРС, %		0,956
Среднее время поиска работы безработными, по данным ОРС, месяцев		0,940
Доля респондентов, работающих на основе устной договоренности, без оформления, %		0,659
Доля работающих на основе трудового договора (служебного контракта) на неопределенный срок, %		-0,574
<p><i>Примечание:</i> <i>КМО и критерий Бартлета = 0,749, значим на уровне $p < 0,000$, объясненная совокупная дисперсия = 67%, корреляция факторов = 0,330, метод вращения – прямой облимин.</i> Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2022; база данных КОУЖ за 2020 год.</p>		

Таблица 3. Распределение групп регионов по результатам факторного анализа на основе статистических данных за 2018 и 2020 гг., %

Группа регионов	2018	2020
Значения Б и НЗ положительные	30,5	16,9
Значения Б положительные, НЗ отрицательные	19,5	20,8
Значения Б отрицательные, НЗ положительные	31,7	24,7
Значения Б и НЗ отрицательные	18,3	37,7
Всего	100,0	100,0
Источник: составлено авторами.		

Заметны довольно логичные изменения в распределении групп: группа регионов, для которых показатели неформальной занятости и безработицы были выражены достаточно интенсивно, существенно сократилась: с 30,5% в 2018 году до 16,9% в 2020 года. Группа регионов, для которой интенсивность этих процессов достаточно низкая, значительно выросла: с 18,3% в 2018 году до 37,7% в 2020 году. Эти результаты, на наш взгляд, обусловлены одновременным ростом (хотя и не сильным) безработицы и сокращением неустойчивых и негарантированных рабочих мест в неформальном секторе экономики в связи с пандемическим кризисом.

Коэффициент постоянства состава I группы регионов – 61%, II группы – 58%, III группы – 65%, IV группы – 73%. В то же время необходимо помнить, что 2020 год является пандемическим, кризисным и нестабильным, поэтому показатели могли измениться, на первый взгляд, неожиданно. Все зависело от комбинации факторов: управленческих возможностей, структуры экономики, объема господдержки и др. В связи с этим переходы регионов из одной группы в другую в некоторых случаях сложно объяснить изменением определенных социально-экономических показателей. В отдельных случаях, напротив, их легко объяснить изменением статистических показателей, но кажущиеся

улучшения на самом деле могут отражать негативные явления. Это свидетельствует о необходимости учитывать специфику как исследуемого периода, так и самого объекта при интерпретации результатов.

За период 2018–2020 гг. положение 14 российских регионов в рамках полученной модели улучшилось (Рязанская обл., Тверская обл., Ярославская обл., Вологодская обл., Волгоградская обл., Кировская обл., Пензенская обл., Саратовская обл., Ульяновская обл., Иркутская обл., Новосибирская обл., Томская обл.,

Республика Башкортостан, Чувашская Республика); 10 – ухудшилось (Московская обл., Орловская обл., Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Республика Мордовия, Удмуртская Республика, Самарская обл., Красноярский край, Магаданская обл., Чукотский автономный округ). Состав срединных групп (II, III группы) практически не изменился. Вместе с тем можно увидеть, что в этих регионах наблюдается тот или иной негативный сценарий, связанный с безработицей или неформальной занятостью (рис. 1).

Рис. 1. Группировка регионов РФ по главным компонентам факторной модели: «безработица» и «неформальная занятость»

Изменения в группах за 2018–2020 гг.

Примечание: в верхней части рисунка (четыре сегмента, разделяемые осями) показаны постоянные представители групп; ниже по ячейкам распределены регионы, пополнившие соответствующие группы в 2020 году (в скобках указано их положение в 2018 году).

Источник: составлено авторами.

Таблица 4. Динамика показателей, характеризующих уровень безработицы и неформальную занятость в Республике Башкортостан и Вологодской области, 2018 и 2020 гг.

Наименование показателя	Республика Башкортостан		Вологодская область	
	2018	2020	2018	2020
Группа регионов по факторной модели	I	IV	III	IV
Коэффициент напряженности на рынке труда	2,1	2,6	2,1	2,6
Занятые в неформальном секторе, % к общей численности занятого населения	23,9	24,2	24,0	24,6
Доля безработных со средним профессиональным образованием по программам подготовки рабочих, по данным ОРС, % к итогу	29,6	27,3	30,7	24,6
Безработные в возрасте 15–72 лет в сельской местности, тыс. человек	53	40	13	12
Уровень безработицы, %	4,9	5,9	5,1	6,1
Удельный вес безработных, ищущих работу 12 месяцев и более, по данным ОРС, %	31,9	19,9	37,3	19,2
Среднее время поиска работы безработными, по данным ОРС, месяцев	7,5	6,6	8,3	6,5
Доля работающих на основе трудового договора на неопределенный срок, %	82,1	84,5	90,2	86,6 ↓
Доля респондентов, работающих на основе устной договоренности, без оформления, %	7,4	5,3	4,9	5,8 ↑
Доля респондентов, работающих полный рабочий день (смену) или полную рабочую неделю, %	89,6	88,5	90,4	87,5
Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2022; базы данных КОУЖ за 2018, 2020 гг.				

На примере Республики Башкортостан и Вологодской области (табл. 4) можно видеть, какой именно показатель в структуре компоненты оказал наиболее сильное влияние на тренды изменений – переход региона из групп с менее благоприятными характеристиками в группу с наиболее благоприятными. Сильное сокращение доли безработных в сельской местности значительно повлияло на ситуацию с неформальной занятостью в Республике Башкортостан. В обоих случаях в улучшении позиций регионов сыграло роль сокращение среднего времени поиска работы безработными и удельного веса безработных, ищущих работу 12 месяцев и более, что объясняется регистрацией большого числа новых безработных, учет которых привел к таким статистическим эффектам (если разобраться, они не являются позитивными). Вместе с тем модель интерпретируема, перетоки регионов между выделенными группами объяснимы.

Корреляционный анализ. Для изучения характера взаимосвязи неформальной занятости и особенностей социально-экономического развития российских регионов был реализован корреляционный анализ компоненты фактор-

ной модели, интерпретируемой как «неформальная занятость», и показателей, характеризующих социально-экономическое развитие территорий (табл. 5). Попытка использования интегрального, комплексного показателя в качестве одной из переменных анализа составляет методическую новизну исследования.

Результаты корреляционного анализа подтверждают наличие связи интегрального показателя неформальной занятости и показателей социально-экономического развития российских регионов – уровня доходов и потребления населения, экономических показателей роста и бюджетных трансфертов, при этом важно отметить обратный характер этой связи.

Таким образом, последствия неформальной занятости и безработицы по-разному отражаются в разных социально-экономических условиях и социокультурных средах. К примеру, в одну группу объединились условно однородные менее урбанизированные регионы с сильной этнической компонентой (I группа), регионы со слабой социально-экономической динамикой (II–III группы). Регионы с развитой экономикой, финансовые, научные и промышленные центры составили основу IV группы.

Таблица 5. Результаты корреляционного анализа зависимости компоненты «неформальная занятость» от индикаторов социально-экономического развития регионов

№	Наименование показателя	Корреляция Пирсона / значимость	
		2018	2020
1	Доходы консолидированных бюджетов на душу населения, всего, млн рублей (РФ – млрд рублей) на 1000 человек	-0,429** 0,000	-0,073 0,527
2	Валовой региональный продукт на душу населения; валовая добавленная стоимость, данные из архива за текущий год, с 2008 года в текущих основных ценах, рублей	-0,466** 0,000	-0,261* 0,022
3	Инвестиции в основной капитал на душу населения, данные из архива за текущий год (в фактически действовавших ценах), рублей	-0,395** 0,000	-0,209 0,069
4	Стоимость основных фондов на душу населения (на конец года; по полной учетной стоимости), млн рублей	-0,375** 0,001	-0,181 0,116
5	Оборот розничной торговли на душу населения (архив за соответствующий год), в фактически действовавших ценах, рублей	-0,504** 0,000	-0,497** 0,000
6	Объем платных услуг на душу населения (архив за соответствующий год), рублей	-0,582** 0,000	-0,393** 0,000
7	Реальные денежные доходы населения, % к предыдущему году	-0,259* 0,020	0,121 0,293
8	Медианный среднедушевой денежный доход населения, рублей в месяц	-0,561** 0,000	-0,313** 0,006
9	Оплата труда в структуре денежных доходов населения, %	-0,354** 0,001	-0,279* 0,014
10	Величина прожиточного минимума, установленная в субъектах Российской Федерации за IV квартал года (в среднем на душу населения), рублей в месяц	-0,352** 0,001	-0,077 0,507
11	Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (данные из текущего архива, на конец года), кв. м	-0,237* 0,034	-0,366** 0,001
12	Заболееваемость на 1000 человек населения (зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни), человек	-0,103 0,362	-0,165 0,152
13	Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10 000 человек населения	-0,128 0,257	0,034 0,767

* Корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторон.).
** Корреляция значима на уровне 0,05 (2-сторон.).
Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2022; базы данных КОУЖ за 2018, 2020 гг.

Заключение

Эмпирическую основу исследования составила сформированная авторами база с использованием статистических данных Росстата. Протестировано более 100 переменных, характеризующих состояние регионов: макроэкономические условия, рынок труда, уровень и качество жизни населения, человеческий капитал, демографическое развитие. На основе многомерного статистического анализа рассчитана факторная модель за 2018 и 2020 гг., состоящая из двух ключевых компонент. Факторы интерпретированы нами как интегральные показатели, характеризующие интенсивность различных проявлений безработицы и неформальной занятости в регионах России. Далее осуществлен корреляционный анализ фактора «неформальная занятость» и макропоказателей эконо-

мического и социального развития российских регионов, который выявил тесную связь неформальной занятости с показателями экономического роста, инвестиций, уровня потребления и доходов населения, отсутствие связи с показателями, характеризующими социальную сферу.

Таким образом, важным практическим результатом является выделение в качестве некоего значимого фактора социально-экономического развития региона, который характеризуется показателями неформальной занятости и безработицы. Исследование позволяет предположить, что степень проявления (выраженности) этого скрытого фактора и показатели социально-экономического развития региона взаимосвязаны, причем связь носит обратный характер. Попытка группировки регионов по степени выраженности безработицы и нефор-

мальности занятости привела к удовлетворительным результатам. Вместе с тем для утвердительных выводов необходимо осуществить подобные тестирования как в перспективе, так и в ретроспективе.

Основными методологическими результатами работы являются использование микроданных наряду с показателями макроэкономики для построения многомерного анализа

неформальной занятости в субъектах РФ (регионах) и России в целом; расчет и выделение интегрального показателя неформальной занятости для российских регионов; осуществление типологизации регионов по показателям неформальной занятости; анализ (не)устойчивости состава групп во времени и их взаимосвязи с динамикой социально-экономического развития территорий.

Литература

- Авдеев Е.А., Аллардт Э., Беляева Л.А. [и др.] (2021). Социологические подходы к изучению социального благополучия: монография / отв. ред. М.Ф. Черныш, Ю.Б. Епихина; ФНИСЦ РАН. 431 с.
- Баймурзина Г.Р., Туракаев М.С. (2021). Социально-экономическое положение и самочувствие самозанятых в России (на примере Республики Башкортостан) // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 19 / отв. ред. М.К. Горшков; ФНИСЦ РАН. М.: Новый Хронограф. С. 34–64. DOI: 10.19181/ezheg.2021.2
- Барсукова С.Ю., Радаев В.В. (2012). Неформальная экономика в России: краткий обзор // Экономическая социология. Т. 13. № 2. С. 99–111.
- Барсукова С.Ю. (2012). Неформальная экономика: понятие, история изучения, исследовательские подходы. URL: <https://eccsoclab.hse.ru/data/2012/08/30/1243551276/2012-2-Barsukova.pdf> (дата обращения 05.06.2023).
- Барсукова С.Ю. (2017). Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 223 с.
- Бурханова Ф.Б., Асадуллина Г.Р., Садретдинова Э.В., Сизоненко З.Л., Шаяхметова Р.Р. (2018). Неформальная занятость женщин: практики, социальные риски и возможности // Работающая женщина: возможности профессиональной реализации vs дискриминационные практики (опыт постсоветского пространства): сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. И.В. Фроловой. Уфа: Мир печати. С. 64–87.
- Дуглас Н. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала». С. 56–75.
- Зубайдуллина Д.В., Акчурина А.М. (2023). Количественный анализ причинно-следственных связей показателей инфляции и неформальной занятости в России // Экономика и управление: научно-практический журнал. № 1 (169). С. 26–30. DOI: 10.34773/EU.2023.1.4
- Кубишин Е.С. (2022). Неформальная занятость в современной России: прежние проблемы и новые реалии // Уровень жизни населения регионов России. Т. 18. № 4. С. 521–534. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.4.8
- Нестандартная занятость в российской экономике (2006) / под ред. В.Е. Гипельсона, Р.И. Капелюшников. М.: ИД ВШЭ. 400 с.
- От прекарной занятости к прекарной жизни: коллективная монография (2022) / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир. 364 с.
- Ощепков А.Ю., Капелюшников Р.И. (2015). Региональные рынки труда: 15 лет различий: препринт / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 73 с.
- Салин В.Н., Нарбут В.В. (2017). Неформальная занятость населения России: оценка масштаба и влияния на государственные финансы страны // Финансы: теория и практика. Т. 21. № 6. С. 60–69. DOI: 10.26794/2587-5671-2017-21-6-60-69
- Синявская О.В. (2005). Неформальная занятость в России: измерение, масштабы, динамика // Экономическая социология. Т. 6. № 2. С. 12–28.
- Тощенко Ж.Т. (2018). Прекариат: от протокласса к новому классу: монография / Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. М.: Наука. 350 с.
- Aronsson A.E., Vidaurre-Teixidó P., Jensen M.R. et al. (2023). The health consequences of informal employment among female workers and their children: A systematic review. *Global Health*, 19. DOI: 10.1186/s12992-023-00958-1

- Batool Z., Akram M., Anjum F. et al. (2015). Occupational hazards and health status of trash picker children in Faisalabad city, Punjab. Pakistan. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 6(5), 590–595. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n5s2p590
- Bhattacharya P.C. (2011). Informal sector, income inequality and economic development. *Economic Modelling*, 28(3), 820–830. DOI: 10.1016/j.econmod.2010.10.007
- Biryukova S.S., Sinyavskaya O.V., Kareva D.E. (2022). Long-term dynamics of informal employment and its relationship with the poverty of the Russian population against the backdrop of the COVID-19 pandemic. *Population and Economics*, 6(1), 14–35. DOI: 10.3897/popecon.6.e78235
- Boeke J.N. (1953). *Economics and Economic Policy of Dual Societies*. New York.
- Çelik R., Keskin A., Keskin A. (2021). The impact of economic growth, unemployment and inflation on informal employment in Turkey: An ARDL bounds test approach. *Journal of Social Policy Conferences*, 80, 451–474. DOI: 10.26650/jspc.2021.80.0053
- Costas M., Narita R., Robin J.-M. (2015). Wages and informality in developing countries. *American Economic Review*, 105(4), 1509–1546. DOI: 10.1257/aer.20121110
- Geertz C. (1963). *Peddlers and Princes: Social Change and Economic Modernization in Two Indonesian Towns*. Chicago: University of Chicago Press.
- Hart K. (1973). Informal economy opportunities and the urban employment in Ghana. *Journal of Modern Africa Studies*, 11(1), 61–89.
- Hurtado D.A., Hessel P., Avendano M. (2017). The hidden costs of informal work: Lack of social protection and subjective well-being in Colombia. *International Journal of Public Health*, 62(2), 187–196. DOI: 10.1007/s00038-016-0864-2
- Jonasson E. (2012). Government effectiveness and regional variation in informal employment. *The Journal of Development Studies*, 48(4), 481–497. DOI: 10.1080/00220388.2011.615922
- Karpushkina A.V., Danilova I.V., Voronina S.V., Savelieva I.P. (2021). Assessing the impact of employment in the informal sector of the economy on labor market development. *Sustainability*, 13, 8435. DOI: 10.3390/su1315843
- Meng X. (2012). Labour market outcomes and reforms in China. *Journal of Economic Perspectives*, 26(4), 75–102. DOI: 10.1257/jep.26.4.75
- Soto H. De (1989). *The Other Path: The Invisible Revolution in the Third World*. London: I. B. Tauris.
- Sultana N., Rahman M.M., Khanam R. (2022). Informal sector employment and economic growth: Evidence from developing countries in SDG perspective. *Sustainability*, 14, 11989. DOI: 10.3390/su141911989
- Uzyakova E.S. (2022). Informal employment and its impact on population's income and labor productivity. *Studies on Russian Economic Development*, 33(6), 715–721. DOI: 10.1134/S1075700722060156
- Wang J., Cooke F.L., Lin Z. (2016). Informal employment in China: Recent development and human resource implications. *Asia Pacific Journal of Human Resources*, 54, 292–311. DOI: 10.1111/1744-7941.12099

Сведения об авторах

Гузель Римовна Баймурзина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией, Институт социологии ФНИСЦ РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35); ведущий научный сотрудник, главный специалист, Уфимский университет науки и технологий (450076, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32; e-mail: guzrim@mail.ru)

Дилара Гафуровна Ягафарова – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Уфимский университет науки и технологий (450076, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32); доцент, Уфимский государственный технический нефтяной университет (450044, г. Уфа, ул. Космонавтов, д. 8; e-mail: dilara.yagafarova@yandex.ru)

Елена Владимировна Кабашова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35); ведущий научный сотрудник, Уфимский университет науки и технологий (450076, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32; e-mail: e_kabashova@bk.ru)

Baimurzina G.R., Yagafarova D.G., Kabashova E.V.

Relationship between Informal Employment and Socio-Economic Development in Russian Regions

Abstract. The relevance of the study is due to the prevalence and long-lasting nature of informal employment practices among the Russian population, as well as the ambiguity of their social and economic implications. The article presents the results of a multidimensional statistical analysis of socio-economic processes in the regions of Russia for 2018 and 2020. The empirical base includes a system of indicators we formed according to Rosstat data. More than 100 variables characterizing the state of the regions have been tested: macroeconomic conditions, labor market, standard of living and quality of life, human capital, and demographic development. According to the calculated factor models for 2018 and 2020, two key components are identified, which we interpret as integral indicators characterizing the intensity of various manifestations of unemployment and informal employment in Russian regions. Further, on the basis of correlation analysis, we show the nature of the interrelationships of the integral indicator (factor) “informal employment” with key macro indicators of regional development. There is a close relationship between informal employment and indicators of economic growth, investment, consumption and income levels, and the lack of connection with indicators of the social sphere. We also classify regions according to indicators of informal employment and analyze the (non)stability of the composition of groups over time and their relationship with the dynamics of regions’ socio-economic development. The novelty of the study consists in an attempt to find hidden patterns and features of manifestation of informal employment in regions and assess their stability over time. The value of the results obtained lies in clarifying the nature of the interrelationships between the specifics of socio-economic development of territories and informal employment models; and also, in designing the approaches to assessing its social and economic effects and identifying regional specifics.

Key words: informal employment, economic development, social development, factor model, region.

Information about the Authors

Guzel R. Baimurzina – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, laboratory head, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (24/35, Krzhyzhanovsky Street, Moscow, 117218, Russian Federation); Leading Researcher, chief specialist, Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi Street, Ufa, 450076, Russian Federation; e-mail: guzrim@mail.ru)

Dilara G. Yagafarova – Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher, Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi Street, Ufa, 450076, Russian Federation); associate professor, Ufa State Petroleum Technological University (8, Kosmonavtov Street, Ufa, 450044, Russian Federation; e-mail: dilara.yagafarova@yandex.ru)

Elena V. Kabashova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (24/35, Krzhyzhanovsky Street, Moscow, 117218, Russian Federation); Leading Researcher, Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi Street, Ufa, 450076, Russian Federation; e-mail: e_kabashova@bk.ru)

Статья поступила 07.11.2023.

Влияние прекаризации на уровень жизни и положение российской молодежи в сфере занятости

Андрей Васильевич

ПОПОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Москва, Российская Федерация

e-mail: ai.popov@yahoo.com

ORCID: 0000-0002-4803-1354; ResearcherID: I-8785-2016

Аннотация. При изучении последствий прекаризации основное внимание уделяется молодежи, испытывающей серьезные проблемы на пути к стабильной занятости. Отсутствие явных конкурентных преимуществ на рынке труда осложняет трудоустройство в формальном секторе экономики, где работники имеют доступ к разветвленной системе социальных гарантий. В связи с этим молодые люди достаточно часто испытывают уязвимость и неуверенность в собственном будущем. Несмотря на актуальность проблемы и широкую дискуссию, конкретных эмпирических исследований в этой области не так много. Цель работы заключается в определении влияния прекаризации на уровень жизни и положение молодежи в сфере занятости. Информационная база представлена данными Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ за 2021 год (30-я волна). На основе оригинального инструментария были оценены масштабы неустойчивой занятости в зависимости от концентрации индикаторов прекаризации и с учетом отдельных параметров респондентов. Расчет показателей осуществлялся при помощи метода многомерного частотного распределения признаков. Согласно полученным результатам, подавляющее большинство (почти 80%) молодежи вовлечено в неустойчивые трудовые отношения. В гораздо меньшей степени это касается той ее части, для которой характерны высокий уровень образования и ИКТ-навыков, занятие квалифицированным трудом. Глубина проникновения прекаризации также тесно связана с душевыми доходами. С увеличением их размера до двух прожиточных минимумов удельный вес неустойчиво занятых заметно

Для цитирования: Попов А.В. (2023). Влияние прекаризации на уровень жизни и положение российской молодежи в сфере занятости // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 6. С. 236–251. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.14

For citation: Popov A.V. (2023). The impact of precarization on the standard of living and the employment situation of Russian youth. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(6), 236–251. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.14

снижается. Причем не важно, какая часть дохода идет на потребление. В заключение обоснованы предложения по борьбе с угрозами прекаризации для молодежи. Перспективы дальнейших исследований связаны, прежде всего, с выявлением образовательных и профессиональных траекторий, оказывающих негативное влияние на стабильность занятости.

Ключевые слова: прекаризация, уровень жизни, занятость населения, молодежь, неустойчивая занятость, рынок труда, качество занятости, молодежная политика.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01043, <https://rscf.ru/project/22-28-01043/>, в Российском экономическом университете имени Г.В. Плеханова. Автор статьи выражает благодарность научному коллективу проекта РНФ № 22-28-01043 и лично Одинцовой Елене Валерьевне за активное содействие в проведении исследования.

Введение

Прекаризация занятости как глобальный процесс дестабилизации трудовых отношений активно проникает в жизнь людей по всему миру. Не является исключением и молодежь, для которой выход на рынок труда сопряжен со множеством барьеров, что вынуждает ее чаще других обращаться не только к нестандартным формам занятости (Bessant et al., 2017), но и к серому сектору экономики (Shehu, Nilsson, 2014). Подобного рода практики позволяют получить необходимый опыт работы, обрести финансовую независимость и т. д., однако неизменно приводят к уязвимости и социальной незащищенности. Продолжительность нахождения в таких условиях имеет далеко идущие последствия, вплоть до попадания в «ловушку нестабильности», препятствующую карьерному росту и улучшению позиций в обществе (Standing, 2011, с. 48–49). Именно тогда неустойчивость становится стилем жизни, определяющим все дальнейшее поведение человека вне зависимости от образовательных и иных достижений. При этом молодые люди зачастую не видят в этом проблему и воспринимают происходящее как индивидуальные неудачи или временные трудности, которые нужно просто перетерпеть (Mrozowicki, Trappmann, 2021).

Несмотря на актуальность вопросов транзита молодежи к стабильной занятости, в этой области не так много эмпирических исследований, которые бы могли пролить свет на широкий спектр негативных эффектов прекаризации. В научной литературе можно встретить положения об ухудшении успеваемости и сокращении времени, уделяемого учебе (Sršen,

Dizdarevič, 2014); эмоциональном истощении и неудовлетворенности жизнью (Umicevic et al., 2021); нежелании заводить детей из-за невозможности обеспечить их должным уходом (Chan, Tweedie, 2015); трудностях социализации (Miguel Carmo et al., 2014) и т. д. В этом случае речь идет о последствиях, выходящих за рамки социально-трудовой сферы. Не менее важными являются угрозы, имеющие непосредственное отношение к рабочему месту. Как правило, они затрагивают условия труда и связанные с ними аспекты занятости, которые также могут рассматриваться в качестве признаков прекаризации. Консолидированного мнения на этот счет не существует. Однако куда большего внимания заслуживают практико-ориентированные тезисы о нормализации дестабилизирующих практик. В частности, при повышении степени прекаризации проблематизация неустойчивости условий трудовой деятельности среди молодых работников не усиливается (Кученкова, 2022, с. 116), в то время как высокий уровень образования и квалификации все реже служит фактором защиты от уязвимости на рынке труда (Lodovici, Semenza, 2012). Все это лишь обостряет интерес к данной тематике.

Цель нашего исследования состоит в определении влияния прекаризации на уровень жизни и положение молодежи в сфере занятости. Отличительная особенность работы заключается в применении оригинальной методики оценки масштабов неустойчивой занятости с учетом отдельных параметров индивидов. Одна из таких характеристик – навыки владения информационно-коммуникационными техно-

логиями (ИКТ), которые играют все большую роль на современном рынке труда. Помимо поиска заявленных в работе закономерностей предложенный подход позволяет лучше понять, способствуют ли цифровые компетенции повышению стабильности занятости.

Степень проработанности проблемы

Изучение влияния прекаризации на уровень жизни и положение молодежи в сфере занятости является серьезным вызовом для отечественной и зарубежной науки. В рамках данной проблематики существует немало дискуссионных положений и пробелов, в первую очередь обусловленных новизной самого исследовательского направления, несмотря на наличие определенных наработок в отношении отдельных его составляющих. Так, эволюция воззрений на общественное благополучие прошла путь от сугубо количественных оценок показателя дохода до объемного рассмотрения различных сторон человеческого развития (Gasper, 2007). Похожим образом обстоят дела с вопросами качества занятости, впоследствии охватившими всю трудовую жизнь работников (Уровень и качество..., 2022). При этом помимо образования и квалификации учитывается все больше параметров, определяющих перспективы положения индивидов на рынке труда¹.

В свою очередь феномен прекаризации занятости, широко обсуждаемый как в зарубежной, так и в отечественной литературе, только завершает стадию первичной концептуализации (Одегов, Бабынина, 2018; Melges et al., 2022) и нередко подвергается критике (Choopaga, 2020), что не мешает ученым предпринимать попытки оценки его многогранных последствий. Накопленный в этой области опыт носит фрагментарный характер и плохо поддается обобщению, что накладывает ограничения на возможности проведения прикладных исследований, в особенности когда речь идет о необходимости выявления тех или иных взаимосвязей.

¹ Skill shift: Automation and the future of the workforce // McKinsey&Company. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/industries/public%20and%20social%20sector/our%20insights/skill%20shift%20automation%20and%20the%20future%20of%20the%20workforce/mgi-skill-shift-automation-and-future-of-the-workforce-may-2018.pdf> (дата обращения 02.10.2023).

Методический инструментарий для анализа процесса прекаризации имеет высокую вариативность и во многом зависит от критериев, заложенных в основу оценки (табл. 1). В ходе исследования мы попытались очертить определенные рамки, которые связаны как с методологическими проблемами (дискуссия о прекариате и неустойчивой / прекарной / прекаризованной занятости (Попов, Соловьева, 2020)), так и с вопросами доступности информационной базы и обоснования перечня используемых показателей. В частности, ограниченность официальной статистики в отношении учета различных проявлений прекаризации приводит к тому, что специалисты все чаще обращаются к социологическим методам исследования. В этом случае, как правило, применяется большее количество индикаторов, которые могут быть объединены в отдельные блоки, характеризующие уровень оплаты труда, социальную защищенность, типичность условий труда и т. д. В результате происходит смещение акцентов в сторону комплексных и индексных подходов, позволяющих охватить самые разные аспекты неустойчивости.

В конечном итоге разнообразие точек зрения хотя и затрудняет процесс сопоставления результатов многочисленных исследований, но положительным образом сказывается на формировании общего представления о последствиях изучаемого феномена. *В настоящее время они раскрываются в рамках двух подходов.* Первый основан на применении качественных методов исследования, среди которых глубинные интервью, экспертные опросы, фокус-группы и т. д. Они позволяют сформировать целостное представление о влиянии процесса прекаризации на уровень жизни и положение населения в сфере занятости за счет получения детальных сведений о трудовой жизни респондента. Весьма показательными являются кейсы на примере конкретных отраслей экономики или профессий (Bohle et al., 2004; Vone, 2019), однако говорить о масштабировании или количественном выражении результатов исследования не приходится. В этом плане гораздо выигрышнее смотрятся работы, ориентированные на использование данных массовых опросов, обработка которых проводится при помощи таблиц сопряженно-

сти или более продвинутого математического инструментария. В то же время, несмотря на кажущуюся универсальность подхода, он имеет ограничения при изучении отдельных категорий населения, что обусловлено сложностью построения выборки и последующего сбора информации. Не случайно в научной литера-

туре встречаются лишь отдельные публикации, посвященные сравнительному анализу положения работников различного возраста, находящихся в неустойчивых трудовых отношениях (Jetha et al., 2020; Кученкова, 2022). Чаще всего внимание уделяется какой-то одной группе.

Таблица 1. Критериальные основания и индикаторная база идентификации прекаризации занятости

Подход / пример	Индикаторная база	Достоинство подхода	Недостаток подхода
<i>Критериальное основание: воплощение прекаризации занятости</i>			
Подход, основанный на обращении к категории «прекариат» (Прекариат..., 2020)	Показатели, характеризующие ограниченность возможностей реализации трудовых, гражданских, политических и иных прав	Рассмотрение прекаризации как процесса, ставшего неотъемлемой чертой современного общества	Сложность проведения четкой параллели между прекаризацией занятости и прекариатом. Разобщенность нового класса
Подход, основанный на обращении к категории «неустойчивая занятость» (Неустойчивая занятость..., 2018)	Показатели, характеризующие уязвимость и социальную незащищенность работника	Концептуальная взаимосвязь понятий «прекаризация занятости» и «неустойчивая занятость»	Необходимость учета критерия вынужденности для разделения понятий «нестандартная занятость» и «неустойчивая занятость»
<i>Критериальное основание: особенность информационной базы</i>			
Подход, основанный на использовании данных официальной статистики (Cranford et al., 2003)	Показатели, характеризующие охват населения наименее защищенными формами занятости (частичная, временная, случайная и т. д.), масштабы нестабильной занятости (vulnerable employment) и неформального сектора экономики, размер заработной платы, нестандартные условия труда	Доступность информационной базы и возможность проведения межрегиональных сравнений	Ограниченность перечня доступных показателей и сложность их соотнесения с теорией прекаризации
Подход, основанный на использовании данных инициативных социологических опросов (Шкаратан и др., 2015)	Показатели, характеризующие специфику условий труда в самом широком понимании: от величины заработной платы и наличия социальных гарантий до автономии и права голоса работников. Конкретные формулировки зависят от используемого инструментария исследования	Возможность самостоятельно определять инструментарий оценки, индикаторную базу, выборку и т. д.	Трудоемкость сбора информации и проведения межрегиональных сравнений
<i>Критериальное основание: инструментарий оценки</i>			
Подход, основанный на использовании частных индикаторов (Хусаинов, Альжанова, 2017)	Индикаторы, характеризующие уровень трудовых доходов, неформальную занятость, уязвимость на рабочем месте	Простота проведения расчетов	Ограниченный спектр затрагиваемых признаков прекаризации
Комплексный подход (Кученкова, Колосова, 2018)	Показатели, характеризующие специфику условий труда в самом широком понимании: от величины заработной платы и наличия социальных гарантий до автономии и права голоса работников	Учет многогранных проявлений прекаризации	Сложность отбора показателей и обоснования процедуры их свертки
Индексный подход (Cassells et al., 2018)			
Источник: составлено автором.			

Материалы и методы

Логика построения работы определяется результатами многолетних изысканий, проводимых членами научного коллектива проекта РНФ № 22-28-01043. Под неустойчивой (прекаризованной) занятостью мы понимаем вынужденные для работника производственные отношения, которые сопровождаются частичной или полной утратой трудовых и социальных гарантий, основанных на бессрочном трудовом договоре, работе в режиме стандартного рабочего времени (полный рабочий день, нормальная продолжительность рабочей недели) на территории работодателя. Для оценки такого состояния используется набор объективных индикаторов (рис. 1), сформированных с учетом ранее проведенных исследований и положений Международной организации труда².

Всего было выделено две группы из 9 показателей, которые предварительно прошли проверку на мультиколлинеарность и получили поддержку в экспертном сообществе (Бобков и др.,

2022a). *Первая группа содержит ключевые признаки прекаризации:* (1) занятость по найму на основе устной договоренности без оформления документов, (2) уровень доходов от основной занятости, не обеспечивающий устойчивости материального положения домохозяйств³, (3) вынужденный неоплачиваемый отпуск по инициативе работодателя, (4) отсутствие оплачиваемого отпуска, (5) уменьшение работодателем заработной платы или сокращение часов работы. Наличие хотя бы одного из них служит критерием отнесения человека к неустойчиво занятым. *Неключевые признаки прекаризации, характеризующие глубину этой неустойчивости, формируют вторую группу показателей.* Среди них: (6) занятость не по найму в неформальном секторе, (7) задолженность по заработной плате, (8) неофициальный (частично или полностью) доход от занятости, (9) отклоняющееся от стандартного рабочее время (продолжительность рабочей недели более 40 или менее 30 часов по основному месту работы).

Рис. 1. Индикаторы прекаризации занятости

Ключевые индикаторы прекаризации занятости
<ul style="list-style-type: none"> • Занятость по найму на основе устной договоренности без оформления документов. • Уровень доходов от основной занятости, не обеспечивающий устойчивости материального положения домохозяйств. • Вынужденный неоплачиваемый отпуск по инициативе работодателя. • Отсутствие оплачиваемого отпуска. • Уменьшение работодателем зарплаты или сокращение часов работы.
Неключевые индикаторы прекаризации занятости
<ul style="list-style-type: none"> • Занятость не по найму в неформальном секторе. • Задолженность по заработной плате. • Неофициальный (частично или полностью) доход от занятости. • Отклоняющееся от стандартного рабочее время (продолжительность рабочей недели более 40 или менее 30 часов по основному месту работы).

Источник: (Бобков и др., 2023, с. 28).

² From precarious work to decent work: outcome document to the workers' symposium on policies and regulations to combat precarious employment // ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_dialogue/---actrav/documents/meetingdocument/wcms_179787.pdf (дата обращения 02.10.2023).

³ Менее 3,1 прожиточных минимума (ПМ) трудоспособного населения, необходимых для вхождения в средние слои с учетом минимальной иждивенческой нагрузки.

В зависимости от концентрации ключевых и неключевых индикаторов прекаризации возникает несколько категорий экономически активного населения:

- *устойчиво занятые* (индикаторы прекаризации отсутствуют);
- *переходная группа* (присутствуют не ключевые индикаторы прекаризации);
- *неустойчиво занятые* с умеренной (1–2 ключевых индикатора), высокой (1–2 ключевых индикатора вкуче с любым количеством неключевых) и наиболее высокой концентрацией (3–5 ключевых индикаторов) признаков прекаризации.

Кроме того, особое внимание уделяется безработным как крайней форме прекаризации. Это обусловлено тем, что люди, не имеющие постоянного заработка или доходного занятия, подвержены наибольшей уязвимости. Как правило, в подобных обстоятельствах горизонт планирования заметно сужается, а бытовые проблемы выходят на первый план. Важная роль здесь отводится системе социальной защиты, которая позволяет поддерживать минимальный уровень потребления, однако не может обеспечить нуждающемуся общую устойчивость.

Особенностью последующего анализа является акцент на определении влияния прекаризации на положение молодых людей в сфере занятости и уровень их жизни. В первом случае нами учитывались параметры образования, квалификации и владения ИКТ-навыками, отражающие конкурентоспособность индивидов на рынке труда, а во втором – параметры денежных доходов домохозяйства с применением социальных стандартов по материальному достатку (Бобков и др., 2022b). Подробно с описанием каждого из них можно ознакомиться в *таблице 2*. Также важно подчеркнуть, что предложенный показатель уровня жизни имеет много общего с индикатором заработка от основной деятельности, используемым для выявления неустойчиво занятых. Однако в рамках нашей методики рассматривается пороговое значение заработной платы, а в процессе оценки последствий прекаризации мы не только обращаемся к более широкой категории, учитывающей размер домохозяйства, но и выделяем несколько доходных групп. Такой ракурс дает возможность детально проследить за изменениями в наполняемости неустойчиво занятых с увеличением их материального достатка.

Таблица 2. Параметры, определяющие уровень жизни и положение молодежи в сфере занятости

Параметр	Описание
<i>Положение в сфере занятости</i>	
Образование	Определяется на основе достигнутого уровня образования: 1) без профессионального образования; 2) со средним профессиональным образованием; 3) с высшим образованием и выше
Квалификация	Определяется на основе принадлежности к группе занятий по Общероссийскому классификатору занятий (ОКЗ): 1) занятые неквалифицированным трудом (группы 9 «Неквалифицированные рабочие» и 03 «Военнослужащие рядового состава»); 2) занятые квалифицированным трудом (группы 4–8 «Служащие, занятые подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием», «Работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности», «Квалифицированные работники сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства», «Квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта и рабочие родственных занятий», «Операторы производственных установок и машин, сборщики и водители»); 3) занятые наиболее квалифицированным трудом (группы 1–3 «Руководители», «Специалисты высшего уровня квалификации», «Специалисты среднего уровня квалификации» и 01-02 «Офицеры действительной военной службы», «Военнослужащие неофицерского состава»)
Владение ИКТ-навыками	Определяется на основе взаимосвязи уровня владения ИКТ-навыками с профессиональной деятельностью: 1) базовые навыки, не связанные с профессиональной деятельностью (низкий уровень); 2) пользовательские навыки, связанные с профессиональной деятельностью (средний уровень); 3) специализированные навыки, необходимые для решения профессиональных задач в ИКТ-сфере (высший уровень)
<i>Уровень жизни</i>	
Денежные доходы	Определяется на основе социальных стандартов домохозяйств: 1) наименее обеспеченные (менее 1 ПМ); низкообеспеченные (1–2 ПМ); 3) обеспеченные ниже среднего (2,0–3,1 ПМ); 4) средне- и высокообеспеченные (свыше 3,1 ПМ)

Обозначенный инструментарий исследования апробирован на данных 30-й волны Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ)⁴. Для начала был осуществлен отбор респондентов в возрасте от 15 до 35 лет из числа занятых и безработных; всего 1895 наблюдений, которые были разделены на несколько групп в соответствии с заданными условиями. После этого для каждой из них рассчитывались показатели неустойчивости (метод многомерного частотного распределения признаков). По итогам проведенного анализа обоснованы предложения по нивелированию угроз влияния прекаризации на качество занятости и уровень жизни молодежи.

Результаты исследования

Взаимосвязь прекаризации и положения молодежи в сфере занятости

Как уже было сказано выше, в рамках нашего исследования взаимосвязь прекаризации с положением в сфере занятости раскрывается с учетом уровня квалификации, образования и ИКТ-навыков поколенных групп экономически активного населения. Согласно расчетам на данных РМЭЗ за 2021 год, большинство молодежи находится в состоянии неустойчивости вне зависимости от рассмотренных характеристик (*табл. 3*). Доля устойчиво занятых не превышает 8%, что вместе с переходной группой дает всего 21%. В связи с этим оптимизм придает лишь то, что максимальная концентрация

Таблица 3. Распределение молодежи по наличию и концентрации индикаторов прекаризации и положению в сфере занятости, 2021 год, %

Положение в сфере занятости	Уровень ИКТ-навыков	Устойчиво занятые	Переходная группа	Неустойчиво занятые		
				с умеренной концентрацией индикаторов	с высокой концентрацией индикаторов	с наиболее высокой концентрацией индикаторов
Занятые наиболее квалифицированным трудом	Высший уровень	6,8	3,3	5,3	3,8	0,6
	Средний уровень (как с проф. образованием, так и без)	44,5	26,2	37,1	24,4	13,3
	Низкий уровень (как с проф. образованием, так и без)	9,7	9,0	14,3	10,8	7,3
Занятые квалифицированным трудом	Средний уровень	2,7	4,9	5,9	4,8	1,8
	Низкий уровень	20,5	21,7	17,1	23,9	29,7
	Средний уровень (без проф. образования)	1,4	1,2	1,5	2,6	3,0
	Низкий уровень (без проф. образования)	14,4	27,5	14,2	22,9	32,1
Занятые неквалифицированным трудом	Низкий уровень	0,0	2,5	1,5	1,5	6,7
	Низкий уровень (без проф. образования)	0,0	3,7	3,1	5,3	5,5
В среднем		7,7	12,9	38,7	32,0	8,7

Источник: оценка на основе данных РМЭЗ.

⁴ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом Высшей школой экономики и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/rlms>; <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>).

ключевых индикаторов прекаризации наблюдается лишь у каждого десятого (9%). Как бы то ни было, в зоне особого риска находятся молодые люди, занятые неквалифицированным трудом (коды 9 и 03 по ОКЗ). Среди них нет ни одного, кто бы отличался стабильностью трудовых отношений. Даже переходная группа совсем незначительна по сравнению с долей неустойчиво занятых. Впрочем, такая ситуация отмечается практически повсеместно. Оценить роль ИКТ-навыков в этом случае не представляется возможным, поскольку различия в уровне их владения отсутствуют. Позитивный вклад вносит только профессиональное образование, наличие которого снижает угрозы прекаризации, по крайней мере, когда мы говорим о глупине ее проникновения в трудовую жизнь.

В свою очередь квалифицированная работа (коды 4–8 по ОКЗ) обеспечивает молодежь большей стабильностью занятости, о чем свидетельствует рост удельного веса опрошенных с нулевой концентрацией индикаторов прекаризации. Несмотря на тривиальность вывода, важно подчеркнуть, насколько велики различия с последствиями неквалифицированного труда. В текущих реалиях он едва ли способен обеспечить устойчивость положения молодого работника, что возвращает нас к дискуссии о принципах достойного труда для всех⁵.

Среди занятых квалифицированным трудом не так много молодежи, обладающей одновременно как профессиональным образованием, так и средним уровнем развития ИКТ-навыков (непосредственно связанных с осуществлением должностных обязанностей), однако именно здесь отмечается сокращение наполняемости групп неустойчиво занятых по мере увеличения концентрации индикаторов прекаризации. Аналогичным образом обстоят дела с выполняющими самую квалифицированную работу (коды 1–3 и 01–02 по ОКЗ). Причем с ростом ИКТ-навыков увеличивается разрыв в представленности полярных групп — устойчиво занятых и неустойчиво занятых с наиболее высокой

⁵ Достойный труд и повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_554824.pdf (дата обращения 02.10.2023).

концентрацией индикаторов прекаризации — в пользу первых. Следовательно, *стабильность положения молодых работников зависит не только от традиционных для соискателей характеристик, но и от умения применять цифровые компетенции в трудовой деятельности*, если такая возможность имеется, поскольку далеко не все профессии предполагают использование информационно-коммуникационных технологий.

Крайней формой прекаризации является безработица, которая рассматривается нами как состояние временной незанятости, характеризующееся потерей регулярного заработка, профессионального и социального статуса. В таких условиях горизонт планирования сужается до минимума, а уязвимость положения на рынке труда достигает своего пика. Как было сказано ранее, молодежь испытывает серьезные проблемы при трудоустройстве. Прежде всего это касается лиц младшего возраста, зачастую не имеющих ни специальности, ни опыта работы. И хотя уровень молодежной безработицы в разы выше, чем среди взрослого населения⁶, уже после 25 лет ситуация нормализуется⁷, поскольку многие успешно закрепляются на рабочих местах.

Данные наших расчетов показывают, что в структуре безработной молодежи, опрошенной в рамках РМЭЗ в 2021 году, почти половину составляют лица со средним и выше профессиональным образованием и уровнем ИКТ-навыков (табл. 4). Речь идет о достаточно квалифицированных специалистах, обладающих востребованными на современном рынке труда цифровыми компетенциями. Можно предположить, что процесс трудоустройства для них не будет продолжительным и проблемы с занятостью вскоре будут решены. На этом фоне около трети молодых людей, находящихся в поиске работы, не имеют профессии, причем

⁶ Global Employment Trends for Youth 2020: Technology and the future of jobs // ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_737648.pdf (дата обращения 02.10.2023).

⁷ Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2022 // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2022.pdf (дата обращения 02.10.2023).

Таблица 4. Распределение безработной молодежи по положению в сфере занятости, 2021 год

Положение в сфере занятости	Характеристики группы		Доля безработной молодежи, %
	Уровень ИКТ-навыков	Уровень образования	
Безработные со средним и выше профессиональным образованием и уровнем ИКТ-навыков	Высший уровень	Среднее профессиональное и выше	7,8
	Средний уровень	Среднее профессиональное и выше	39,8
Безработные со средним и выше профессиональным образованием и низким уровнем ИКТ-навыков	Низкий уровень	Высшее образование и выше	—*
	Низкий уровень	Среднее профессиональное	16,4
Безработные без профессионального образования и с низким и средним уровнем ИКТ-навыков	Средний уровень	Без профессионального образования	6,3
	Низкий уровень	Без профессионального образования	29,7

* Недостаточно наблюдений для проведения оценки.
Источник: оценка на основе данных РМЭЗ.

большинство из них не могут похвастаться высоким уровнем ИКТ-навыков. В этом случае шансы на успех заметно снижаются в силу отсутствия явных преимуществ у соискателей по сравнению с более опытными конкурентами. Последнюю группу, объединяющую 16% респондентов, составляют безработные со средним профессиональным образованием и низким уровнем ИКТ-навыков.

Полученные результаты по занятым и безработным подтверждают тезис об уязвимости молодежи на рынке труда. Признаки прекаризации четко прослеживаются во всех рассматриваемых группах. При этом *более высокий уровень образования и ИКТ-навыков, а также занятие квалифицированным трудом если и не позволяют полностью избежать неустойчивости, то существенно снижают глубину ее проникновения в трудовую жизнь*, что в худших условиях сказывается и на повседневных практиках. В то же время развитые качества молодых людей едва ли служат гарантом защиты от безработицы как крайней формы прекаризации, о чем свидетельствуют последние данные, однако при таком раскладе вероятность относительно быстрого транзита от учебы к стабильной работе резко повышается. Например, в Германии он составляет в среднем один год, хотя в зависимости от ситуации может увеличиваться вплоть до 8 лет (в частности, у молодых мужчин, выбравших траекторию ранней занятости) (Stuth,

Jahn, 2020). Опыт России свидетельствует о том, что такой переход может достигать порядка 4 лет, когда это не получилось сделать с первого раза (Российская молодежь..., 2016, с. 63–64). В связи с этим выход молодежи на рынок труда должен быть осмысленным с точки зрения обеспечения баланса между получением востребованных компетенций, в т. ч. цифровых, и приобретением необходимого опыта работы.

Влияние прекаризации занятости на уровень жизни молодежи

При проведении исследования нами сделан акцент на последствиях прекаризации для уровня жизни экономически активного населения, поскольку *материальный достаток остается одним из важнейших критериев общественного благополучия*. Устойчивость положения работников рассматривалась сквозь призму уровня доходов. Расчет на данных РМЭЗ за 2021 год показал, что доля бедной молодежи растет с увеличением концентрации индикаторов прекаризации (табл. 5). Причем различия между людьми с душевыми доходами менее одного прожиточного минимума (ПМ) и теми, кто тратит менее одной потребительской корзины прожиточного минимума (ПКПМ) на потребление, несущественны. И в том, и в другом случае удельный вес устойчиво занятых уступает наполняемости каждой из неустойчивых групп, последняя из которых отличается наибольшим представительством.

Таблица 5. Распределение молодежи по наличию и концентрации индикаторов прекаризации и уровню жизни, 2021 год, %

Группа по стандартам уровня жизни	Группа по наличию и концентрации индикаторов прекаризации				
	Устойчиво занятые	Переходная группа	Неустойчиво занятые		
			С умеренной концентрацией индикаторов	С высокой концентрацией индикаторов	С наиболее высокой концентрацией индикаторов
Наименее обеспеченные (бедные)					
С душевыми доходами менее 1 ПМ	7,7	5,9	9,2	10,3	15,3
С доходами, используемыми на потребление менее 1 ПКПМ	21,4	24,7	29,4	30,4	36,5
Низкообеспеченные					
С душевыми доходами 1–2 ПМ	32,3	46,8	52,0	53,3	53,5
С доходами, используемыми на потребление 1–2 ПКПМ	57,2	57,2	55,5	57,0	52,7
Обеспеченные ниже среднего					
С душевыми доходами 2,0–3,1 ПМ	32,3	30,0	29,8	26,8	24,1
С доходами, используемыми на потребление 2,0–3,1 ПКПМ	12,4	13,6	13,7	9,8	10,8
Средне- и высокообеспеченные					
С душевыми доходами 3,1 ПМ и выше	27,7	17,3	9,0	9,6	7,1
С доходами, используемыми на потребление 3,1 ПКПМ и выше	9,0	4,5	1,4	2,8	0,0
Примечание: ПМ – прожиточный минимум; ПКПМ – потребительская корзина прожиточного минимума. При расчете использовались различные значения показателей в зависимости от региона. Источник: оценка на основе данных РМЭЗ.					

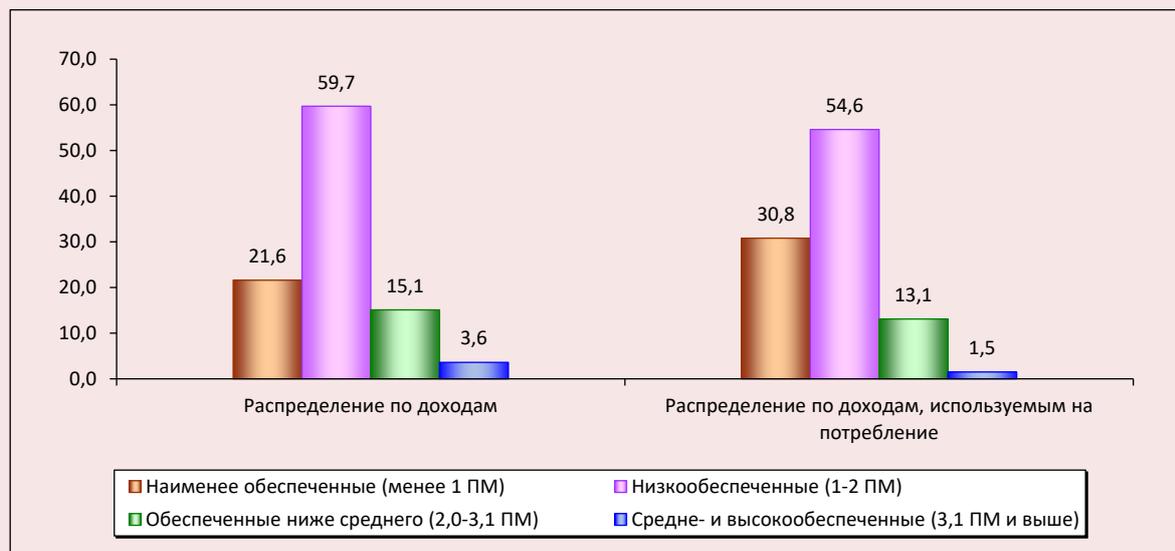
Категория низкообеспеченной молодежи с душевыми доходами на уровне 1–2 ПМ приобретает относительно позитивный окрас, только если речь идет об 1–2 ПКПМ. Именно тогда достигается равенство полярных групп, чему способствует заметное увеличение доли устойчиво занятых. В остальном же общая ситуация остается весьма напряженной, что особенно заметно на примере тех, чей доход ограничен двумя ПМ. Если на наполняемости неустойчивых групп это практически не сказывается, то в остальных она имеет тенденцию к сокращению. Исходя из этого следует, насколько чувствительной является грань между схожими размерами дохода и потребления среди малообеспеченных слоев. Ничего подобного в более состоятельных слоях не наблюдается.

Молодые люди с душевыми доходами свыше двух ПМ все реже характеризуются большим количеством признаков прекаризации вне зависимости от того, какая часть денежных средств идет на потребление. Совокупная доля неустой-

чиво занятых остается внушительной, однако можно с уверенностью утверждать о кардинальном изменении качества рабочих мест, которые помимо высокого заработка представляют принципиально новый уровень социальной защищенности. Это в первую очередь касается высокодоходных групп, хотя и здесь молодежь сталкивается с уязвимостью, что свидетельствует о сложности обеспечения стабильности занятости в современных условиях.

Безработица как крайняя форма прекаризации не имеет ярко выраженной специфики в разрезе доходных групп (рис. 2). Так, более обеспеченные молодые люди реже находятся в процессе поиска работы. Данная закономерность прослеживается по всем выделенным категориям, за исключением лиц с доходами / потреблением менее одного прожиточного минимума, где различия в достатке несущественны. При этом необходимо помнить о том, что молодежь может являться частью родительского домохозяйства и испытывать меньший дискон-

Рис. 2. Распределение безработной молодежи по уровню жизни, 2021 год, %

Примечание: ПМ – прожиточный минимум. При расчете использовались различные значения показателя в зависимости от региона.

Источник: оценка на основе данных РМЭЗ.

форт при отсутствии постоянного источника заработка, нежели взрослое население.

Следует подчеркнуть, что феномен прекаризации оказывает неоднозначное влияние на молодежь. С учетом негативных эффектов, о которых много говорится в научной литературе, прежде всего применительно к повседневной жизни, сама по себе возможность получить опыт работы и закрепить профессиональные навыки на практике имеет гораздо больше позитивных сторон по сравнению с безработицей. В связи с этим на первый план выходит продолжительность транзита к стабильной занятости. Одна из причин – низкий уровень жизни молодых людей, вынужденных мириться с неустойчивостью своего положения. *Наши результаты показывают, что глубина проникновения прекаризации тесно связана с размером душевых доходов.* Для молодежи это означает не только серьезные проблемы с потреблением, но и ощущение на себе всех тягот социальной незащищенности. Подобное развитие событий на длинной дистанции может обернуться попаданием в «ловушку нестабильности», выбраться из которой бывает непросто.

Предложения по нивелированию угроз прекаризации для качества занятости и уровня жизни молодежи

В ходе исследования нами показано, насколько деструктивными могут быть последствия прекаризации для экономически активной молодежи. Отсутствие социальных гарантий и возможностей для карьерного роста, низкий заработок и нерегулярность его выплат выходят далеко за рамки сферы занятости и отражаются на повседневной активности. В силу большого количества барьеров, препятствующих успешному трудоустройству, многие готовы мириться с таким положением вещей. Возможность получить опыт работы и обрести финансовую независимость, как правило, компенсирует все недостатки. В связи с этим на первый план выходят проблемы транзита от учебы к стабильной занятости, который зачастую рассматривается как поиск любой оплачиваемой работы. В условиях современности такой подход требует кардинального пересмотра, что оборачивается необходимостью совершенствования сложившейся институциональной среды.

Не вдаваясь в долгую полемику о состоянии системы профессионального образования в России, *подчеркнем важность продолжения усилий по сближению уровня подготовки кадров с реальными потребностями экономики за счет более тесного взаимодействия с работодателями.* Речь идет как о хорошо известных направлениях по организации производственной практики и проектной работы, разработке профессиональных стандартов, внедрению механизма социального заказа и др., так и об актуальных мерах, например, связанных с реализацией программ по трудоустройству выпускников. Перечень совместных действий может быть весьма широк, однако все они должны быть созвучны идее формирования востребованного специалиста, осознающего свои профессиональные траектории и перспективы. Немаловажная роль здесь отводится цифровым компетенциям, уровень владения которыми должен позволять молодым людям использовать их в трудовой деятельности для решения конкретных прикладных задач. Хорошим подспорьем этому был проект «Цифровые профессии», посредством которого при поддержке государства каждый желающий мог освоить ИТ-профессию. В 2022 году инициативу заморозили на неопределенное время, что вызывает тревогу с учетом отсутствия акцентов на ИКТ-навыках в Долгосрочной программе содействия занятости молодежи до 2030 года⁸.

Экосистема профессионального сопровождения молодежи не может полноценно существовать без активного участия государственной службы занятости. Как правило, молодые безработные реже пользуются ее услугами⁹, что объясняется в том числе невысоким качеством предлагаемых вакансий, в результате чего самостоятельный поиск работы позволяет претендовать на более высокие позиции (Гильгман и др., 2022, с. 210). Все это возвращает нас к

⁸ Об утверждении Долгосрочной программы содействия занятости молодежи на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 14 декабря 2021 г. № 3581-р // Сайт Правительства России. URL: <http://static.government.ru/media/files/rPqTKcZXAGKm9YF3xVc0ANoHZSUUnpE6.pdf> (дата обращения 02.10.2023).

⁹ Особенности безработицы на российском рынке труда: информационный бюллетень (2021) / под науч. ред. С.А. Солнцева, С.Ю. Рошина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 53 с. С. 47.

вопросам повышения привлекательности и эффективности деятельности отделений занятости населения, модернизация которых ведется в рамках национального проекта «Демография»¹⁰. На сегодняшний день судить о результатах таких преобразований весьма сложно, причем с точки зрения как популяризации формальных каналов трудоустройства, так и налаживания взаимодействия с субъектами рынка труда в целом. Вместе с тем необходимость кардинальных изменений назрела уже давно, в особенности в региональной периферии, где на фоне ограниченных возможностей получить качественное профессиональное образование проблемы занятости проявляются гораздо сильнее (Попов, Соловьева, 2023). Это способствует миграционному оттоку молодежи, что лишь усугубляет диспропорции пространственного развития и, как следствие, положение тех, кто решил остаться. Несмотря на сложность функционирования отделений занятости населения (от скромного штата сотрудников и низких зарплат до нестабильности Единой цифровой платформы «Работа в России»), именно они должны стать надежной опорой для молодых людей в социально-трудовой сфере.

Если оставить за рамками повествования объективные и субъективные барьеры, препятствующие выходу на рынок труда, то сама по себе *подверженность молодежи угрозам прекаризации обусловлена большей вовлеченностью молодых людей в нестандартные формы занятости* (например, чтобы совмещать учебу с работой), *которые нередко оборачиваются дефицитом достойного труда.* Подобного рода дискуссия занимает важное место в понимании перспектив для обеспечения устойчивости положения работников. Единого мнения на этот счет пока нет, однако Международная организация труда рекомендует проводить регулярную работу по устранению пробелов в законодательстве (вплоть до введения ограничений на использование отдельных форм занятости), укреплению систем коллективных переговоров, совер-

¹⁰ Работа на результат: как модернизируют центры занятости в РФ // Портал «Национальные проекты. рф». URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--plai/news/rabota-na-rezultat-kak-moderniziruyut-tsentry-zanyatosti-v-rf> (дата обращения 02.10.2023).

шенствованию социальной защиты, а также осуществлять социально-экономическую политику для регулирования социальных рисков и упрощения перехода к стандартной модели занятости¹¹. Так, в отечественной практике подвергаются критике действующие механизмы социального партнерства и регулирования дистанционного труда, «экспансия» гражданского права в трудовые отношения (Куренной, 2022) и т. д. В связи со сказанным вопросы совершенствования трудового законодательства должны подвергаться широкой общественной дискуссии, чтобы учесть интересы всех субъектов рынка труда. В свою очередь динамизм и неопределенность современных процессов могут учитываться посредством реализации ряда правовых и социальных экспериментов перед имплементацией новых норм. Кроме того, это позволит избежать серьезных последствий, вызванных комплементарностью институтов рынка труда, когда одиночные изменения приводят к неожиданным результатам.

Заключение

Результаты исследования подтверждают тезис о широкой распространенности показателей прекаризации среди российской молодежи. *Удельный вес устойчиво занятых молодых людей составляет всего 8%, что вкупе с переходной группой дает около 21%*. Все остальные в той или иной мере вовлечены в неустойчивые трудовые отношения. Вместе с тем высокий уровень образования и ИКТ-навыков, а также занятие квалифицированным трудом будут способствовать снижению концентрации индикаторов прекаризации. Это особенно заметно на примере цифровых компетенций, представленность которых в рамках одной образовательной или квалификационной группы приводит к повышению доли устойчиво занятых. Исходя из этого следует, что стабильность положения молодых работников зависит как от традиционных для соискателей характеристик, так и от умения использовать современные технологии при выполнении должностных обязанностей. *Вместе с тем развитые качества не гарантиру-*

ют защиту от безработицы как крайней формы прекаризации, однако в этом случае шансы на успешное трудоустройство значительно повышаются.

В ходе анализа мы подчеркиваем важность быстрого транзита к стабильной занятости, поскольку глубина проникновения прекаризации негативно сказывается на уровне жизни. Так, *молодые люди из числа наименее и низкообеспеченных слоев отличаются наибольшим количеством признаков неустойчивости, концентрация которых начинает снижаться только при увеличении расходов домохозяйства до 1–2 размеров потребительской корзины прожиточного минимума*. Это позволило сделать вывод о чувствительности границы между размером дохода и уровнем потребления для малообеспеченной молодежи, хотя среди самых бедных такая закономерность не прослеживается из-за несущественных различий в достатке. Аналогичная ситуация складывается и в более состоятельных группах, прежде всего с подушевыми доходами свыше 3,1 прожиточного минимума, где помимо высокого заработка рабочие места предлагают принципиально новый уровень социальной защищенности. Впрочем, и здесь молодые работники с неустойчивыми трудовыми отношениями не являются редкостью. В свою очередь безработица как крайняя форма прекаризации не имеет ярко выраженной специфики в разрезе доходных групп. Обеспеченные слои закономерно реже находятся в процессе поиска работы.

На основании вышесказанного можно заключить, что *с увеличением концентрации индикаторов прекаризации происходит заметное ухудшение уровня жизни*. В этом отношении выделяется молодежь с высоким уровнем образования и ИКТ-навыков, занятая квалифицированным трудом. Безусловно, в ряде случаев можно на какое-то время оставаться частью родительского домохозяйства или получать финансовую помощь от близких, однако определенный стандарт потребления обычно достигается за счет сочетания обозначенных характеристик. В конечном итоге развитые профессиональные и цифровые компетенции молодых людей становятся необходимым условием быстрого транзита от учебы к стабильной занятости.

¹¹ Нестандартные формы занятости. Анализ проблем и перспективы решения в разных странах. Обзорная версия // ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_554952.pdf (дата обращения 02.10.2023).

Полученные эмпирические результаты наряду с обоснованием предложений по нивелированию угроз прекаризации для качества занятости и уровня жизни молодежи имеют конкретную теоретическую и практическую ценность, поскольку могут быть использованы, с одной стороны, для развития представлений о феномене неустойчивости в сфере социально-трудовых отношений, с другой – для совершенствования федеральной и региональной политики по обеспечению быстрого перехода выпускников профессиональных образовательных организаций от учебы к стабильной работе. Фокус на молодых работниках в этом плане позволит избежать кумулятивных эффектов прекаризации, которые с возрастом наносят куда больший вред. Перспективы дальнейших исследований лежат в плоскости изучения образовательных и профессиональных траекторий, которые приводят к ухудшению качества трудовой жизни населения.

Литература

- Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Иванова Т.В. [и др.] (2022a). Значимые индикаторы неустойчивой занятости и их приоритетность // *Уровень жизни населения регионов России*. Т. 18. № 4. С. 502–520. DOI: 10.19181/lspr.2022.18.4.7
- Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Шичкин И.А. (2022b). Влияние профессионально-квалификационных навыков использования информационно-коммуникационных технологий на доходы от занятости: поколенческая дифференциация // *Российский экономический журнал*. № 4. С. 93–113. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-4-93-113
- Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Попов А.В. [и др.] (2023). Влияние прекаризации на качество занятости и уровень жизни поколенных групп экономически активного населения / под ред. В.Н. Бобкова. Ижевск: Шелест. 104 с.
- Гильтман М.А., Мерзлякова А.Ю., Антосик Л.В. (2022). Выход из зарегистрированной безработицы: оценка влияния индивидуальных характеристик // *Вопросы государственного и муниципального управления*. № 1. С. 193–219. DOI: 10.17323/1999-5431-2022-0-1-193-219
- Куренной А.М. (2022). Необходимость срочного создания нового Трудового кодекса: идея фикс? // *Ежегодник трудового права*. № 10. С. 40–52.
- Кученкова А.В. (2022). Прекаризация занятости и субъективное благополучие работников разных возрастных групп // *Социологический журнал*. Т. 28. № 1. С. 101–120. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.1.8840
- Кученкова А.В., Колосова Е.А. (2018). Дифференциация работников по характеру неустойчивости их занятости // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. № 3. С. 288–305. DOI: 10.14515/monitoring.2018.3.15
- Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения (2018) / под ред. В.Н. Бобкова. М.: КноРус. 342 с.
- Одегов Ю.Г., Бабынина Л.С. (2018). Неустойчивая занятость как возможный фактор использования трудового потенциала молодежи России // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. № 4. С. 386–409. DOI: 10.14515/monitoring.2018.4.20
- Попов А.В., Соловьева Т.С. (2020). Прекаризация занятости: анализ научного дискурса о сущности и векторах измерения // *Социологические исследования*. № 9. С. 103–113. DOI: 10.31857/S013216250009618-2
- Попов А.В., Соловьева Т.С. (2023). Перспективы занятости населения России по оси «центр-периферия» (на примере Вологодской области) // *Социологические исследования*. № 8. С. 47–59. DOI: 10.31857/S013216250027366-5
- Прекариат: становление нового класса (2020) / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 400 с.
- Российская молодежь на рынке труда: экономическая активность и проблемы трудоустройства в мегаполисе (2016) / под науч. ред. В.Н. Бобкова, А.А. Литвинока. М.: РУСАЙНС. 230 с.
- Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего (2022) / под ред. В.Н. Бобкова, Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой. М.: ФНИСЦ РАН. 274 с.

- Хусаинов Б., Альжанова Ф. (2017). Прекаризация занятости – глобальный вызов: измерение и оценка влияния на развитие Казахстана // *Казахский экономический вестник*. № 2 (28). С. 2–13.
- Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н. (2015). Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // *Социологические исследования*. № 12. С. 99–110.
- Bessant J., Farthing R., Watts B. (2017). *The Precarious Generation. A Political Economy of Young People*. London: Routledge.
- Bohle P., Quinlan M., Kennedy D. et al. (2004). Working hours, work-life conflict and health in precarious and “permanent” employment. *Revista de saude publica*, 38, 19–25. DOI: 10.1590/s0034-89102004000700004
- Bone K.D. (2019). “I don’t want to be a vagrant for the rest of my life”: Young peoples’ experiences of precarious work as a “continuous present”. *Journal of Youth Studies*, 22(9), 1218–1237. DOI: 10.1080/13676261.2019.1570097
- Cassells R., Duncan A., Mavisakalyan A. et al. (2018). *Future of Work in Australia. Preparing for Tomorrow’s World*. Perth: Bankwest Curtin Economics Centre.
- Chan S., Tweedie D. (2015). Precarious work and reproductive insecurity. *Social Alternatives*, 34(4), 8–13.
- Choonara J. (2020). The precarious concept of precarity. *Review of Radical Political Economics*, 52(3), 427–446. DOI: 10.1177/0486613420920427
- Cranford C.J., Vosko L.F., Zukewich N. (2003). Precarious employment in the canadian labour market: A statistical portrait. *Just Labour*, 3. DOI: 10.25071/1705-1436.164
- Gaspar D. (2007). Human well-being: Concepts and conceptualizations. In: McGillivray M. (Ed.) *Human Well-Being. Studies in Development Economics and Policy*. Palgrave Macmillan, London. DOI: 10.1057/9780230625600_2
- Jetha A., Martin Ginis K.A., Ibrahim S. et al. (2020). The working disadvantaged: The role of age, job tenure and disability in pre-carious work. *BMC Public Health*, 20. DOI: 10.1186/s12889-020-09938-1
- Lodovici M.S., Semenza R. (Eds.). (2012). *Precarious Work and High-Skilled Youth in Europe*. Milan: FrancoAngeli.
- Melges F., Calarge T.C.C., Benini E.G. et al. (2022). The new precarization of work: A conceptual map. *Organ. Soc.*, 29(103), 638–666. DOI: 10.1590/1984-92302022v29n0032en
- Miguel Carmo R., Cantante F., de Almeida Alves N. (2014). Time projections: Youth and precarious employment. *Time & Society*, 23(3), 337–357. DOI: 10.1177/0961463X14549505
- Mrozowicki A., Trappmann V. (2021). Precarity as a biographical problem? Young workers living with precarity in Germany and Poland. *Work, Employment and Society*, 35(2), 221–238. DOI: 10.1177/0950017020936898
- Shehu E., Nilsson B. (2014). *Informal Employment among Youth: Evidence from 20 School-to-Work Transition Surveys*. Geneva: ILO.
- Sršen A., Dizdarevič S. (2014). Precariousness among young people and student population in the Czech Republic. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 5(21), 161–168.
- Standing G. (2011). *The Precariat. The New Dangerous Class*. London: Bloomsbury Academic.
- Stuth S., Jahn K. (2020). Young, successful, precarious? Precariousness at the entry stage of employment careers in Germany. *Journal of Youth Studies*, 23(6), 702–725. DOI: 10.1080/13676261.2019.1636945
- Umicevic A., Arzenšek A., Franca V. (2021). Precarious work and mental health among young adults: A vicious circle? *Managing Global Transitions*, 19(3), 227–247. DOI: 10.26493/1854-6935.19.227-247

Сведения об авторе

Андрей Васильевич Попов – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а); участник научного проекта, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Тверская, д. 11; e-mail: ai.popov@yahoo.com)

Попов А.В.

The Impact of Precarization on the Standard of Living and Employment Situation of Russian Youth

Abstract. The study of precarization implications focuses on young people who are facing serious problems on the way to stable employment. The lack of clear competitive advantages in the labor market complicates employment in the formal sector of the economy, where workers have access to an extensive system of social guarantees. In this regard, young people often feel vulnerable and uncertain about their future. Despite the relevance of the problem and wide discussion, there are not many specific empirical studies in this area. The aim of the paper is to determine the impact of precarization on the standard of living and the employment situation of young people. The information base is represented by the data of the Russia Longitudinal Monitoring Survey conducted by the Higher School of Economics for 2021 (30th round). Based on the original toolkit, the scale of precarious work was estimated depending on the concentration of precarization indicators and taking into account individual parameters of respondents. The indicators were calculated using the method of multivariate frequency distribution of attributes. According to the results obtained, the overwhelming majority (almost 80%) of young people are involved in precarious work. To a much lesser extent, this applies to the part of youth that has a high level of education, ICT skills and is engaged in skilled labor. The depth of precarization penetration is also closely linked to per capita income. As its size increases up to two subsistence minimums, the share of those involved in precarious work decreases significantly; and in this regard it does not matter what part of income is used for consumption. In conclusion, we substantiate proposals to counter the threats of precarization for young people. Prospects for further research are connected, first of all, with the identification of educational and professional trajectories that have a negative impact on employment stability.

Key words: precarization, standard of living, employment, youth, precarious work, labor market, employment quality, youth policy.

Information about the Author

Andrei V. Popov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation); research project participant (RSF No. 22-28-01043), Plekhanov Russian University of Economics (11, Tverskaya Street, Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: ai.popov@yahoo.com)

Статья поступила 03.11.2023.

DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.15

УДК 331.5, ББК 65.240

© Камарова Т.А., Маркова Т.Л., Тонких Н.В.

Влияние цифровизации занятости на совмещение профессиональных и семейных обязанностей: субъективные оценки россиян

**Татьяна Александровна
КАМАРОВА**

Уральский государственный экономический университет
Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: kta@usue.ru

ORCID: 0000-0003-0087-9310; ResearcherID: ABC-9312-2021

**Татьяна Леонидовна
МАРКОВА**

Уральский государственный экономический университет
Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: markova_tl@usue.ru

ORCID: 0000-0002-2520-6836; ResearcherID: ABC-7152-2021

**Наталья Владимировна
ТОНКИХ**

Уральский государственный экономический университет
Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: tonkihnv@usue.ru

ORCID: 0000-0003-2957-7607; ResearcherID: O-9705-2018

Для цитирования: Камарова Т.А., Маркова Т.Л., Тонких Н.В. (2023). Влияние цифровизации занятости на совмещение профессиональных и семейных обязанностей: субъективные оценки россиян // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 6. С. 252–269. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.15

For citation: Kamarova T.A., Markova T.L., Tonkikh N.V. (2023). Impact of the digitalization of employment on the work–family balance: Russians' subjective assessments. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(6), 252–269. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.15

Аннотация. Под натиском цифровых технологий стремительно трансформируется сфера труда, появляются новые формы и форматы занятости. Происходящие изменения актуализируют проблему гармоничного совмещения профессиональных и семейных обязанностей в целях роста благополучия работников с детьми. Цель исследования – изучение влияния цифровизации занятости на баланс «работа – дети». Эмпирическая база – результаты опроса женщин и мужчин трудоспособного возраста, с опытом работы, проживающих на территории Российской Федерации и воспитывающих детей в возрасте до 14 лет (N = 954), проведенного в мае – июне 2023 года. На основе полученных данных, во-первых, выявлены отличия в оценках удовлетворенности среди респондентов, интенсивно использующих информационно-коммуникационные технологии и неинтенсивно использующих / не использующих их в работе, у последних средний показатель удовлетворенности временем на исполнение родительских обязанностей выше. Это свидетельствует о неоднозначном влиянии информационно-коммуникационных технологий на удовлетворенность временем на родительство. Во-вторых, не зафиксировано прямой зависимости между количеством времени, которое родители проводят с детьми, и субъективной удовлетворенностью затратами времени на родительство, что коррелирует с результатами других исследований. В-третьих, обнаружено противоречие между высокой оценкой ожидаемого положительного эффекта от гибридного формата работы на затраты времени на детей и низкой удовлетворенностью затратами времени на детей у женщин с текущим гибридным форматом занятости. Выявленное противоречие свидетельствует о трудностях при практической реализации такого формата работы, которые значительно снижают удовлетворенность женщин затратами времени на родительство. Требуется дальнейшая верификация детерминант такого эффекта с применением качественных методик.

Ключевые слова: родительство, затраты времени на детей, баланс «семья – работа», занятость, удовлетворенность, родительское благополучие.

Благодарность

Исследование выполнено по гранту Российского научного фонда № 22-18-00614, <https://rscf.ru/project/22-18-00614/>.

Введение

Удовлетворенность временем, затрачиваемым на родительство, является одной из детерминант родительского благополучия и репродуктивного поведения. В Концепции государственной семейной политики на период до 2025 года¹ нашла отражение идея о необходимости и целесообразности создания реальных условий для совмещения семейных обязанностей с профессиональной деятельностью, в том числе посредством развития форм занятости, способствующих гармоничному балансу родительских и трудовых обязательств.

Реализация семейной политики для гармонизации баланса «семья – работа» может способствовать росту уровня рождаемости и пози-

тивно влиять на экономическую эффективность трудовых отношений. Удовлетворенность балансом между работой и семьей повышает удовлетворенность трудовой деятельностью (Nilawati et al., 2019), снимает барьеры для роста производительности труда (Белехова, Ивановская, 2022).

Цифровизация стала катализатором распространения гибких форматов занятости (дистанционная, гибридная, платформенная, самозанятость), что, по некоторым оценкам, позволяет успешнее совмещать трудовую деятельность с семейными обязанностями (Абрамов, Быков, 2021).

Однако мнения экспертов о влиянии цифровизации на сферу занятости неоднозначны. С одной стороны, масштабное внедрение технологий открывает безграничные возможности для профессиональной самореализации, карьерного и личностного роста, повышения

¹ Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р.

благополучия и качества жизни (Ganju et al., 2016; Зеленков, Лашкевич, 2020), создания рабочих мест² и др. Цифровые технологии способствуют изменению структуры рабочего времени (Побиянская и др., 2022), оно становится гибким и может трансформироваться в зависимости от желания работодателя и работника³. В условиях цифровой экономики появляются возможности как уменьшения продолжительности рабочего времени, так и его продления сверх стандартной нормы рабочих часов (Демина, Заякина, 2020), создаются условия для полизанятости, которая зачастую позволяет не только получить дополнительный финансовый доход и стабильность, но и способствует раскрытию профессионального потенциала работника, повышает его устойчивость и уверенность в завтрашнем дне (Кученкова, 2019).

С другой стороны, исследователи сходятся во мнении, что цифровизация способствует росту интенсивности работы и продолжительности рабочего дня. По данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, примерно у трети населения страны (35%) рабочий день продолжается свыше 9 часов⁴. Увеличение продолжительности рабочего дня обусловлено рядом причин, включая недозанятость на основном рабочем месте, низкий уровень оплаты труда, рост инфляции и снижение реальных доходов, нестабильность рынка труда, что побуждает работников искать возможности дополнительного трудоустройства в свободное от основной работы время (Демина, Заякина, 2020; Кученкова, 2019). Мы становимся свидетелями такого явления, как сверхзанятость (рабочая неделя свыше стандартных 40 часов), которое несет негативные риски и последствия для баланса между работой и семьей.

Особенно актуализируется проблема соблюдения баланса между работой и личной жизнью у работающих родителей, которые имеют детей дошкольного и школьного возраста. Возникает

² Value of connectivity: Economic and social benefits of expanding Internet access. Deloitte, 2014. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ie/Documents/TechnologyMediaCommunications/2014_uk_tmt_value_of_connectivity_deloitte_ireland.pdf

³ Кобзарь Е.Н. Экономический анализ причин сверхзанятости в современной России. URL: <https://lirt.hse.ru/data/2011/05/29/1212611019/20110524-Kobzar.pdf>

⁴ Russia Longitudinal Monitoring Survey of HSE. URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/flms>

необходимость более глубокого изучения преимуществ и рисков современных трендов в сфере занятости для работающих родителей в разрезе планирования рождения детей, количества и качества времени на их воспитание, удовлетворенности временными затратами на детей. По оценкам исследователей (Калабихина, 2019) цифровизация оказывает положительное влияние на демографические тренды, в то же время высказываются опасения, что репродуктивные установки граждан могут вступать в противоречие с образом жизни и потребительскими возможностями в рамках цифровой экономики. В связи с этим особо пристальное внимание обращается на создание в обществе необходимых условий для рождения и воспитания детей, популяризации ценностей родительства и детства, гармонизации рабочего времени в целях улучшения баланса между работой и семьей (Шабунова, Леонидова, 2023).

На данном этапе нет глубокого понимания, как трансформации в сфере занятости, в частности цифровые, гибкие и гибридные формы современной организации трудовой деятельности, влияют на баланс между работой и семьей. В российской научной литературе исследования, нацеленные на изучение особенностей удовлетворенности временными затратами на родительство у людей разных типов и режимов занятости, имеют фрагментарный характер. Мы стремимся заполнить имеющиеся лакуны в этом направлении. Наша гипотеза строится на предположении о существовании взаимосвязи между проникновением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в сферу занятости и удовлетворенностью затратами времени на родительство. Цифровизация занятости отражается не только на увеличении интенсивности использования ИКТ в работе, но и на изменениях режима труда (гибкий/жесткий), формата рабочих мест (дистанционный/гибридный/стационарный), отраслевых условий занятости.

Объектом исследования являются женщины и мужчины трудоспособного возраста, с опытом работы, проживающие на территории Российской Федерации и воспитывающие детей в возрасте до 14 лет.

Цель исследования – изучение влияния цифровизации занятости на баланс «работа – дети».

Ключевой задачей выступает оценка степени удовлетворенности затратами времени на родительство в зависимости от следующих параметров занятости: интенсивность использования ИКТ в работе; гибкость режима работы; формат рабочего места (дистанционный, гибридный, стационарный); отрасль. Дополнительно изучается взаимосвязь удовлетворенности затратами времени на родительство с фактическими затратами времени на детей и возрастом детей.

Субъективные оценки удовлетворенности затратами времени на родительство позволяют выяснить, насколько успешно работающим родителям удастся выстраивать баланс между работой и временем на детей.

Обзор литературы

Затраты времени на уход за детьми и их воспитание являются важными составляющими жизни работающих родителей (Разумова, Серпухова, 2020). Оценка психологических (удовлетворенность вовлеченностью) и временных затрат (удовлетворенность распределением времени) на различные сферы жизни выступает одним из многочисленных подходов к измерению баланса между семьей и работой (Greenhaus et al., 2003). Удовлетворенность временем на родительство оказывает существенное влияние на субъективное благополучие отцов и матерей в процессе выстраивания гармоничного баланса между родительскими и профессиональными обязанностями.

Изучение затрат времени родителей на воспитание детей осуществляется зарубежными (Nomaguchi et al., 2005; Gutiérrez-Domènech, 2010; Neilson, Stanfors, 2014; Zannella et al., 2020) и российскими (Багирова, Шубат, 2011; Короленко, Калачикова, 2019; Короленко, 2021) исследователями. Работы западных ученых последних десятилетий существенно расширили представления о демографических и социально-экономических детерминантах удовлетворенности родителями временем, проводимым с детьми, что способствовало лучшему пониманию этого сложного феномена (Nomaguchi et al., 2005; Monna, Gauthier, 2008; Gutiérrez-Domènech, 2010; Zannella et al., 2010; Kutrovátz, 2017).

В рамках цифровой трансформации сферы занятости основное внимание сосредоточено на том, как изменяющиеся условия труда вли-

яют на время, уделяемое родителями детям. Особый интерес вызывает изучение воздействия различных параметров и характеристик занятости (продолжительность рабочего дня, полная и неполная занятость, время работы в течение суток/недели, стандартный/нестандартный график работы) на время работающих родителей с детьми (Hallberg, Klevmarken, 2003; Rapoport, Le Bourdais, 2008; Gutiérrez-Domènech, 2010; Багирова, Бледнова, 2021; Тонких, Черных, 2022). Данные, полученные в ходе эмпирических исследований, убедительно показывают, что рабочие часы в вечернее время после 18.00 значительно уменьшают время досуга и общения с детьми (Noonan et al., 2007; Rapoport, Bourdais, 2008). Также фиксируется возможное негативное влияние нестандартного графика работы на родительское благополучие (Pollmann-Schult, Li, 2020).

В ряде эмпирических исследований выявлены положительные эффекты удаленной занятости и гибкого графика работы на гармоничное совмещение родительских и профессиональных обязанностей (Багирова, Бледнова, 2019; Тонких, Черных, 2022). Пока рано делать выводы о том, как цифровизация занятости влияет на благополучие работающих родителей, в том числе затраты времени родителей на детей. Эмпирические данные (Yang et al., 2023) свидетельствуют о разнонаправленном влиянии удаленной занятости на благополучие матерей и отцов. Устойчивый положительный эффект удаленной занятости по отношению к благополучию родителей обусловлен рядом факторов, в том числе наличием необходимых условий для работы из дома.

Ведутся исследования, направленные на изучение гендерных различий в отношении влияния времени, проводимого с детьми (time-to-children), и испытываемого дефицита времени на детей на родительское благополучие в семьях, где работают оба взрослых. Результаты исследований (Milkie et al., 2004; Zannella et al., 2020) свидетельствуют о желании большинства отцов проводить больше времени со своими детьми, в то время как у большей части матерей наблюдается удовлетворенность временем, проводимым с детьми. Также отмечается, что только у матерей нехватка времени на детей и супруга ассоциируется с более низким благополучием (Nomaguchi et al., 2005). Обращает на

себя внимание и то, что изменение продолжительности рабочего дня матери оказывает меньшее влияние на время, проводимое родителями с детьми, чем изменение продолжительности рабочего дня отца (Hallberg, Klevmarcken, 2003).

В контексте нашего исследования особый интерес представляют труды западных ученых по проблематике влияния баланса «семья – работа» и конфликта «семья – работа» на родительское благополучие (Baxter et al., 2007; Cooklin et al., 2015; Gatrell et al., 2014). Согласно (Meier et al., 2016) не существует негативной зависимости между занятостью и субъективным восприятием матерями времени, проводимого с детьми. Родительское благополучие мужчин, напротив, в значительной степени обусловлено типом работы и условиями труда (Cooklin et al., 2015). Определенные характеристики работы напрямую ассоциируются с усилением конфликта между работой и семьей (продолжительный рабочий день, негибкий рабочий график, работа в ночные смены, отсутствие гарантий занятости, недостаток автономности) и, как следствие, ведут к снижению родительского благополучия мужчин (Cooklin et al., 2015).

Исследователи констатируют, что существующие стратегии «рабочего места, ориентированного на семью» (family-friendly workplace), в основном направлены на матерей. Традиционные мнения руководителей организаций о гендерных ролях зачастую не позволяют отцам оптимально сочетать работу и уход за детьми (Gatrell et al., 2014), что негативно влияет на временные затраты на детей и родительское благополучие в целом.

Обзор исследований российских и зарубежных авторов демонстрирует разнообразие подходов к детерминантам, определяющим субъективное восприятие удовлетворенности временем на детей у работающих родителей. Проникновение цифровизации в сферу труда актуализирует исследования влияния ИКТ на баланс «работа – дети».

Материалы и методы

Нами применялись методы социологического исследования (онлайн-опрос), методы статистическо-математической обработки информации, сравнительного и сопоставительного анализа. На этапе формирования дизайна исследования были изучены работы российских и зарубежных авторов, касающиеся проблемы

совмещения работы с выполнением семейно-родительских обязанностей.

Зарубежные ученые рассматривают баланс «работа – семья – дети» в контексте негативного влияния нестандартных параметров занятости на здоровье родителей и детей, на благополучие и удовлетворенность отношениями, используя такие измерительные/оценочные индикаторы, как нестандартный график работы, продолжительность рабочего времени, длительность поездок на работу (Pollmann-Schult, Li, 2020); демографические характеристики родителей (пол, возраст, семейное положение); социально-экономические характеристики родителей (статус занятости, финансовый доход, профессия, образование); характеристики детей (количество и возраст детей) (Monna, Gauthier, 2008). Некоторые авторы для оценки благополучия работающих родителей используют индикатор времени, проводимого с детьми (Milkie et al., 2004; Zannella et al., 2020).

«Время» как оценочная метрика оптимальности баланса «семья – работа» и успешности совмещения работы с родительством является центральной как в зарубежных, так и в российских исследовательских проектах. В трудах Т.О. Разумовой и М.А. Серпуховой (Разумова, Серпухова, 2020) в системе индикаторов баланса «семья – работа» применяется показатель удовлетворенности от распределения времени, которое обеспечивает индивиду выполнение как рабочих, так и семейных функций. В работе (Багирова, Бледнова, 2021) влияние параметров занятости на совмещение родительских и профессиональных обязанностей изучается с помощью индексного метода оценки барьеров, в том числе в зависимости от продолжительности рабочего дня и рабочего графика.

В ходе анализа не выявлено исследований, посвященных проблеме влияния цифровизации содержания труда на баланс «работа – семья». Разработка авторского дизайна и инструментария исследования выполнена с опорой на подходы авторов (Milkie et al., 2004), применивших группировку респондентов в разрезе профилей занятости (малозанятость; работа полный день; сверхзанятость) и наличия/возраста детей. В качестве оценочной метрики оптимальности баланса «работа – дети» выбран индикатор «удовлетворенность возможностью уделять детям достаточное количество времени».

Профили занятости респондентов уточнены под цели и задачи исследования. Опросник содержит ключевой вопрос про удовлетворенность временем на детей, стандартный социально-демографический блок, блок о возрасте детей и вопросы о параметрах занятости. Применялись формулировки закрытого типа, общее количество вопросов – 25.

Для решения ключевой задачи исследования – оценки степени удовлетворенности затратами времени на родительство в зависимости от проникновения цифровизации в сферу труда, в блок «Занятость» были включены вопросы, позволяющие выявить и сгруппировать респондентов по таким параметрам занятости, как:

- использование ИКТ (используют ИКТ в работе интенсивно/неинтенсивно; используют или не используют ИКТ в работе);
- режим работы (гибкий/жесткий);
- формат рабочего места (дистанционный/гибридный/стационарный);
- отраслевая принадлежность с выделением ИТ-сектора.

Для решения дополнительной задачи исследования в анкету включены вопросы о фактическом времени затрат на уход и воспитание ребенка/детей в обычный рабочий день; о количестве детей и их возрасте.

Эмпирической базой исследования послужили результаты социологического опроса, проведенного авторами с 25 мая по 4 июня 2023 года. При распространении ссылки на анкету применялся метод «снежного кома», рассылка анкеты осуществлялась с применением онлайн-технологий через цифровые коммуникационные площадки: размещение на платформе НН.ru, личные кабинеты соискателей НН.ru, интернет-рассылки среди соискателей и партнеров онлайн-платформы НН.ru. Опрос осуществлялся с помощью цифрового инструмента «Конструктор опросов», полученные данные выгружались в программу Excel для проведения последующих расчетов и сравнительного анализа описательной статистики.

Получено 1449 ответов от респондентов. Для решения исследовательской задачи выявления взаимосвязи между удовлетворенностью возможностью уделять время детям и параметрами занятости из общего числа респондентов ($N = 1449$) были исключены не имеющие

детей, а также те, у кого нет детей младше 15 лет. Таким образом, в финальную выборку вошли **954** респондента.

На первом этапе проводился сравнительный анализ описательной статистики удовлетворенности временем на детей. В соответствии с логикой исследования респонденты были сгруппированы по ключевым параметрам занятости (интенсивность использования ИКТ в работе; гибкость режима работы; формат рабочего места; отрасль) и дополнительным параметрам (фактические затраты времени на детей; возраст детей). В каждой выделенной группе рассчитывался средний балл удовлетворенности временем по результатам ответов на вопрос «Оцените, насколько Вы удовлетворены возможностью уделять детям достаточное количество времени». Оценка производилась по шкале от 1 до 10, где «1» означает, что респондент абсолютно не удовлетворен, «5» – трудно оценить, «10» – респондент полностью удовлетворен.

На втором этапе проводилась оценка статистически значимых отличий параметров занятости, среднего количества детей и наличия детей младше 6 лет в группах респондентов с крайними средними оценками удовлетворенности временем на детей – удовлетворенные в высшей степени и крайне неудовлетворенные:

1) к наиболее удовлетворенным отнесены респонденты, которые при ответе на вопрос «Оцените, насколько Вы удовлетворены возможностью уделять детям достаточное количество времени» поставили 9–10 баллов;

2) к неудовлетворенным отнесены родители, отметившие 1–3 балла.

Для проверки гипотезы о равенстве между долями признака в генеральных совокупностях на основе двух независимых выборок был использован статистический критерий χ^2 . Для сравнения долей показателей в двух независимых группах опрашиваемых, удовлетворенных и неудовлетворенных затратами времени на уход за детьми, была заполнена таблица сопряженности. Отмечено, что ожидаемые значения частот для каждой ячейки таблицы сопряженности имеют значения не менее 5, что является важным условием для применения критерия χ^2 .

Нулевая гипотеза критерия χ^2 утверждает, что между сравниваемыми группами статистически значимых различий не существует.

В исследовании различия в долях считались статистически значимыми на уровне $p < 0,05$. Значения $p > 0,05$ позволяют отвергнуть нулевую гипотезу в пользу альтернативной гипотезы о наличии статистически значимых различий между долями признака в сравниваемых группах.

Необходимо отметить, что проведенное социологическое исследование имеет ограничения в плане качества выборочной совокупности. Поскольку социологический опрос проводился на платформе НН.ru, в число респондентов вошли определенные категории граждан, а именно родители с детьми до 14 лет, являющиеся пользователями платформы НН.ru, которые на момент проведения опроса либо имели работу, но думали о ее смене или поиске дополнительной работы / подработки, либо те, кто на момент опроса не имели работы и находились в поиске. То есть выборка смещена в сторону «недовольных»/«неудовлетворенных»

своей работой и ищущих ее. В выборку не попали родители с устойчивой занятостью, которая их устраивает.

Характеристика состава респондентов представлена в *таблице 1*.

Преобладает возрастная группа от 25 до 34 лет – 35,9% от общего числа опрошенных. География респондентов включает все восемь федеральных округов.

Среди респондентов преобладают «линейные специалисты» (40,8%), «руководители» (25,8%), «служащие» (8,3%), при этом большая часть респондентов является наемными работниками (86,2%), доля самозанятых составила 6,7%, индивидуальных предпринимателей – 2,3%, фрилансеров – 2,2%.

Среди респондентов, воспитывающих детей до 14 лет, доля родителей с детьми до 3 лет составила 20,3%, 4–6 лет – 24,8%; 7–10 лет – 29,8%; 11–14 лет – 25,1%.

Таблица 1. Характеристика и состав респондентов, %

Показатель	Значение
Всего респондентов, чел.	1449
В том числе	
женщин	56,5
мужчин	43,8
Структура занятости респондентов	
имеет только постоянную работу	41,9
не работает, ищет работу, но в службе занятости не зарегистрирован	32,0
имеет постоянную работу и дополнительную подработку	12,8
имеет только временную работу	5,9
не работает, зарегистрирован как безработный в службе занятости	3,7
находится в декретном отпуске	2,3
не работает и не ищет работу	1,4
Структура семейного положения респондентов	
женат/замужем (официальный брак, загс)	52,9
не женат/не замужем (ни с кем не встречаюсь)	25,3
живу вместе с партнером (гражданский брак), считаем себя мужем и женой	9,1
есть партнер/партнерша, мы встречаемся, но вместе не живем (не женаты)	6,0
живу вместе с партнером, но не считаем себя мужем и женой	3,4
официально зарегистрированы, но живем раздельно	0,9
другое	2,4
Структура респондентов по наличию детей	
не имеют детей	31,8
имеют детей	68,2
Всего респондентов, имеющих детей младше 14 лет, чел.	954
Структура респондентов, воспитывающих детей младше 14 лет	
женщин	60,3
мужчин	39,7
Источник: составлено авторами по данным социологического исследования.	

Результаты и обсуждение

Анализ структуры распределения ответов на вопрос «Оцените, насколько Вы удовлетворены возможностью уделять детям достаточное количество времени?» показал, что наибольшая доля женщин, удовлетворенных затратами времени на родительство, составила 19,4%, доля полностью удовлетворенных мужчин-респондентов – 17,3%. Доля женщин, наименее удовлетворенных фактическими затратами времени на детей, равняется 5,3%, у мужчин – на 1,8 п. п. выше (табл. 2).

Полученные данные позволяют проследить корреляционную зависимость среднего балла оценки удовлетворенности временем на родительство от интенсивности использования/неиспользования ИКТ в работе (табл. 3). Обращает на себя внимание тот факт, что в группе «интенсивно использующих ИКТ в работе» средний балл оценки удовлетворенности временем на родительство меньше, при этом наименьший показатель отмечен среди респондентов-мужчин (5,9). Статистически более вы-

сокий средний балл оценки удовлетворенности временем на родительство демонстрирует группа «неинтенсивно использующих или не использующих ИКТ в работе» (6,5).

В таблице 4 представлена средняя оценка удовлетворенности возможностью уделять детям достаточное количество времени в гендерном разрезе в зависимости от интенсивности использования ИКТ и наличия детей разного возраста до 14 лет.

Наблюдаются расхождения в оценках удовлетворенности временем на родительство в группах «интенсивно использующих ИКТ в работе» и «неинтенсивно использующих или не использующих ИКТ в работе». Среди женщин наибольший средний балл удовлетворенности временем на родительство наблюдается в категории работающих, которые воспитывают детей до трех лет и «неинтенсивно используют или не используют ИКТ в работе». В аналогичной категории занятости имеют наибольший средний балл удовлетворенности временем на воспитание детей мужчины с детьми 11–14 лет.

Таблица 2. Оценка удовлетворенности временем на родительство среди всех респондентов и в гендерном разрезе, %

Оценка удовлетворенности	Все	Мужчины	Женщины
1	6,2	7,1	5,3
2	2,6	2,6	2,7
3	9,1	8,9	9,3
4	8,3	8,1	8,2
5	14,7	14,1	14,9
6	9,4	9,9	9,5
7	15,5	17,0	14,8
8	10,6	10,7	10,5
9	4,9	4,2	5,3
10	18,7	17,3	19,4
Средняя оценка, ед.	6,3	6,2	6,3

Источник: составлено авторами по данным социологического исследования.

Таблица 3. Средняя оценка удовлетворенности временем на родительство в зависимости от использования ИКТ в работе

Категория занятых	Все		Мужчины		Женщины	
	Доля занятых, %	Средний балл, ед.	Доля занятых, %	Средний балл, ед.	Доля занятых, %	Средний балл, ед.
Интенсивно используют ИКТ в работе	45,2	6,1	46,1	5,9	46,0	6,1
Неинтенсивно используют или не используют ИКТ в работе	54,8	6,5	53,9	6,4	54,0	6,5
ИТОГО	100,0	–	100,0	–	100,0	–

Источник: составлено авторами по данным социологического исследования.

Таблица 4. Средняя оценка удовлетворенности временем на родительство в гендерном разрезе в зависимости от использования ИКТ в работе и наличия детей до 14 лет, ед.

Возраст детей, лет	Мужчины		Женщины	
	Интенсивно используют ИКТ в работе	Неинтенсивно используют или не используют ИКТ в работе	Интенсивно используют ИКТ в работе	Неинтенсивно используют или не используют ИКТ в работе
От 0 до 3	5,9	6,1	6,1	7,3
От 4 до 6	5,6	6,1	5,3	6,1
От 7 до 10	5,6	5,6	5,6	6,2
От 11 до 14	5,9	6,6	6,2	6,1

Источник: составлено авторами по данным социологического исследования.

Можно предположить, что гендерные различия в удовлетворенности временем на воспитание детей младшего и подросткового возраста связаны с тем, что мужчины проявляют больший интерес к совместным занятиям с детьми более старшего возраста (проверка домашних заданий, посещение кружков, совместное занятие спортом, походы и пр.), что дает положительный эффект по отношению к удовлетворенности временем на отцовство.

Структура затрат времени на уход за ребенком/детьми (кормление, мытье, присмотр, проверка домашних заданий и пр.) в обычный рабочий день представлена в *таблице 5*. В группе респондентов, чьи затраты времени на родительство превышают 7 часов в обычный рабочий день, 73,7% – женщины, 26,3% – мужчины. Высокие затраты времени на родительство обусловлены числом и возрастом детей. Так, 60,7% матерей-респондентов воспитывают одного ребенка, 32,1% – двух детей, при этом детей в возрасте младше трех лет имеют 32,2% от

числа опрошенных женщин, младше 6 лет – 27,9%; 70,0% отцов-респондентов воспитывают одного ребенка, 20,0% – двух детей, при этом дети в возрасте младше трех лет есть у 22,2% отцов, младше 6 лет – у 22,2%. В данной группе респондентов структура по статусу занятости следующая: в поисках работы находятся 39,3% респондентов-женщин, в декретном отпуске – 25,0%, остальные респонденты (35,7%) работают, из них: на постоянной работе – 17,9%, на временной работе – 3,6%, на постоянной и временной работе – 14,3%, при этом на условиях гибкого графика работы заняты 70,0% работающих мам, и рабочее время не превышает 40 часов в неделю. Среди мужчин-респондентов 60,0% находятся в поиске работы, 40,0% работают: из них на постоянной работе – 20,0%, на временной работе – 10,0%, на постоянной и временной работе – 10,0%, при этом все респонденты заняты на условиях гибкого графика работы и рабочее время не превышает 40 часов в неделю.

Таблица 5. Затраты времени на родительство среди всех респондентов и в гендерном разрезе, %

Временные затраты на родительство, воспитание детей	Все	Мужчины	Женщины
До 1 часа	6,4	9,7	4,3
1–2 часа	24,6	28,0	22,7
3–4 часа	26,6	24,6	28,5
5–6 часов	9,8	4,5	13,1
7–10 часов	2,0	1,8	2,2
11 часов и более	2,1	0,8	2,6
Когда как	18,3	15,4	20,3
Уходом за ребенком не занимаюсь	10,1	15,2	6,4
Итого	100,0	100,0	100,0

Источник: составлено авторами по данным социологического исследования.

Около половины опрошенных (51,2%) тратят на уход за ребенком/детьми от одного до четырех часов в рабочий день. Прослеживаются и гендерные различия в затратах времени на детей. Около трети женщин уделяют ребенку 3–4 часа ежедневно (28,5%), примерно такая же доля опрошенных мужчин чаще всего тратят 1–2 часа (28,0%). В два раза больше мужчин, чем женщин, не занимаются уходом за ребенком/детьми (15,2 и 6,4% соответственно).

Полученные данные фиксируют гендерные различия в оценках удовлетворенности временем на родительство в зависимости от фактических затрат времени на воспитание детей и в зависимости от формата занятости — с интенсивным использованием ИКТ в работе, либо неинтенсивным использованием ИКТ, либо без использования ИКТ (табл. 6). Прослеживается общая для мужчин и женщин тенденция: более

высокий средний балл удовлетворенности временем на родительство фиксируется в категории занятости с неинтенсивным использованием ИКТ или без использования ИКТ в работе.

Анализ показывает, что преобладающее большинство респондентов имеет жесткий режим работы, часы начала и окончания работы, перерывов установлены работодателем и не меняются. В этой группе респондентов наблюдается наименьший средний балл удовлетворенности временем на родительство (5,6), в том числе в гендерном разрезе. Гендерные различия статистически не значимы, средняя оценка удовлетворенности мужчин и женщин в данной группе респондентов — 5,5 и 5,6 соответственно (табл. 7). Респонденты из групп с гибким режимом работы в среднем оценили свою удовлетворенность временными затратами на детей выше, самый высокий средний показатель

Таблица 6. Средняя оценка удовлетворенности временем на родительство в гендерном разрезе в зависимости от использования ИКТ в работе и фактических затрат времени на родительство, ед.

Группа по затратам времени на воспитание детей	Мужчины		Женщины	
	Интенсивно используют ИКТ в работе	Неинтенсивно используют или не используют ИКТ в работе	Интенсивно используют ИКТ в работе	Неинтенсивно используют или не используют ИКТ в работе
До 1 часа	5,9	6,8	6,1	8,3
1–2 часа	5,9	6,3	5,6	5,8
3–4 часа	6,0	6,1	5,9	6,1
5–6 часов	5,4	6,8	5,7	6,3
7–10 часов	6,2	6,0	6,3	7,2
11 часов и более	7,0	7,0	7,0	6,9
Когда как	5,5	6,8	6,7	6,6
Уходом за ребенком не занимаюсь	6,7	6,1	8,8	8,4

Источник: составлено авторами по данным социологического исследования.

Таблица 7. Средняя оценка удовлетворенности временем на родительство среди всех респондентов и в гендерном разрезе в зависимости от режима работы

Режим работы	Все		Мужчины		Женщины	
	% занятых	Средний балл, ед.	% занятых	Средний балл, ед.	% занятых	Средний балл, ед.
Гибкий режим работы по своей инициативе (самостоятельно регулирую время начала, перерывов и окончания работы)	25,6	6,4	27,1	6,5	24,3	6,4
Гибкий режим работы, установленный работодателем (время начала, перерывов и окончания работы)	22,8	6,6	24,5	6,5	21,7	6,7
Жесткий режим, часы работы установлены работодателем и не меняются	51,6	5,6	48,4	5,5	54,0	5,6
ИТОГО	100,0	–	100,0	–	100,0	–

Источник: составлено авторами по данным социологического исследования.

в группе «гибкий график работы, установленный работодателем» (6,6). Женщины-респонденты из этой группы в среднем оценили свою удовлетворенность затратами времени на воспитание детей выше (6,7), чем респонденты-мужчины и женщины из других групп. В группе женщин, интенсивно использующих ИКТ в работе, больше всего удовлетворены временем на родительство те, кто уходом за ребенком не занимается (24,4%), уделяют 3–4 часа на воспитание детей (22,0%), и те, кто уделяет воспитанию детей разное время («когда как»; 22,0%), причем 77,8% женщин из этой группы воспитывают одного ребенка, 22,2% – двух детей. В группе женщин, неинтенсивно использующих или не использующих ИКТ в работе, больше всего удовлетворены временем на родительство те, кто уделяет воспитанию детей разное время (25,7%), уделяет 1–2 часа (20,0%), и те, кто уходом за ребенком не занимается (20,0%), при этом в данной категории 57,1% воспитывают одного ребенка, 42,9% – двух детей.

В группе респондентов-мужчин, интенсивно использующих ИКТ в работе, больше всего удовлетворены временем на родительство те, кто уходом за ребенком не занимается (37,5%), и те, кто уделяют 1–2 часа на воспитание детей (20,8%), при этом из этой группы 60,0% отцов воспитывают одного ребенка, 20,0% – двух детей. В группе респондентов-мужчин, неинтенсивно использующих или не использующих ИКТ в работе, больше всего удовле-

творены временем на родительство те, кто уделяет на воспитание детей разное время (25,7%), и те, кто уделяет на это 1–2 часа (20,0%), при этом в данной категории респондентов 48,6% воспитывают одного ребенка, 31,4% – двух детей.

Были получены интересные результаты относительно зависимости средней оценки удовлетворенности временем на родительство от условий работы (табл. 8). Среди женщин больше всех удовлетворены временем на воспитание детей респонденты в категории «работающие дистанционно временно» (средний балл 8,0). У мужчин самый высокий средний показатель удовлетворенности (6,5) наблюдается в категории занятых дистанционно на постоянной основе. Самую низкую оценку удовлетворенности временем на родительство демонстрируют респонденты-мужчины, работающие дистанционно временно, и женщины, работающие в гибридном формате (по 5,5% в каждой категории соответственно). Практически совпали оценки удовлетворенности затратами временем на детей у мужчин и женщин, работающих на постоянном стационарном рабочем месте (средний балл 6,0 и 5,9 соответственно). Такой результат может быть обусловлен тем, что при переходе на дистанционный формат работы стираются границы между работой и личным временем, тем самым происходит увеличение рабочей нагрузки и остается меньше времени на воспитание детей, как следствие, снижается удовлетворенность временем на родительство.

Таблица 8. Средняя оценка удовлетворенности временем на родительство среди всех респондентов и в гендерном разрезе в зависимости от условий работы

Условия работы	Все		Мужчины		Женщины	
	% занятых	Средний балл, ед.	% занятых	Средний балл, ед.	% занятых	Средний балл, ед.
Работаю на постоянном стационарном рабочем месте на территории работодателя (рабочее место определено работодателем)	71,6	5,9	71,5	6,0	71,7	5,9
Работаю дистанционно постоянно из дома / другого места с использованием интернета (компьютер, планшет, мобильный телефон, ноутбук и пр.)	16,1	6,3	14,1	6,5	7,6	6,3
Гибридный формат работы (чередование дистанционного формата со стандартной занятостью на территории работодателя)	10,8	5,8	12,9	6,2	9,1	5,5
Работаю дистанционно временно (производственная необходимость, пандемия) из дома / из другого места с использованием интернета (компьютер, планшет, мобильный телефон, ноутбук и пр.)	1,6	7,0	1,6	5,5	1,6	8,0

Источник: составлено авторами по данным социологического исследования.

В таблице 9 представлена средняя оценка удовлетворенности временем на родительство в отраслевом разрезе.

Наиболее удовлетворены временем на родительство женщины и мужчины, занятые в сфере «продажи, обслуживание клиентов»: средний показатель удовлетворенности составляет 7,3 и 6,5 балла соответственно. Можно предположить, что это связано со спецификой профессиональной деятельности, отсутствием переработок, сверхурочных работ.

Самый низкий средний показатель удовлетворенности среди женщин наблюдается в профессиональной категории «маркетинг, реклама, PR» (5,5), среди мужчин – «наука, образование» (5,0). Что касается занятых в IT-отрасли, они имеют средние показатели оценки удовлетворенности временем на родительство.

На рисунках 1 и 2 представлены параметры занятости отцов и матерей, находящихся в крайних группах по степени удовлетворенности временем на детей.

Установлено, что мужчины, неудовлетворенные возможностью уделять время детям, статистически значимо чаще работают с интенсивным использованием ИКТ (39,0% от общей численности группы недовольных). Среди довольных временем на родительство работают с интенсивным использованием ИКТ 23,0%. То есть условия труда на рабочих местах с высоким проникновением цифровизации негативно отражаются на балансе «работа – дети» для мужчин. По остальным параметрам

занятости значимых отличий не выявлено. Отметим, что по параметру «гибкость режима работы» наблюдаются «пограничные» по статистической значимости отличия, скорее в позитивную сторону. В группе отцов, довольных возможностью заниматься детьми, гибкий график работы распространен несколько чаще (на 11 п. п.). Среднее количество детей в обеих группах одинаковое (1,48).

Полученные результаты демонстрируют, что женщины, которые удовлетворены количеством времени на детей, статистически значимо чаще работают в режиме гибкого графика, чем те, кто считает, что не уделяет детям достаточное количество времени. Среди женщин, удовлетворенных временем на детей, статистически значима доля матерей, воспитывающих детей младшего возраста.

Интересные данные были получены при ответе на вопрос «Что Вам нужно поменять в условиях Вашей работы, чтобы быть более благополучным родителем?» (табл. 10).

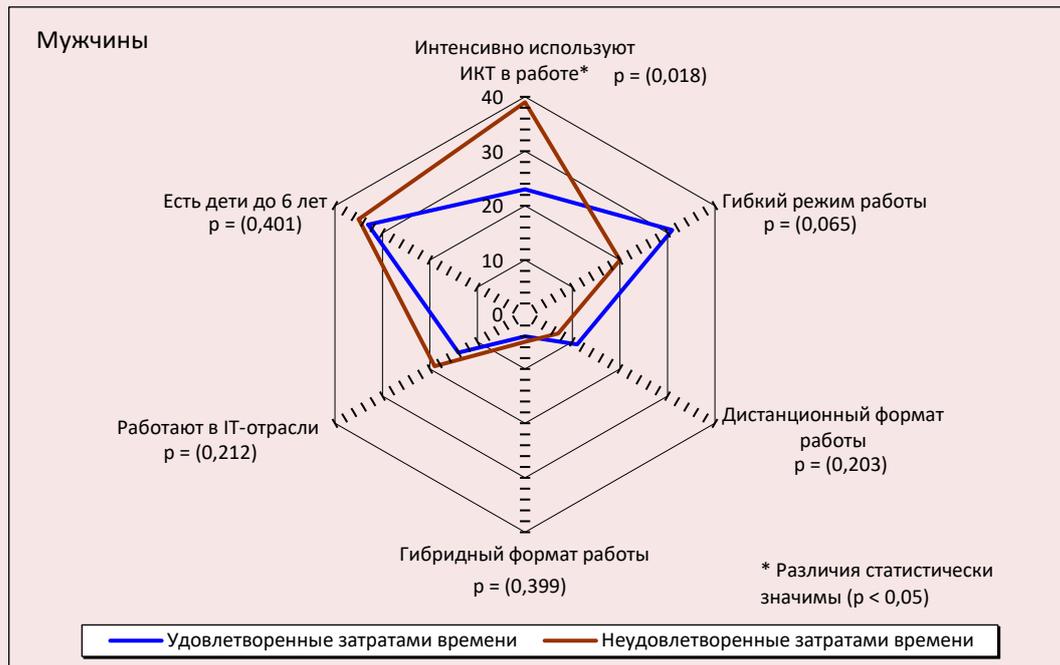
Около трети опрошенных женщин (28,7%) считают, что переход на гибридный график работы может способствовать росту благополучия родителя; почти четверть женщин (23,0%) выразили мнение о том, что положительный эффект может оказать смена условий труда на постоянный дистанционный формат работы, около одной пятой опрошенных женщин (21,5%) полагают, что родительское благополучие улучшается при переходе на гибкий график работы.

Таблица 9. Средняя оценка удовлетворенности временем на родительство среди всех респондентов и в гендерном разрезе в зависимости от принадлежности к профессиональной категории в отраслевом разрезе, ед.

Профкатегория	Все	Мужчины	Женщины
Продажи, обслуживание клиентов	7,1	6,5	7,3
Административный персонал	6,7	6,1	6,7
Транспорт, логистика, перевозки	6,4	6,3	6,4
Информационные технологии	6,3	6,2	6,4
Высший и средний менеджмент	6,2	6,2	6,1
Наука, образование	6,2	5,0	6,2
Строительство, недвижимость	6,1	6,3	5,8
Управление персоналом, тренинги	6,1	5,5	6,1
Производство, сервисное обслуживание	6,0	5,8	6,6
Финансы, бухгалтерия	5,8	6,2	5,8
Маркетинг, реклама, PR	5,7	6,2	5,5

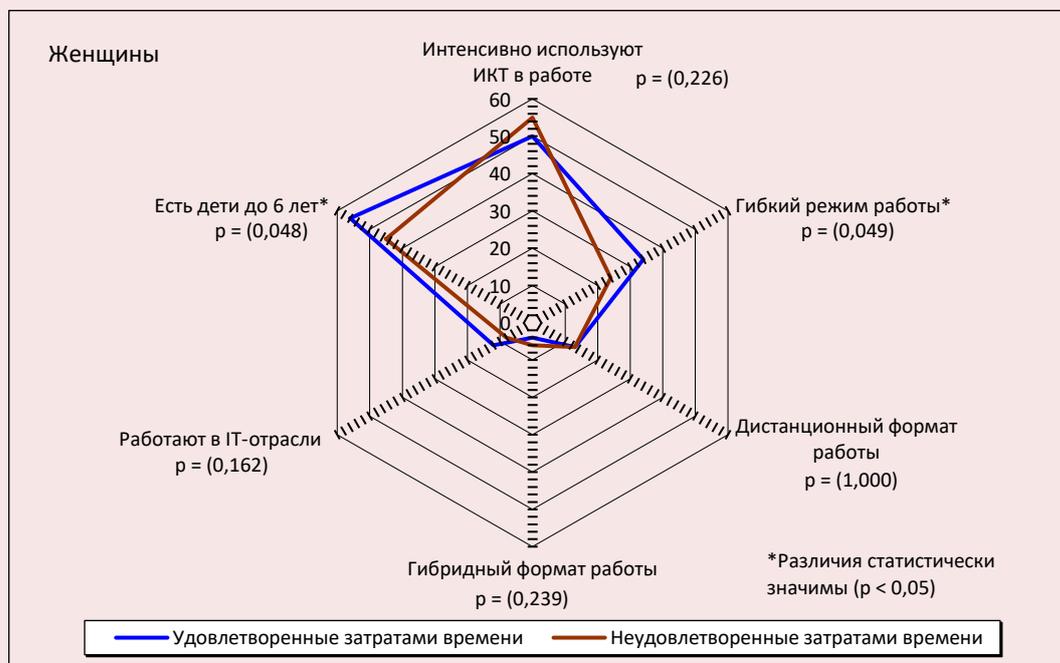
Источник: составлено авторами по данным социологического исследования.

Рис. 1. Профиль отцов в группах с крайними оценками удовлетворенности временем на детей, %

Представлены доля занятости в разрезе выделенных параметров и доля отцов, имеющих детей младше 6 лет. Частоты рассчитаны соответственно в группах: респонденты, высоко оценившие свою удовлетворенность временем на детей, 9–10 баллов (удовлетворенные затратами времени) и респонденты с крайне низким уровнем удовлетворенности, 1–3 балла (неудовлетворенные затратами времени).

Рис. 2. Профиль матерей в группах с крайними оценками удовлетворенности временем для детей, %

Представлены доля занятости в разрезе выделенных параметров и доля матерей, имеющих детей младше 6 лет. Частоты рассчитаны соответственно в группах: респонденты, высоко оценившие свою удовлетворенность временем на детей, 9–10 баллов (удовлетворенные затратами времени) и респонденты с крайне низким уровнем удовлетворенности, 1–3 балла (неудовлетворенные затратами времени).

Таблица 10. Улучшения/изменения в работе, необходимые для того, чтобы стать более благополучным родителем, %

Показатель	Все	Мужчины	Женщины
Перейти на гибридный формат работы (чередование дистанционного формата занятости со стандартной занятостью на территории работодателя)	25,6	21,5	28,7
Перейти на дистанционный формат работы (постоянно работать из дома/из другого места с использованием Интернета)	20,5	16,2	23,0
Работать в офисе (организации, предприятии) по гибкому графику: самостоятельно регулировать время начала, перерывов и окончания работы	17,5	11,8	21,5
Сократить переработки, сверхурочную работу	17,1	18,3	16,7
Уменьшить продолжительность рабочего дня	16,9	16,2	17,4
Уменьшить количество рабочих дней в неделю	14,6	13,6	15,5
Поменять профессию	13,1	13,4	12,4
Снизить нагрузку, ответственность	12,8	11,5	13,9
Стать самозанятым, фрилансером, блогером	7,9	7,3	8,2
Перейти на стандартную пятидневку с двумя выходными	7,5	6,7	7,7
Стать индивидуальным предпринимателем	5,2	8,1	3,3
Ничего менять не нужно	22,4	27,7	18,6
Источник: составлено авторами по данным социологического исследования.			

Среди респондентов-мужчин главные изменения в условиях труда для улучшения родительского благополучия — это переход на гибридный формат занятости (21,5%), сокращение переработки и сверхурочных работ (18,3%), уменьшение продолжительности рабочего дня и переход на дистанционный формат работы (по 16,2% соответственно). Статистически значимая доля женщин указала на положительные эффекты при сокращении сверхурочной работы (16,7%) и продолжительности рабочего дня (17,4%), уменьшении количества рабочих дней в неделю (15,5%). Отмеченные респондентами желаемые изменения условий труда свидетельствуют о необходимости сокращения нагрузки, сверхурочной работы; изменения графика и режима работы на гибридный и гибкий.

Выводы

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, выявлено наличие взаимосвязи между процессами цифровизации занятости и субъективным восприятием работающими родителями удовлетворенности временем на детей, что в целом подтверждает нашу гипотезу. Взаимосвязь носит противоречивый характер. Сравнительный анализ удовлетворенности временем на родительство в группах с интенсивным и неинтенсивным использованием ИКТ в работе продемонстрировал отрицательную зависимость. В группе респондентов, интенсивно

использующих ИКТ в работе, средние оценки удовлетворенности временем на родительство ниже, чем в других группах, как во взаимосвязи с фактическими затратами времени на воспитание детей, так и во взаимосвязи с наличием детей разных возрастов (до 14 лет). Необходимо признать, что выявленные отличия настораживают. В то же время средние значения в отраслевом разрезе занятости показали, что работающие в IT-отрасли имеют средние показатели удовлетворенности временем на детей. Таким образом, выявлено проблемное поле, связанное с неоднозначным, а возможно и неблагоприятным влиянием ИКТ на удовлетворенность временем на родительство. Полученные данные требуют дальнейшей верификации, необходимо провести дополнительные исследования для создания объективной и полной картины возможных эффектов от ИКТ на баланс «работа — дети» и родительское благополучие.

Во-вторых, детализация оценок родительской удовлетворенности затратами времени на детей в зависимости от фактического времени на уход за детьми и их воспитание показала отсутствие прямой зависимости между количеством времени, которое родители проводят с детьми, и субъективной удовлетворенностью затратами времени на родительство. Выше всех оценили свою удовлетворенность временем на родительство женщины, которые тратят на уход за детьми до 1 часа в день (средний балл — 8,3),

и мужчины, чьи фактические затраты времени составляют до одного часа в день или 5–6 часов (средний балл 6,8). Обнаружены и отличия в оценках удовлетворенности временем на родительство в зависимости от возраста детей. Женщины, воспитывающие детей до трех лет, и мужчины с детьми в возрасте 11–14 лет оценивают свою удовлетворенность временем на родительство выше, чем респонденты в других группах (средний балл – 7,3 и 6,6 соответственно). Полученные результаты в целом соотносятся с выводами других исследований (Monna, Gauthier, 2008). Это в очередной раз подтверждает, что помимо фактических затрат на родительство субъективная оценка удовлетворенности временем на детей обусловлена многими другими факторами.

В-третьих, детализация оценок удовлетворенности затратами времени на родительство в зависимости от режима работы продемонстрировала, что респонденты, работающие в условиях жесткого режима, оценили свою удовлетворенность временем на родительство ниже, чем в категориях с гибкими режимами работы. Учитывая, что почти половина опрошенных респондентов занята на условиях жесткого режима работы, можно сделать вывод, что половина респондентов не удовлетворена своими возможностями тратить время на воспитание детей. Полученные результаты вполне ожидаемы и в целом корреспондируют с данными других исследований (Багирова, Бледнова, 2021; Ichino, De Galdeano, 2004), которые фиксируют положительное влияние гибких форм организации трудовой деятельности на субъективное восприятие удовлетворенности временем на родительство. Считаем вполне обоснованным, что женщины больше удовлетворены, когда есть возможность «бесстрессового» смещения времени начала и окончания рабочего дня / перерывов и есть работодатель, который берет на себя организационные вопросы и несет полную ответственность за создание и мониторинг гибкого рабочего места. Следовательно, необходимо усилить меры по внедрению практик «рабочего места, ориентированного на семью», особенно в части предоставления родителям, воспитывающим детей до 14 лет, право выбора гибкого графика. Считаем целесообразным введение мер обеспечения гибкого графика родителям детей разных возрастных групп, в

частности в семьях с двумя работающими родителями, воспитывающими детей дошкольного и младшего школьного возраста, оба родителя должны иметь возможность выбора гибкого графика работы, поскольку уход и воспитание детей данного возраста требует большего времени и участия обоих родителей. Для более гармоничного совмещения профессиональных и родительских обязанностей целесообразно закрепить в нормативной базе в части регулирования трудовой деятельности лиц, воспитывающих детей до 14 лет, возможности занятости на условиях гибкого графика, неполного рабочего времени, удаленной занятости (работы на дому). Мы уверены, что эти меры создадут необходимые условия для увеличения затрат времени родителей на уход за детьми и воспитание, что положительно скажется на родительском благополучии и репродуктивных установках.

Наконец, результаты, полученные в группе респондентов, занятых в условиях гибридного формата работы, позволили выявить противоречие в оценках удовлетворенности временными затратами на детей. Женщины, работающие в гибридном формате, оценили свою удовлетворенность значительно ниже, чем женщины в группах с другими условиями работы. Вместе с этим почти треть женщин (29%) высказала мнение, что переход на гибридный формат является основным изменением в условиях работы с точки зрения положительного влияния на восприятие родительского благополучия. Таким образом, несмотря на то, что около четверти от общего числа респондентов оценивают гибридный формат занятости как оптимальный для совмещения родительства и работы, при его практической реализации женщины сталкиваются с трудностями, которые значительно снижают их удовлетворенность временем на воспитание детей. Считаем, что данный эффект требует дальнейшего исследования с применением качественных методик. Возможно, имеют место проблемы в сфере организации труда, самодисциплины, размывания границ и фактической переработки сверхурочно, что не фиксируется в таблице учета рабочего времени. Работодатели при постановке задач не адекватно оценивают время на их выполнение, поэтому возникают сложности с учетом рабочего времени и самоорганизации рабочего дня в домашних условиях.

В качестве будущей исследовательской задачи авторы видят осуществление более широкого исследования на репрезентативной выборке, что позволит детализировать характер взаимосвязи между цифровизацией занятости и балансом «работа – дети», провести корреляционный и кластерный анализ полученных данных. Такая комплексная оценка поможет конкретизировать факторы позитивного и негативного влияния разных профилей цифровой занятости на рождаемость и родительское благополучие, сформирует основу для совершенствования семейно-демографической политики в целях роста родительского благополучия и рождаемости в российских семьях.

Литература

- Абрамов Р.Н., Быков А.В. (2021). Мир профессий в контексте труда и занятости: пандемическое и цифровое вертиго // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3 (163). С. 4–20. DOI: 10.14515/monitoring.2021.3.2001
- Багирова А.П., Бледнова Н.Д. (2021). Совмещение профессионального и родительского труда в оценках уральских женщин: объективные и субъективные барьеры // Женщина в российском обществе. № 5. С. 150–167. DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.10
- Багирова А.П., Шубат О.М. (2011). Концептуальные подходы к анализу качества родительского труда // Экономический анализ: теория и практика. № 31. С. 2–6.
- Белехова Г.В., Ивановская А.Л. (2022). Удовлетворенность балансом труда и семьи: взгляд работающих женщин (региональный аспект) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 1. С. 209–222. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.11
- Демина В.В., Заякина И.А. (2020). Дополнительная занятость как характеристика трудовой активности человеческих ресурсов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. № 1. С. 8–18. DOI: 10.18384/2310-6646-2020-1-8-18
- Зеленков Ю.А., Лашкевич Е.В. (2020). Нечеткая регрессионная модель влияния технологий на уровень жизни // Бизнес-информатика. Т. 14. № 3. С. 67–81. DOI: 10.17323/2587-814X.2020.3.67.81
- Калабахина И.Е. (2019). Демографические размышления о цифровой экономике // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. № 6. С. 147–166.
- Короленко А.В. (2021). Временной ресурс современной семьи: опыт изучения на примере Вологодской области // Экономика. Социология. Право. № 4 (24). С. 107–118.
- Короленко А.В., Калачикова О.Н. (2019). «Время на детей»: ресурсные возможности современных родителей // Социальное пространство. № 5. С. 1–15. DOI: 10.15838/sa.2019.5.22.1
- Кученкова А.В. (2019). Вторичная занятость в контексте процессов прекаризации на российском рынке труда // Социологические исследования. Т. 45. № 9. С. 73–83. DOI: 10.31857/S013216250006659-7
- Побиянская А.В., Кипервар Е.А., Стукен Т.Ю. (2022). Структура рабочего времени с позиции продолжительности // Экономика труда. Т. 9. № 8. С. 1325–1338. DOI: 10.18334/et.9.8.114832
- Разумова Т.О., Серпухова М.А. (2022). Теоретико-методологические основы формирования показателя баланса семья – работа // Уровень жизни населения регионов России. Т. 18. № 4. С. 466–476. DOI: 10.19181/lspr.2022.18.4.4
- Тонких Н.В., Черных Е.А. (2022). Качество трудовой, семейной и личной жизни при удаленной работе: мнения российских женщин // Уровень жизни населения регионов России. Т. 18. № 4. С. 477–490. DOI: 10.19181/lspr.2022.18.4.5
- Шабунова А.А., Леонидова Г.В. (2023). Баланс работы и семьи: оценки успешных работающих родителей // Народонаселение. Т. 26. № 1. С. 123–134. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.10
- Baxter J., Gray M., Alexander M. et al. (2007). *Mothers and fathers with young children: paid employment, caring and wellbeing*. Canberra: Dept. of Families, Community Services and Indigenous Affairs. 139 p.
- Cooklin A.R., Giallo R., Strazdins L. et al. (2015). What matters for working fathers? Job characteristics, work-family conflict and enrichment, and fathers' postpartum mental health in an Australian cohort. *Social Science & Medicine*, 146, 214–222. DOI: 10.1016/j.socscimed.2015.09.028
- Ganju K.K., Pavlou P.A., Banker R.D. (2016). Does information and communication technology lead to the well-being of nations? A country-level empirical investigation. *MIS Quarterly*, 40(2), 417–430. DOI: 10.25300/MISQ/2016/40.2.07

- Gatrell C.J., Burnett S.B., Cooper C.L., Sparrow P. (2014). Parents, perceptions and belonging: exploring flexible working among UK fathers and mothers. *British Journal of Management*, 25(3), 473–487. DOI: 10.1111/1467-8551.12050
- Greenhaus J., Collins K., Shaw J. (2003). The relation between work-family balance and quality of life. *Journal of Vocational Behavior*, 63(3), 510–531. DOI: 10.1016/S0001-8791(02)00042-8
- Gutiérrez-Domènech M. (2010). Parental employment and time with children in Spain. *Review of Economics of the Household*, 8, 371–391. DOI: 10.1007/s11150-010-9096-z
- Hallberg D., Klevmarcken A. (2003). Time for children: a study of parent's time allocation. *Journal of Population Economics*, 16, 205–226. DOI: 10.1007/s001480200133
- Ichino A., De Galdeano A. S. (2004). Reconciling motherhood and work: evidence from time-use data in three countries. *Contributions to Economic Analysis*, 271, 263–288. DOI: 10.1016/S0573-8555(04)71010-X
- Kutrovátz K. (2017). Parental time from the perspective of time pressure: The idea of intensive parenting. *Szociológiai Szemle*, 27(4), 20–39.
- Meier A., Musick K., Flood S., Dunifon R. (2016). Mothering experiences: How single parenthood and employment structure the emotional valence of parenting. *Demography*, 53(3), 649–674. DOI: 10.1007/s13524-016-0474-x
- Milkie M.A., Mattingly M.J., Nomaguchi K.M. et al. (2004). The time squeeze: parental statuses and feelings about time with children. *Journal of Marriage and Family*, 66(3), 739–761. DOI: 10.1111/j.0022-2445.2004.00050.x
- Monna B., Gauthier A.H. (2008). A review of the literature on the social and economic determinants of parental time. *Journal of Family and Economic Issues*, 29, 634–653. DOI: 10.1007/s10834-008-9121-z
- Neilson J., Stanfors M. (2014). It's about time! Gender, parenthood, and household divisions of labor under different welfare regimes. *Journal of Family Issues*, 35(8), 1066–1088. DOI: 10.1177/0192513X14522240
- Nilawati F., Umar N., Kusdi R., Zainul A. (2019). The influence of work-life balance and organizational pride on job satisfaction and its impact on organizational citizenship behavior in five and four star hotels employee. *Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences*, 97(7), 191–196. DOI 10.18551/rjoas.2019-07.20
- Nomaguchi K.M., Milkie M.A., Bianchi S.M. (2005). Time strains and psychological well-being: do dual-earner mothers and fathers differ? *Journal of Family Issues*, 26, 756–792. doi:10.1177/0192513X05277524
- Noonan M., Estes S.B., Glass J. (2007). Do workplace flexibility policies influence time spent in domestic labor? *Journal of Family Issues*, 28, 263–288. DOI: 10.1177/0192513X06292703
- Pollmann-Schult M., Li J. (2020). Introduction to the special issue “Parental work and family/child well-being. *Journal of Family Research*, 32(2), 177–191. DOI: 10.20377/jfr-422
- Rapoport B., Le Bourdais C. (2008). Parental time and working schedules. *Journal of Population Economics*, 21, 903–932. DOI: 10.1007/s00148-007-0147-6
- Yang D., Kelly E.L., Kubzansky L.D., Berkman L. (2023). Working from home and worker well-being: new evidence from Germany. *ILR Review*, 76(3), 504–531. DOI: 10.1177/00197939221148716
- Zannella M. et al. (2020). Gender differences in the subjective perception of parenting time. *RIEDS-Rivista Italiana di Economia, Demografia e Statistica-The Italian Journal of Economic, Demographic and Statistical Studies*, 74(2), 49–60.

Сведения об авторах

Татьяна Александровна Камарова – кандидат экономических наук, доцент кафедры, Уральский государственный экономический университет (620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45; e-mail: kta@usue.ru)

Татьяна Леонидовна Маркова – кандидат социологических наук, доцент кафедры, Уральский государственный экономический университет (620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45; e-mail: markova_tl@usue.ru)

Наталья Владимировна Тонких – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры, Уральский государственный экономический университет (620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45; e-mail: tonkihnv@usue.ru)

Kamarova T.A., Markova T.L., Tonkikh N.V.

Impact of the Digitalization of Employment on the Work–Family Balance: Russians' Subjective Assessments

Abstract. The development of digital technology causes rapid transformation in the sphere of work and the emergence of new forms and formats of employment. The ongoing changes bring to the fore the issue of work–family balance, because it is necessary to promote the well-being of employees with children. The aim of our research is to study the impact of the digitalization of employment on the work–children balance. The empirical base includes findings of a survey of working age women and men, with work experience, living in the territory of the Russian Federation, and raising children under the age of 14 (N = 954); the survey was conducted in May – June 2023. Based on the data obtained, we reveal differences in satisfaction ratings among respondents who intensively use information and communication technologies and do not intensively use/do not use them in their work; the latter have a higher average satisfaction rate concerning the time spent on parental responsibilities. This indicates the ambiguous impact of information and communication technologies on the satisfaction rate regarding the time spent on parenthood. Second, there is no direct relationship between the amount of time parents spend with their children and subjective satisfaction with the time spent on parenthood; this is in line with the results of other studies. Third, we reveal a contradiction between a high assessment of the expected positive effect of a hybrid work format on the time spent on children and low satisfaction regarding the time spent on children in women that work under a hybrid employment scheme. The revealed contradiction indicates difficulties in the practical implementation of this work format, which significantly reduce women's satisfaction regarding the time spent on parenthood. The determinants of this effect require further verification with the use of qualitative techniques.

Key words: parenthood, time spent on children, family–work balance, employment, satisfaction, parental well-being.

Information about the Authors

Tatyana A. Kamarova – Candidate of Sciences (Economics), associate professor of department, Ural State University of Economics (62/45, Vosmogo Marta/Narodnoy Voli Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: kta@usue.ru)

Tatyana L. Markova – Candidate of Sciences (Sociology), associate professor of department, Ural State University of Economics (62/45, Vosmogo Marta/Narodnoy Voli Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: markova_tl@usue.ru)

Natalya V. Tonkikh – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, associate professor of department, Ural State University of Economics (62/45, Vosmogo Marta/Narodnoy Voli Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: tonkikhnv@usue.ru)

Статья поступила 31.07.2023.

DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.16

УДК 332.133.44, ББК 65.049(2)

© Крейденко Т.Ф., Мизинцева М.Ф., Холина В.Н.

Подходы к оценке эффективности реализации экспорта образования вузами городов – университетских центров России

**Татьяна Федоровна
КРЕЙДЕНКО**

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Москва, Российская Федерация
e-mail: kreydenko-tf@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-1664-9395; ResearcherID: GLS-6352-2022

**Мария Федоровна
МИЗИНЦЕВА**

Центральный экономико-математический институт РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: mfmizintseva@cemi.rssi.ru
ORCID: 0000-0002-1276-2753; ResearcherID: V-6059-2018

**Вероника Николаевна
ХОЛИНА**

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Москва, Российская Федерация
e-mail: kholina-vn@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-2565-6244; ResearcherID: V-9500-2017

Для цитирования: Крейденко Т.Ф., Мизинцева М.Ф., Холина В.Н. (2023). Подходы к оценке эффективности реализации экспорта образования вузами городов – университетских центров России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 6. С. 270–288. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.16

For citation: Kreydenko T.F., Mizintseva M.F., Kholina V.N. (2023). Approaches to assessing the effectiveness of the export of educational services by universities in the cities – university centers of Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(6), 270–288. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.16

Аннотация. Экспорт образования в России был закреплен в качестве приоритета государственной политики в 2017 году. Принятые позднее документы: проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», программа «Приоритет 2030», нацпроект «Наука и университеты» — подтверждают, что экспорт образования продолжает оставаться важной государственной стратегией, несмотря на изменившиеся геополитические условия. Изучению вопросов экспорта образования посвящены работы как российских, так и зарубежных ученых: детально рассмотрены экономика экспорта образования в различных странах, особенности адаптации иностранных студентов, специфика методических подходов, правовые и визовые системы образовательной миграции и др. Цель исследования состоит в разработке методики оценки эффективности реализации экспорта образования вузами в городах — университетских центрах России и ее апробации на материалах Сибирского федерального округа. Несмотря на множество публикаций по тематике, систематизированных авторами в шесть основных групп, эти аспекты не были предметом научного анализа. Разработана авторская система показателей и индексов (комплексный показатель эффективности экспортной деятельности вузов городов — университетских центров, рассчитываемый на основе индексов образовательного и научно-исследовательского потенциала экспортной деятельности вузов). Методика апробирована на показателях 115 университетов и 30 городов — университетских центров Сибирского федерального округа. Выявлен большой разброс: из 29 городов, в которых обучаются иностранные студенты, в группу городов с высоким потенциалом образовательной и научно-исследовательской экспортной деятельности вошел только Томск. Основная часть городов — университетских центров (22) отнесена к третьей группе — с низким потенциалом образовательной и научно-исследовательской экспортной деятельности. Проведенное исследование позволяет комплексно оценить эффективность экспорта образовательных услуг как вузами, так и городами — университетскими центрами каждой из групп, стратегически выстроить приоритеты развития вузов; выявить города, максимально отвечающие потребностям страны для реализации экспорта образования.

Ключевые слова: интернационализация образования, города — университетские центры, экспорт образования, комплексные индексы, методика оценки.

Благодарность

Публикация выполнена в рамках проекта № 060508-0-000 системы грантовой поддержки РУДН.

Введение

Международный рынок образования — важная и динамично растущая отрасль сферы услуг. По оценкам авторов доклада «Глобальный рынок мирового образования 2023», темпы роста мирового рынка высшего образования к 2027 году составят 7%, а его объемы — 4,47 трлн долларов США, в т. ч. около 200 млрд долларов (3%) будет приходиться на рынок онлайн-образования¹. По определению Организации экономического сотрудничества и развития, экспорт образовательных услуг — это предоставление образовательных услуг иностранным обучающимся очно или с помощью современ-

ных коммуникационных технологий (онлайн-обучение), в ряде стран к экспорту образования относятся доходы от научных грантов, контрактов и сотрудничества; лицензирование интеллектуальной собственности за рубежом и пр.²

Во многих странах приняты национальные стратегии, стимулирующие международную студенческую мобильность (программа Erasmus в странах Европейского союза; правительственные программы в Китае, Бразилии, Саудовской Аравии и других государствах, направленные на подготовку высококвалифицированных специалистов для нужд страны в зарубежных вузах).

¹ Educational Services Market Analysis, Size And Trends Global Forecast to 2022–2030. Available at: <https://www.thebusinessresearchcompany.com/report/educational-services-global-market-report>

² Education at a Glance 2022. DOI: <https://doi.org/10.1787/3197152b-en>

В силу особой значимости экспорта образования как инструмента «мягкой силы» и высокомультипликативного источника дополнительных доходов вузов он исследуется учеными различных направлений и специальностей — от экономики и социологии до педагогики и психологии. В настоящее время сформировалось несколько теоретических и практических направлений, в рамках которых исследуются различные аспекты экспорта высшего образования. Первая группа — это работы, изучающие общие вопросы интернационализации образования³ (де Вит, 2018; Быковская, Рыбина, 2023; Никитенко, 2023). Большое внимание исследователи уделяют влиянию экономики знаний и экспорта образования на структурную трансформацию экономики стран мира. Так, В.М. Кузьмина (Кузьмина, 2021), А.Р. Манукян (Манукян, 2023) справедливо подчеркивают, что знания становятся важным фактором экономического роста, а инвестиции в человеческий капитал позволяют не только увеличить темпы роста ВВП, сформировать постиндустриальную структуру экономики, основанной на знаниях, но и привлечь таланты из-за рубежа. Детальный анализ роли экспорта образования в процессе формирования мирового рынка образовательных услуг проведен китайским исследователем Ву (Wu, 2022), который указывает на различия в подходах к его анализу со стороны «западных» стран и новых игроков на рынке.

Вторая группа работ — это более глубокие исследования влияния отдельных факторов на возможности реализации экспортного потенциала образования (например, влияние геополитических и глобальных — пандемия COVID-19 — изменений) (Золочевская, Сивакова, 2022; Лебедев, Ридигер, 2022 и др.). Еще одним направлением исследования стало изучение национальных особенностей развития экспорта образовательных услуг, например системный анализ факторов интернационализации российского образования (Краснова, 2021; Рыбакова, 2023).

³ Айдрус И.А., Филиппов В.М. (2008). Мировой рынок образовательных услуг: учеб. пособие. М.: РУДН. 194 с.

В отдельный (третий) блок можно выделить многочисленные работы, посвященные способам эффективной реализации экспорта российского образования (Рыбакова, 2023), разработке конкретных механизмов привлечения иностранных студентов (Ростовская, Скоробогатова, 2019), в т. ч. по результатам социологических исследований (Бондаренко и др., 2022), и методическим аспектам работы с иностранными студентами (Мариненко, 2019; Селиванова и др., 2020).

Изучению вопросов функционирования мирового рынка образовательных услуг посвящены аналитические доклады международных организаций — ЮНЕСКО⁴ и ОЭСР⁵, в России — доклады Научно-исследовательского института развития образования РЭУ им. Г.В. Плеханова⁶ (четвертая группа работ).

В отдельную (пятую) группу выделяются работы, в которых изучается опыт стран по формированию стратегий экспорта образования. Учет мирового опыта при формировании стратегии экспорта образования в России чрезвычайно важен. Статистика показывает, что в экономически развитых странах доля мобильных студентов на программах бакалавриата составляет 5%, магистратуры — 14%, аспирантуры и докторантуры — 35%⁷. Этому тренду должна следовать российская система высшего образования. Необходимо продвигать именно те программы, которые позволяют получить большую отдачу.

⁴ Global flow of tertiary-level students. Available at: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow>

⁵ Education at a Glance 2022: OECD Indicators. DOI: <https://doi.org/10.1787/3197152b-en>

⁶ Тенденции развития высшего образования в мире и в России: аналитический доклад-дайджест. М.: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2021. URL: https://www.rea.ru/ru/org/managements/Nauchno-issledovatel'skij-institut-razvitiya-obrazovaniya/Pages/analiticheskie_materialy.aspx (дата обращения 11.07.2023); Экономика высшего образования: тенденции развития в мире и России: аналитический доклад-дайджест. М.: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2021. URL: https://www.rea.ru/ru/org/managements/Nauchno-issledovatel'skij-institut-razvitiya-obrazovaniya/Pages/analiticheskie_materialy.aspx (дата обращения 11.07.2023).

⁷ Home. Available at: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/573e058e-en/index.html?itemId=/content/component/573e058e-en>

Особый интерес для российской практики представляет изучение стратегий реализации экспортного потенциала образования в странах, традиционно поставлявших студентов на международный рынок образовательных услуг (импортеры образования). В работах (Кузнецова, Машкина, 2020; Захаров и др., 2023; Lou, Li, 2022) проанализирован рост влияния Китая на мировом рынке образования. До недавнего времени страна была лидером только по числу студентов, отправленных для обучения за рубеж, а в последние годы Китай стал заметным игроком в экспорте образования, предоставляя государственные стипендии студентам из развивающихся регионов. Особое место в продвижении экспорта китайского образования, по мнению С. Бучаиба (Bouchaib, 2023), занимают страны Африки (регион традиционных интересов экспорта российского образования). Анализу эффективности реализации стратегии экспорта образования Сингапура посвящена работа Х. Ли и Б. Эдвардса (Le, Edwards, 2023).

Исследование потенциала национального образования на мировом рынке в странах, которые традиционно поставляли международных студентов в Россию и экономически развитые страны Европы и Северной Америки, становится очень актуальным: рассматривается экспортный потенциал вузов Вьетнама (Pham et al., 2022), Малайзии (Khodakarami et al., 2022), Узбекистана (Троицкий, Юн, 2021), Белоруссии (Лицзюнь и др., 2020) и др. Проектам по продвижению финского образования в развивающиеся регионы мира через взаимодействие конкретных университетов посвящена работа группы исследователей из Финляндии и Индонезии (Delahunty et al., 2018). Анализ этих исследований показывает, насколько важное место занимает экспорт образования в стратегиях государств различных социально-экономических типов.

Шестая группа научных исследований — это работы, посвященные влиянию экспорта образования на вуз и регион в целом (Казанцева, 2022; Yang et al., 2020). В.К. Николаев указывает, что экспорт высшего образования становится дополнительным источником дохода как для вузов, так и для регионов, за притоком студентов идут инвестиции в региональную

систему высшего образования, растет потребление, что дает дополнительный стимул для развития территорий (Николаев, 2022). Но чаще всего такие работы касаются анализа экспортных стратегий конкретных вузов и их влияния на социально-экономическое развитие отдельных регионов.

Изучение публикаций по тематике экспорта образования показало, что конкретных исследований по методике оценки экспортного потенциала городов, на территории которых компактно размещены высшие учебные заведения, и оценки эффективности его реализации пока не было проведено.

Россия на мировом рынке образовательных услуг

Мировой рынок высшего образования характеризуется постоянным ростом (вне зависимости от экстремальных обстоятельств, таких как пандемия COVID-19 и геополитическая нестабильность) и высокой «страновой» концентрацией. По мнению А.Б. Ручкина, позиции стран на мировом рынке образовательных услуг отражают конкуренцию национальных систем образования (Ручкин, 2019).

С начала XXI века численность студентов возросла в 2,4 раза и составила к 2020 году 236 млн человек (40% молодежи в возрастной группе 20–24 года), к 2040 году ожидается рост их численности до 400 млн человек. При этом численность мобильных студентов составила 6,4 млн человек, около 3% от общего числа студентов мира, увеличившись на 1/3 с 2015 года⁸. В 2020 году почти 40% всех иностранных студентов (т. е. студентов, обучающихся за рубежом) приходилось на четыре страны: США (960 тыс.), Великобританию (550 тыс.), Австралию и Канаду⁹.

Самые высокие темпы роста числа иностранных студентов за последние пять лет отмечены в странах, реализующих продуманные стратегии развития образования и позиционирующих себя как региональных лидеров — ОАЭ (почти в 2 раза), Турции (1,5 раза).

⁸ UIS Statistics. Available at: <http://data.uis.unesco.org/> (accessed July 20, 2023).

⁹ International student mobility — Key numbers. Available at: <https://timeassociation.org/2022/11/28/international-student-mobility-key-numbers-2022/> (accessed: July 20, 2023).

Страны Азии остаются главными «поставщиками» студентов на мировой рынок: Китай (1,1 млн человек), Индия (460 тыс.), Вьетнам (132 тыс.), и именно за этих студентов разворачивается основная конкурентная борьба на мировом рынке.

Таким образом, мировой рынок высшего образования – в высшей степени конкурентный рынок, где выигрывают страны, имеющие стратегию развития этой отрасли, предлагающие студентам государственные стипендии, инновационные образовательные продукты, комфортное проживание, досуг и безопасность проживания. Дополнительными факторами, кроме страновой конкуренции, исследователи считают развитие дистанционного образования – массовых открытых онлайн-курсов, активное применение мобильных устройств (Родыгина и др., 2022). Маркетинговые исследования прогнозируют развитие дистанционного образования и рост доходов от него¹⁰.

Численность иностранных студентов в России в 2020 году составила 315 тыс. человек (2022 г. – 395 тыс.), с ожидаемым ростом к 2030 году до 435 тыс. человек. РФ занимает 5–6 место в рейтинге стран-лидеров, наблюдается стабильный рост числа иностранных студентов, однако доля страны на мировом рынке снижается. Граждане государств Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Киргизия) составляют почти половину иностранных студентов в РФ, важными партнерами являются страны дальнего зарубежья – Китай (ок. 30 тыс.), Индия (17 тыс.), Египет (12 тыс.), а также Беларусь (10,2 тыс. студентов). Несмотря на то, что количество государственных стипендий за последние три года выросло в два раза (с 15 до 30 тыс.), основная часть студентов – более 90% – обучаются за плату¹¹.

¹⁰ E-Learning Market size surpassed USD 250 billion in 2020 and is anticipated to grow at an exponential CAGR of over 21% between 2021 and 2027. Available at: <https://www.gminsights.com/industry-analysis/elearning-market-size> (accessed: November 15, 2021).

¹¹ По прогнозу Минобрнауки России количество иностранных студентов в российских вузах вырастет до 435 тыс. человек к 2030 году. URL: <https://rsr-online.ru/news/2023/6/8/po-prognozu-minobrnauki-chislo-inostrannyh-studentov-v-vuzah-rf-vyrastet-do-435-tys-k-2030-godu/> (дата обращения 20.07.2023).

Практически все страны, вошедшие в десятку лидеров по экспорту образования, приняли амбициозные программы, цель которых – увеличение числа иностранных студентов и доходов от образования (Нагорнова, 2020). Аналогичные программы были приняты и в Российской Федерации: в 2017 году – приоритетный проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования»¹², в 2018 году – федеральный проект «Экспорт образования» национального проекта «Образование»¹³. Основным показателем эффективности последнего проекта должно было стать увеличение к 2025 году почти в 1,8 раза численности иностранных граждан, обучающихся в организациях России, осуществляющих образовательную деятельность по программам высшего образования, за счет развития инфраструктуры, реализации государственной поддержки развития экспорта российского образования, повышения востребованности и конкурентоспособности российского образования. Но в 2020 году программа «Экспорт образования» была исключена из нацпроекта «Образование» Министерства просвещения РФ, так как результаты его реализации относятся к компетенции Министерства образования. Был создан новый национальный проект «Наука и университеты», в рамках которого планируется уже достижение качественных показателей: например, создание в городах – ключевых университетских центрах к 2030 году 25 кампусов международного уровня, интегрированных в городскую среду¹⁴. Таким образом, в документах страте-

¹² Паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам (протокол от 30 мая 2017 г. № 6). URL: <http://static.government.ru/media/files/DkOXerfvAnLv0vFKJ59ZeqTC7ycla5HV.pdf> (дата обращения 20.07.2023).

¹³ Паспорт национального проекта «Образование» // Правительство России. URL: <http://static.government.ru/media/files/UuG1ErcOWtjOFCSqdLsLx C8oPFDkmBB.pdf> (дата обращения 14.05.2023).

¹⁴ Национальные проекты РФ. Наука и университеты. URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/nauka-i-university> (дата обращения 20.07.2023); Прием заявок на создание кампусов мирового уровня продлен до августа. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/48447/> (дата обращения 20.07.2023).

гического планирования осуществляется постепенный переход от количественной оценки деятельности вузов к попытке включения в анализ эффективности более значимых качественных показателей. Но, к сожалению, в уже существующих подходах возникают две проблемы. С одной стороны, продолжающий доминировать подход количественной оценки деятельности образовательных учреждений достаточно поверхностный (так, экспортная деятельность вузов оценивается на официальном уровне только через сопоставление удельного веса численности иностранных студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, в общей численности студентов). А качественная оценка не имеет пока проработанной методики, а в части набора показателей, оценивающих деятельность образовательных учреждений, игнорируется анализ городских территорий, на которых функционируют университеты (в том числе особенности географического положения, логистическая доступность и т. д.). Включенность «университетских городов» в экономику страны связана как с характеристикой территории, на которой функционирует университет, так и с процессами взаимодействия сложных, иерархически организованных пространственных систем городского расселения и высшего образования в социально-экономическом пространстве современного города¹⁵.

Особую актуальность проблемы оценки роли университетов в городском развитии принимают на этапе преобразования города. Но анализ качественных показателей должен опираться на комплексную оценку количественных индикаторов.

В связи с этим цель данного исследования заключается в разработке методики комплексной оценки экспорта образования вузами в городах – университетских центрах с учетом всех видов деятельности современных университетов различных моделей на основе показателей Мониторинга эффективности деятель-

ности образовательных организаций высшего образования 2022 году¹⁶. В ходе исследования были решены следующие задачи: обоснована, разработана и апробирована методика оценки эффективности экспорта высшего образования на уровне городов – университетских центров через оценку экспортной деятельности учреждений высшего образования; при сопоставлении значений предложенных индексов выделены четыре типа городов – университетских центров по потенциалу образовательной и научно-исследовательской экспортной деятельности; предложены дальнейшие направления исследования.

Методологические и методические основы исследования, источники статистических данных

Методологической основой исследования является индексный подход, позволяющий сопоставлять между собой показатели, имеющие разные единицы измерения и направления воздействия на анализируемый процесс. Кроме того, расчет комплексного индекса облегчает оценку конечного результата, позволяет проводить межрегиональные сопоставления и систематизировать особенности организации и предоставления экспортных услуг в городах, в которых размещены высшие образовательные учреждения.

В научно-исследовательской литературе чаще всего используется термин «университетский город», относящийся к городскому населенному пункту, специализирующемуся на предоставлении высшего образования, где образовательная система имеет непропорционально большой вес в экономическом, социальном и культурном ландшафте.

В то же время практики оценки такого вклада пока не существует. Например, в некоторых классификациях самых эффективных американских университетских городов фигурирует показатель «численность студентов не менее 10% от численности населения города», но общего

¹⁵ Тургель И.Д., Бугров К.Д., Ойхер А.Д. (2023). Университетские города России: ожидания vs реальность // Высшее образование в России. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/universitetskie-goroda-rossii-ozhidaniya-vs-realnost> (дата обращения 27.11.2023).

¹⁶ Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования // Официальный сайт Главного информационно-вычислительного центра Федерального агентства по образованию РФ (ГИВЦ Рособразование) на базе Московского государственного университета приборостроения и информатики. URL: <https://miccedu.ru/>

признания он пока не получил. Кроме того, не представляется возможным сопоставить роль университетов, реализующих модели разного типа (Университет 1.0, где ставка делается только на образовательные программы, модель Университет 2.0, в которой важнейшим элементом развития наряду с образовательной деятельностью являются научные исследования; Университет 3.0, когда происходит глубокая интеграция интересов науки, бизнеса и образования), в социально-экономическом развитии города. В этом случае и один университет может взять на себя градообразующую функцию.

Существенными признаками университетских центров выступают характер и глубина взаимоотношений высших учебных заведений и городской среды, не всегда определяемой количественными параметрами, поэтому применительно к университетским центрам можно рассматривать стадии развития, высшей из которых является «университетский город» («студенческий город»).

В связи с вышесказанным было предложено проанализировать эффективность реализации экспорта образовательных услуг вузами во всех городах, в которых функционируют университеты.

На сегодняшний день отсутствует разработанная методика оценки эффективности экспорта образовательных услуг на уровне высших учебных заведений, а тем более городов как центров высшего образования. В Приказе Министерства науки и высшего образования РФ от 1 февраля 2022 г. № 92 «Об утверждении показателей эффективности деятельности федеральных бюджетных и автономных образовательных учреждений высшего образования, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, и работы их руководителей, по результатам достижения которых устанавливаются выплаты стимулирующего характера руководителям таких учреждений» в качестве единственного индикатора экспорта образовательных услуг для вуза указан «удельный вес численности иностранных студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, в общей численности студентов (приведенный

контингент)». Пороговым значением оценки эффективности по данному показателю Министерство науки и высшего образования определило 3% (ниже данного значения университету присваивается 0 баллов, при 9% и более – 10 баллов).

Но современный университет – это не просто образовательная организация, формирующая профессиональные компетенции по отдельным направлениям подготовки, но и центр научно-исследовательской, а в ряде случаев предпринимательской деятельности (университеты 3.0). Эти качества вузов тоже должны быть оценены через систему индикаторов, так как оказывают непосредственное влияние на эффективность экспорта образования, формирование конкурентоспособных университетских центров.

На сегодняшний день фактически отсутствует методика оценки эффективности экспорта высшего образования на уровне городов – университетских центров. Принимая во внимание необходимость учета в результатах экспортной деятельности не только образовательного процесса в вузе, но и научно-исследовательской и предпринимательской деятельности, мы разработали и апробировали комплексный показатель эффективности экспортной деятельности учреждений высшего образования городов – университетских центров как среднеарифметическое индексов отдельных потенциалов экспортной деятельности вузов (образовательной, научно-исследовательской, предпринимательской).

$$\text{ЭД} = \frac{\text{ИОПЭД} + \text{ИНИПЭД} + \text{ИППЭД}}{3},$$

где ЭД – комплексный показатель эффективности экспортной деятельности вузов городов – университетских центров;

ИОПЭД – индекс образовательного потенциала экспортной деятельности вузов городов – университетских центров;

ИНИПЭД – индекс научно-исследовательского потенциала экспортной деятельности вузов городов – университетских центров;

ИППЭД – индекс предпринимательского потенциала экспортной деятельности вузов в городах – университетских центрах.

Каждый индекс представляет среднеарифметическое от значений нормированных показателей, характеризующих каждый из трех видов потенциала деятельности современного университета:

$$\text{ИПЭД} = \frac{1}{n} \times \sum_{i=1}^n \text{Пн},$$

где ИПЭД – комплексный показатель отдельных видов потенциала экспортной деятельности вузов городов – университетских центров;

Пн – нормированные показатели, включаемые в индекс;

n – число входящих в показатель индексов;
i – порядковый номер показателя.

При расчете индекса образовательного потенциала экспортной деятельности были применены следующие показатели:

- доля иностранных студентов в общей численности студентов университета;
- доходы вуза от образовательной деятельности из иностранных источников на одного иностранного студента;
- доля студентов из стран дальнего зарубежья (кроме стран СНГ) в общей численности студентов университета.

Включение в расчётный индекс как доли иностранных студентов, так и доли студентов из стран дальнего зарубежья связано с необходимостью учета реального вклада иностранных студентов в экономику города (значительная часть студентов – граждан стран ближнего зарубежья выбирает очно-заочную или заочную форму обучения, следовательно, их включенность в городскую среду будет минимальной).

Индекс научно-исследовательского потенциала экспортной деятельности включает следующие показатели:

- число статей, подготовленных совместно с зарубежными организациями, на одного сотрудника из числа профессорско-преподавательского состава университетов;
- удельный вес средств, полученных образовательной организацией от иностранных граждан и иностранных юридических лиц за счет выполнения научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР), от всего объема средств, полученных от выполнения НИОКР.

В связи с тем, что не представляется возможным собрать показатели эффективности предпринимательского потенциала экспортной деятельности вузов в городах – университетских центрах (в силу как закрытости информации, так и крайне низких значений показателей, характеризующих эффективность предпринимательской деятельности вузов), то на финальной стадии разработки методики было решено не учитывать в расчетах индекс предпринимательского потенциала экспортной деятельности университетов (вследствие его незначительного вклада в эффективность экспортной деятельности вуза).

Таким образом, комплексный показатель эффективности реализации экспортной деятельности вузами городов – университетских центров был рассчитан как среднеарифметическое индексов только образовательного и научно-исследовательского потенциала экспортной деятельности вузов.

$$\text{ЭД} = \frac{\text{ИОПЭД} + \text{ИНИПЭД}}{2}.$$

Вклад каждого индекса в исследовании предложено рассматривать как равнозначный в связи с равнозначностью образовательной и научно-исследовательской деятельности в реализации вузами моделей Университет 2.0 и Университет 3.0.

Оценка эффективности реализации экспорта образовательных услуг в городах – университетских центрах России построена на анализе статистических показателей Мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования 2022 года (данные за 2021 год для 1208 вузов, расположенных в 306 городах 84 субъектов России, в дальнейшем – Мониторинг).

Апробация предлагаемой методики была проведена на примере городов Сибирского федерального округа (СФО). Города – университетские центры СФО в анализе комплексного индекса образовательного потенциала университетских центров представлены во всех типах городов (Крейденко и др., 2023). Выборка может считаться репрезентативной, так как иностранные студенты обучаются в университетах 29 (из 30, т. е. 96,7%) университетских центров СФО. В связи с этим считаем, что города – уни-

верситетские центры Сибирского федерального округа могут рассматриваться как модельные в рамках проведенного исследования.

Интерпретация полученных результатов исследования

В ходе исследования методика была апробирована на статистических данных Мониторинга Министерства науки и высшего образования РФ по университетам Сибирского федерального округа.

Изучение эффективности реализации потенциала экспортной образовательной деятельности в городах – университетских центрах было построено на анализе показателей отдельных вузов, что позволило, с одной стороны, определить наиболее успешные вузы на рынке экспорта образовательных услуг, с другой, рассмотреть географию городов – университетских центров. Анализ проводился как по отдельным составляющим потенциала (образовательный и научно-исследовательский), так и по значению комплексного индекса.

Образовательный потенциал экспортной деятельности. В 30 городах Сибирского федерального округа расположено 115 университетов. Иностранные студенты обучаются в 104 вузах 29 городов. При этом только 65 университетов получили в 2021 году доход от образовательной деятельности из иностранных источников: более 100 тыс. руб. на одного иностранного студента смогли получить только 11 университетов, из которых 6 – медицинские. Самый высокий показатель – почти 252 тыс. руб. на одного иностранного студента – заработал Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, тогда как в 18 университетах такой доход составил менее 10 тыс. руб.

Только в двух университетах доля студентов из стран дальнего зарубежья превышает 10% (Алтайский медицинский университет – 11,5% и Новосибирская государственная консерватория имени М.И. Глинки – 15%). В 18 университетах их доля составляет от 1 до 10%, а в 45 университетах округа обучаются только студенты стран СНГ. Обучение студентов из стран СНГ финансируется из государственного бюджета РФ (в том числе по линии Россотрудни-

чества); абитуриенты ряда стран могут участвовать в общем конкурсе, наряду с российскими абитуриентами, есть и студенты, обучающиеся по контракту. В ряде случаев оплата обучения иностранных студентов осуществляется российскими организациями, предоставляющими посреднические услуги в организации обучения: в итоге принимающий вуз не может продемонстрировать в своей отчетности доход от образовательной деятельности из иностранных источников.

В 2021 году лидерами по образовательному потенциалу экспортной деятельности (значение индекса более 0,25) стали 12 университетов из 7 городов Сибирского федерального округа: по три наиболее эффективных вуза расположены в Новосибирске и Томске, два – в Кемерово, по одному – в Барнауле, Иркутске, Омске и Красноярске (*табл. 1*).

Таким образом, образовательный потенциал экспортной деятельности отдельных университетов наиболее эффективно реализуется в двух городах – Новосибирске и Томске (ведущие научно-исследовательские центры не только российского, но и мирового уровня). Седьмое место в рейтинге занимает Омская гуманитарная академия (частный университет), что определяется значительной долей иностранных студентов (более 70%). Однако из 5,5 тыс. студентов на дневной форме обучения обучается только 300 чел. В связи с этим достаточно сложно подтвердить высокую эффективность экспорта образовательных услуг этим вузом: мультипликативный эффект для города – минимальный.

Научно-исследовательский потенциал экспортной деятельности вузов реализуют только 54 университета округа, из которых только 8 показывают существенные результаты. Сотрудники 51 вуза городов Сибири имеют совместные публикации с иностранными коллегами. Самая высокая публикационная активность отмечена в Новосибирском национальном исследовательском государственном университете (более двух статей на одного сотрудника профессорско-преподавательского состава). В остальных университетах данный показатель существенно ниже: в трех вузах – от 0,84 до 0,5 статьи, а в 27 – менее 0,1.

Таблица 1. Университеты Сибирского федерального округа – лидеры в рейтинге образовательного потенциала экспортной деятельности вузов городов – университетских центров (ИОПЭД), 2021 г.

№ п/п	Город	Университет	Значение ИОПЭД
1	Барнаул	Алтайский государственный медицинский университет	0,603
2	Новосибирск	Новосибирский национальный исследовательский государственный университет	0,470
3	Иркутск	Иркутский государственный медицинский университет	0,456
4	Новосибирск	Новосибирская государственная консерватория имени М.И. Глинки	0,452
5	Кемерово	Кемеровский государственный медицинский университет	0,390
6	Кемерово	Кемеровский государственный институт культуры	0,372
7	Омск	Омская гуманитарная академия	0,360
8	Новосибирск	Новосибирский государственный медицинский университет	0,357
9	Томск	Национальный исследовательский Томский государственный университет	0,298
10	Томск	Томский государственный архитектурно-строительный университет	0,294
11	Красноярск	Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого	0,290
12	Томск	Национальный исследовательский Томский политехнический университет	0,252

Источник: составлено авторами.

Только 20 вузов (около 20%) получают средства на выполнение НИОКР от иностранных граждан и иностранных юридических лиц. При этом доля иностранных источников в общих объемах финансирования научных исследований большинства университетов незначительна: Омский государственный медицинский университет – более 25%, Тувинский государственный университет – более 13%, Красноярский государственный медицинский университет имени профессора

В.Ф. Войно-Ясенецкого – 6,6%, Национальный исследовательский Томский политехнический университет – 5,4%. Еще для пяти вузов (два медицинских, два классических государственных университета, один аграрный) эта доля составляет от 1 до 5%. А в 11 высших учебных заведениях – менее 1%. Как результат, только 8 университетов имеют существенные показатели реализации экспортного потенциала научно-исследовательской деятельности (табл. 2).

Таблица 2. Университеты Сибирского федерального округа – лидеры в рейтинге научно-исследовательского потенциала экспортной деятельности вузов городов – университетских центров (ИНИПЭД), 2021 г.

№ п/п	Город	Университет	Значение ИНИПЭД
1	Омск	Омский государственный медицинский университет	0,501
2	Новосибирск	Новосибирский национальный исследовательский государственный университет	0,500
3	Томск	Национальный исследовательский Томский политехнический университет	0,283
4	Кызыл	Тувинский государственный университет	0,266
5	Томск	Национальный исследовательский Томский государственный университет	0,226
6	Барнаул	Алтайский государственный университет	0,187
7	Красноярск	Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого	0,152
8	Кемерово	Кемеровский государственный медицинский университет	0,101

Источник: составлено авторами.

По научно-исследовательскому потенциалу в лидерах оказались города, в которых расположены или медицинские (3 из 8), или национальные исследовательские (3 из 8) университеты. В целом по данному индексу ни в одном городе не оказалось более двух успешных университетов, что дает основание утверждать о сложности реализации научно-исследовательского потенциала экспортной деятельности вузами городов – университетских центров СФО.

Наиболее высокие результаты *комплексного показателя эффективности экспорта образовательных услуг* показал Новосибирский национальный исследовательский университет (QS 2023 – 421 место, 9 место среди российских вузов) – признанный мировой центр образования и научно-исследовательской деятельности (табл. 3).

Лидеры рейтинга расположены в восьми городах – ведущих образовательных центрах РФ, которые к тому же активно участвуют в реализации национального проекта «Наука и университеты», а в Томске помимо двух университетов – лидеров рейтинга по комплексному показателю эффективности экспортной деятельности участвует еще три вуза.

Рейтинг городов – университетских центров Сибирского федерального округа по эффективности экспортной деятельности вузов отражает репутацию центров на мировом рынке образовательных услуг, а также специфику и интенсивность образовательной и научно-исследовательской деятельности, в том числе международное сотрудничество с зарубежными странами в вопросах реализации образовательных программ, совместных научных исследований и т. д. (табл. 4).

Таблица 3. Университеты Сибирского федерального округа РФ – лидеры в рейтинге эффективности экспортной деятельности вузов городов – университетских центров, 2021 г.

Город	Университет	Место в рейтинге	ИОПЭД	ИНИПЭД	ЭД
Новосибирск	Новосибирский национальный исследовательский государственный университет	1	0,470	0,500	0,485
	Новосибирская государственная консерватория имени М.И. Глинки	8	0,452	0,000	0,226
Барнаул	Алтайский государственный медицинский университет	3	0,603	0,072	0,337
	Алтайский государственный университет	10	0,213	0,187	0,200
Томск	Национальный исследовательский Томский политехнический университет	4	0,252	0,283	0,268
	Национальный исследовательский Томский государственный университет	5	0,298	0,226	0,262
Омск	Омский государственный медицинский университет	2	0,243	0,501	0,372
Кемерово	Кемеровский государственный медицинский университет	6	0,390	0,101	0,245
Иркутск	Иркутский государственный медицинский университет	7	0,456	0,019	0,237
Красноярск	Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого	9	0,291	0,152	0,221
Барнаул	Алтайский государственный университет	10	0,213	0,187	0,200
Источник: составлено авторами.					

Таблица 4. Рейтинг городов – университетских центров Сибирского федерального округа по эффективности реализации экспорта образовательных услуг, 2021 г.

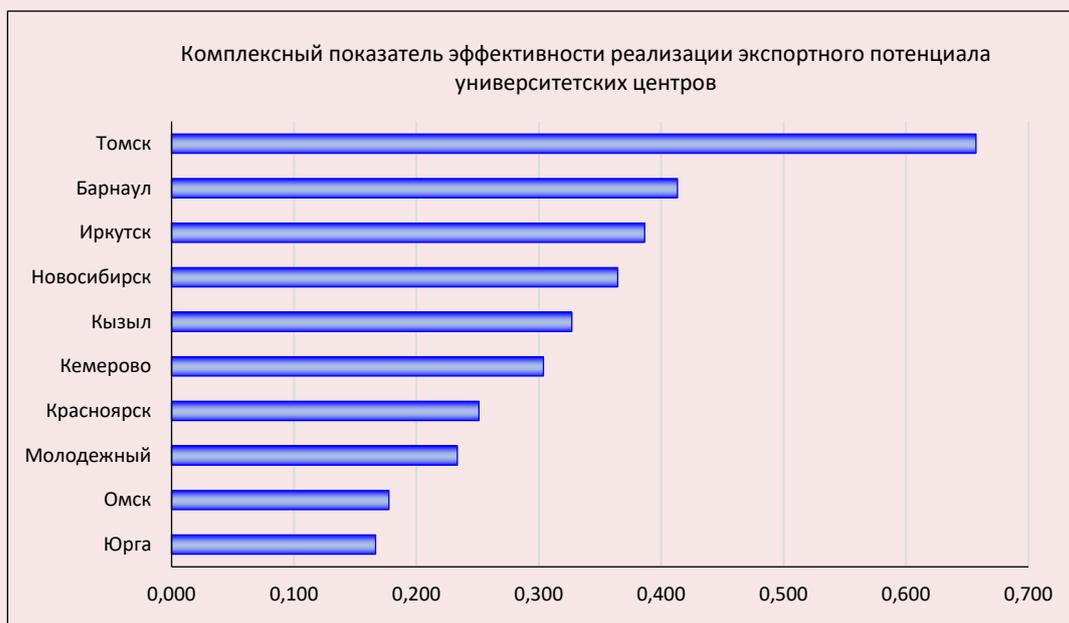
Место в рейтинге	Город	Количество вузов	ИОПЭД	ИНИПЭД	ЭД
1	Томск	9	0,593	0,721	0,657
2	Барнаул	10	0,226	0,601	0,413
3	Иркутск	12	0,148	0,625	0,386
4	Новосибирск	19	0,241	0,488	0,364
5	Кызыл	2	0,518	0,136	0,327
6	Кемерово	5	0,094	0,513	0,304
7	Красноярск	10	0,148	0,354	0,251
8	Молодежный	1	0,029	0,438	0,233
9	Омск	15	0,028	0,327	0,178
10	Юрга	1	0,000	0,333	0,167
11	Усть-Илимск	1	0,000	0,296	0,148
12	Прокопьевск	1	0,000	0,261	0,130
13	Обь	1	0,000	0,196	0,098
14	Рубцовск	2	0,000	0,185	0,092
15	Ачинск	1	0,049	0,116	0,083
16	Тара	2	0,000	0,150	0,075
17	Новокузнецк	4	0,049	0,092	0,070
18	Братск	2	0,074	0,029	0,051
19	Горно-Алтайск	1	0,057	0,042	0,050
20	Северск	1	0,086	0,000	0,043
21	Бийск	3	0,029	0,056	0,042
22	Белово	2	0,000	0,084	0,042
23	Абакан	2	0,026	0,011	0,019
24	Лесосибирск	2	0,000	0,022	0,011
25	Ангарск	1	0,000	0,022	0,011
26	Белокуриха	1	0,000	0,016	0,008
27	Норильск	1	0,000	0,014	0,007
28	Куйбышев	1	0,000	0,013	0,007
29	Саяногорск	1	0,000	0,010	0,005
30	Междуреченск	1	0,000	0,003	0,001

Источник: рассчитано авторами.

Абсолютным лидером в рейтинге по значению комплексного показателя эффективности реализации экспортного потенциала университетских центров Сибирского федерального округа стал Томск (рис. 1). Университеты Томска предлагают на мировой рынок значительный перечень образовательных услуг не только по традиционным направлениям обучения, но и оперативно актуализируют его в соответствии с наиболее востребованными на рынке труда

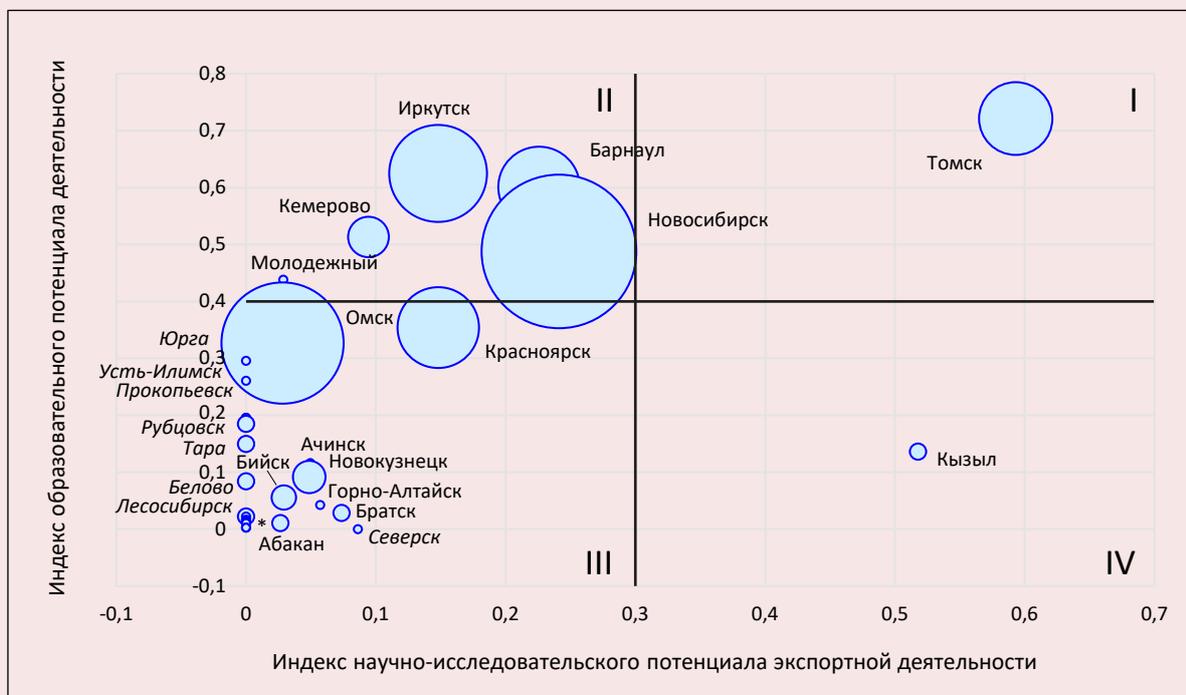
компетенциями (например, запуск международных образовательных программ, в том числе по ядерной медицине). К тому же статус студенческой столицы (каждый восьмой житель города или студент, или преподаватель одного из университетов) и признание научно-исследовательского комплекса градообразующим дают возможность получать образование с привлечением специалистов и использованием оборудования сразу нескольких университетов.

Рис. 1. Города Сибирского федерального округа – лидеры по значению комплексного показателя эффективности реализации экспортного потенциала вузами городов – университетских центров, 2021 г.

Источник: составлено авторами.

Рис. 2. Соотношение образовательного и научно-исследовательского потенциала экспортной деятельности в университетских центрах Сибирского федерального округа, 2021 г.

Источник: составлено авторами.

На заключительном этапе исследования нами были сопоставлены значения индексов образовательного и научно-исследовательского потенциала экспортной деятельности вузов, что позволило выделить четыре типа городов – университетских центров (рис. 2).

Диаметр пунсонов диаграммы пропорционален числу университетов в городе.

Типы городов – университетских центров по потенциалу образовательной и научно-исследовательской экспортной деятельности

Группа 1. Города с высоким потенциалом образовательной и научно-исследовательской экспортной деятельности. В данную группу вошел только один город – Томск. Это старейший университетский центр Сибири (Императорский Томский университет был основан в 1878 году) с длительной историей и сложившимися традициями в международном университетском сотрудничестве. В настоящее время в городе работают 9 вузов, 6 из которых активно участвуют в подготовке иностранных студентов из стран ближнего и дальнего зарубежья. Значительная доля студентов обучается на дневной форме, что создает дополнительные преимущества как для городской экономики, так и для продвижения Томска на мировом рынке образования.

Группа 2. Города с высоким образовательным и научно-исследовательским потенциалом экспортной деятельности. Включает в себя 4 города и поселок Молодежный (Иркутская городская агломерация), где расположен Иркутский аграрный университет. Особенности подготовки в университетах, готовящих специалистов для агропромышленного комплекса (например, наличие опытных полей, что требует значительных площадей), требуют выноса учебных корпусов за границы крупных городских агломераций, но в то же время в пределах транспортной доступности. Хотя реально реализацию экспортного потенциала образовательных услуг обеспечивает сам Иркутск.

Группа 3. Города с низким образовательным и научно-исследовательским потенциалом образовательной деятельности. Это самая многочисленная (22 города) и самая неоднородная группа. Более половины городов не реализует экспортный потенциал научно-исследовательской деятельности (13 городов) или образовательной деятельности (Северск). С одной стороны, в нее вошли небольшие города – рай-

онные центры или города областного подчинения, в которых чаще всего функционируют филиалы региональных университетов (Лесосибирск, Белово, Рубцовск, Обь, Прокопьевск, Усть-Илимск и т. д.); численность иностранных студентов крайне незначительная, показатели эффективности образовательного потенциала низкие. С другой стороны, в этой группе оказались города – административные центры субъектов Сибирского федерального округа, в том числе Горно-Алтайск, Абакан, Омск и Красноярск. Присутствие в данной группе Горно-Алтайска и Абакана объясняется относительно невысокими позициями их университетов в рейтингах высших учебных заведений (в национальном рейтинге университетов Интерфакс Горно-Алтайский государственный университет занимает 250–253 место, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова – 240–243 место). Слабые позиции Омска и Красноярска связаны со значительной дифференциацией показателей работы университетов. И в Омске, и в Красноярске значительное количество вузов (15 и 10 соответственно), но эффективность их деятельности различна. Из 15 университетов Омска только в семи вузах обучаются студенты из стран СНГ (значительная часть которых – на заочной форме обучения); доход на одного иностранного студента варьируется от 4,27 до 144,39 тыс. руб. Совместные научные исследования ведут только пять университетов. Фактически только три вуза реализуют научный и образовательный потенциал экспортной деятельности: Омский государственный технический университет; Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского и Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет. Аналогичная ситуация с вузами Красноярска: лидерами экспорта образовательных услуг являются только Красноярский государственный аграрный университет и Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого.

Группа 4. Города с низким образовательным потенциалом и высоким научно-исследовательским потенциалом образовательной деятельности. К этой группе по результатам деятельности университета можно отнести только столицу Республики Тыва – город Кызыл. Тывинский государственный университет был создан в 1995

году на основе объединения Кызылского педагогического института (год основания 1952) и филиалов Красноярского политехнического института и Красноярского государственного аграрного университета. В настоящее время университет активно развивает международное сотрудничество в области научно-исследовательской и образовательной деятельности, связанное с этнокультурным направлением. Существенным фактором, затрудняющим реализацию экспортного потенциала Кызыла, является слабая транспортная доступность (отсутствие железной дороги, ограниченное число прямых авиарейсов).

Таким образом, из 30 городов – университетских центров Сибирского федерального округа 76,7% относятся к группе с низким образовательным и научно-исследовательским потенциалом. В группе с высоким образовательным и низким научно-исследовательским потенциалом больше центров (5 городов; 16,7%), чем в группе с низким образовательным и высоким научно-исследовательским потенциалом (1 город; 3,3%): реализовывать образовательный потенциал экспортной деятельности проще, чем научно-исследовательской. Складывающаяся диспропорция носит вполне объективный характер: экспорт образовательных услуг эффективно может быть реализован только в университетских центрах с наличием рейтинговых университетов, расположенных в многофункциональных городах (с развитыми экономическими, транспортно-логистическими и административными функциями) с развитой адаптированной городской средой для проживания иностранных студентов.

Вузы городов – университетских центров различных типов могут корректировать стратегии развития с учетом оценки своего потенциала: наличие хотя бы одного сильного (с точки зрения реализации экспортной деятельности) вуза дает стимул роста остальным университетам. Сотрудничество между вузами в городе (через включение в совместные образовательные программы, совместные научно-исследовательские проекты и т. д.), учитывающее наиболее перспективные направления экспорта образовательных услуг, может стать основой для повышения качества подготов-

ки специалистов как для внешнего, так и для внутреннего рынка. Для таких центров очень важной является трансформация стратегий развития городской среды с точки зрения повышения комфортности для студенческой аудитории, включая иностранных студентов.

В группе с низкой эффективностью реализации экспорта образовательных услуг (за исключением Омска и Красноярска, для которых положение в данной группе связано со значительной дифференциацией эффективности вузов при их значительном количестве) все города могут считаться университетскими центрами лишь формально, поскольку практически все вузы, функционирующие в них, являются филиалами крупных региональных или федеральных университетов и обеспечивают подготовку специалистов для своего региона. В ряде случаев осложняет ситуацию их удаленность от крупных экономических и транспортно-логистических центров (Норильск). Для таких центров высшего образования анализ опыта других центров и тенденций развития в них экспорта образовательных услуг может также стать основой корректировки их образовательных программ с точки зрения не только повышения уровня подготовки специалистов для своих регионов и регионов РФ, но и привлечения иностранных студентов.

Только комплексный подход, заключающийся как в росте количественных (число иностранных студентов), так и качественных показателей (международное научное сотрудничество, расширение номенклатуры востребованных специальностей, корректировка образовательных программ), позволит существенно повысить эффективность реализации вузами стратегий экспорта образовательных услуг, а также образовательной и научно-исследовательской деятельности на внутреннем рынке.

Таким образом, дальнейшее развитие экспортного потенциала российского образования может быть связано не только с предоставлением услуг высшего образования, но и с более глубоким включением в работу международных профессиональных ассоциаций в части определения наиболее актуальных на мировом рынке и востребованных со стороны работодателей компетенций.

Заключение

Экспорт образования, несмотря на изменившиеся геополитические условия, продолжает оставаться важной государственной стратегией и задачей российского образования. Оценка эффективности реализации экспорта образования отдельными вузами и городами — университетскими центрами — важная научная и практическая задача, решение которой поможет скорректировать стратегии развития как вузов, так и вмещающих их городов.

Проведенное исследование позволило выявить проблемы в существующих методиках оценки эффективности экспортной деятельности вузов в городах — университетских центрах РФ. Используемый в Мониторинге Рособнадзора подход — оценка по доле иностранных студентов в общей численности студентов — не отражает многообразие деятельности современных университетов: важнейшим элементом конкурентоспособности становятся научные исследования, возможности коммерциализации новых знаний и включенность в международные научные коллаборации; интеграция науки, бизнеса и образования. Авторами предложена и апробирована на материалах Сибирского федерального округа методика по разработке индексов оценки эффективности реализации образовательного потенциала городов — университетских центров на основе многомерного статистического анализа. Проведенная кластеризация позволила дифференцировать университетские центры по степени эффективности реализации экспортного потенциала, конкретизировать цели стратегического развития университетов и вмещающих их городов.

Методика апробирована на материалах 30 городов Сибирского федерального округа, выделено четыре группы городов — университетских центров: 1) с высоким образовательным и научно-исследовательским потенциалом экспорта образования — г. Томск; 2) с высоким образовательным и низким научно-исследовательским потенциалом экспорта образования — 5 городов; 3) с низким образовательным и научно-исследовательским потенциалом экспорта образования — 22 города; 4) с низким образовательным и высоким научно-исследовательским потенциалом экспорта образования — г. Кызыл. Для каждой группы предложены стратегии развития высшего образования в контексте реализации его экспорта.

Дальнейшие научно-практические исследования концептуальных и практических подходов в части методик оценки экспортного потенциала университетских центров, более глубокий факторный анализ его реализации позволят существенно повысить эффективность стратегического планирования на муниципальном и региональном уровне, синхронизировав стратегии развития университетов и направления развития городской среды, а также механизмы и инструменты формирования городских агломераций в регионах России. Для более полного и глубокого анализа реализации экспорта образовательных услуг вузами с учетом различных вкладов отдельных показателей в комплексную индексную оценку в дальнейшем необходимо сопоставление индикаторов различных видов деятельности университета с характером их влияния на эффективность реализации отдельных моделей развития университетов.

Литература

- Бондаренко В.В., Полутин С.В., Юдина В.А., Танина М.А., Лескина О.Н. (2022). Привлекательность российских вузов среди иностранных студентов в условиях глобальной конкуренции на рынках образовательных услуг // Интеграция образования. Т. 26. № 1. С. 72–92. DOI: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.106.026.202201.072-092>
- Быковская Е.Н., Рыбина М.Н. (2023). Экспорт образовательных услуг: конкуренция в новых геополитических условиях // Вестник университета. № 1. С. 68–75. DOI: 10.26425/1816-4277-2023-1-68-75
- Де Вит Х. (2019). Эволюция мировых концепций, тенденций и вызовов в интернационализации высшего образования // Вопросы образования. № 2. С. 8–34. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-2-8-34
- Золочевская Е.Ю., Сивакова Я.Е. (2022). Совершенствование механизма развития экспорта образования в Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. № 1. С. 39–42. DOI: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-39-42

- Захаров М.Ю., Старовойтова И.Е., Шишкова А.В. (2023). Управление академической мобильностью как инструментом «мягкой силы» // Вестник университета. № 2. С. 166–173. DOI: 10.26425/1816-4277-2023-2-166-173-173
- Казанцева Н.А. (2022). Проблемы и перспективы экспорта высшего образования в трансграничном регионе (на примере Забайкальского государственного университета) // Вестник Забайкальского государственного университета. Т. 28. № 8. С. 35–44. DOI: 10.21209/2227-9245-2022-28-8-35-44
- Краснова Г.А. (2021). Основы экспортной деятельности в сфере образования. М.: Проспект, 160 с.
- Крейденко Т.Ф., Петрович М.Д., Холина В.Н. (2023). Образовательный потенциал городов – университетских центров России как фактор повышения их конкурентоспособности // Высшее образование в России. Т. 32. № 10. С. 34–56. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-34-56
- Кузнецова В.В., Машкина О.А. (2020). Глобализация китайского высшего образования как фактор геополитического влияния // Сравнительная политика. Т. 11. № 2. С. 139–150. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10025
- Кузьмина В.М. (2021). Проблемы экспорта образовательных услуг Российской Федерации // Коллекция гуманитарных исследований. № 1 (26). С. 50–59. DOI: 10.21626/j-chr/2020-3(24)/7
- Лицзюнь Го, Погорельская А.М., Юн С.М. (2020). Приоритеты интернационализации высшего образования Республики Беларусь и экспорт белорусского образования // Вестник Томского государственного университета. № 460. С. 138–148. DOI: 10.17223/15617793/460/17
- Лебедев А.А., Ридигер А.В. (2022). О функционировании программ экспорта образования российских университетов в условиях санкций // Информация и инновации. Т. 17. № 3. С. 49–58. DOI: 10.31432/1994-2443-2022-17-3-49-58
- Манукян А.Р. (2023). Экспорт образования как фактор экономического роста страны // Социально-гуманитарные знания. № 2. С. 106–110.
- Мариненко О.П. (2019). Роль преподавателя вуза в оказании помощи иностранным студентам // Высшее образование в России. № 4. С. 124–133. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-4-124-133
- Нагорнова М.Г. (2020). Зарубежный опыт экспорта высшего образования // Экономика и социум. № 7 (74). С. 610–613.
- Никитенко Е.В. (2023). Интернационализация высшего образования в России: в поисках путей развития // Высшее образование в России. № 5. С. 125–137. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-5-125-137
- Николаев В.К. (2022). Экспорт образования в вузах России в условиях новой реальности // Высшее образование в России. Т. 31. № 2. С. 149–166. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-2-149-166
- Родыгина Н.Ю., Мусихин В.И., Азарова О.А., Логина М.В. (2022). Экономический анализ мирового экспорта образовательных услуг // Международная экономика. № 1. DOI: 10.33920/vne-04-2201-04
- Ростовская Т.К., Скоробогатова В.И. (2019). Российское миграционное законодательство: за или против академической мобильности? // Миграционное право. № 3. С. 18–25.
- Ручкин А.Б. (2019). Экспорт российского образования в страны Африки: вызовы и ресурсы развития // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 21–33. DOI: 10.17805/zpu.2019.2.2
- Рыбакова Е.В. (2023). Способы обеспечения эффективной реализации стратегии экспорта российского образования // Педагогика. Вопросы теории и практики. Т. 8. № 6. С. 573–582. DOI: 10.30853/red20230098
- Селиванова И.А., Марковина И.Ю., Ильясов И.Р., Жевлакова А.К., Терехов Р.П. (2020). Валидация тестовых заданий в условиях экспорта образования // Высшее образование в России. Т. 29. № 6. С. 136–143. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-6-136-143
- Троицкий Е.Ф., Юн С.М. (2021). Узбекистан: новый этап интернационализации высшего образования // Высшее образование в России. № 10. С. 157–168. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-10-157-168
- Bouchaib C. (2023). The Sino-African higher education exchange: Toward building a literature. *Asian Education and Development Studies*, 12(1), 1–14. DOI: 10.1108/AEDS-01-2021-0019
- Delahunty D., Phusavat K., Kess P. et al. (2018). Globalisation and education: Case demonstration and lessons learned from Finland’s education export. *International Journal of Management in Education*, 12(1), 25–42. DOI: 10.1504/IJME.2018.088370
- Le H., Edwards D.B. Jr. (2023). Singapore’s educational export strategies: ‘Branding’ and ‘selling’ education in a favourable global policy marketplace. *Comparative Education*, 59(1), 38–58. DOI: 10.1080/03050068.2022.2133847

- Khodakarami P., Zakaria Z., Jamil R. et al. (2022). The effect of business technology strategy on inward export performance in the Malaysian higher education industry. *Sustainability*, 14, 9307. DOI:10.3390/su14159307
- Lou J., Li J. (2022). Export expansion and intergenerational education mobility: Evidence from China. *China Economic Review*, 73, 101797. DOI: 10.1016/j.chieco.2022.101797
- Pham H.-H., Hoang A.-D., Lai S.-L. et al. (2022). International education as an export sector: An investigation of 49 Vietnamese universities and colleges using Bayesian analysis. *Globalisation, Societies and Education*, 1–19. DOI: 10.1080/14767724.2022.2081536
- Yang Y., Fabuš M., Bae K.-H., Zhang M. (2020). A diamond model based analysis for improving the sustainable competitiveness in educational exports by Chinese colleges and universities. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, 7(3), 1858–1871. DOI: 10.9770/jesi.2020.7.3(28)
- Wu W. (2022). The political economy of international education: A critical discussion. *Critical Education*, 13(3), 1–17.

Сведения об авторах

Татьяна Федоровна Крейденко – кандидат географических наук, доцент кафедры, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН) (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; e-mail: kreydenko-tf@rudn.ru)

Мария Федоровна Мизинцева – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47; e-mail: mfmizintseva@cemi.rssi.ru)

Вероника Николаевна Холина – кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН) (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; e-mail: kholina-vn@rudn.ru)

Kreydenko T.F., Mizintseva M.F., Kholina V.N.

Approaches to Assessing the Effectiveness of the Export of Educational Services by Universities in the Cities – University Centers of Russia

Abstract. The export of education in Russia was officially proclaimed as a priority area of governmental policy in 2017. The subsequently adopted documents such as the project “Development of the export potential of the Russian education system”, the program “Priority 2030”, and the national project “Science and universities” confirm that the export of education remains an important governmental strategy, despite the changed geopolitical context. The export of education is considered in the works of scientists from Russia and other countries: they study in detail the economics of education export in various countries, adaptation of foreign students, methodological approaches, legal and visa systems of educational migration, etc. The aim of our work is to develop a methodology for evaluating the effectiveness of the export of education by universities in the cities – university centers of Russia and test it on the materials of the Siberian Federal District. Despite a wide range of relevant publications that we arranged in six main groups, these aspects have not been the subject of scientific analysis. We have developed our own system of indicators and indices (a comprehensive indicator of the effectiveness of the export activities of universities in the cities – university centers, calculated on the basis of indices of the educational and research potential of universities’ export activity). The methodology has been tested on the indicators for 115 universities and 30 cities – university centers of the Siberian Federal District. We have revealed that the data are scattered: out of 29 cities where foreign students study, only Tomsk is in the group of cities with high potential for educational and research export activities. The majority of the cities – university centers (22) belong to group 3 – with low potential for educational and research export activities. Our research makes it possible to comprehensively assess the effectiveness of the export of

educational services by universities and cities – university centers in each group and set out the priorities for the development of universities; and also identify cities that best meet the needs of the country to implement the export of education.

Key words: internationalization of education, cities – university centers, export of education, complex indices, assessment methodology.

Information about the Authors

Tatyana F. Kreydenko – Candidate of Sciences (Geography), associate professor of department, RUDN University (6, Miklukho-Maklay Street, Moscow, 117198, Russian Federation; e-mail: kreydenko-tf@rudn.ru)

Mariya F. Mizintseva – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Central Economic Mathematical Institute, Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: mfmizintseva@cemi.rssi.ru)

Veronika N. Kholina – Candidate of Sciences (Geography), Associate Professor, head of department, RUDN University (6, Miklukho-Maklay Street, Moscow, 117198, Russian Federation; e-mail: kholina-vn@rudn.ru)

Статья поступила 16.10.2023.

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (декабрь 2023 г.), а также за период с декабря 2022 по декабрь 2023 г. (последние 7 опросов, то есть почти год).

Дается сопоставление результатов исследований со среднегодовыми данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011 (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина) годы.

Представлена годовая динамика данных за 2018, 2020–2023 гг.²

В октябре – декабре 2023 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ существенно не изменился и составил 62–63%. Доля отрицательных суждений – 21–23%³.

За последние 12 месяцев (с декабря 2022 по декабрь 2023 г.) доля положительных оценок деятельности главы государства также не претерпела существенных изменений (60–62%).

Однако в целом за 2023 год по сравнению со среднегодовыми данными за 2022 год отмечается рост поддержки работы главы государства (на 4 п. п., с 57 до 61%)⁴.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском, Кирилловском, Никольском муниципальных округах и в Шекснинском муниципальном районе области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vssc.ac.ru/>.

² В 2020 г. было проведено четыре «волны» мониторинга. Опросы в апреле и июне 2020 г. не проводились в связи с карантинными ограничениями в период распространения COVID-19.

³ Здесь и далее во всех таблицах и в тексте: **зеленой заливкой** отмечаются позитивные изменения, **красной заливкой** – негативные, **синей** – отсутствие изменений. В связи с тем, что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначительными и отмечаются синим цветом.

⁴ Здесь и далее по тексту в рамке выделены результаты сравнительного анализа данных опроса, проведенного в декабре 2023 г., с результатами «волны» мониторинга, осуществленной в декабре 2022 г.; а также в среднем за 2023 год по сравнению со среднегодовыми данными за 2022 год.

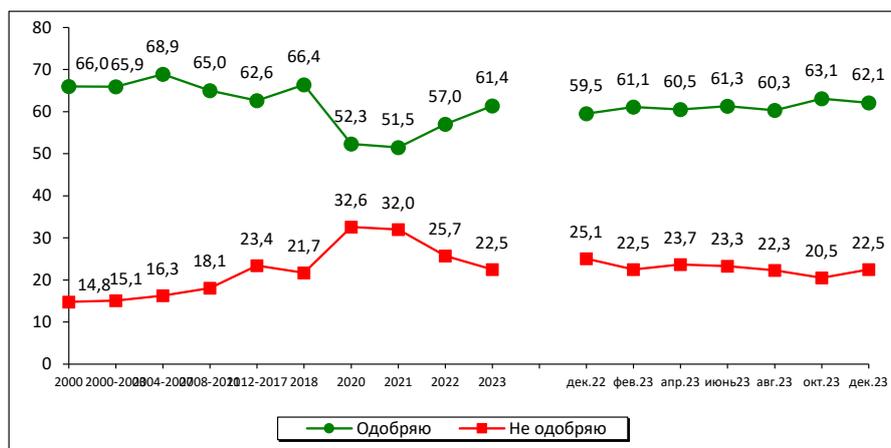
Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Динамика среднегодовых данных									Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), дек. 2023 к	
	2000	2007	2011	2012	2018	2020	2021	2022	2023	Дек. 2022	Фев. 2023	Апр. 2023	Июнь 2023	Авг. 2023	Окт. 2023	Дек. 2023	дек. 2022	окт. 2023
Президент РФ																		
Одобрю	66,0	75,3	58,7	51,7	66,4	52,3	51,5	57,0	61,4	59,5	61,1	60,5	61,3	60,3	63,1	62,1	+3	-1
Не одобряю	14,8	11,5	25,5	32,6	21,7	32,6	32,0	25,7	22,5	25,1	22,5	23,7	23,3	22,3	20,5	22,5	-3	+2
Председатель Правительства РФ																		
Одобрю	-	-	59,3	49,6	48,0	38,7	39,9	45,4	50,1	50,1	49,3	48,3	49,2	50,8	51,3	51,9	+2	+1
Не одобряю	-	-	24,7	33,3	31,6	40,4	37,6	32,0	27,6	29,9	27,9	28,1	27,1	26,1	28,6	27,9	-2	-1
Губернатор области*																		
Одобрю	56,1	55,8	45,7	41,9	38,4	35,0	36,7	40,9	48,1	45,5	47,1	48,3	48,7	48,1	47,5	49,1	+4	+2
Не одобряю	19,3	22,2	30,5	33,3	37,6	42,5	40,5	35,8	30,9	35,2	33,0	32,3	30,7	29,7	29,7	29,9	-5	0

Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?».

* 31 октября 2023 г. Указом Президента РФ № 814 «Об исполняющем обязанности Губернатора Вологодской области» была принята отставка Губернатора Вологодской области О.А. Кувшинникова по собственному желанию. Временно исполняющим обязанности главы региона был назначен Г.Ю. Филимонов. Тем не менее в опросе, проведенном в ноябре – декабре 2023 г., жителей области просили оценить деятельность именно О.А. Кувшинникова (в связи с недостаточной продолжительностью деятельности Г.Ю. Филимонова в должности и. о. губернатора). Работу Г.Ю. Филимонова жителям региона будет предложено оценить начиная с первой «волны» мониторинга следующего года (февраль 2024 г.).

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ? (в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Вариант ответа	Изменение (+/-), декабрь 2023 г. к	
	дек. 2022	окт. 2023
Одобрю	+2	-1
Не одобряю	-2	+2

Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодовые данные за 2000, 2018, 2020, 2021, 2022, 2023 гг., а также среднегодовые данные за периоды 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

Для справки:

По данным ВЦИОМ, уровень одобрения деятельности Президента РФ за период с октября по 1-ю половину декабря 2023 г. составил 75–76%. Удельный вес негативных отзывов – 15–16%.

Оценки населения чуть лучше, чем в декабре 2022 г. (уровень одобрения за этот период увеличился на 2 п. п. (с 74 до 76%).

При этом в среднем за 2023 год поддержка россиянами работы главы государства сохранилась на уровне среднегодовых данных за 2022 год (75%).

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ)

Изменение (+/-), декабрь 2023 г. к		
Вариант ответа	дек. 2022	окт. 2023
Одобрять	+2	+1
Не одобрять	-1	-1

Формулировка вопроса «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?».

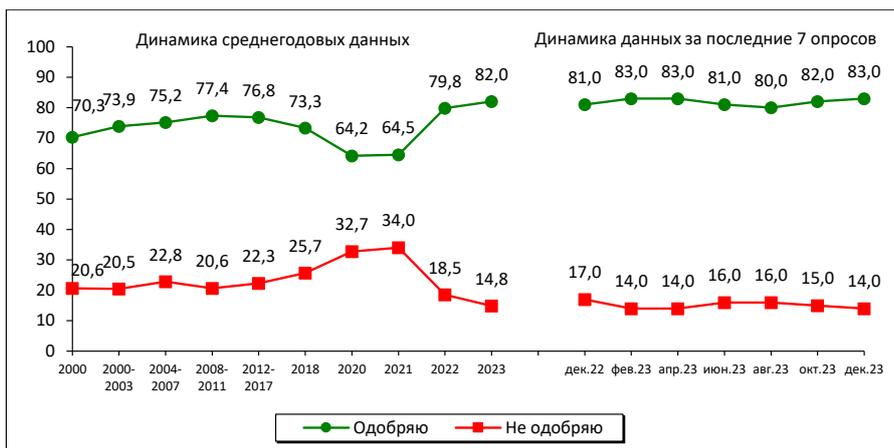
Данные за декабрь 2023 г. – среднее за три опроса (от 03.12.2023, 10.12.2023 и 17.12.2023).

Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/>

По данным Левада-Центра*, удельный вес позитивных оценок деятельности Президента РФ в октябре – декабре 2023 г. составил 82–83%. Доля отрицательных оценок – 14–15%.

С декабря 2022 по декабрь 2023 г. уровень одобрения деятельности главы государства незначительно возрос (на 2 п. п., с 81 до 83%). Доля негативных оценок снизилась на 3 п. п. (с 17 до 14 п. п.). Также в 2023 г. продолжился рост поддержки работы Президента РФ по среднегодовым данным: в 2021 г. – 65%, в 2022 г. – 80% (выше на 15 п. п.), в 2023 г. – 82% (выше еще на 2 п. п., по сравнению с 2022 г.).

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра*)

Изменение (+/-), ноябрь 2023 г. к		
Вариант ответа	дек. 2022	окт. 2023
Одобрять	+2	+1
Не одобрять	-3	-2

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России?».

Последние данные – за декабрь 2023 г.

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/>

* Внесен в реестр иностранных агентов.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Доля жителей области, считающих успешными действия Президента РФ по укреплению международных позиций России, в октябре – декабре 2023 г. составила 48–49%. Удельный вес тех, кто придерживается противоположной точки зрения, значительно меньше (32%).

По сравнению с декабрем 2022 г., а также в среднем за 2022–2023 гг. оценки населения не изменились.

Укрепление международных позиций России

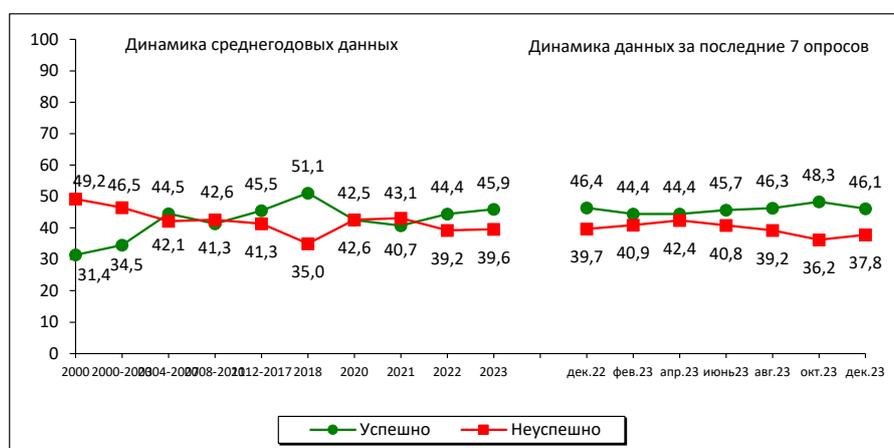

Изменение (+/-), декабрь 2023 г. к		
Вариант ответа	дек. 2022	окт. 2023
Успешно	0	-1
Неуспешно	0	0

За последние два месяца мнение жителей области о деятельности главы государства по наведению порядка в стране осталось прежним: доля положительных суждений составила 46–48%, отрицательных – 36–38%.

Ощутимых изменений в динамике оценок населения за последние 12 месяцев и в среднем за 2022–2023 гг. также не наблюдается.

Наведение порядка в стране

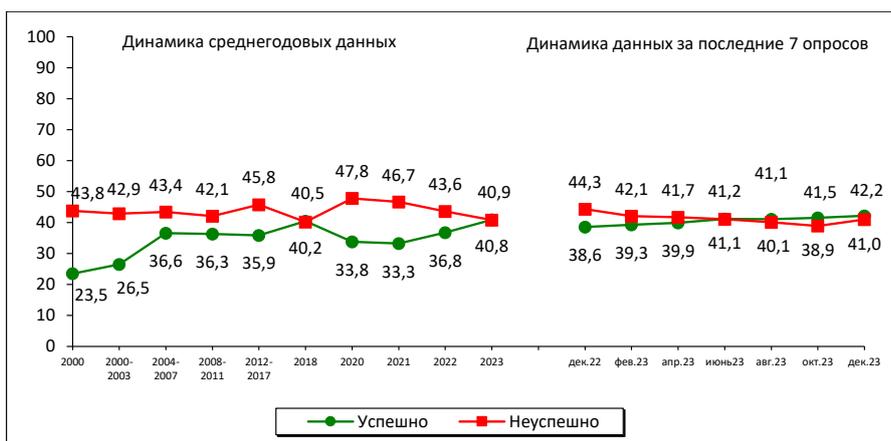
Изменение (+/-), декабрь 2023 г. к		
Вариант ответа	дек. 2022	окт. 2023
Успешно	0	-2
Неуспешно	-2	+2

В октябре – декабре 2023 г. доля жителей области, позитивно оценивающих деятельность Президента РФ по защите демократии и укреплению свобод граждан, составила 42%; удельный вес противоположных суждений – 39–41%.

Оценки населения чуть лучше, чем в декабре 2022 г. (доля позитивных характеристик увеличилась на 3 п. п., с 39 до 42%).

Положительные изменения наблюдаются также в среднем за 2023 год по сравнению с 2022 годом: отмечается рост удельного веса позитивных суждений на 4 п. п. (с 37 до 41%).

Защита демократии и укрепление свобод граждан

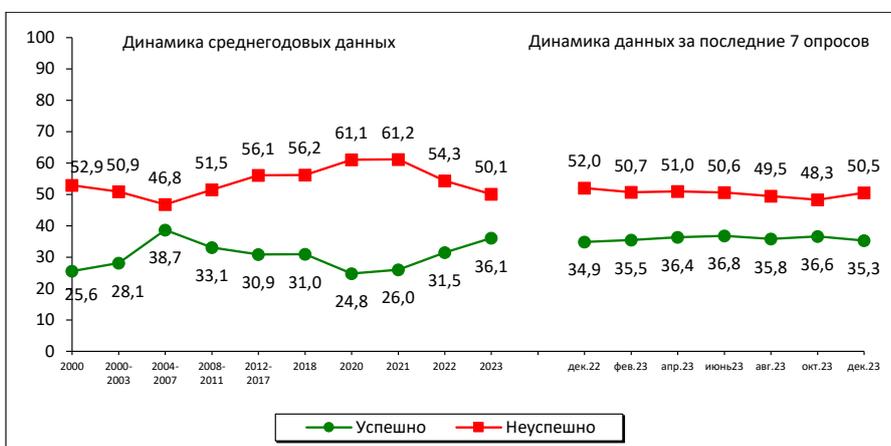
Изменение (+/-), декабрь 2023 г. к		
Вариант ответа	дек. 2022	окт. 2023
Успешно	+4	+1
Неуспешно	-3	+2

Доля положительных оценок успешности решения Президентом РФ проблемы подъема экономики и роста благосостояния граждан за последние два месяца составила 35–37%, однако отмечается незначительный рост удельного веса негативных характеристик (на 3 п. п., с 48 до 51%).

За период с декабря 2022 по декабрь 2023 г. оценки населения существенно не изменились.

При этом в среднем за 2023 год по сравнению с 2022 годом отмечаются позитивные тенденции: доля тех, кто считает успешной деятельность главы государства по решению экономических проблем, увеличилась на 4 п. п. (с 32 до 36%); удельный вес жителей, придерживающихся противоположного мнения, снизился на 4 п. п. (с 54 до 50%).

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

Изменение (+/-), декабрь 2023 г. к		
Вариант ответа	дек. 2022	окт. 2023
Успешно	0	-1
Неуспешно	-2	+3

Структура партийно-политических предпочтений жителей области в октябре – декабре 2023 г. оставалась стабильной. Доля людей, чьи интересы выражает партия «Единая Россия», составила 42%, КПРФ – 10%, ЛДПР – 7–8%, «Справедливая Россия» – 4–5%, «Новые люди» – 2%.

С декабря 2022 по декабрь 2023 г. возрос уровень поддержки «Единой России» (на 4 п. п., с 38 до 42%), а также уменьшилась доля людей, считающих, что ни одна из парламентских партий не выражает их интересы (на 3 п. п., с 30 до 27%).

Аналогичные позитивные изменения в динамике общественного мнения наблюдаются в среднем за 2023 год по сравнению с 2022 годом.

Какая партия выражает Ваши интересы?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Партия	Динамика среднегодовых данных													Динамика данных за последние 7 опросов						Изменение (+/-), дек. 2023 к		
	2000	2007	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2018	2020	Выборы в ГД РФ 2020 г., факт	2021	2022	2023	Дек. 2022	Фев. 2023	Апр. 2023	Июнь 2023	Авг. 2023	Окт. 2023	Дек. 2023	дек. 2022	окт. 2023
Единая Россия	18,5	30,2	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	37,9	31,5	49,8	31,7	35,2	39,5	38,3	39,1	37,6	39,3	39,0	40,3	41,7	+3	+1
КПРФ	11,5	7,0	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	9,2	8,4	18,9	9,3	10,1	9,6	9,3	9,5	9,3	9,5	9,8	9,8	9,8	+1	0
ЛДПР	4,8	7,5	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	9,6	9,5	7,6	9,9	7,3	7,0	6,3	5,9	6,9	6,7	7,8	7,9	6,5	0	-1
Справедливая Россия – Патриоты – За правду	-	7,8	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	2,9	4,7	7,5	4,7	4,9	4,4	4,7	4,6	4,7	4,7	4,5	4,5	3,5	-1	-1
Новые люди*	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5,3	2,3	1,5	1,9	1,5	1,3	2,1	2,1	2,3	1,5	1,9	0	0
Другая	0,9	1,8	1,9	-	2,1	0,3	-	0,7	0,5	-	0,2	0,3	0,1	0,0	0,1	0,1	0,0	0,2	0,0	0,3	0	0
Никакая	29,6	17,8	29,4	-	31,3	29,4	-	28,5	34,2	-	33,9	30,6	26,5	29,9	28,0	28,0	26,5	25,2	24,6	26,6	-3	+2
Затрудняюсь ответить	20,3	21,2	13,2	-	11,7	12,0	-	11,2	11,1	-	10,0	10,1	11,1	9,9	11,4	11,4	11,4	11,2	11,4	9,9	0	-2

* Партия «Новые люди» впервые получила место в Государственной Думе РФ по итогам выборов, прошедших 17–19 сентября 2021 г.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

За последние два месяца удельный вес положительных оценок социального настроения составил 68–69%; доля негативных характеристик – 26–27%.

За последние 12 месяцев доля людей, характеризующих свое настроение как «нормальное, прекрасное», увеличилась на 3 п. п. (с 66 до 69%). Удельный вес тех, кто чаще испытывает «напряжение, раздражение, страх, тоску», – снизился на 4 п. п. (с 30 до 26%).

В среднем за 2023 год по сравнению с 2022 годом оценки населения существенно не изменились.

Социальное настроение

Изменение (+/-), декабрь 2023 г. к		
Вариант ответа	дек. 2022	окт. 2023
Нормальное состояние, прекрасное настроение	+3	+1
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	-3	0

Запас терпения сохраняется на стабильно высоком уровне: 77% жителей области в октябре – декабре 2023 г. отметили, что «все не так плохо и можно жить». Доля тех, кто считает, что терпеть их бедственное положение «уже невозможно», также составила 13–15%.

Аналогичные оценки жителей области отмечались в декабре 2022 г., а также в среднем за 2022–2023 гг.

Запас терпения

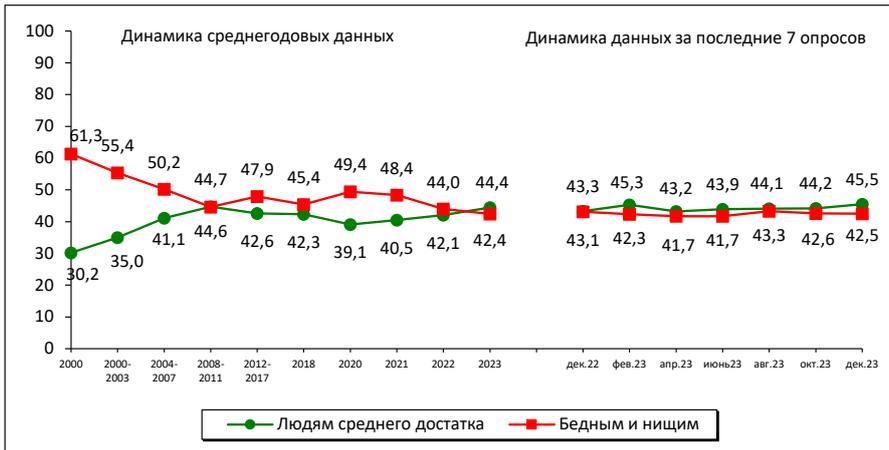

Изменение (+/-), декабрь 2023 г. к		
Вариант ответа	дек. 2022	окт. 2023
Всё не так плохо, и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	+2	0
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	-2	-2

Как и в октябре, в декабре 2023 г. доля жителей области, субъективно относящих себя к категории людей «среднего достатка», составила 44–46%. Удельный вес «бедных и нищих» также не изменился (43%).

За последние 12 месяцев доля людей «среднего достатка» увеличилась на 3 п. п. (с 43 до 46%). В среднем за 2023 год по сравнению с 2022 годом — на 2 п. п. (с 42 до 44%).

Социальная самоидентификация

Изменение (+/-), декабрь 2023 г. к		
Вариант ответа	дек. 2022	окт. 2023
Доля считающих себя людьми среднего достатка	+3	+1
Доля считающих себя бедными и нищими	-1	0

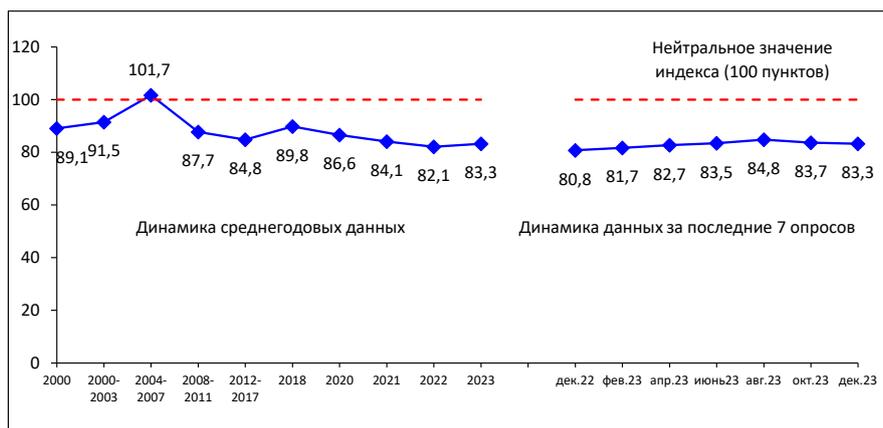
Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?».

Индекс потребительских настроений (ИПН) в октябре – декабре 2023 г. составил 83–84 пункта.

Это чуть выше, чем значение ИПН в декабре 2022 г. (на 2 п. п.).

Однако в среднем за 2022–2023 гг. существенных изменений в динамике ИПН не произошло (82–83 п.).

Индекс потребительских настроений
(ИПН в пунктах; данные ФГБУН ВолНЦ РАН по Вологодской области)

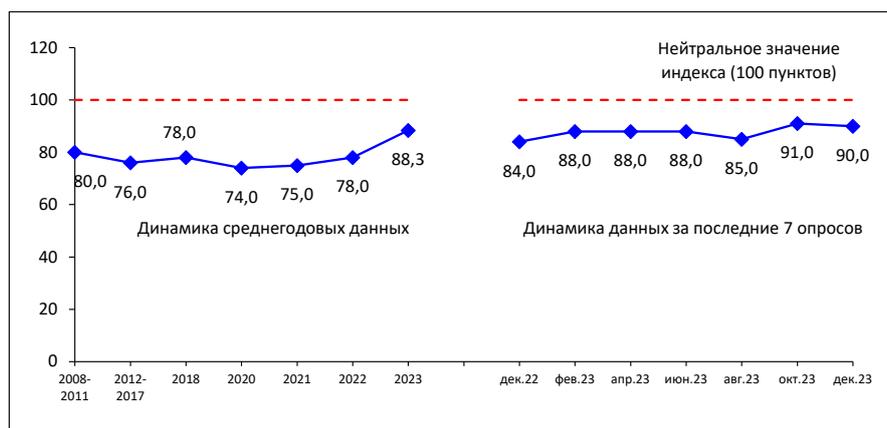
Изменение (+/-), декабрь 2023 г. к		
ИПН	дек. 2022	окт. 2023
Значение индекса, в пунктах	+2	0

Для справки:

По последним данным общероссийских опросов Левада-Центра* (за период с октября по декабрь 2023 г.), индекс потребительских настроений составил 90–91 пункт.

Ощутимые позитивные изменения наблюдаются за последние 12 месяцев (ИПН возрос на 6 пунктов, с 84 до 90 п.); а также в среднем за период с 2022 по 2023 г. (рост ИПН на 10 пунктов, с 78 до 88 п.).

Индекс потребительских настроений
(ИПН в пунктах; данные Левада-Центра* по России)

Изменение (+/-), декабрь 2023 г. к		
ИПН	дек. 2022	окт. 2023
Значение индекса, в пунктах	+6	+1

Индекс рассчитывается с 2008 г.

Последние данные – за декабрь 2023 г.

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

* Внесен в реестр иностранных агентов.

За период с октября по декабрь 2023 г. существенных изменений в динамике доли позитивных оценок социального настроения не наблюдается ни в одной из основных социально-демографических категорий населения. Отмечается лишь незначительный (на 3 п. п.) рост удельного веса людей, положительно характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние, среди мужчин (с 67 до 70%), лиц с высшим и незаконченным высшим образованием (с 70 до 73%), а также в группе людей, по субъективным самооценкам уровня доходов относящихся к группе 20% наиболее обеспеченных граждан (с 73 до 76%).

С декабря 2022 по декабрь 2023 г. доля позитивных оценок социального настроения увеличилась в 6 из 14 основных социально-демографических групп, особенно среди 60% среднеобеспеченных (на 7 п. п., с 66 до 73%) и жителей г. Вологды (на 8 п. п., с 57 до 65%).

В среднем за 2023 год по сравнению с 2022 годом в нескольких категориях (в 5 из 14) отмечаются негативные тенденции: на 3–4 п. п. уменьшилась доля тех, кто характеризует свое настроение как «нормальное, прекрасное, ровное», среди лиц в возрасте до 30 лет (с 78 до 75%) и старше 55 лет (с 61 до 58%); в группе людей со средним и неполным средним образованием (с 65 до 62%); в категории 20% наиболее обеспеченных жителей области (с 78 до 74%), а также среди жителей Череповца (с 71 до 68%). Ощутимые негативные изменения зафиксированы также среди людей, которые по самооценкам собственных доходов относятся к категории 20% наименее обеспеченных (на 7 п. п., с 57 до 50%).

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных										Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), дек. 2023 к	
	2000	2007	2011	2012	2018	2020	2021	2022	2023	Дек. 2022	Фев. 2023	Апр. 2023	Июнь 2023	Авг. 2023	Окт. 2023	Дек. 2023	дек. 2022	окт. 2023	
Пол																			
Мужской	50,1	65,9	64,5	69,1	72,8	60,8	65,7	66,8	65,5	64,7	62,5	65,4	63,4	65,4	66,9	69,6	+5	+3	
Женский	43,3	61,7	62,0	65,8	69,8	61,2	67,4	67,9	65,7	66,5	62,7	63,4	64,7	65,3	69,4	68,9	+2	-1	
Возраст																			
До 30 лет	59,1	71,3	70,0	72,3	80,0	67,6	73,5	77,6	75,0	78,7	70,6	72,9	72,9	76,2	79,4	78,0	-1	-1	
30–55 лет	44,2	64,8	62,5	67,9	72,6	61,8	69,5	69,4	68,8	68,5	63,9	67,7	68,6	69,2	71,1	72,3	+4	+1	
Старше 55 лет	37,4	54,8	58,3	62,1	65,2	57,4	60,5	61,1	58,2	57,2	58,1	56,9	55,4	56,3	60,5	62,0	+5	+2	
Образование																			
Среднее и н/среднее	41,7	58,4	57,4	57,2	64,8	56,1	62,1	64,6	62,0	62,7	57,2	60,2	61,6	63,2	64,4	65,5	+3	+1	
Среднее специальное	46,4	64,6	63,6	66,7	72,2	63,5	66,7	68,3	66,1	64,3	63,7	65,1	63,7	65,1	70,1	69,1	+5	-1	
Высшее и н/высшее	53,3	68,6	68,3	77,0	76,8	63,3	71,5	69,5	68,8	70,6	67,3	67,3	68,2	67,4	70,0	72,8	+2	+3	
Доходные группы																			
20% наименее обеспеченных	28,4	51,6	45,3	51,5	57,3	43,4	54,6	57,0	50,1	55,4	46,2	47,8	50,4	49,6	52,5	54,2	-1	+2	
60% среднеобеспеченных	45,5	62,9	65,3	68,7	71,9	62,6	67,3	68,1	67,4	66,1	62,2	64,4	65,7	67,9	71,0	73,1	+7	+2	
20% наиболее обеспеченных	64,6	74,9	75,3	81,1	82,9	75,6	79,9	78,3	73,9	74,9	73,8	78,2	72,1	70,3	73,2	75,9	+1	+3	
Территории																			
Вологда	49,2	63,1	67,1	73,6	71,0	60,9	60,3	59,8	59,6	57,2	54,5	56,0	57,8	60,8	63,8	64,8	+8	+1	
Череповец	50,8	68,1	71,2	76,2	75,8	60,4	71,0	71,2	68,1	69,1	65,9	68,4	67,9	66,4	69,4	70,6	+2	+1	
Районы	42,2	61,6	57,1	59,8	68,7	61,4	67,8	69,5	67,7	68,5	65,3	66,6	65,6	67,3	70,2	70,9	+2	+1	
Область	46,2	63,6	63,1	67,3	71,2	61,0	66,6	67,4	65,6	65,7	62,6	64,3	64,1	65,3	68,3	69,2	+3	+1	

РЕЗЮМЕ

Результаты шести «волн» мониторинга, проведенных в 2023 г., позволяют констатировать следующее (в целом за 2023 год по сравнению со среднегодовыми данными за 2022 год).

1. Отмечается рост одобрения деятельности органов власти всех уровней, а также поддержки «Единой России». Доля положительных оценок работы Президента РФ увеличилась на 4 п. п. (с 57 до 61%); Председателя Правительства – на 5 п. п. (с 45 до 50%), губернатора области – на 7 п. п. (с 41 до 48%). Удельный вес людей, считающих, что их интересы отражает партия власти, возрос на 5 п. п. (с 35 до 40%).

2. С 2021 г. сохраняется устойчивый фон психологического самочувствия населения. Доля жителей Вологодской области, характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние как «нормальное, прекрасное», составляет 66–67%. Удельный вес тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», – 76–77%.

3. Позитивные тенденции отмечаются в динамике субъективной оценки жителями региона своего материального положения и экономической ситуации в стране. Доля тех, кто причисляет себя к категории «бедных и нищих», постепенно снижается с 2020 г. (с 2020 по 2023 г. – на 7 п. п., с 49 до 42%); удельный вес людей «среднего достатка» за последние 4 года увеличился на 5 п. п. (с 39 до 44%). Также с 2020 г. продолжается повышаться доля тех, кто считает успешными действия главы государства по подъему экономики и росту благосостояния населения (с 2020 по 2023 г. – на 11 п. п., с 25 до 36%).

Среди негативных изменений в динамике общественного мнения за период с 2022 по 2023 г. отмечается следующее.

1. Ухудшение социального настроения отдельных категорий граждан. В первую очередь обращает на себя внимание снижение доли позитивных оценок среди людей, по самооценкам доходов относящихся к группе 20% наименее обеспеченных жителей области (на 7 п. п., с 57 до 50%).

2. Пока что отсутствует ощутимое влияние положительной динамики самооценки материального положения на тенденции потребительских настроений. Индекс потребительских настроений остается стабильным, но все-таки низким: 81–83 пункта, что означает преобладание пессимистических прогнозов людей относительно будущего российской экономики и своего личного материального благополучия.

Следует подчеркнуть, что все выявленные в ходе мониторинга тенденции общественного мнения в настоящее время невозможно интерпретировать вне контекста продолжающейся специальной военной операции и вызванного ею обострения угроз национальной безопасности для России со стороны стран НАТО (территориальных, политических, экономических и т. д.).

С этих позиций можно констатировать, что органам власти удается вполне успешно поддерживать стабильность социальной ситуации, о чем прежде всего говорит улучшение психологического климата и поддержка органов управления (причем всех уровней).

Стабильно низкое значение ИПН объясняется тем, что данный индекс является во многом психологическим показателем, отражающим представления людей о будущем. Оно действительно остается крайне тревожным, и, видимо, такая ситуация будет сохраняться, как минимум, до тех пор, пока не будут достигнуты цели СВО и пока не возникнет каких-либо ощутимых признаков нормализации международной политической обстановки. Именно с этим, на наш взгляд, связан тот факт, что на динамике ИПН практически не отражаются позитивные изменения в показателях самооценки материального положения.

Более пристально следует отнестись к ухудшению показателей социального самочувствия в отдельных социально-демографических группах (причем не только среди 20% наименее обеспеченных). Это требует дальнейшего мониторинга ситуации, а также внимания со стороны органов власти с целью предупреждения развития негативных тенденций.

Следует отметить, что 17 марта 2024 г. (менее чем через 3 месяца) в России пройдут президентские выборы, об участии в которых 8 декабря 2023 г. объявил⁵ и действующий Президент РФ В.В. Путин. В сегодняшней почти военной обстановке у большинства экспертов нет никаких сомнений в том, что президентский срок В.В. Путина продолжится, поскольку «в нынешней ситуации решения может принимать только Путин»⁶ и «в обществе есть высокий запрос на выдвижение Путиным своей кандидатуры»⁷.

Последние концептуальные выступления главы государства (5 октября на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай», 28 ноября на пленарном заседании Всемирного русского народного собора, где В.В. Путин подчеркнул, что «наша битва за суверенитет, за справедливость носит без всякого преувеличения национально-освободительный характер, потому что мы отстаиваем безопасность и благополучие нашего народа, высшее, историческое право быть Россией – сильной, независимой державой, страной-цивилизацией»⁸), а также проведенная Президентом 14 декабря «прямая линия» с россиянами, где он в очередной раз отметил устойчивость российской экономики⁹ и успешность действий российских вооруженных сил на линии фронта¹⁰, позволяют убедиться в обоснованности экспертных оценок.

Однако многие эксперты говорят о том, что недружественные страны попытаются вмешаться в ход избирательной кампании, причем применяя для этого «различные методы подрыва голосования»¹¹. В таких условиях задача поддержания социальной стабильности, материального положения различных социальных слоев и групп населения приобретает дополнительную обусловленность (помимо, конечно, основного фактора – комплекса проблем и угроз, создаваемых России странами коллективного Запада).

Материалы подготовили: М.В. Морев, И.М. Бахвалова

⁵ Беседа с участниками торжественного мероприятия по случаю празднования Дня героев Отечества. 08.12.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72935>

⁶ Асафов А. (первый зампредела комиссии Общественной палаты РФ по общественной экспертизе законопроектов) (источники: Взгляд. 08.12.2023. URL: <https://vz.ru/politics/2023/12/8/1243372.html>; Sputnik-Абхазия. 11.12.2023. URL: <https://sputnik-abkhazia.ru/20231211/politolog-o-reshenii-putina-vydvigatsya-v-prezidenty-vazhno-i-dlya-abkhazii-1049411089.html>).

⁷ Минченко Е. (президент коммуникационного холдинга «Минченко консалтинг») (источник: там же).

⁸ Выступление В. Путина на пленарном заседании Всемирного русского народного собора // Официальный сайт Президента РФ. 28.11.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72863>

⁹ В. Путин: «Запас прочности российской экономики достаточный для того, чтобы не просто уверенно себя чувствовать, но и идти вперед» (источник: «Итоги года» с Владимиром Путиным // Официальный сайт Президента РФ. 14.12.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72994>).

¹⁰ В. Путин: «Практически по всей линии соприкосновения наши Вооружённые Силы, скажем скромно, улучшают своё положение... и на всём протяжении идёт улучшение положения наших войск» (источник: там же).

¹¹ Климов А.А. (заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам, председатель Временной комиссии СФ по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела РФ) (источник: Парламентская газета. 13.12.2023. URL: <https://dzen.ru/a/ZXmQcIV5niAfaebo>).

Список статей, опубликованных в 2023 году

	№	Стр.
От главного редактора		
Ильин В.А., Морев М.В. «Перестать валять дурака» – требование Президента к чиновникам всех уровней	1	9–35
Ильин В.А., Морев М.В. Нарастающие угрозы национальной безопасности	3	9–39
Ильин В.А., Морев М.В. Непривычная ясность. Россия больше не Запад	2	9–35
Ильин В.А., Морев М.В. От «Мюнхена-2007» до «Валдая-2023»: 16 лет, изменившие Россию и мир	5	9–32
Ильин В.А., Морев М.В. Система олигархического капитализма в России противоречит достижению целей специальной военной операции	4	9–38
Ильин В.А., Морев М.В. На промежуточном этапе к культурному суверенитету	6	9–37
Вопросы теории и методологии		
Атаева А.Г., Орешников В.В. Оценка уровня социального развития регионов России: методические и прикладные аспекты	5	66–83
Балацкий Е.В. Эрозия институтов и экономический рост	3	81–102
Васильева И.Н., Розова О.И., Корнеева Н.Д., Богатова Р.С. Эффективность государственной научно-технической политики в Российской Федерации: методика оценки и результаты ее апробации	6	155–173
Голованов О.А., Тырсин А.Н., Васильева Е.В. Моделирование рисков экономической безопасности регионов России в условиях санкционного давления	5	49–66
Дементьев В.Е. Коммуникативная концепция общественного договора и формирование курса развития экономики	4	57–71
Машкова А.Л., Бахтизин А.Р. Анализ отраслевой структуры и динамики товарообмена между Россией, Китаем, США и Европейским союзом в условиях торговых ограничений	3	54–81
Рубинштейн А.Я., Бураков Н.А. Журнальный табель о рангах: теория, методология, библиометрия	6	174–190
Региональная экономика		
Афанасьев М.Ю., Гусев А.А., Нанавян А.М. Оценка профессиональной структуры занятого населения в российских регионах на основе концепции экономической сложности	6	91–107
Базуева Е.В., Артамонова А.С., Малкова Е.В. Идентификация барьеров функционирования социально ориентированных некоммерческих организаций как активного субъекта региональной экономики (на примере Пермского края)	6	108–121
Воронина Л.В., Григоричин А.В., Яхяев Д.Б. Оценка влияния факторов на инфраструктуру образования в Арктической зоне Северного макрорегиона	4	153–168
Ворошилов Н.В. Концептуальный подход к формированию мониторинга социально-экономического развития муниципальных образований регионов России	3	118–141
Гулин К.А., Дианов С.В., Алферьев Д.А., Дианов Д.С. Проблемы агент-ориентированного моделирования формирования эффективной территориальной сети лесных дорог	1	68–85
Захарова К.А., Бабурина Н.А. Развитие организаций малого и среднего предпринимательства в регионах России: кластерный анализ с учетом экономического развития территории	4	109–131
Копытова Е.Д., Пахнина С.Ю. Опыт проектного управления социально-экономическими процессами на муниципальном уровне власти	3	159–183
Леонидова Е.Г., Румянцев Н.М. Сценарное моделирование потребления туристских услуг в России	2	35–52
Пугачев А.А. Экономическое неравенство граждан за гранью средних показателей: проблемы диагностики в условиях его трансформации	3	141–159
Пьянкова С.Г., Комбаров М.А. Усиление фискальной децентрализации как один из способов ослабления гетерогенности экономического пространства России	2	52–69
Растворцева С.Н., Манаева И.В. Современное развитие системы городов России: статический и динамический подходы	1	55–68
Румянцев Н.М. Перспективные экономические специализации внутри макрорегиона (на материалах Северо-Западного федерального округа)	6	74–90
Секушина И.А. Особенности участия населения городов Европейского Севера России в государственном и муниципальном управлении	4	131–153

	№	Стр.
Фаузер В.В., Смирнов А.В. Международные и российские подходы к изучению устойчивого развития городского пространства: от теории к практике	1	85–103
Отраслевая экономика		
Гусев А.Б., Юревич М.А. Результативность российской фармацевтической промышленности в догоняющем и опережающем развитии	6	55–73
Изотов Д.А. Влияние географических факторов на расширение торговых взаимодействий между странами (на примере АТР)	6	38–54
Изотов Д.А. Эффекты взаимной торговли в АТР: проявления на товарных рынках	3	102–118
Кузнецов М.Е., Никишова М.И. Методика оценки сценариев развития туристической отрасли Камчатского края на основе технологии цифрового двойника	1	103–122
Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. Сравнительный анализ тенденций развития финансов крупных корпораций металлургической и угольной отраслей России в условиях глобальных вызовов	1	122–139
Экономика окружающей среды		
Тихонова Т.В. Учет экосистемных функций в оценке состояния природного капитала северного региона	4	186–203
Социальное и экономическое развитие		
Абрамова С.Б., Антонова Н.Л. Вовлечение молодежи в цифровой гражданский активизм: от онлайн-столкновения к участию	2	149–166
Архангельский В.Н., Богдан И.В., Калачикова О.Н., Чистякова Д.П. Особенности репродуктивного поведения жительниц Москвы	3	231–247
Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А. Консолидация регионального сообщества в глокальной социальной реальности: социокультурные ограничения	1	186–208
Баймурзина Г.Р., Ягафарова Д.Г., Кабашова Е.В. Взаимосвязь неформальной занятости и социально-экономического развития регионов России	6	223–235
Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Определение региональных очагов потенциальной геополитической активности на основе демографического эффекта масштаба	5	138–155
Белехова Г.В. Масштабы неравенства и особенности его восприятия в современной России	1	164–186
Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Потенциал качества занятости поколенных групп работников и экономическая устойчивость их домохозяйств	3	196–212
Гужавина Т.А. Социальный капитал российского региона: состояние и динамика	4	254–266
Дворядкина Е.Б., Квон Г.М. Парадигма преобразующих инвестиций в контексте социально ориентированных теорий	4	203–218
Камарова Т.А., Маркова Т.Л., Тонких Н.В. Влияние цифровизации занятости на совмещение профессиональных и семейных обязанностей: субъективные оценки россиян	6	252–269
Кормишкин Е.Д., Иванова И.А., Моисеева И.В. К вопросу о бедности в России: факты, парадоксы, особенности и перспективы сокращения	4	218–236
Короленко А.В. Трансформация системы расселения и её демографические проявления: опыт исследования на региональном и муниципальном уровне	2	127–149
Косыгина К.Е. Роль местных сообществ в развитии малых территорий	5	210–230
Крейденко Т.Ф., Мизинцева М.Ф., Холина В.Н. Подходы к оценке эффективности реализации экспорта образования вузами городов – университетских центров России	6	270–288
Майкова Э.Ю., Симонова Е.В. Детерминация доверия населения российских муниципалитетов к органам местного самоуправления	1	208–227
Мишеничев К.С., Бородкина О.И. Проблемы социальной интеграции молодых временных мигрантов из России в Республике Казахстан в условиях геополитической нестабильности	6	191–207
Нацун Л.Н. Оценка влияния медицинских, демографических и экономических факторов на динамику младенческой смертности в регионах России	3	265–284
Одинцова Е.В., Чащина Т.В., Мочалов Д.А. Особенности уровня жизни и трудового положения домохозяйств с детьми и без детей	5	155–172
Осадчая Г.И., Вартанова М.Л. Оценка потенциала диаспоры в формировании социально-экономического благополучия мигрантов из Армении в России	6	208–222
Пасовец Ю.М. Социально-экономическая уязвимость региональных сообществ: опыт социологической интерпретации и измерения	4	236–254
Попов А.В. Влияние прекаризации на уровень жизни и положение российской молодежи в сфере занятости	6	236–251

	№	Стр.
Ромашкина Г.Ф., Андрианов К.В., Скрипнюк Д.Ф. Процессы инфляции и безработицы в период и после пандемии COVID-19	3	212–231
Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Васильева Е.Н. Институциональные ресурсы поддержки и развития института студенческой семьи: региональные аспекты	2	112–127
Салганова Е.И., Осипова Л.Б. Цифровая грамотность студентов: компетентностный подход	1	227–241
Симакова А.В., Степун И.С. Образовательная миграция выпускников Карелии: арктическая специфика	3	247–265
Хотеева Е.А. Мотивы миграции молодежи в Арктическую зону РФ на современном этапе	5	172–188
Шматова Ю.Е., Разварина И.Н., Гордиевская А.Н. Факторы риска здоровью ребенка со стороны родителей (по результатам когортного мониторинга за 25 лет)	2	166–190
Якушева У.Е., Максимов А.М., Малыгина М.В. Факторы миграции населения в сельских районах европейской части Российской Арктики	5	188–210
Государственное управление		
Волконский В.А. Логика противостояния цивилизационных полюсов	1	35–55
Кувшинников О.А., Рыбальченко С.И., Шестакова Т.Е. Укрепление общественного здоровья – приоритет государственной региональной политики	5	32–49
Сапир Ж. Каким будет новый мировой порядок?	4	38–57
Тощенко Ж.Т. Общественный договор: исторические и современные реалии в советском/российском обществе	3	39–54
Научно-технологическое и инновационное развитие		
Веретенникова А.Ю. Сценарии развития шеринг-экономики: цифровые технологии и ценностные ориентиры	6	122–137
Дай Ли, Цзян Сяоюй, Усков В.С. Цифровизация и развитие «умного» общества: логика и практика управления	4	88–109
Каргаполова Е.В., Лашук И.В., Кошкин А.П. Предприниматель в условиях новых вызовов (на примере регионов Республики Беларусь)	6	138–154
Кузнецова М.Н., Васильева А.С. Инновационный потенциал регионов Арктической зоны РФ: методика оценки, сравнительный анализ, перспективы развития	2	69–88
Наумов И.В., Никулина Н.Л. Сценарное моделирование и прогнозирование пространственной неоднородности инновационного развития России	4	71–88
Флек М.Б., Угнич Е.А. Факторы, проблемы и перспективы трансфера знаний в организации высокотехнологического сектора	5	83–101
Общественные финансы		
Белехова Г.В. Финансовое благополучие населения старших возрастов: теоретико-методологические аспекты и проблемы оценки	5	117–138
Дубровская Ю.В. Детерминанты продолжительности жизни населения в гетерогенных субъектах РФ	1	139–164
Захарчук Е.А., Пасынков А.Ф. Финансовые балансы территорий как инструмент моделирования эффективности пространственного развития	5	101–117
Леонов С.Н. Реакция муниципальных бюджетов на меры государственного регулирования: методика оценки	4	168–186
Наумов И.В., Седелников В.М. Прогноз влияния инвестиций на пространственную неоднородность развития отрасли животноводства	2	88–112
Орлов С.Н., Федорец А.Е. Платёжная система России в новых геополитических и экономических условиях: проблемы и перспективы	3	183–196
Международный опыт		
Айтач Д., Гергерлиоглу У. Высшее образование: общественное или частное благо?	2	190–203
Вольчик В.В., Цыганков С.С., Маскаев А.И. Эволюция национальных инновационных систем США, Великобритании, Китая и Ирана	3	284–302
Дургун Ф., Даянир А. К проблеме изучения взаимосвязи между экономическим ростом, человеческим капиталом и качеством окружающей среды	5	262–279
Жэнь Яньянь. Проблемы правового обеспечения китайско-российского экономического сотрудничества	1	253–266
Йылмаз Э., Сенсой Ф. Переоценка парадокса Тодаро: расширенный панельный анализ данных по развивающимся странам	2	203–216

	№	Стр.
Люй Хунин, Ван Чао. «Один пояс, один путь»: достижения и перспективы (к десятилетию инициативы)	5	279–294
Теребова С.В., Иванов С.Л., Щербин В.К. Актуальные проблемы сотрудничества предприятий России и Белоруссии: взгляд из региона	4	266–285
Узсайылыр А., Байджан Т. Анализ тенденций деиндустриализации в Турции в рамках международного сравнения	4	285–309
Фан Фан, Груздева М.А., Тань Жоюй, Чжан Сяося. Опыт России и Китая в преодолении возрастного аспекта цифрового разрыва	5	247–262
Шах И.А., Ненгру Т.А. Влияние денежных переводов на торговый баланс в странах Южно-Азиатского региона	1	241–253
Энсисо-Сантосильдес М., Каро-Гонсалес А. Использование потенциала социальной экономики для всеобъемлющего тройного перехода: социального, зеленого и цифрового	3	302–320
Научные обзоры		
Ростовская Т.К., Васильева Е.Н. Привлечение в вузы образовательных мигрантов: обзор институциональных ресурсов	5	230–247
Научная жизнь		
Ромашкина Г.Ф., Когай Е.А. Об итогах конференции «Консолидация российского общества в новых геополитических реалиях» в рамках I Лапинских чтений	1	266–275
Научные отзывы. Рецензии.		
Леонидова Г.В. Пути снижения социального неравенства	2	216–230
Мониторинг общественного мнения		
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	1	275–286
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	2	230–243
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	3	320–332
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	4	309–321
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	5	294–306
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	6	289–300

ПРАВИЛА

приема статей, направляемых в редакцию научного журнала

«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»

(в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://esc.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес esc@volnc.ru

Требования к оформлению текста статьи

1. **Поля.** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.
7. **Требования к ключевым словам.** К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. **Требования к оформлению таблиц.** В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. **Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.** Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

10. **Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.** Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. **Оформление постраничных сносок.** Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. **Оформление и содержание списка литературы.** В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
Н.В. Степанова

Подписано в печать 28.12.2023.
Дата выхода в свет 29.12.2023.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 35,82. Тираж 500 экз. Заказ № 55.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru